3 руб.
(по подписке — 1 р. 25 к.)

Индекс 70544

МГ

1991

7

ISSN 0131—2251

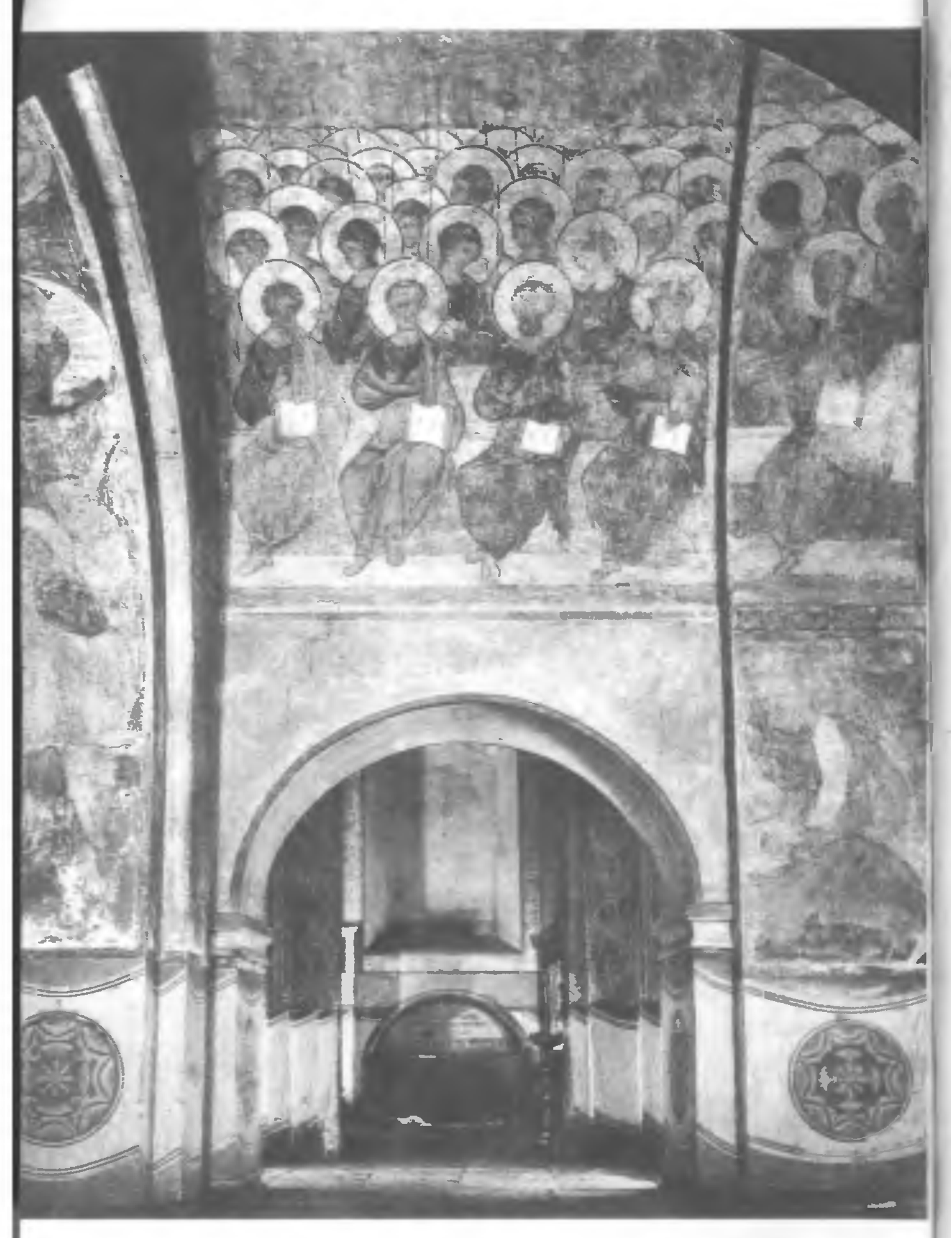
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В июле отмечается 150-летие со дня гибели М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. На снимках: Бывший дом Е. А. Арсеньевой — бабушки поэта на Малой Молчановке — ныне Дом-музей М. Ю. Лермонтова. **В кабинете книжный шкаф и бюро, за которым работал поэт.**

К Дню поминовения Андрея Рублева.
Роспись в интерьере Успенского собора в г. Владимире.

МГ 1991 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Таким представляет Икара современная художница Ирина Вольнова.

«Молодая гвардия», 1991, № 7, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Александр КОЗИН

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ЧЕРНАЯ СОТНЯ*

Черная сотня!
Как стала ты вдруг вне закона?
Как извратили великий твой смысл вековой?
С черным трудом твои ратники были знакомы,
Первыми шли на захватчика в праведный бой.
Кровь, запекаясь, на белых телах их чернела,
С пылью мешался при пахоте пот на челе...
Только светлели от этого слово и дело,
Коими жив мой народ
На родимой земле.
«Черная сотня!» —
Сегодня звучит как проклятье!
Влево и вправо склоняя,
Назад и вперед,
Дьявольский смысл приписали ей «вольные
братья»...
Только ведь черная сотня — весь русский народ.

ВО СПАСЕНИЕ ДУШИ

Праздник великий: Христос воскресает!
Вот Он — воистину — верьте, друзья!

* Черносотенец — в Древней Руси: черный монах, в мирное время обучающий грамоте, врачующий больных, в военное — шедший впереди русского войска в бой, с одним крестом в руках. Позднее — ополченец. Черносотенцами называли себя Пересвет, Козьма Минин, князь Дмитрий Пожарский и другие защитники Отечества.

Верящий в это душу спасает...
Что ж только стонет Отчизна моя?!
Десять столетий любимая Богом
И Богородицей —
избранный кров —
Шла по военным и мирным дорогам
Во искупление вражьих грехов.
Тяжкое время. Смутное время.
Не на полях — на душе недород!
Вновь разгулялось иудино семя, —
Гнать и губить православный народ.
Но воскресает Христос!
Не о теле
Я в этот Праздник престольный молюсь, —
Верую я: на словах и на деле
Душу спасает
Спасающий Русь.

* * *

Вражья злоба и властный каприз
В прошлом веке бесчестно и быстро
Обозвали патриотизм
Философией славянофильства.
По какой философии мать
Любит сына по гроб своей жизни?..
И до коих же пор подменять
Философией
Чувство к Отчизне?!

* * *

Россию Солнце щедро одарило,
Свое тепло рассеяло по ней:
И даже ночью маковки церквей
Горят живыми каплями светила.

Москва

Виктор УРЧУКИН,
доктор экономических наук, председатель
Украинской ассоциации промышленности,
строительства, транспорта и связи

ОСТАНОВИТЬ КРИЗИС МОЖНО!

За последние 30 лет в СССР деградация в системе образования, науки, экономики с каждым годом усиливалась. Иллюзии и прожектерство, маниловские обещания Н. С. Хрущева сменились при правлении Л. И. Брежнева формированием элитных монопольных групп в руководстве, тесно связанных с теневой экономикой, которые создали для себя и своих семей условия потребительского коммунизма за счет бездумного проедания и растранжиривания природных запасов нефти, газа, леса, золота и других редкоземельных металлов.

Приоритет межличностных отношений над законом стал повсеместной нормой унитарного государства с развитой монополистической структурой, особенно в сфере распределения, что стало главной причиной торможения социального и экономического развития.

Коммунистическая партия Советского Союза стала орудием подавления инакомыслия, проявления самостоятельности на всех уровнях управления.

Перестройка, начатая по инициативе Коммунистической партии, была встречена во всех слоях населения как переход к народовластию с предоставлением каждому человеку возможности проявить себя. Со временем энтузиазм и надежды людей все больше угасали. Вместо организации конкретного дела плодились слова и новые обещания социальных гарантий. Рисовались картины нового правового общества с уровнем жизни развитых капиталистических государств. И все это — на фоне нарастания кризиса в экономике. Все больше известных фигур стремилось заниматься распределением, а не организацией дополнительного производства необходимой продукции.

Сказывается во всем, как и прежде, особенно у лидеров новых общественных формирований, сиюминутное желание поднять свой престиж за счет новых обещаний, более красивого иллюзорного обмана населения.

Социальная демагогия и несостоятельность в управлении экономикой усиливались принятием постановлений и законов, оторван-

ных от реальной жизни, завуалированно сохраняющих монопольную власть группы руководящих лиц в сфере распределения. Снижение доходов от экспорта топливно-энергетических ресурсов подменялось наращиванием денежной массы за счет небывалого печатания новых денежных купюр.

Непрерывная и логически не продуманная реорганизация промышленных министерств, введение выборности руководителей предприятий во всех сферах народного хозяйства, создание раздельно аппаратов Советов и исполкомов всех уровней местных органов управления положили начало мощному разрушению хозяйственных связей в народном хозяйстве, утверждению «престижа» анархии и вседозволенности.

Характерным на этом фоне выглядит забота о сохранении монополии в системе Госснаба СССР, Минторга СССР с одновременным активным развитием под своей крышей коммерческих центров и магазинов.

Это стало легализацией теневой экономики через монополистические структуры распределения. Часть руководителей среднего звена в аппаратах ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, советских органов, ранее тесно связанная с теневой экономикой, наиболее коррумпированная часть из внешнеторговых всесоюзных объединений начали свою легализацию в создаваемых совместных предприятиях, кооперативах, новых общественных формированиях, порывая с Коммунистической партией.

Другие же, оставаясь в Коммунистической партии, связанные с системой государственной торговли и Госснаба СССР, активизировали коммерческую деятельность по распродаже государственных ресурсов на организуемых аукционах, в коммерческих центрах и магазинах.

Большая часть коммунистов, при отсутствии четкой программы построения демократического социализма, без конструктивности работы фракций коммунистов в парламенте, потеряла политический ориентир и инициативу в жизни.

Санкционированная правительством СССР легализация теневой экономики в монополистических структурах Госснаба СССР и Минторга СССР стала основой разрушения как плановой системы материально-технического снабжения предприятий, так и зарождающихся рыночных отношений.

Дефицит на товары и ресурсы за годы перестройки стал особой формой извлечения сверхдоходов руководящей элитой монополистических структур Госснаба СССР и Минторга СССР и их республиканских структур за счет эксплуатации всего населения и сферы материального производства. Фактически реальная власть все больше стала концентрироваться в руках монополистических групп системы распределения ресурсов и товаров для населения.

Трудно до сих пор определить, почему не были приостановлены в самой начальной стадии межнациональные столкновения в Карабахе, Сумгаите, для чего были нужны прямые телепередачи с сессий Верховного Совета СССР, когда перед наивно верующими телезрителями разыгрывались тщательно отрепетированные сцены надуманной борьбы за справедливость и повышение благосостояния народа. Фактически время высветило, кто и чьи интересы защищает, постоянно ссылаясь на свой мандат, полученный от избирателей.

Возвращаясь снова к корням болезни советского общества — супермонополизму, в первую очередь в сферы распределения, — глубже осознаешь, что кому-то нужно было увести общественное мнение от главной опасности, которая кроется в сохранении и усилении власти коррумпированной верхушки Госснаба СССР и Минторга СССР.

Не менее интересно проведение тихой операции по превращению государственной системы специализированных банков (Агробанк СССР, Промстройбанк СССР, Соцжилбанк СССР) в коммерческие монопольные структуры.

Поэтому неудивительно, что дотация с государственного бюджета, увеличение капитальных вложений в создание устаревших мощностей все более пагубно сказываются на развитии экономики. Ведь коммерческие банки, так же как и хозяйственники, заинтересованы как можно больше вырвать безвозвратных средств с бюджета, поощряя всех, кто способствует достижению этого.

Как результат таких мер — резкий рост дефицита бюджета, ускоренный рост цен, непомерные налоги на предприятия. Коммерческие акционерные банки по своей природе не могут защищать финансовые интересы государства, так же как и контролировать поступления налоговых платежей, валютных отчислений.

Не изменив кардинально хозяйственный механизм, не отказавшись от дотирования убыточности производств за счет государственного бюджета, ликвидировав систему государственных специализированных банков в стране, правительство СССР совершило как минимум две крупные ошибки (или провокации? — Ред.); лишило себя государственной системы льготного кредитования развития приоритетных отраслей народного хозяйства; утратило контроль за правильностью и обоснованностью выплаты дотаций, в первую очередь в сельском хозяйстве.

В преддверии повышения розничных цен необходимы были решительные радикальные меры с жестким разграничением системы государственной торговли товарами по фиксированным и регулируемым ценам от коммерческой продажи продукции по свободным ценам. Но этого не случилось, и теперь дефицит товаров подтолкнет к гиперинфляции цен. Не менее жестко следовало бы разграничить органы Госснаба СССР и союзных республик, организации Госкомнефтепродукта союзных республик от коммерческой распродажи материальных ресурсов.

Демонополизация сферы государственной торговли и органов Госснаба СССР, восстановление сети государственных банков для льготного кредитования наряду с развитием региональных коммерческих банков могут восстановить плановость в обеспечении материальными ресурсами под госзаказ одновременно с развитием рыночных отношений через организацию независимых акционерных товарных бирж, фирменных, акционерных, частных магазинов.

Без проведения демонополизации в сфере государственной торговли, системы материально-технического снабжения проведение повышения цен или их либерализации вызывает новый виток взвинчивания цен и спад производства из-за дезорганизации системы обеспечения ресурсами предприятий под государственный заказ.

В переходный период к рынку особую опасность представляет бесконтрольность в аппарате государственного управления, причастного в той или иной степени к сфере распределения ресурсов, выделению средств из бюджета, особенно по дотированию убы-

точных производств и низкорентабельных колхозов и совхозов в сельском хозяйстве.

Ликвидировав супермонополизм в сфере распределения как основу теневой экономики, необходимо активно начать разгосударствление предприятий промышленности, транспорта, строительства.

Сохранение в чистом виде государственных предприятий целесообразно при наделении их равным правом в налогообложении и предпринимательстве с другими формами собственности и хозяйствования.

В государственном аппарате будут предприниматься все меры к тому, чтобы закрепить за собой право распределения ресурсов или прямого вмешательства в хозяйственную деятельность. Это диктуется только групповыми интересами, а не законами развития экономики.

Только передача не менее 70 процентов предприятий и организаций промышленности, транспорта, строительства в аренду трудовым коллективам с одновременным введением акционерной собственности позволяет усилить демонополизацию производителей продукции. При этом государству (Союзу и союзным республикам в соответствии с Союзным договором) следует сохранить акции по стоимости основных производственных фондов за вычетом износа, а трудовым коллективам передать без выкупа стоимость оборотных средств. Дивиденды на государственные акции станут своеобразной платой за аренду основных производственных фондов. Такая мера позволит соединить интересы работника предприятия с задачей повышения эффективности использования основных производственных фондов. Такой переход к акционерной форме собственности возможно осуществить в короткие сроки, не более чем за 5—6 месяцев. Наиболее подготовлены к акционерной форме собственности колхозы и совхозы, где реально существуют условия для конкуренции производителей продукции.

Следующим шагом к демонополизации и усилению конкуренции должна стать либерализация цен в целом в стране, в первую очередь сельскохозяйственной продукции, где реально существует конкуренция.

Предоставление права каждому производителю самостоятельно распоряжаться производимой продукцией позволит возродить предпринимательство, без чего невозможно оздоровление экономики.

Отказ государства от прямого хозяйственного вмешательства в работу предприятий, объединений одновременно предполагает активную поддержку создания всей инфраструктуры рынка, в первую очередь в организации сети конкурентных акционерных товарных бирж, региональных акционерных банков, специализированных инжиниринговых фирм, снятие различного рода запретов и ограничений на движение товарных потоков по свободным ценам.

Следует сохранить фиксированные или лимитные цены только на хлеб, растительное масло, соль, электроэнергию, уголь, газ, нефтепродукты, металл, на перевозки пассажиров и грузов железнодорожным, авиационным, морским, речным, автомобильным транспортом, на услуги связи.

Отказ от дотирования убыточных предприятий, льготное кредитование со стороны государства приоритетного развития перспективных производств через государственную сеть банков, предоставление широких прав предпринимательства всем юридическим лицам, включая индивидуальную деятельность, позволят преодолеть инертность и неуверенность хозяйственников при четких правовых гарантиях в принимаемых законах.

Предприниматели до сих пор не рассматривались в качестве главной конструктивной силы созидания в экономике. Как и прежде, за них стараются решать все вопросы, облагая их непомерными налогами, не считаясь с реальностью источников доходов в современных условиях.

Экономический кризис и падение производства в большей степени вызваны фискальными мерами союзного правительства, взявшего на вооружение теорию, согласно которой все источники бюджетных доходов создаются Минфином СССР и Минторгом СССР. Все больше ощущается отсутствие системных принципов перехода к рынку, что подтверждается через введение различного рода непродуманных ограничений и далеких от экономики новшеств при дальнейшем усилении разбалансированности системы материально-технического снабжения.

Созданные в республиках и в Союзе ассоциации промышленности, строительства, транспорта и связи пока не признаны реальной конструктивной силой общества ввиду разобщенности и низкой законодательной инициативы предпринимателей.

Ассоциации деловых кругов во всех странах мира являются наиболее влиятельными общественными формированиями, обеспечивающими стабильность развития экономики независимо от количества правительственных кризисов.

С переходом к рынку в Союзе и в союзных республиках отношения к ассоциации предпринимателей должно в корне поменяться. Только в интересах сохранения власти монопольных групп сферы распределения, теневой экономики пытаются различного рода лидеры не допустить прихода новой конструктивной силы общества.

Политические спекуляции о тупиках развития советского общества нужны только для усиления анархии, экономического и политического кризиса, нагнетания чувства страха и безысходности за свое будущее у каждого человека.

Только ориентация на построение демократического социализма в Советском Союзе, отказ от супермонополизма в сфере распределения, введение повсеместно конкуренции и здорового предпринимательства дают возможность объединиться всем позитивным силам общества вокруг партий, провозгласивших курс на построение демократического социализма, в котором утверждается верховенство человека и законов экономики и демократии. Чтобы усилить уверенность человека в условиях рынка, необходимо наделить его собственностью от государства в первую очередь на жилье без выкупа с одновременным введением налога на собственность, централизуемого на особых счетах в областях для нового строительства жилья для необеспеченных. На этот же счет следует отчислять налоги при первой аукционной продаже жилья, полученного от государства без выкупа.

При всех трудностях есть все основания остановить экономический и политический кризис в Союзе и в союзных республиках в 1991 году. За это высказался народ на всенародном референдуме, проголосовав за сохранение Союза и за суверенность каждой из республик.

Ликвидация супермонополизма в сфере распределения, либерализация цен на товары, быстрый повсеместный переход на акционерную форму собственности, полный пересмотр фискальной системы налогообложения исключат не только возникновение новых таможенных барьеров между союзными республиками, войну законов, но и саму основу политической борьбы, переключив силы в сферу конкретной экономики. Необходимо отказываться от иллюзий, пустых обещаний, от некомпетентных в экономике лидеров, способных только к политическим интригам и социальной демагогии.

Народы Советского Союза, несмотря на (искусственно разжигаемую? — Ред.) межнациональную вражду, видят друг в друге сотоварищей, способных творчески работать и учиться, не деградировать до уровня самых отсталых африканских стран. Пришло уже осознание у большинства населения, что никто нам, кроме нас самих, не поможет, не прокормит и не оденет.

Нужны конкретные действия, четкая программа созидания, передача реальной власти народу, утверждение его права на ратификацию всех конституционных законов через проведение всенародных референдумов.

Евгений МЫСЛОВСКИЙ,
старший следователь по особо важным делам
при Прокуратуре РСФСР

ЛАБИРИНТЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Вокруг размеров наличных денег у дельцов теневой экономики идут оживленные дискуссии, обосновывающие или отвергающие необходимость денежной реформы *. Споры между противниками и сторонниками этой акции базируются лишь на голой констатации печального финансового положения страны, однако никто из экономистов, и это естественно для них, не анализировал ситуацию с криминологических позиций. Попробуем сделать такой анализ на примере одного региона — Узбекистана, в котором сплетение экономических, политических и криминальных проблем проявилось достаточно ярко. Все приводимые данные получены мною в Госбанке УзССР в 1988 году, в период работы там в следственной группе Прокуратуры СССР, и предназначались для использования в ходе расследования уголовного дела. Речь идет об эмиссии за период с 1971 по 1986 год.

Из материалов Госбанка следовало, что ежегодно эмиссия составляла 600—700 миллионов рублей. В 1971—1975 годах в оборот было выпущено 2 миллиарда 200 миллионов рублей, за 1976—1980 годы — 3 миллиарда 900 миллионов, за 1981—1985 годы —

* По разным данным, ежегодный ущерб от хищения составляет от 7 до 15 миллиардов рублей. Причем ущерб здесь двойной: похищается товар (в том числе и неучтенный) на определенную сумму и соответственно эта сумма «уходит» из трудовых доходов к дельцам теневой экономики, то есть не возвращается в Госбанк, увеличивая массу наличных денег, практически изъятых из оборота.

3 миллиарда 509 миллионов рублей. Как видим, выпуск денег в последний пятилетний период несколько пошел на убыль. Однако анализ ежегодного денежного поступления за это время дает поразительные результаты:

Год	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Эмиссия (в млн. руб.)	889	763	890	638	327	нет (+85)

Таким образом, с 1984 года началось резкое сокращение эмиссии, и в 1986 году Госбанк УзССР не только не выпустил в оборот «лишние» деньги, но и дополнительно получил в свою кассу 85 миллионов рублей.

Каких-либо особых экономических побед в период 1984—1986 годов в Узбекистане не было, и поэтому бесполезно искать причины резкого снижения эмиссии в «мудром экономическом руководстве» Усманходжаева, занявшего в 1983 году место покойного Ш. Рашидова. Но именно в конце 1983 года в Узбекистан по указанию ЦК КПСС было направлено несколько следственных групп Прокуратуры СССР, занявшихся в основном вскрытием огромных приписок хлопка и связанных с этим хищением денег. Только по хлопку приписки составили 4 миллиарда рублей, а 2 миллиарда из этой суммы было похищено. Но ведь, кроме хлопка, приписки процветали и в зерновом хозяйстве, и в животноводстве...

Расследовать эти дела во всех сферах хозяйственной жизни Узбекистана сил у Прокуратуры СССР просто не было, и к 1986 году постепенно расследование приписок было свернуто. Доканчивать следствие было поручено местным органам. Но именно к этому времени следственная группа нанесла ощутимый удар не по «рядовым» приписок и хищений, а по их истинным организаторам — ответственным чиновникам государственных и партийных структур Узбекистана. Вот эту, казалось бы, далекую от финансовых проблем криминологическую ситуацию и отразила динамика эмиссионных процессов: разоблачение приписок и активная борьба как с хищениями, так и с коррупцией резко уменьшили денежный дефицит, и в 1986 году республика впервые получила на 85 миллионов рублей больше, чем было выдано из кассы Госбанка.

А теперь снова вернемся к проблемам наличных денег. По данным Госкомстата СССР, за девять месяцев 1990 года на руках у населения находилось 124 миллиарда рублей наличных денег («Экономика и жизнь», 1990, № 43). Разумеется, статистика знает все, но страдает одним недостатком: любит сваливать все в одну кучу, а потом усреднять. Попробуем рассмотреть, действительно ли у всех у нас скопилась такая огромная куча — 124 миллиарда!

По данным компетентных органов, от 7 до 13 миллиардов рублей лежат в иностранных банках, вывезенные туда контрабандными путями. Остается 111 миллиардов. Но по многолетним наблюдениям, сделанным лично мною в ходе расследования дел о хозяйственных преступлениях, средний законный запас наличности в обычной советской семье составляет от 100 до 300 рублей на одного работающего. Это чисто эмпирические данные, и каждый

их легко может проверить на себе. Если верить статистике, то все трудоспособное население страны составляет 156,9 миллиона человек, и законная сумма наличных денег, таким образом, может составлять от 15,8 до 47,6 миллиарда рублей. Значит, по самым льготным для теневиков подсчетам, помимо личного недвижимого имущества, драгоценностей и капитала, вложенных в подпольное дело, у дельцов сосредоточено не менее 64 миллиардов рублей. Вот это и есть «подпольная кубышка» — финансовая мина замедленного действия!

Я не претендую на методологическую завершенность и точность этого расчета, но опыт изъятия в ходе следствия огромных сумм наличных денег (сотни тысяч, а то и миллионы рублей) свидетельствует о том, что «деньги в кубышке» превращаются в сильное оружие организованной преступности. И это оружие накапливается. Причем последние три года накопление «финансовых мин» идет открыто из-за явно непродуманного закона о кооперации в СССР, в котором его создатели «забыли» предусмотреть санкции за нарушения и, самое главное, не подумали о создании соответствующего финансового контроля. Впрочем, все это сейчас пытаются объяснить эйфорией свободы экономической деятельности. Находят объяснения и не виданным ни в одной стране мира налоговым льготам. Если кто-то из защитников кооперативного сектора захочет со мною поспорить, то пусть найдет хотя бы одно предприятие на Западе, имеющее рентабельность 600—1000 процентов и уплачивающее налог в размере 2 процентов, а то и вообще освобожденное от уплаты налога! Если на Западе не найдут, то, может быть, поищут в нашей стране государственное предприятие, работающее на таких же условиях? Видимо, это была не ошибка, эта акция была продумана.

Впрочем, налоговые льготы хоть как-то пытаются объяснить периодом становления и т. п. А вот чем можно объяснить, что в отличие от государственных предприятий кооперативам было разрешено пускать на зарплату чуть ли не всю прибыль — здесь вообще нет никаких аргументов. Да и нужны ли они, если организовывались кооперативы именно для того, чтобы люди могли зарабатывать столько, сколько хотят. Именно поэтому не ограничили не только размер фонда зарплаты, но и цены на продукцию. Наверное, правильно говорить не о продукции, а о товаре, поскольку подавляющее большинство новоиспеченных кооператоров ринулось не в производственную, а в торгово-посредническую деятельность, и именно в этой сфере сделали свои личные миллионы первые советские официальные миллионеры. Они не произвели ни одной единицы продукции, но зато хорошо заработали на перепродаже чужой.

Во что же вылилась финансовая неконтролируемость кооперативного сектора? Предоставим слово статистике. В 1989 году кооператоры произвели товаров и услуг на 40 миллиардов рублей — чуть больше четырех процентов общего объема. Однако населению — основному своему клиенту — всего на 7 миллиардов, остальное — предприятиям. На оплату труда кооператорам пошло 14 миллиардов рублей. Таким образом, кооператоры не покрыли товарами для населения даже собственные заработки. В результате общество получило мощный насос для откачки денег из безналичного в наличный оборот.

В первом квартале 1990 года банковскими учреждениями выдано со счетов кооперативов около 6 миллиардов рублей наличными, а на счета кооперативов поступило лишь 450 тысяч. За первое полугодие выдача наличных денег со счетов кооперативов превысила поступление от них на 12 миллиардов рублей, почти вдвое увеличившись по сравнению с тем же периодом 1989 года.

Так может ли нормальный финансовый организм выдержать подобное «кровопускание» наличных денег? И по какой цене надо продавать обычные товары, чтобы хоть как-то «связать» эти деньги, уравнять рыночным путем спрос и предложение? Надеюсь, что теперь многие поймут, почему вдруг на московских рынках цена мяса подскочила до 30 рублей за килограмм и выше, а обычные спортивные туфли «кроссовки» стали стоить в коммерческом магазине аж под 1000 рублей. Так можно ли при таком финансовом положении «входить в рынок» и кого будут обслуживать на этом «рынке»?

Авторы программы «500 дней» отлично знают об этом «кровопускании», произведенном кооперативами государственной финансовой системе, и даже отмечают, что появился курс «между наличными и безналичными деньгами (до 1 : 3)», что все это ведет к коррупции и злоупотреблениям, и ни одним словом программа не упоминает необходимость уголовно-правовой защиты финансовой системы.

Установление «обменного курса» безналичных денег в соотношении 1 к 3 известно в деловом мире наших предпринимателей уже более года. Об этом новшестве открыто написала газета «Коммерсантъ» и даже назвала авторов этой новации. Иначе как финансовой диверсией подобные деяния назвать нельзя, но... чудо из чудес — молчит правоохранительная система: кооперация превратилась в «священную корову» перестройки!

Я понимаю, что к «предвзятому мнению следствия» наши отцы нового экономического курса вряд ли захотят прислушаться, но ведь подобную «кооперативную модель» и сами частные предприниматели (работающие, по их словам, у самой черты беззакония, но не наперекор закону) называют беспределом, с которым на рынке опасно и неприлично знаться. Газета «Экономика и жизнь» напечатала «Исповедь подпольного миллионера» (№ 48 за 1990 г.), который, в частности, предостерегает: «Шальной капитал — это не всегда бизнес, часто чистая «химия», это «проколы» самого государства, полная бесконтрольность и безнаказанность... Сколько у них лазеек для того, чтобы разбогатеть, не выпуская никакого товара. Странно, что у нас отпускаются кредиты без поручительства и гарантий. Недавно одна коопфирма взяла в банке кредит более двух миллионов рублей. Судя по тому, что я знаю, она очень скоро может вылететь в трубу. С кого требовать деньги? Рынок на первых порах даст много пены, каждый будет рвать к себе, не станем ли мы волчьей стаей?»

А теперь, с учетом изложенной картины, попробуем сами оценить предпринятые Президентом СССР шаги по стабилизации финансового положения. Вспомним, какой шум поднялся в так называемой «независимой» и «демократической» прессе по поводу Указа Президента об изъятии из оборота 100- и 50-рублевых купюр, какие проклятия посыпались на головы Президента и премьер-министра. Когда же подвели итоги этой акции и оказалось, что 7 миллиардов рублей не вернулось в казну из «кубышек», то это стали представлять чуть ли не как поражение государства.

Причем недостатки этой операции организационного характера, проявившиеся из-за нерасторопности местных властей, попытались представить чуть ли не как антинародную политику правительства. Почему? Да потому что не миллионы, а миллиарды рублей оказались «сгоревшими» у жуликов! Были у этой акции и свои недостатки, но пока еще не подведены итоги проверки счета № 904, куда предварительно зачислялись сданные предприятиями и организациями крупные суммы. А ведь там выявились достаточно интересные факты, когда некоторые торговые точки, имевшие среднесуточный оборот в 10 тысяч рублей, сдали за 23 января сразу более ста тысяч!

По имеющимся данным, на счет № 904 было зачислено более 25 миллиардов рублей. Значительная часть денег вернется к своим законным хозяевам, но несколько миллиардов, видимо, все же займут свое место в казне.

Подытоживая рассуждения о финансовых мерах «лечения» инфляции, остается надеяться, что изъятие крупных купюр нанесло существенный удар по дельцам теневой экономики, хотя и не смогло уничтожить их.

Упомянутая сдача «сверхвыручки» заставляет серьезно задуматься над процессами, происходящими в нашей торговле. С одной стороны, уже более года полки продуктовых и промтоварных магазинов практически пусты, и, следовательно, товары не могут служить источником выручки. С другой стороны, сданы огромные суммы именно за товар, которого в магазинах нет. Но не может же быть, чтобы выручка была, а товара не было! Ведь в этом случае любая ревизия сразу же выявит огромные излишки денег и обвинит продавцов в торговле левым товаром. Выручка будет оприходована, и продавцы лишатся своего дохода. Альтруистов среди них, как известно, практически нет. Следовательно, товар в магазинах был, но спрятан так хорошо, что его периодические проверки не выявляли. Возможно, что в торговле имеются подпольные склады, где и концентрируется скупленный работниками магазинов товар для последующей перепродажи его спекулянтам. Разумеется, это только предположение. Пока. А что же все-таки происходит в торговле в действительности?

Среди структуры теневой экономики криминальный сектор торговли и спекуляции занимает значительный объем. Однако в последнее время во многих публикациях, в выступлениях по радио, телевидению делаются попытки уравнять спекуляцию с коммерцией, и на этой основе утверждается, что в недалеком будущем, после установления рыночных отношений, спекуляция отомрет сама собой, так как переродится в коммерцию. Это опасное заблуждение.

Дело в том, что обычная коммерция выступает в качестве посредника между производителем и потребителем, продвигая товар к покупателю. Спекуляция же не продвигает, а, наоборот, отодвигает товар от покупателя, превращаясь в еще одного посредника, но между продавцом и покупателем, перехватывая его у потенциального покупателя зачастую за взятку, создает тем самым искусственный дефицит, что позволяет взвинчивать цены.

Средняя стоимость попадающих в дефицит товаров у перекупщиков практически по всей территории страны превышает розничные цены в 2—3 раза и более. Искусственное повышение цен привело к тому, что сегодня каждый четвертый рубль, находящийся в обращении, не обеспечен товарной продукцией.

Есть и еще одно существенное отличие законопослушного коммерсанта от спекулянта: первый регистрирует свою деятельность и аккуратно платит налоги, второй всячески избегает любого контроля и принципиально не желает делиться своими доходами с государством.

Если конечная цель коммерсанта состоит в том, чтобы как можно быстрее продвинуть товар к потребителю и за счет ликвидации дефицита увеличить скорость оборота своего капитала, то у спекулянта задача противоположная — урвать товар у коммерсанта, не допустить исчезновения дефицита, более того, по возможности создать дефицит и получить свою прибыль не за счет оборачиваемости капитала, а за счет монопольно завышенной цены перепродажи. Спекулянт не терпит конкуренции, и очень возможно, что когда-нибудь он действительно отомрет, но он никогда не превратится в нормального коммерсанта. Я могу лишь полностью согласиться с мнением начальника отдела ВНИИ МВД СССР подполковника милиции В. Овчинского: «Делец, привыкший всю свою «сознательную» жизнь работать в «тени», никогда полностью не легализуется. Он не выйдет на поверхность и не скажет: вот мои деньги, вот сокровища, а вот левые цехи и склады. Берите, товарищи (или господа), их под налоговый контроль, я теперь честный предприниматель и буду строить «развитой» капитализм. Никогда этого не будет потому, что если человек — вор, он в большинстве случаев вором и останется».

Сказано резко, но, к сожалению, справедливо. Достаточно вспомнить разгоревшиеся баталии вокруг ставок налогов, которые велись без конкретизации экономической деятельности, как говорится, «на пальцах», чтобы понять, что наши нарождающиеся предприниматели всех мастей отнюдь не собираются, как, скажем, американцы, гордиться тем, что являются налогоплательщиками и тем самым укрепляют могущество государства. Нет, спекуляция из подполья не выйдет и еще долго будет дезорганизовывать потребительский рынок, так что обещать такому «предпринимателю» скорую амнистию в высшей степени неразумно.

Практически вся спекулятивная деятельность связана с розничной торговлей, активно дестабилизирует последнюю и принимает все более организованные формы. Доходы дельцов в системе торговли, по некоторым данным, составляют 15 миллиардов рублей, и если учесть, что предметы спекуляции продаются уже по тройному номиналу, то можно предположить, что доходы спекулянтов составляют около 45 миллиардов рублей, что является существенным взносом в копилку теневой экономики и оказывает немалое влияние на инфляционные процессы.

Но простой гражданин переплачивает не только спекулянту. По существу, все мы платим торговле второй подоходный налог. По данным ВНИИ МВД СССР, ежегодная сумма «дохода» от элементарного обмана покупателя составляет около 6 миллиардов рублей. Поэтому не случайно анализ данных Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС показал, что среди работников торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения больше тех, кто живет в полном достатке, не испытывает затруднений в приобретении всего необходимого, исповедует правила круговой поруки.

Дестабилизирующее значение этих факторов для всей существующей экономической системы очевидно.

Что же касается разбалансированности рынка потребительских товаров, то в причинах этого явления надо разбираться особо. Пустые полки как продовольственных, так и промтоварных магазинов, практический переход на торговлю по талонам раздражают народ прежде всего своей необъяснимостью.

Выдвинутая некоторыми экономистами версия о том, что у населения скопилось слишком много «горячих» денег и они вымели прилавки, верна лишь частично, поскольку ни один нормальный человек не будет, извините за выражение, жрать в три горла и ставить в одну комнату несколько мебельных гарнитуров. Попробуем проследить путь некоторых дорогостоящих промышленных товаров длительного пользования от производителя — через торговлю — к покупателю.

Как известно, в стране за последние годы не закрылся ни один из заводов, выпускающих холодильники и телевизоры. Из-за нарушений хозяйственных связей (в основе которых лежат, по моему убеждению, субъективные экономические законы) эти предприятия испытывают определенные сложности в материально-техническом снабжении, и тем не менее они работают, увеличивая объем производства.

По данным Госкомстата СССР, за девять месяцев 1990 года телевизоров выпущено 7,8 миллиона штук, в том числе цветного изображения 5,3 миллиона штук, что составляет соответственно 107 и 115 процентов к тому же периоду 1989 года. Холодильников выпущено 4,8 миллиона штук, что на 0,7 процента превышает прошлогодний уровень.

Однако ни в одном из магазинов страны этих товаров в свободной продаже нет. Публикуя данные о развитии народного хозяйства, Госкомстат констатировал: «...желание семьи купить телевизор с цветным изображением в 75 случаях из 100 остается нереализованным, холодильник, электропылесос, стиральную машину — более чем в 80 случаях, легковой автомобиль — в 87 случаях, швейную машину, видеомагнитофон — в 93—97 случаях» («Экономика и жизнь», 1990, № 43).

Давайте рассмотрим данные о насыщенности рынка и продаже этих товаров в РСФСР. Как уже отмечалось, производство телевизоров и холодильников на протяжении 10 лет постоянно росло. Соответственно росла и их продажа. Если рынок систематически насыщался, то по логике вещей даже в нашей необъятной стране не должно быть ажиотажного спроса. В зеркале статистики динамика движения этих товаров выглядит следующим образом.

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
Произведено: (в млн. шт.)						
телевизоров	4,01	4,77	4,57	4,15	4,37	4,46
холодильников	3,6	3,45	3,46	3,43	3,49	3,59
Реализовано:						
телевизоров	3,51	4,53	4,86	4,55	4,56	4,78
холодильников	2,64	2,33	2,49	2,46	2,55	2,81
Обеспеченность на 100 семей						
телевизорами	91	103	данных	нет	109	111
холодильниками	89	95	нет		95	95

Таким образом, и производство, и реализация этих товаров не испытывали каких-либо резких колебаний, и насыщенность семей этими товарами достаточно высокая, что не должно было привести к дефициту. И тем не менее дефицит образовался примерно с середины 1987 года, когда неконтролируемый кооперативный сектор выбросил на рынок огромную сумму наличных денег, дав толчок практически неограниченному, экономически необоснованному росту наличных выплат во всех сферах народного хозяйства. Колесо инфляции получило ускорение, и началась чехарда с дефицитом — пока еще предметов роскоши. На появление «лишних» денег черный рынок немедленно отреагировал резким скачком цен, а государственная торговля — исчезновением товаров, которые тут же перекочевали на черный рынок. Рост спекуляции был хорошо сдобрен правотворческим навозом судебных органов, решивших немедленно гуманизировать правоохранительную политику, но без соответствующих правовых гарантий для простого советского человека. Не получая соответствующей правовой защиты, госрынок товаров стал усыхать не по дням, а по часам. Общество забило тревогу.

Руководящие политико-экономические умы стали искать выходы из ими же созданной ситуации. Сегодня трудно сказать, у кого именно родилась идея так называемых распродаж дефицитных товаров по предприятиям, но и в ее обоснование легла теория «горячих» денег, якобы виноватых в дефиците. Поэтому, чтобы уберечь товарный рынок от нашествия кооперативной наличности, товары решили переместить из магазинов на предприятия, то есть за ведомственные заборы, дабы и простому труженику перепадало что-нибудь. Во всех магазинах без исключения по всей республике появились объявления о том, что продажа холодильников и телевизоров производится по талонам, выдаваемым либо на предприятиях, либо в райисполкомах. В некоторых городах талоны разыгрывали в городской лотерее, латая таким образом прорехи городского бюджета, в других городах стали проводить аукционы и т. п. Свободная торговля этими товарами практически была прекращена, и розничная торговля как структура фактически перестала существовать и превратилась в еще одну специфическую форму перераспределения товара, причем совершенно излишнюю, поскольку подобным «отовариванием» вполне могли заниматься закупочные базы, направляя товар на предприятия или выдавая его покупателю непосредственно со склада. Здесь даже могла получиться экономия на транспортных расходах. Но эта «лишняя» структура все же не была уничтожена или хотя бы сокращена и, как мы увидим в дальнейшем, осталась существовать далеко не случайно. Однако подобный опыт перераспределения товаров породил ряд отрицательных последствий, причем не только экономического характера. Нужно отметить прежде всего нравственную ущербность распродаж, порождающую все тот же ажиотажный спрос и сеющую неприязнь друг к другу внутри «облагодетельствованного» коллектива.

А пока розничная торговля уверяла нас, что весь товар идет на распродажу, журналисты сообщали о фактах задержания на границе Москвы иногородних машин, груженых дефицитом, который почему-то всегда оказывался бесхозным, а пограничники и таможенники «трясли» на государственной границе интуристов, вывозящих все те же телевизоры, которых в свободной продаже

нет. И тогда появилась еще одна версия о том, что это, мол, «облагодетельствованные» распродажей люди спохватились и решили переквалифицироваться в спекулянтов, сбывая ненужный им товар пришлым людям. Осмелюсь утверждать, что такой вид бизнеса соблазнил лишь единицы (да и когда трудящемуся заниматься коммерцией, разве что непосредственно на проходной?!).

И вот в разгар распродаж в пустующих магазинных залах бывалые люди стали обучать жаждущих приобрести телевизоры, холодильники, мебель и другой «распродажный» товар простой истине — заплатите рабочему (!) магазина (не должностное лицо, что с него взять!) три номинала и увозите хоть десяток единиц товара. Зато официальные должностные лица магазинов продолжали утверждать, что холодильники и телевизоры продаются только по талонам, а талоны выдаются... и т. п.

Казалось, что сказке про «талонное мочало» не будет конца, но вот передо мною столь долго ожидавшаяся всем обществом концепция и программа «500 дней». И в этой книге на страницах 62—63 приводятся данные о том, что за счет выездной торговли в 1989 году было реализовано холодильников 14 процентов, телевизоров — 10,5 процентв, швейных машин — 31,5 процента, стиральных машин — 19 процентов. Так как же было реализовано остальное количество товаров, если в магазинах их не было? Увы, именно через те самые магазины, в которых их нет, и именно по тем самым тройным номиналам, о которых с точки зрения презумпции невиновности нельзя говорить, ибо не пойман — не вор! Теперь становится понятным, что мгновенно сброшенные сотни тысяч рублей в ночь на 23 января не что иное, как выручка магазинов, продавших скрытые товары именно своим продавцам. Афера всплыла наружу благодаря обычной бухгалтерии. **Отсюда можно сделать однозначный вывод — дефицит создан искусственно, и, следовательно, торговая мафия — это наша реальность.** Видимо, именно поэтому при «новых распределительных отношениях» в торговле магазины не оказались лишними звеньями в распределительной структуре. Вот так и укрепляется преступная связка торгового дельца и спекулянта. Экономические, нравственные, наконец, политические потери от этой связки столь очевидны, что остается только удивляться раздающимся предложениям даровать амнистию спекулянтам и поставить их у руля «рыночного корабля».

Юрий ГВОЗДЕВ

КОГО ГРАБИТ ГОСПОЖА ПРИВАТИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ?

Приватизация — одно из модных словечек политического лексикона. Дословно переводится примерно как «передача в частные руки». Идет же речь о той собственности, которая принадлежит государству, — будь то вокзальный туалет или крупное промышленное предприятие. И как сладко, заманчиво звучит сегодня это словцо из уст наших политиков, политиканов и просто любителей ловить золотую рыбку в мутной воде! Госпожа Приватизация прямо-таки предстает перед глазами эдакой тучной подругой самого мистера Рынка. Может быть, и пьедестал впору подготовить для этой дамы, поклоняться ей, как родной сестре золотого тельца?

— Приватизация, — слышится предостерегающий голос, — хороша лишь в некоторых случаях, но она совсем недостойна того, чтобы сооружать пьедестал для ее почитания...

Кто же осмелился на такую дерзкую реплику? Не заклятый ли это консерватор и «враг перестройки»? Прошу его не захлопывать, не травить: это высказался даже не бывший коммунист, а сеньор Херт Розенталь, возглавляющий такую весьма респектабельную организацию, как Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ее русская аббревиатура — ЭКЛАК). И не перед советским микрофоном, а на одном из ее заседаний в тех далеких краях в Западном полушарии...

Дело в том, что эта самая приватизация уже несколько лет широко практикуется в Латинской Америке, поощряемая, а порой и навязываемая прежде всего Соединенными Штатами, иностранными банками и Международным валютным фондом (МВФ). Им такое разрушение госсектора в странах региона явно выгодно, даже необходимо. Однако совсем иные результаты подобного рода процесс приносит тем, кто ему подвергается. Проведенные в ЭКЛАК исследования опровергают положение о том, что для государств региона следует отказаться от госсектора как от опоры для своего развития, положившись на нерегулируемый рынок. И здесь относительно безоглядных рыночных отношений, уже существующих много лет, не выражается особых восторгов: они не способны решить застарелые социально-экономические проблемы; например, число лиц, оказавшихся ниже черты бедности в Латинской Америке, возросло с 42 миллионов человек в 1980 году до 164 миллионов в 1986 году. И этот страшный процесс продолжается. В то же время узкая элитарная кучка денежной элиты становится богаче... Подобный парадокс, по мнению экономистов, — еще один довод в пользу большего вмешательства государства в экономику для ее регулирования. В аналитических докладах, работах ЭКЛАК звучит требование: «уймите же как-то резвость господина Рынка!»

Издаваемый в Мехико журнал «Висьон» приводил еще и такие данные: если в 1980 году в городах Латинской Америки за чертой бедности находилось 49 процентов жителей, то в 2000 году их станет 60 процентов... В журнале делается вывод: бедность излечить нельзя. Невозможно! А ведь и это тоже Запад с его «христианской цивилизацией», рынком. И США с их долларами здесь господствуют целый век. Между тем мистер Рынок продолжал буйствовать: свирепствовала инфляция, росла безработица. Многие нищали, немногие богатели, падало производство. А внешний долг перешагнул рубеж 430 миллиардов долларов. Где же средства, чтобы его выплачивать? Уже и так на это уходит около одной трети всех доходов региона в твердой валюте. От иностранных банков-ростовщиков один ответ: продавайте государственные предприятия частным лицам! Продавайте их по дешевке в счет погаше-

ния займов, ростовщических процентов по ним. Иначе не видать вам очередного долларового допинга! И распродажа, приватизация набирает темпы.

Частные лица (за подставными местными дельцами нередко скрываются транснациональные корпорации) скупают фабрики и заводы, построенные на народные деньги. В Уругвае за половину их стоимости, в Аргентине — за одну седьмую, в Бразилии — за пятую, в Мексике — за треть... В ряде случаев речь идет о таких ключевых отраслях, как транспорт, связь, металлургия, даже оборонная промышленность... Все на распродажу! Все, чтобы платить долги! В Мексике оказалась под ударом даже такая крупная государственная компания, как «ПЕМЕКС», добывающая нефть и перерабатывающая ее, — гордость народа, боровшегося против империалистического засилья.

«Сегодня как никогда в этом столетии, — отмечалось в мексиканском журнале «Просесо», — Мексика и ее экономическая независимость оказались под угрозой. Прикрытием для осуществления всех таких акций стала антидемократия, взлелеянная на основе предательских ударов по принципам мексиканской революции 1910 года. Если бы была у нас демократия, президент Салинас не смог бы продавать загранице то, что национализировала мексиканская революция, то, что вернул стране Ласаро Карденас».

То, что происходит в Мексике, возмущает здесь широкие круги народа. К концу 1990 года число государственных компаний в стране сократилось на 900 по сравнению с 1982 годом. Сейчас их 260. Обещают: это привлечет новые иностранные капиталовложения, заинтересует местных дельцов, модернизирует технологию, повысит рентабельность и т. д. Наконец, будет содействовать развитию. Но так ли это? Пока чего-либо позитивного не предвидится. Пропасть между богатыми и бедняками расширяется. Есть дома, где устанавливают золотые ванны. И прямо на улицах целые семьи, включая малолетних детей, просят милостыню, нет ни дома, ни работы. Беднейшие 30 процентов населения потребляют лишь 13 процентов продуктов питания, а 10 процентов жителей, находящихся на вершине потребительской пирамиды, — 21 процент.

А вот оценка ситуации сенатором-демократом Биллом Бридли, являющимся одним из крупнейших специалистов конгресса США по вопросам внешней задолженности развивающихся стран:

— Мексика предприняла очень решительные экономические меры... Сократила дефицит государственного бюджета, снизила свои торговые пошлины на две трети, передала в частные руки огромное количество государственных предприятий... Разрешила иностранным компаниям 100-процентное владение мексиканскими предприятиями... Таким образом, они выжали все, что могли, из своей экономики. Однако не получили значительного экономического роста.

Выходит, не помогает госпожа Приватизация. Она и ее партнер Рынок оказались с весьма подмоченной репутацией.

Приватизация, ставшая столь «модной» в последние годы, — еще один инструмент в натиске США, ЕЭС, транснациональных корпораций на страны, все еще пытающиеся защитить себя от хищнического иностранного капитала. Вот как оценивает обстановку, в частности, крупнейший профсоюзный лидер Бразилии Луис Инасио да Силва, собравший на последних президентских выборах более 3 миллионов голосов: «Я скажу вам, что третья мировая

война уже началась — бесшумная война, но из-за этого не менее зловещая. Эта война разрушает Бразилию, Латинскую Америку и практически весь «третий мир». Вместо солдат в ней гибнут дети, вместо миллионов раненых — миллионы безработных, вместо разрушения мостов разрушаются заводы, школы, больницы и вся экономика в целом... Это война, которую США ведут против Латиноамериканского континента. Это война из-за внешних долгов, главным оружием которой являются проценты, оружие более убийственное, чем атомная бомба, более разрушительное, чем луч лазера...»

Задержим наше внимание на Бразилии, о которой нередко пишут как о «кандидатке в великие державы». Действительно, в стране выпускают самолеты, автомобили, ракеты, компьютеры, строят небоскребы... Однако и здесь лик господина Рынка безобразен, «цивилизованность» весьма относительна. И едва ли его облагородит та же приватизация...

Почти 30 лет назад меня поражал своей красотой Рио-де-Жанейро: центральные авениды с роскошными, богатыми витринами магазинов, современные красавицы гостиницы, золотые пляжи. И жуткая нищета, безысходность сотен тысяч обитателей жалких лачуг на холмах. Их называют здесь «фавелами»... В английском еженедельнике «Нью стейтсмен энд сисайети» читаю: покупательная способность минимальной зарплаты в Бразилии упала за последние 50 лет наполовину. Две трети населения хронически недоедает, а на северо-востоке страны голод — постоянное явление. Значит, не лучше и сейчас?

В «Информационном бюллетене», издаваемом Бразильской евангелической лютеранской церковью, изображена такая сценка, которую автор Сьюзан Джордж зарисовал с натуры близ моста через реку Гуайбе в городе Порту-Алегри:

«Лачуга тонет в грязи... Женщину — сотрудницу социальной службы встречают пятеро ребятишек, старшему из которых примерно 8 лет. Родители ушли, чтобы поискать чего-либо съестного в кучах мусора. Замечая, как плохо выглядят дети, женщина спрашивает, ели ли они что-либо в последнее время. «Да, вчера мама сделала небольшие лепешки из сырых газет». — «Что? Небольшие лепешки из чего?» — спрашивает женщина. «Мама берет лист газеты, скручивает его, обмакивает в воде, и, когда он становится мягким, делает из него маленькие лепешки. Мы съедаем их, выпиваем воды и чувствуем, что желудки у нас не пусты».

Бразилия занимает «в ряду самых нищих стран мира третье место, пропустив вперед лишь Гондурас и Сьерра-Леоне».

Так бразильский сенатор Жутан Магальяйнс прокомментировал доклад Всемирного банка за 1989 год о социально-экономическом положении 120 государств.

Не случайно VII съезд Партии трудящихся Бразилии, состоявшийся в июне 1990 года, в одном из своих документов осудил капитализм как форму рабства. Было подчеркнуто: нынешние социал-демократические течения не обладают реальной перспективой победы над капитализмом. Необходимо бороться за построение социалистического общества. Трудящиеся решительно выступают против приватизации государственных предприятий, которая подхлестывает и без того большую безработицу, подрывает социальные программы в ущерб интересам большинства населения. Как заявил профессор Университета Сан-Паулу Жоаким Толеду,

«в минувшее десятилетие государство худо-бедно, но выполняло свою роль. Имеются определенные улучшения социально-бытовых условий, позитивные сдвиги в системе образования. В то же время предпринимательские круги не внесли практически никакого вклада в улучшение социального положения наемных рабочих, да и населения в целом».

О крахе «классического» капитализма свидетельствует, естественно, не только положение дел в Бразилии, хотя ранее много говорилось об «экономическом чуде» в этой стране. Так, председатель Федерации торговых палат Аргентины Рубен Манусович признал: «Рыночная экономика в стране потерпела крах. Аргентина не может зависеть от бесконтрольной деятельности крупного капитала».

Вместе с тем невольно вновь и вновь задаюсь вопросом: как же так получается, что большинству населения навязываются разного рода «ходы» и «реформы», которые лишь ухудшают и без того трудную жизнь? А где же хваленая демократия, парламенты? Почему на выборах побеждают президенты, которые идут на приватизацию, свертывание социальных программ и другие суровые меры, подчас продиктованные извне?

В Латинской Америке имеются свои «кудесники». В ходе избирательной кампании они многое обещают, выдвигают соблазнительные программы-приманки. Но, будучи избранными, ведут себя уже иначе, делают именно то, за что их никогда бы не избрали. Так получилось, например, и с президентом Перу Альберто Фухимори. Не успел он принять присягу, как стало известно о «плане стабилизации и развития», который больнее всего ударил по самым бедным слоям населения. В частности, были ликвидированы субсидии на товары массового спроса, введен «свободный» курс доллара. Цены на многие продукты питания сразу повысились на 700 процентов. И вновь — приватизация! А она неразрывна опять-таки со «свободным рынком», с «либерализацией цен». Было объявлено: государство отказывается также от субсидирования расходов перуанцев на такие услуги, как телефон, электричество, водоснабжение, транспорт... Между тем месячной зарплаты многих перуанцев хватает только на покупку четырех кило макарон. Этот правительственный план, по определению ряда общественных деятелей, является геноцидом. Еще один удар по стране, где ежегодно от голода погибает 80 тысяч детей. И все это во славу господина Рынка, ради обогащения богатеев, местных и иностранных!

В августе 1990 года толпы возмущенных людей заполнили улицы Лимы и других городов: «Нас предали!» — в отчаянии кричали они. Начались погромы. Пролилась кровь... Лидер профсоюза государственных служащих, объединяющего 600-тысяч членов, Сесар Пасалакуа сказал: «Перед семью миллионами самых бедных перуанцев остается один выбор: или вступление в ряды «Сендеро луминосо» (ультралевая партизанская организация. — **Ю. Г.**), или голодная смерть».

Приватизаторы оправдывают свои действия по ликвидации госсектора в экономике тем, что его предприятия «нерентабельны», финансировать их убыточность казне не по плечу. Туманно обещают, что этот процесс обернется благом для населения. Но далеко не все так, как толкуют сторонники «свободы рук» частников в сфере национальной экономики. К тому же нередко как бы искусственно создаются неблагоприятные условия для работы госпредприятий. Их лишают финансирования и ставят на грань банкротства, открывая границы для иностранной конкуренции.

Так, крупнейшая мексиканская государственная компания «ПЕМЕКС» вынуждена искать для своего развития кредиты в США, других странах. Ее обременяют долги. Тоже убыточна? А между тем огромные валютные доходы, получаемые от добываемой ею нефти, от ее переработки, идут в казну. Где же логика? Или другой пример. В Уругвае, как свидетельствует статистика, большинство из 15 государственных компаний приносят прибыль. Казалось бы, приватизация не имеет здесь никакого оправдания. Однако ее сторонники и здесь находят повод: это из-за того, говорят они, что существуют монополия и твердые цены. Надо все поломать. Пусть будет «свободный рынок» во всей его красе! И приводят такие примеры: в других странах порты перерабатывают в несколько раз больше грузов, чем в Уругвае. Больше техники, нещаднее эксплуатация портовиков? Не уточняется. А призыв тот же — отдайте местные порты в частные руки! Продайте их! А результат? Больше безработных, дробление экономической инфраструктуры, барыши для немногих в ущерб национальным интересам? Об этом предпочитают не говорить.

Давайте же рассмотрим некоторые реальные последствия, к которым приводит сегодня приватизация в Латинской Америке. «Наибольшие опасения приватизация вызывает из-за того, что может привести к массовой безработице в стране», — пишет английская газета «Файнэншл таймс» о переменах в Уругвае. Отметим: здесь одна четвертая всех работающих занята в госсекторе. Уже сейчас в этой небольшой стране 200 тысяч граждан живут ниже «критической черты бедности». А что же будет после приватизации? Примерно то же можно сказать применительно и к другим республикам региона. А как насчет вреда таких шагов для страны, населения?

В Доминиканской Республике к началу 1991 года фактически произошла приватизация такой важной формы услуг, как энергообеспечение. И что же? Появилось множество частных автономных электростанций, сразу же взвинтивших цены. Чему способствовал и конфликт в зоне Персидского залива. Неконтролируемое положение сложилось и в городском транспорте, находящемся в руках частников. Стоимость билета меняется в зависимости от времени суток, маршрута, наличия горючего и настроения владельца.

Еще один пример, свидетельствующий о «благах» приватизации. В Аргентине была передана в частные руки крупная авиакомпания «Аэролинеас архентинас». И что же? Находившиеся ранее под контролем государства тарифы превратились в исключительную монополию частного капитала. Расширились возможности для установления более высоких цен на билеты. Даже лондонская газета «Файнэншл таймс» с сомнением относится к нынешней кампании приватизации, развернутой на берегах Ла-Платы. Она, как считает этот орган деловых кругов Великобритании, может вылиться в ситуацию, когда будет уместно вспомнить пословицу: «Тише едешь — дальше будешь». В самой Аргентине критики подобных мер по разгосударствлению собственности обеспокоены их возможными последствиями для потребителей, интересы которых «находятся на весьма низкой отметке в правительственной шкале приоритетов».

В той же Аргентине результаты увлеченности приватизацией и

другими подношениями господину Рынку, очень «свободному», уже налицо. «Для миллионов аргентинцев, живущих на грани нищеты и зависимых от мизерных правительственных пособий, — пишет испанская газета «Паис», — нынешний кризис отодвинул на неопределенное время перспективы того, что их дети смогут получить более сносное питание, нормальное жилье, образование и медицинское обслуживание». Рынок, его диктатура превращает их в рабов, вершит их судьбу. О какой же раскрепощенности можно вести речь? Более 22 миллионов аргентинцев, или 75 процентов населения страны, которые пользовались государственной системой медицинского страхования, фактически лишились какой-либо врачебной помощи, ибо эта система отменена начиная с января 1990 года. «Социальные издержки» сопровождают приватизацию и в других республиках континента. Бывший министром финансов в Мексике при президенте де ла Мадриде известный экономист Хесус Сильва Эрсог подчеркивает: передача госпредприятий частному капиталу «способствует усилению концентрации богатства и власти в мексиканской экономике». Особенно когда в этот процесс врываются иностранные концерны. Не говоря уже о том, что все это ведет к массовому краху прежде всего мелких и средних местных предприятий, не имеющих шансов конкурировать с транснациональными хищниками.

Не служит делу развития и курс на сокращение, ликвидацию вмешательства государства в экономическую сферу. Знаменитые азиатские «драконы», например Сингапур или Южная Корея, достигли своих поразительных успехов во многом благодаря именно широкому вмешательству государств в экономику.

И особенно странно видеть, как некоторые президенты стран Латинской Америки едут в Вашингтон, чтобы как бы заслужить похвалу США, их корпораций за успехи в деле приватизации, расчистки новых каналов доступа иностранному капиталу в национальную экономику. И там требуют именно того, что нередко смертельно опасно для суверенитета, для жизненных интересов государств региона. Ну а как же демократия? Как она защищает права человека, существующего в рыночной экономике? Действительно ли он так свободен и способен влиять на политику? Как там, в мире христианской западной цивилизации? В одной из своих статей уругвайский писатель Эдуардо Галеано в этой связи отмечал: «Речи о формальной свободе, свободе поверх всех противоречий реальности, служат целям тех же самых лис, которые требуют свободы действий в курятниках. То же происходит и с разглагольствованиями о формальной демократии, которая далека от интересов народа, хотя и заверяет, что служит ему. Западный «демократиметр» отражает чисто внешние аспекты: брачный контракт имеет больше значения, чем любовь, похороны больше, чем сам умерший, одежда больше, чем тело, месса больше, чем Бог. Игра в демократию более важна, чем сама демократия». Не похоже ли это на то, что порою проявляется в последнее время и в нашей жизни?

Но вернемся к проблеме приватизации, которая в ряде случаев приобретает широкий характер, выдается чуть ли не за панацею от всех социально-экономических недугов. И здесь своя закономерность, которую стремятся замаскировать с помощью разных мифов и пропагандистских вывертов... О ее сути пишет венесуэльский экономист Хосе Мигель Ускатеги Лима в каракасском журнале: ...приватизация «ставит капитал выше зарплаты, прибыль выше зарплаты... противопоставляет рынок государственному регулированию, превыше всего ставит экономический фактор и принижает фактор социальный...». В венесуэльской газете «Эль Насьональ» также подчеркивается: приватизировать — это означает передать общественную собственность в частные руки. Обедняется страна в пользу частников, уменьшаются ее ресурсы. При необходимости приватизация должна проводиться под строгим контролем национальной общественности и в рамках строгой законности. В мексиканском журнале «Просесо» содержится предостережение: опасно, когда экономика и политика переплетаются друг с другом, как это наблюдается в процессе приватизации. Как бы не выплеснуть вместе с грязной водой и ребенка, «лишая целые народы безопасности и перспективы». Едва ли может укрепиться демократия «в условиях, когда миллионы латиноамериканцев пребывают в нищете».

Приведенные факты и суждения вокруг приватизации в Латинской Америке представляют для нас, советских людей, непосредственный интерес. Они предупреждают: будьте осторожнее, не фетишизируйте рынок со всеми его производными. Его роль в других регионах планеты далеко не однозначна, а порою и откровенно вредна для поступательного и гармоничного развития. Несовершенны и формы демократии, которые увязываются с его «свободным» функционированием.

Владимир ЗАРУБИН

ОБРЕЗАНИЕ КОНСЕНСУСА

В «бурлацкой газете», то бишь в «ЛГ», наконец уяснили, чем чревато крушение «советской империи». Главный редактор криком кричит: «Прежде всего заявляю, чтобы не было никаких кривотолков: я сторонник сохранения Союза».

Наконец дошло до наших демократов, что распад ядерной «империи» грозит буквально ядерным распадом всему миру. Практической гибелью всему человечеству. Еще бы не мешало демократам перестать боготворить человека, принимавшего весомое участие в создании столь чудовищного оружия, и физиков-ядерщиков называть великими гуманистами! Намного гуманнее было бы держать имена всех «отцов» термоядерных бомб в тайне. А то неприлично как-то: люди всю жизнь занимались созданием насильственной смерти, а их нам подают голубочками-миротворцами, гуманистами.

Нет. Я не осуждаю А. Д. Сахарова. Я теперь ему очень благодарен за труды по физике, способствовавшие созданию жуткой бомбы. Эта жуть Союз наших народов теперь хранит! А то бы растерзали Россию на «районные суверенные» куски. И тут в связи с приватизацией и «суверенные фазенды» появились бы со своими «конституциями», «флагами» и независимыми войсками. С внутренней политикой ясно: Союз оставить, но всю союзную

экономику — дотла. Но как быть с внешней политикой? А так: полное уничтожение ядерного оружия! Если бы дело было только за СССР и США — уже бы договорились и уничтожили. Остатки захоронили бы на территории СССР. В одностороннем порядке.

Госпожа Тэтчер как-то проболталась сугубо по-женски: ядерное оружие является гарантом мира на данном этапе. Это верно. Но, кроме того, что ядерное оружие стало «гарантом мира», оно является еще и препятствием на пути установления Единого мирового правительства, или Сверхправительства.

Масонам сейчас приходится решать очень трудную задачу: как разоружить мир? А. Д. Сахаров почему-то был уверен, что к 2024 году они эту задачу решат и Сверхправительство над миром будет установлено. Почему именно к этому году? Может, взял просто круглую дату: 100-летие со дня смерти очень известного человека? А при чем тут масоны? Просто к слову. Везде они есть, только у нас их нет. Даже жалко. За державу обидно!

Сеньор Великий командор всемирной организации масонов («Труд», 9 декабря 1990 г.), отвечая собкору В. Кучерову, пока не объявляет о распространении их деятельности на Советский Союз:

«Насколько я знаю, — говорит он, — у нас есть контакты с Венгрией, Румынией, Болгарией, Чехословакией, Югославией. Возрождению там масонства способствовали, конечно же, перемены, происшедшие в последние годы в Восточной Европе. О контактах с советскими масонами я пока ничего не слышал. Однако если в России есть наши братья, то с удовольствием пригласил бы их в гости. Нам не важно, к какой они принадлежат партии и чьими сторонниками являются — Горбачева или Ельцина. Главное, чтобы они были людьми доброй воли...»

Великий командор масонства, таким образом, подтверждает «возрождение» масонства в перечисленных государствах в связи с «переменами». В СССР таких «перемен» пока не произошло, как только они произойдут — масонство «возродится».

И неужели до тех же пор будет продолжаться медленное массовое удушение народов нашей страны экономическим капканом?

Но это — к слову. Никто на такой вопрос не ответит.

Сегодня мы повторяем солженицынское выражение «жить не по лжи». Не по лжи — значит, по правде. Но зло — тоже правда нашей жизни. Есть добро в нашей жизни и есть зло! То и другое — правда. По какой же правде нам жить: по доброй правде или по злой правде?

Солженицын сказал нам о нашей жизни злую правду, тем самым как бы научая нас творить... Вот тут-то и растеряешься: что же делать-то надо? «Жить не по лжи!» — приказывает Солженицын, и демократы подхватили сей приказ, повторяя правду о сотворенном зле. Ничего доброго о нашей с вами жизни Солженицын не говорит, а раз так, то, следуя его учению, мы из зла не выберемся!

Говорят, Солженицын, Сахаров — великие люди. Но учение у них куцее. Они практически повторили подвиг Радищева. Кто же не знает знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву»? Если не все знают, то все слышали о нем. Это — учение о злой правде жизни. В России конца XIX и начала XX века оно преобладало и привело народ к революции. Мало теперь

найдется людей, способных восхититься нашей русской революцией.

Учение о злой правде жизни преобладает и сегодня, выражаясь в деяниях демократов. Народ пускают по второму кругу зла. В «круге первом» мы были. «Красное колесо» революции по нам проехало. Русский народ «на последнем издыхании» — предупреждает и Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию». На этот издыхающий народ наворачивается новое колесо. Какого цвета оно будет — это неважно! Важно, что оно уже завертелось на оси перестройки. На нас накатывается будущее. И демократы в первых рядах зовут народ под неумолимый обод этого колеса.

Можно восхищаться трудами и личностью Солженицына, как восхищались русские революционеры Радищевым. Но у меня они все вызывают сожаление.

Восхищения достойны масоны. Участие их в русской революции отрицать сегодня ну никак нельзя. Можно согласиться, что плодами ее масонам не удалось воспользоваться. Масонское правительство Керенского было в одночасье свергнуто крутой ленинской диктатурой. Масоны, по моим соображениям, — это, конечно, интеллектуальные люди. Против лома нет приема! — говорят сегодня интеллектуалы. А ленинская диктатура и была тем самым ломом, в буквальном и переносном смысле, который способен сокрушить все и вся. Масоны ведут игру по строгим правилам иерархии, ритуалов. А Ленин, за ним и Сталин взяли в руки лом диктатуры пролетариата и наломали в России дров, пытаясь разжечь мировой пожар: люди — поленья. Сгорели.

Один из героев романа В. Белова шепотом сказал, что масоны — страшные люди.

Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» явил читателю неких таинственных людей.

Сами о себе, устами своих зицпредседателей, масоны говорят, что они очень милые и благородные люди.

И все это верно, ибо никто не сказал о масонах всей правды, а говорится только узкая, односторонняя правда о них.

Таинственность разжигает нездоровое любопытство. А то упорство, с которым масоны хранят свои тайны, порождает у многих людей догадку, что масонство есть заговор против человечества.

Раньше они так и слыли заговорщиками, карбонариями, и многие, как заговорщики, оказались на плахе.

Лично мне масонство не нравится именно тем, что на его фартуке написаны слова «Свобода, равенство, братство». Это — обман! Бедные люди обманываются в надежде облегчить свое состояние, а те богатые, кто произносит эти слова, сознательно обманывают других. Уж кому-кому, а богачам надо бы знать, что равенство невозможно. Ну а человек, обманывающий других, должен признать, что это отнюдь не благородное занятие. А поэтому таинственность, которой окружили себя масоны, имеющая цвет романтики и мистики, служит лишь сокрытию обмана. А если сбросить этот цветной покров — не откроется ли мрак преступлений?

Кажется, КПСС проиграла тайную войну с масонством. Являясь более открытой организацией, компартия не избежала внутреннего разложения на своих высших иерархических ступенях. Начиная с секретаря райкома, человек не избегал соблазна двойной мора-

ли. «Свобода, равенство, братство» — для «учеников» или рядовых членов партии и для народа, для себя — разделение льгот и привилегий. Причем партийные «тайны» не являлись в полной мере тайнами для окружающих.

Если КПСС, фактически отказавшись от «борьбы против капитализма», ибо эта «борьба» не ведет к победе, сейчас не покажет народу лицо своего истинного соперника и противника, то она окончательно проиграет и бесславно закончит вековой путь.

Среди коммунистов были и, наверное, есть страшные люди. Не менее страшные люди могут быть и есть во всех существующих и образующихся партиях. Имена страшных людей всех партий должны быть известны народу! Тогда эти страшные люди потеряют силу.

Сегодня весь мир кричит, вопит и улюлюкает о преступлениях коммунистов, уже и фашисты не выглядят такими преступниками, какими были на самом деле. А уж масоны — эта тайная мировая партия — вообще представляются ангелами. Моцарт, видите ли, был масоном!

Народы мира живут в слепоте. Огласите списки всех тайных организаций — и люди ужаснутся. Но и прозреют. Мир знает о преступлениях коммунистов, но мы ничего не знаем о преступлениях демократов! Мы ничего не знаем о преступлениях либералов и тайных «братств».

За семнадцать лет диктатор Пиночет организовал жизнь страны. За тот же срок либеральный коммунист Брежнев привел великую державу к полному экономическому краху. За пять лет перестройки под демократическими лозунгами мы дошли до ужаса непредсказуемости завтрашнего дня.

Горбачев не пошел на диктатуру сразу. Только в этом его можно «обвинить». Сеть коррупции, преступной экономики возникла не при нем — при Брежневе, сейчас эта коррумпированная система требует узаконения, легализации. Радости от наших «демократических преобразований» народ не испытывает. Но, может быть, прав Горбачев? Он не пошел по пути Франко и Пиночета, но вряд ли желает разделить судьбу Альенде...

В реторте русской революции в первой четверти XX века сварился сплав — коммунистическая партия, претендовавшая на мировое господство. Одновременно возник еще один монстр — национализм, фашизм итало-германский, также претендовавший на мировое господство. Зарождался и зародился сионизм — разновидность национализма, — также не исключающий из своих планов мысли о мировом влиянии на судьбы народов. Ну и масонство оставалось как одна из самых скрытых сил, идущая к тому же — к мировой власти.

Фашизм разбит объединенными усилиями и осужден человечеством. Именно страны с коммунистической идеологией на плечах своих народов вынесли все ужасы борьбы и победы над фашизмом.

Казалось, но, вероятно, не казалось, а так и было, что после войны идеология коммунизма окрепла и усилилась. Оплот сионизма, только что образованный Израиль, сразу же отвернулся от «коммунистического монстра» — СССР, несмотря на то, что последний принимал самое активное и действенное участие в создании и образовании сионистского государства. Почему? Потому что коммунизм — это идеология бедных, мечта о лучшей доле, о счастливой или хотя бы сносной жизни.

Никогда не поверю, что коммунисты не хотели или не могли создать условий сносной жизни для народов, исповедующих эту идеологию. Им — не дали! Нам не дали развить и повернуть социалистическую экономику и хозяйство лицом к человеку. «Холодная война» не Сталиным придумана. Началась гонка выбившегося из сил в Отечественной войне народа по пути милитаризации.

Есть ли у нашей страны теперь выход? Надо ли нам разоружаться? Пока еще превалирует власть оружия. Имея это оружие, СССР обладает символической властью. Если этого оружия не станет, над миром сразу же установится власть денег. Поскольку в СССР денег мало, то и власти будет с гулькин нос. Богатых масонов это устраивает. Для них СССР — новое эльдорадо.

Стремление к мировому господству так или иначе кого-то приведет к катастрофе. Идея Единого мирового правительства не менее порочна, нежели идея Мировой революции. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» просто невыполним. Миллионерам всех стран объединяться намного проще, что они и сделали давным-давно.

Идея коммунизма весьма привлекательна для масс. Очень жаль, что сами коммунисты позволили беспринципным людям паразитировать на этой идее.

Но власть золота — тоже диктат, и более жестокий, чем диктатура бедных. Демократия — это буквально самоуправление. О какой демократии можно будет говорить, если миром будут править банки, мировые деньги? Трудно сказать, что лучше: принуждать (диктатура) или покупать (власть золота)?

Пять лет перестройки нас всех усиленно клеймят, обвиняя весь народ как носителя рабской психологии. Каждый манипулирует обвинительными словами по мере собственной бессовестности. Получается, что величайшую революцию сделали рабы, фашизм разгромили рабы, супердержаву создали рабы, экономические издевательства последних лет, пожалуй, самое яркое подтверждение тому, что мы опять-таки рабы?

Не хочет народ делать перестройку? А что он может делать в перестройке? Работать! Только работать. И странно. Несмотря на то, что продукты гноятся кем-то на складах и базах, товары застревают невыгруженными на станциях, везде вспыхивают искры национального экстремизма — народ-раб продолжает работать. Удивительный раб. И неумелый и ленивый, как о нем говорят, народ, скрежеща зубами, работает: выращивает хлеб, стоит у станков, спускается в шахты, ловит рыбу. А демократы бегают с лозунгами, собираются на панихиды по великим гуманистам, организуют спекулятивные кооперативы, открывают счета всяких фондов, рвутся в Советы как можно повыше и продолжают лаять на народ. Заполонили все перекрестки печатной-непечатной продукцией, порнографией и гороскопами, пооткрывали видеосалоны, все занялись рекламой: «Инкомбанк вам поможет».

Ничто нам не поможет!

Действия демократов провоцируют установление диктатуры. Любой! Народу безразлично, кто возьмет власть и скажет: «Хватит!»

Так ведь было уже. Пришли разные люди. «Народ плохо живет, — говорят, — надо, чтобы лучше народ жил».

Сделали революцию, втянули в нее народ. Чуть жив народ остался.

Жив. Приходят другие люди и вновь говорят: «Плохо наш народ живет. Надо лучше. Накормить его надо».

Стали лучше делать. Совсем есть народу нечего стало.

«Плохо народы живут, потому что — империя! — говорят инородные радетели. — Надо, чтобы каждый народ по-своему жил: чукчи в своем государстве Суверенная Чукотка, украинцы в Самостийной Украине и так далее».

Что это за люди такие, что так о народе заботятся? Страшные это люди. Очень страшные. Как бы они себя ни называли теперь — демократами или анархистами, — нет и не будет им прощения. И если они не угомонятся, то придет страшное время отмщения за все, потому что нашему народу терять больше нечего. Совсем нечего! Последнюю рубаху отдали в помощь «развивающимся странам». Совсем недавно в «фонд мира» из нищей зарплаты по три-пять рублей жертвовали. Все! Выдохлись.

Русский народ! Думаешь ли ты, что творится-то?! Я знаю, что твое дело — работать. Думают в моссоветах, горсоветах, поссоветах, а нам работать надо. Но мы должны, слышишь, народ, осознать, что творится и ради кого и чего работать. Иначе опять... Опять получится из нашей жизни эксперимент... Только не эксперимент это! Не эксперимент. Это — геноцид! Это уничтожение русского — в первую очередь! — народа и народной идеи. С коммунизмом покончено. Да и не был весь народ коммунистическим. Была идея — построить общество, в котором трудовые люди будут и владеть, и пользоваться, и распределять блага по справедливости. Народ признает правильной только одну идею — идею справедливости. Эта идея была как-то «теоретически» связана с идеей коммунизма, с идеей социализма. Вот и весь народный курс «марксизма-ленинизма». Нас принуждают отказаться от этой догматической идеи. Но от идеи справедливости мы отказаться не можем, не в силах, это было бы равносильно самоубийству.

Перестройка начиналась с того, что все демократы с жаром клялись в верности Горбачеву, будущему Президенту! Сами же первые подали мысль о президентской власти. Но с не меньшим жаром запротестовали, когда Горбачев стал брать и почти взял эту власть. Почти взял. Реальной власти ни у кого нет.

Положение с властью неописуемое: партия устранилась, Советы власть не взяли, Президент ею не обладает. Кто же правит страной? Вернее, уже не правит, а добивает. Партия? Нет смысла и невозможно: демократы ее бы уже «разоблачили» и показали бы по демократическому телевидению и в демократической прессе компартийный саботаж. Советы? Да вроде они настолько молоды, что ни строить, ни разваливать еще не научились. Президент разваливает страну? А зачем ему это делать? Конечно, Президент может развалить страну бездействием.

Диву даешься, глядя на М. С. Горбачева: имел смелость устроить в мире такой ералаш, а робеет перед применением силы. В стране совершаются в неисчислимом количестве экономические, финансовые, государственные и нравственные преступления, а Президент... только пальцем кому-то грозит.

Кого он боится?

Многим предельно ясно, что в стране ширится саботаж. Народ молча участвует в саботаже снижением рабочей активности. Иначе поступать народ не может: революция сверху! Не было же призывного: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Не было. Народ не встал, но пять лет наблюдает, кто кого одолеет.

А кто же все-таки все разваливает? Люди звереют без мяса, а мясо протухает где-то на складах, пшеница сгнивает под открытым небом — колхозникам ее некуда деть, элеваторы не принимают. И так везде.

Президент боится объявить войну преступникам! Почему? Вспомним, как бывшего премьер-министра затюкали и чуть не сняли с поста демократы, когда была раскрыта незаконная махинация некоего «кооператива» (АНТ) по продаже иностранным партнерам эшелона с вооружением. Остается предположить, что за спиной каждой группы организованных преступников стоят страшные «демократические силы», которые по каждому случаю их разоблачения начинают такие дебаты, что Президенту рта не дают раскрыть.

Пока абалкины нам мутили мозги с проектами «экономических реформ», пути нашей «перестройки» были четко спланированы, и у Президента, видимо, уже нет выхода.

Пять лет Михаил Сергеевич говорил, что «у нас есть концепция перестройки», хотя не говорил, в чем же эта концепция заключается. Сохранив втайне от народа суть своей концепции, Горбачев, вероятно, не уберег этой тайны от тех, кто сумел разработать контрконцепцию...

Это может свидетельствовать только об одном: Горбачев боится своей страны.

Демократы почувствовали, что продули партию в джокер с Генсеком-Президентом. Завиляли хвостами. Г. Попов даже согласен на денежную реформу.

Замордованный народ! Вспомни, как демократы призывали отменить паспорта, а стали во главе моссоветов-ленсоветов и — мало паспорта! — ввели «визитки», произведя двойное закрепощение человека. Если Главе государства не доверять, то кому же тогда?! Неужто депутату МДГ Заславскому?

Народ выдержал страшное бремя перестройки. Устоял. Хотя стоять ему приходится в очередях за хлебом — при небывалом урожае, выращенном на полях народных.

Народ устал от «демократической вакханалии». Это не демократия — то, что сейчас творится в стране. Это — анархия. Дело же не в гибели государства, а в гибели народа, к чему и ведет существующее в стране положение. «Демократы» и, конечно, масоны нам уши прожужжали о прекрасной жизни народа, например, в Америке. Но Америка прошла через диктатуру своих президентов: и Линкольна, и Вашингтона, и многих других. Зачем далеко брать! Сегодняшняя демократия Чили прошла через диктатуру Пиночета. Демократ Альенде не справился с вакханалией «демократии». И никто с ней не справится ни в кои веки.

М. С. Горбачев, видимо, убедился в этом кровавом лозунге «свободы, равенства и братства», способном сразу же являть свое страшное лицо. Это естественно для любой революции — уничтожать самое себя. И если подымется народ, то он будет уничтожен, он самоуничтожится. Как только заговорили о рево-

люции, надо отбрасывать мысли об улучшении благосостояния народа. Перестройка, как революция, сама себя привела к логически оправданному концу. Народ может либо воевать, либо работать. Сейчас мы еще не воюем в полную меру, но уже и не работаем в полную силу. Мы ждем. Пять лет «демократии» разожгли внутренние распри и развалили хозяйство. Продолжать так же и далее — не только глупо, но и подло. Народу воевать нельзя — это крах всему миру. Что же остается? Пусть «воюет» Президент! По крайней мере, это будет направленная война.

Скрывать нечего. Мы подошли к тому критическому моменту, когда возможна вспышка настоящей и жестокой гражданской войны — демократическая анархия создала этот момент. А диктатура — это один из способов ведения гражданской войны. Из всех зол выбираем наименьшее — сильную президентскую власть. Это еще не диктатура, но это уже не демократическая анархия.

Народ не желает гражданской войны, но война уже идет. Так пусть ее ведет Президент, пять лет назад сказавший: «Так жить нельзя!» Так жить, как живет народ спустя пять лет, тоже нельзя. Невозможно.

Люди стали угрюмы. Все озлоблены и растеряны.

Поэтому улыбающийся масон, фотография которого сегодня вдруг попадает на газетную полосу, вызывает в душе только ненависть. Происходит заворот души.

Нет у меня желания оправдывать и свою бездеятельность. Наверное, я сделал не то, что мог бы делать с большей пользой для себя и людей. В годы застоя нырнул на самое дно трясины — в гегемоны, которым официально считался рабочий класс. И тридцать лет худо-бедно тянул лямку. Но мне просто не верится, что без «иностранной помощи», без невидимого влияния сил извне мы сами докатились до жизни такой, когда стало явно ощущаться это «так жить нельзя». У многих родилось чувство пренебрежения к людям, которые продолжали «жить на зарплату». Я хотел остаться честным, то есть постараться все-таки прожить на эту самую зарплату, хотя подозревал, что в обществе появились люди, ворочающие если не миллионами, то многими тысячами, которые складывались у тех людей, конечно, не из зарплаты. Жить было еще можно, но я понимал, что долго так продолжаться не может — эти темные тысячи, сотни тысяч и миллионы обрушатся на мою голову и раздавят. С эйфорией воспринял я начало перестройки. Гласность! Гласность, думал я, всех выведет на честный путь жизни по зарплате, которая, конечно, полностью меня не удовлетворяла. Но далее началось несуразное. Демократы стали глаголить о свободе предпринимательства, о частной собственности и прочем, что сразу же меня, рабочего госпредприятия, должно было смести на свалку построенного и теоретически обоснованного «развитого социализма».

И я готов стать на колени перед КПСС и молить ее: «Что же вы предали народ свой? Или он плохо служил вашим идеям? Что же вы, восемнадцатимиллионная армия «верных ленинцев», сдаетесь перед желторотыми демократами? Уходите со сцены, как нашкодившие коты?!» Эти слова похожи скорее на проклятия, чем на мольбу. Но пусть. Пусть это и будет моя мольба-проклятие.

Тот грохот, с которым рушатся, казалось, столь незыблемые структуры идеологии, парализовал всех.

Даже КГБ съежился под ударами новой «идеологии». Столь «жуткий» орган, как расписывают его вчерашние диссиденты, тоже парализован. Судя по высказываниям демократов — КГБ всесилен, на всей планете есть его «резиденты» и филиалы. А что же на самом деле? Оказывается, он с одной Новодворской не может справиться!

Имя этой дэзсовки я просто вставил в строку. Я понимаю, что КГБ, конечно, не бессилен. Однако поведение его говорит о том, что существуют какие-то весьма мощные силы, довольно успешно могущие парализовать даже этот комитет. Мне странно видеть вопиющие факты: сегодня самый захудалый кооператив имеет свою печать, газету или хотя бы листок из-под ротапринта, с помощью которых они утверждают свою уголовно-«демократическую» идеологию. Но где газета, где печатный орган КГБ? Сколько же нас будут пугать этим комитетом? Или у него нет средств для печати? Может, бумаги нет? Может, людей нет, способных толково и честно ответить шельмовщикам по существу «инкриминируемых» демократическими борзописцами этому комитету прегрешений? Есть такой комитет, и он должен говорить с народом на общедоступном языке о своих делах. Тогда мы сами определим, правы или лживы корреспонденты-кагэбэненавистники. Комитет государственной безопасности теперь просто обязан вступить в диалог с народом, не пугаясь, что его не так поймут. Поймем! КГБ должен служить не пугалом для народа, а тем, что содержится в его названии.

Безопасность государства есть безопасность народа! — вот что должно поселиться в сознании и в душе человеческой.

Демократическая пресса сделала черное дело. КГБ — враг народа, КПСС — преступница, МВД — говорить излишне. Армия Советская удостоена борзописцами роли «народного палача»! Куда уж дальше?

Кто, кроме КГБ, может сказать правду? Ведь страшно жить, когда все государственные институты «антинародны»! Да и незачем жить в этом случае.

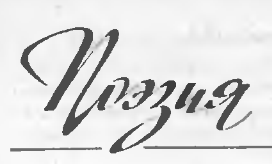
Почему же зверем смотрит демократия?

Главное, потому, что ее «крестный отец» А. Н. Яковлев орудовал большевистскими методами: «Почта, телеграф, телевидение — наши!!!» Ура! В прессе были водворены, как казалось большевистскому идеологу А. Н. Яковлеву, самые «яркие» демократы — Коротич, однофамилец и так далее.

Демократы везде и всюду кричат, что они — и только они! — пользуются поддержкой и доверием народа! Надо прямо сказать, что это мнение чересчур преувеличено.

Из всего сказанного на последнем Съезде народных депутатов я сделал вывод, что Президент, наконец, решается произвести обрезание консенсуса между нашей демократией и организованной преступностью. Демократам стало уже больно, завопили о диктатуре. Никакой конспирации! Выдают себя с головой. Успокойтесь, демократы! Не только вам, а кое-кому из консерваторов тоже станет больно, когда этот консенсус организованной преступности резать будут. Но его надо резать. Надо. Иначе все пропадем ни за грош. Диктатуры не будет, Президент не рискнет. Да и не позволят зубры мировой демократии, свободы, равенства и братства.

●

Ольга ФОКИНА

РАЗЛОЖЕНИЕ АТОМА

Закрывай, Василий, душу,
Не выстуживай себя.

Василий Федоров

* * *

Я живу без интереса
К оглашенному «прогрессу»,
Год от года безнадежней
Свой натягиваю гуж:
Слишком много перевесов
В пользу плутов, мотов, бесов,
Суеты пустопорожней,
Краснобаев и чинуш.
Не хочу давать ответы
На дежурные анкеты:

Как справляюсь с перестройкой?
Как арендный чту подряд?
...На худое — нет запрета,
На святое — нет декрета.
Нэпоман на месте бойком
Все и вся разрушить рад.
И привыкшие не рушить
Поразвешивали уши:
Жизнь в колхозе — под бульдозер!
Землю рви на лоскуты!
Огребайся, загребущий!
Разоряйся, неимущий:
Из Америки навозим
Работяг, коль сгинешь ты!
Из Америки — пшеницы,
Из Америки — певицы,
Из Америки — болезни,
Из Америки — шприцы...
Успевай посторониться,
Русский «лодырь», «раб», «тупица»:
В узелок манатки, песни
И — валяй под бубенцы
Вниз по матушке по Волге —
Комсомольцы, комсомолки,
Пионеры и партийцы,
Сталин, Ленин, револю...
Ох и резвые ребята
Те, что нынче в демократах
Во Москве, родной столице,
В той, которую люблю!
...Все родное — «оплошало»,
«Обнищало», «отощало»!
То ли дело за границей —
Облизнулись, кто езжал!
А народец наезжалый
Надо вымести, пожалуй,
Иль помочь скорее спиться,
Чтоб езжалым не мешал.
Пере-пере-пере-пере:
В атмосфере! В мере! В вере!
Ты создашь — они разрушат:
Что возьмешь с таких ребят?
Потому не будь тетерей:
На ворота, ставни, двери

Закрывай, душевный, душу:
Не выстуживай себя.

* * *

То львовство государево, то зайство.
То эти лапки вверх, то те скулят.
В политику, как в сельское хозяйство,
У нас теперь вербуют всех подряд.
Взыскуют завалящие таланты,
При прошлых львах задвинутые в кут,
И всех родней выходят эмигранты,
Которые на родину плюют.
Прославиться теперь простого проще:
Сварганъ «Программу», вызубри слова,
Под вечерок ступай куда на площадь
И заявляй о попранных правах.
От праздности, от гласности дурея,
Бей в колокол, сжигайся и кричи
Хотя бы о холодных батареях,
Хотя бы ты и сам их отключил.
Замечен будешь, будешь облюбован:
Теперь в цене такие соловьи!
Мгновения экрана голубого,
Считай, сегодня вечером — твои.
А что? Покавээнишь суперменски,
Покажешь и докажешь, что почем:
Альтернативный, скажем, Оболенский
И внеальтернативный Горбачев.
Примкнув сегодня к левым, завтра к правым,
В конце концов выруливай на центр,
И будешь каждый день в зените славы,
С тройной улыбкой на одном лице.
Что было адство — то сегодня райство.
Вся «дрянь» — у нас. Все «золото» — у них...
Политика, как сельское хозяйство,
Нуждается в работниках иных.

* * *

Без принципов?
То бишь без якорей?
Без компасов, рулей и ватерлиний

Под шепоток во весь роток: «Скорей,
Покуда капитана не сменили»?
Без строгостей? Без тюрем для убийц?
Свободно — без законов и указов?
...Откуда столько масок вместо лиц?
Иль это — лица вместо прежних масок?
Испуган и растерян капитан:
В его команде — тайные пираты?!
В борта стучит открытый океан:
«Пока не поздно, поверни обратно!»
Ужель не сон? Не кто-то пошутил,
Испытывая волю капитана?
...Но дула сталь затылок ощутил:
«Не сметь назад!» — взведенного нагана.
Трепещет на флагштоке алый стяг.
Снуют акулы в океанской пене...
Угон авиалайнеров — пустяк!
Угон страны — на современной сцене.

* * *

Размахнись, рука,
Раззудись, плечо!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня
Освежи, взволнуй..

Алексей Кольцов

— Ах, размахнись, — скажу, — рука!
Ах, раззудись, — скажу, — плечо!
А возле уха на плече
Сакраментальное: «Зачем?»
Не твой ли прадед, раззудясь,
Звень-топором по соснам — всласть,
И всласть — корчевщиком у пней,
И всласть — с сохой по новине?
Не скуп, не узок был замах:
Дымился лен его рубах,
И дом вставал — венец к венцу,
Под стать трудяге-молодцу.
Свой дом! Свой хлеб! Земля своя!
На ней всходили сыновья
И поле к полю, к дому дом
В ряд с отчим — миром да ладом!

И виделось, наверно, им,
Что мы их дело повторим.
...В деревню эту много раз
Водила мама малых нас.
В ней было дюжина домов,
И чуть не в каждой — Копылов:
Андреевичи, сам Андрей...
Крапива в рост, репей, пырей
На месте тех домов теперь:
Не хлопнет кнут, не скрипнет дверь,
Не выйдет бабушка встречать
Нас, принаряженных внучат,
А встретит, глуби не тая,
Расхристанная колея,
Где трактор шел... Он — не злодей
И сам не ходит без людей,
Но, видно, люди — не добры...
О поле — ямы да бугры,
Скажи мне, поле, кто ж тебя
Так искорежил, не любя,
Так заболотил, иссушил,
Так на закланье положил?
От ячменины до другой
Такой простор — хоть до́мы строй!
Хоть парой-тройкой поезжай!
...И распаляется душа:
Ах, размахнись, моя рука,
Ах, раззудись, мое плечо!
Вновь окрестьянься, обрусей:
Перепаши и пересей,
Зря ни зерна не урони,
Крест-накрест перебoрони!
Ах, ветер полудня! В лицо
Пахни — и освежи, взволнуй!
...Но руки налиты свинцом,
И вялых плеч не разверну.
И сын мой в сторону глядит,
«Вперед и дальше» норовит,
И ни сейчас, и ни потом
Здесь не мечтает строить дом.
— Идем! — торопит за реку
И под печальное «ку-ку»,
Смеясь, заводит мотоцикл!
Винюсь и каюсь, праотцы.

* * *

Обижались, что были Винтиками
В механизме родной страны...
Новоявленными политиками
Днесь — во что мы низведены?

В государстве, на лом назначенном,
Остановлен, остыл мотор.
Значит, Винтики «набатрачились»?
Рви резьбу? Ускоряй разор?

Прочь из пары с державой-гайкою?!
С новым веянием на «ты»,
Правовой и цивильной, дай-ка я
Оболванясь, рвану в Болты!

Хорошо-то: без всякой нарези!
Без пристрастий-отверстий: САМ!
Не износишься, не запаришься
Вне рабочего колеса.

...Рынок. Бартер. Приватизация...
А желаете — перевод,
Как ПО-НАШЕМУ называется?
— Рыло. Барин. Прислуга. — Вот!

* * *

— А зачем, — говорит брат, —
Груз забот на себя брать,
Если только Москва — мозг,
Остальная страна — хвост?
Не пристало — хвосту — мысль!
Завелась — хвостану: брысь!
Наше — «виль-виль» да «мах-мах»!
Знать да думать — на кой прах?
От заботы висок — сед!
Ляг с заботой — и сна нет.
От заботы и лоб — лыс!
А на кой мне такой риск?
— Стой-постой, — говорю, — брат,
На себя, на страну врать!

Успокоился он — ой,
Дали волю — мели-пой,
Будто впрямь, как в раю, спишь,
Мускулишками жив лишь,
Машиненкой от бед скрыт,
Поросенком своим сыт,
А река, где мазут сплошь,
Так она не твоя — что ж!
И пескарь, что, сомлев, всплыл,
Видно, был отродясь хил,
И тебе все равно, мол,
Кто в речонке взрывал тол,
Чтоб щуренков рукой брать...
Я не верю тебе, брат!
Чтоб рабочий, чтоб класс-ас
Расписался, что он — пас
До всего, что не рубль в горсть?!
— Человек на земле — гость,
А земля для него — стол.
Что ж творить, если стол — гол?
Съели «на», — соберем «под»
Под призывное «вперед!».
Указатель — Москвы перст...
— До Москвы — десять сот верст!
— Десять сот — не велик путь:
В телефонишко верть-круть,
И — вались, вековой лес,
К человечьим ногам — весь!
— Рубишь — силой слепых рук —
На котором сидишь — сук!
А своя голова — где?
— А своя — для других дел:
На своей шевельну мех;
Плескану первача: — Эх!
И без дум, без забот — спать.
Нас, таких, по стране — рать!
И не вешаем мы нос:
Нам велели — не с нас спрос,
Что на месте тайги — голь.
Было б чем заглушить боль —
Все повырубим на — ять!
...— Вдоль по рекам стволы гнать,
Чтоб березу — в топляк, в гниль?
— Мелочовка! Хотя — быль.

Но у хлеба без крох — как?
Мы не нищие пока:
Все при нас — голова, хвост...
Вот за это — давай тост!
Что? Звучит, как сигнал SOS?
Докатился до SOS росс?
Все возможно... но — опять:
То не нам: голове — знать.

* * *

Не разлагайте атом:
Энергия — убьет!
...Пока сидим по хатам:
Кто думает, кто пьет.
Кто лозунги малюет
В поддержку и в протест...
Мы прежде были — люди,
А нынче — кто мы есть?
— Голодные-дурные.
Без принципов-идей —
Простые составные
Гадюк-очередей:
За запахом куриным,
За хрюшкиным мослом...
Зато внедряем рынок!
Зато Союз — на слом!
Зато, не зная брода,
Зовет нас в воду власть,
Зато кругом свобода
Обманывать и красть.
Зато не друг для друга,
А каждый для себя:
От севера до юга
Живи, греби, ребя!
Земной поклон — богатым!
Тройной — на бедных — гнет...

Не разлагайте атом:
Энергия — убьет.

Вологда

Художник С. Трофимов

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Книга II

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первая книга романа-хроники «Черная ночь» опубликована в № 6, 7 «МГ» за 1990 год.

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Допрашивается обвиняемый Гейнц Штальп — концлагерь Майданек.

Штальп. Как-то утром, когда я находился на швейной фабрике, в лагерь пришли два грузовика, в них погрузили детей, чьи родители были заключены в Майданеке. Родителям сказали, что детей увозят в воспитательных целях.

Прокурор. Детей тоже раздевали догола?

Штальп. Да.

Прокурор. Сколько там было детей и какого возраста они были?

Штальп. Многие дети были совсем маленькие, им не исполнилось еще года, но забирали также тринадцатилетних и четырнадцатилетних подростков.

Прокурор. Каким образом их загоняли в газовые камеры?

Штальп. Грузовик подъезжал к газовой камере. Здесь его ждали охранники; потом детей отводили на плац перед женским бараком (плац № 1), десять женщин, выделенные специально для этой цели, раздевали детей. Затем детям приказывали войти в газовую камеру. Их успокаивали, говоря, что там им будет хорошо. Некоторые малыши плакали, хотя и не понимали, что их ждет смерть. Когда вся партия оказывалась в газовой камере, один из охранников закрывал дверь, потом через четырехугольное отверстие опускались баллончики с газом.

Прокурор. Обвиняемый, видели ли вы трупы задушенных детей в газовых камерах? Как они выглядели?

Штальп. Да, я часто видел трупы узников в газовых камерах. Ясно было, что легкие у них разорваны, но кровь шла горлом не всегда. Дня два спустя трупы приобретали зеленоватый оттенок.

Прокурор. Правда ли, что людей, умерщвленных газом, не удаляли из камер и что последующие партии заключенных вталкивали прямо на трупы?

Штальп. Да, правда. Трупы оставляли в камерах; туда загоняли вторую партию, потом третью, каждая партия состояла из пятидесяти человек. Так продолжалось до тех пор, пока в камере не скапливалось триста трупов.

Прокурор. Значит, живых заставляли ступать по трупам. Могли ли они разглядеть мертвецов?

Штальп. Да, конечно.

Прокурор. Правда ли, что от действия «циклона» начиналось кровотечение из легких, а из прямой кишки выходил кал?

Штальп. Да.

Прокурор. Правда ли, что каждая последующая партия заключенных должна была собственными руками очищать себе место, перетаскивая трупы?

Штальп. Места хватало.

Прокурор. Однако, когда газовая камера заполнялась почти до потолка трупами, последующим жертвам приходилось выносить мертвых и чистить камеру?

Штальп. Да, так бывало.

Прокурор. А бывало, что родителей разлучали с детьми, что мать умерщвляли раньше, чем дочь, так что дочери приходилось убирать труп собственной матери?

Штальп. Да, бывало, но им разрешалось идти в газовую камеру вместе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Воображение рисует чудовище, похожее на краба, с уродливой головой. Мозг его воспален; в глазах черная ненависть, лютая злоба. У головы два центра, управляющие воинственными наклонностями чудовища: они постоянно враждуют и грызутся между собой.

Один центр назывался Главным командованием сухопутных сил (сокращенно ОКХ). Главари его — два генерала: Гальдер и Браухич; судьба последнего предрешена: ему дадут пинок, и он станет козлом отпущения за многие провалы и просчеты, — их припишут ему.

Второй центр — Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ). В нем сидело нечто жестокое, низменное и туполобое, называемое генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Как бы лишенное собственных страстей и собственных мыслей, оно избрало своим назначением пресмыкательство перед существом, управлявшим обоими центрами (и многочисленными другими) и возведшим самого себя в ранг божества, более могущественного, нежели витающее где-то в пространстве.

Как и подобает божеству, оно утвердилось в мысли, что все знает, видит и предвидит.

Оно умеет притворяться, лгать, изворачиваться, шантажировать, угрожать, топать ногами и рычать.

Десятки миллионов людей поклонялись божеству, пели ему «Осанну», распластывались перед ним и верили, что оно действительно может совершать чудеса.

Чудовище, утроба которого уже была набита человеческими трупами, еще не нажралось вдосталь и требовало новой крови и новых миллионов трупов.

Прямо от головы в разные стороны расходились несколько лап, несущих смерть, разрушения и безмерные страдания. Одна лапа протянулась до Пиренеев и, вцепившись в глотку Франции, высасывала из нее все, что могла высосать.

Вторая столь же немилосердно терзала Бельгию и Голландию.

Третья протянулась на север; щупальца ее распространились на Данию, Норвегию и Финляндию.

Четвертая лапа душила Балканы.

Эти лапы время от времени судорожно вздрагивали от ударов тех, кто не желал быть удавленным ими. Иногда такие удары были довольно чувствительными, но чудовище еще могло зализывать раны и отращивать новые когти взамен вырванных.

2

Еще несколько лап, самые хищные и могучие, закованные в броню танков, ощетинившиеся тысячами орудий, миллионами автоматов, пулеметов и минометов, сопровождаемые тучей самолетов в воздухе и легионом палачей на земле, перешли границу соседнего мирного государства, дабы, сокрушив его военную мощь, затем в конечном счете уничтожить его народ.

Главную силу нападающих составляли те, кто по единому движению пальца божества-фюрера шли туда, куда им приказывали, громили, уничтожали, жгли, убивали снарядами, бомбами, пулями, минами, давили танками, травили газом в душегубках. Не знали от них пощады ни старики и старухи, ни дети, ни даже младенцы.

Солдатам вдолбили, что они славно проведут краткосрочный русский поход в чудесные летние дни, топча большевистские армии; повеселятся в городах и селах, где их встретят горячими объятиями, поцелуями, цветами и другими дарами, потому что все эти бедняги рус-

ские, украинцы, белорусы и грузины, настрадавшись под властью большевиков, только того и ждут, когда к ним придет армия божества, освободит от коммунизма, от евреев и наведет свои порядки.

В Киеве они надорвут глотки, крича «хайль» Гитлеру, когда тот на белом коне въедет в стольный град Рюрика и объявит, что овладел им по праву наследства: ведь некогда здесь властвовали белокурые норманны, люди чистейшей нордической крови, как и сам фюрер.

Москва прельщала орду сказочными богатствами, и уж фюрер, конечно, отдаст ее им на разграбление.

Ленинград манил их тем, что здесь, в колыбели коммунистической революции, они перепашут улицы, да так, чтобы люди навек забыли об этом огромном городе.

В Мурманске они мечтали нажраться рыбы, чем, как им рассказывали, славен северный город.

Так, веселясь, набив карманы золотом, армейские машины — добром доверху, они дойдут к осени до Уральских гор, а там и делу конец.

3

Лапы вторжения имели свои названия.

Та, что с ревом ползла в обход Припятских болот с юга, называлась группой армий «Юг».

Ею управлял выкормыш нацистского божества генерал-фельдмаршал фон Рунштедт, не столь давно палачески кромсавший Францию и вполне уверенный, что его дивизии шутя-играючи уничтожат противника и с ходу ворвутся в самую древнюю столицу Руси.

Левее (если смотреть с запада на восток) — вторая, самая страшная лапа: две армии, две танковые группы — называемая группой армий «Центр», доверенная фон Боку, целилась на Москву.

Фон Бок не сомневался, что дней через десять-двенадцать будет в Кремле и приготовит в одном из дворцов трон для фюрера.

Третья лапа (именуемая группой армий «Север», ее вожаком был фон Лееб — две армии, одна танковая группа) тянулась щупальцами к бывшей столице России, к городу, носящему имя Ленина.

Фон Лееб заверил Гитлера, что недели через две он пришлет ему донесение с центрального ленинградского

телеграфа. Был заготовлен даже пропуск для поездки в Ленинград...

Была еще одна лапа, самая северная, где финны и немцы попытались очень быстро ворваться в Мурманск. Им крупно не повезло. Всю войну они протоптались почти на одном и том же месте. Гитлер хоть и ревел от ярости, немецкий генерал Фалькенхорст хоть и лез из шкуры, но, как говорится, близок локоть, а не укусишь.

4

В свидетели тех событий мы берем историка не нашего и не дружественного нам, а немецкого. К слову сказать, Типпельскирх почти ничем не отличается в своих писаниях, выводах и обобщениях от авторов неиссякаемого потока мемуаров о второй мировой войне. Как те авторы — фельдмаршалы и генералы — все беды объясняют «роковыми решениями» Гитлера, так и этот несчастья, постигшие Германию, валит на него же.

Первые успехи, распалившие в Гитлере веру в свое божественное предвидение, действительно были похожи на то, что происходило на Западе всего год назад. Не прошло и трех недель с рокового дня нацистов воскресного дня 22 июня, как они захватили Литву, Латвию, Белоруссию, огромный кусок Украины, Молдавию, проникнув в глубь нашей родины кое-где до пятисот километров.

Однако, хоть и хвастался Геббельс, хоть и грохотала нацистская пропаганда о котлах и могучем движении вермахта, хоть и сказал фюрер о скором конце войны, с первых же дней все пошло не так, как мнилось, до конца войны далеко, а каким будет этот конец, Гитлеру не чудилось в самых кошмарных снах.

Для нас в этой истории важно одно: почему все сроки, расписанные, что называется, календарно, начали срываться в первые же дни войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

График порабощения России пришлось пересмотреть.

Русские, как утверждает Типпельскирх, «держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их об-

ходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрудара из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось...»

Так-то вот они заговорили в конце августа!

Уже ни слова об отсутствии у русских резервов; напротив, впереди кромешный страх перед новыми крупными силами. Ни слова о скором окончании войны; наоборот, речь идет о конце зимы и будущей весне.

Внимательно читаем в этих местах книгу немецкого историка. Разумеется, мы и не ждали от него честного объяснения провала гитлеровского плана. А вдруг всетаки прорвется правда! Листаем страницу за страницей. Вдумываемся в каждую фразу. Стараемся уловить что-то между строк.

Опять и опять он валит все на Гитлера, на его решения распылить силы. И еще на то, что чем, мол, дольше затягивалась война, тем больше тускнел ореол непобедимости Германии и тем больше обнаруживалась неспособность немецкой военной администрации создать в оккупированных областях такой режим, который бы отличался от прежнего большей свободой...

Мутная фраза, но мы, увы, научились читать между строк. Дело, видите ли, в том, что немцы не сумели создать другой режим. Какой? Большей свободы для кого? Зачем долго думать! Фашисты удосужились вернуть сотню помещиков в области, оккупированные ими. Партизаны ликвидировали господ, прибывших в обозе вермахта.

В захваченные районы послали нацистских наместников, дали им в помощь свору палачей. Но и наместников, случалось, убивали.

Да, мы понимали всю невосполнимость утраты богатейших районов страны; страдали, узнавая о страшных военных неудачах первых месяцев войны, горько переживали ужасные страдания Ленинграда. Но не пали духом, не сломилась воля к победе, не сдали нервы. И даже те, кто остался на захваченной вермахтом территории, не склонили свои головы перед коричневой ордой. Нет, не только не склонили, но и там, в глубоких тылах, партизаны бились насмерть с лютым врагом. Народ знал, что время работает на него, что придет время и весь фронт немцев содрогнется от могучих ударов.

2

Сделав невинное лицо, Гитлер вдруг заявил, что не очень-то стремился к Москве, что для него она просто «название места», а «промышленный район вокруг Харькова важнее Москвы».

Он понял, что обессиленные лапы чудовища уже не в состоянии продолжать войну в темпе блицкрига и надо искать решения в других направлениях. Ими были, как и распорядился Гитлер, фланговые удары с целью овладения Ленинградом, Украиной и Крымом. Армии группы «Центр», отдавшие танковые части «Югу» и «Северу», перешли к обороне, и то был первый предвестник похорон плана «Барбаросса».

Война ушла далеко на юг и на север.

На юге нам тоже пришлось очень тяжело: потеряна Левобережная Украина и Киев, противник бился в ворота Крыма. Тридцатого сентября «храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам Одесского оборонительного района» Ставка Советского Верховного Главнокомандования приказала эвакуироваться в Крым. Трагические неудачи Советской Армии на юго-западном участке фронта открывали фашистам путь на Донбасс...

Все это взбодрило Гитлера, и он, запамятовав о недавних своих словах, снова ринулся на Москву...

«Москва должна быть окружена так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог бы ее покинуть...»

— Там, где стоит теперь Москва, — сказал Гитлер на совещании в группе армий «Центр», — должно возникнуть море, которое скроет от цивилизованного мира русскую столицу...

3

Татарские орды останавливались перед этими твердынями. Бывало и так, что они взламывали белокаменные стены, но уходили, все равно уходили, оставляя позади гигантский пламенеющий в ночи костер: горели улицы, горели дома. Проходили годы, и, словно Феникс из пепла, снова вставала Москва.

Польские шляхетские войска, наемников их королей и разбойничьих предводителей видели здесь, но не склонилась перед ними Москва.

В Смутные времена клич, брошенный Мининым и Пожарским, выгнать захватчиков и утвердить порядок и государственность летел во все концы России из Москвы.

«Великая армия» Наполеона нашла свою погибель в Москве.

В 1905 году восставшие пролетарии прокладывали пути к Октябрьской революции отсюда же, из Москвы.

Алексей Толстой писал: «Наш путь в будущее — через Москву».

В сердце России Ленин перевел правительство Советской Республики. Отсюда на фронты шли колонны вооруженных рабочих и крестьян, чтобы раз и навсегда выгнать белых генералов и заграничных интервентов. Ленинский призыв: строить социализм — слышали из Москвы.

После убийства Мирбаха немецкие империалисты, под предлогом охраны посольства, хотели оккупировать (да только сорвалась эта затея) столицу Советской России; через много лет они снова пошли на нее.

И первое сокрушительное поражение потерпели здесь же, под Москвой.

Не только в схватках с гитлеровцами, в танковых сражениях, в подвигах тысяч и одиночек, солдат и рабочих, офицеров и заводских мастеров, генералов и руководителей предприятий, мужчин и женщин показала свою могучую силу Москва.

Неисчислимые людские потоки, где женщин и девушек было не пересчитать, вышли на постройку дальних и ближних оборонных рубежей. Они оставили в нетопленых домах свои семьи, своих детей, чтобы защитить свою большую семью, свой огромный дом — Москву.

Рабочий, профессор, инженер, писатель, трамвайный кондуктор, взявшие винтовки, знали, что партия им сказала: «Не отдадим врагу нашу столицу!» Истекая кровью, они дрались за нее, за свою родную, неповторимую Москву.

Весь советский народ в те грозные часы вносил свою лепту в общее святое дело; кладбищем гитлеровских солдат будут поля под Москвой.

Там, среди полей и перелесков, дорогих нашим сердцам, в боях мужала рать военачальников. Жуков и Рокоссовский, Конев и Говоров, Лелюшенко и Катуков, Доватор, Черевиченко и многие, о! — многие другие показали величие духа, мужество и неустрашимость, беспредельные перед лицом озлобленного врага, рвущегося к Москве.

4

Подходили свежие силы: Сибирь и Урал слали дивизии. Шестого декабря прорвана оборона гитлеровцев у Клина. Это было предвестие разгрома немцев, уже видевших в бинокли центр Москвы.

За Клином последовали Яхрома, Белый, Красная Поляна... Немцы выбиты из Калинина, Клина, Солнечногорска, фашистов изгнали из Ясной Поляны...

Двадцатого декабря немцы бегут из Волоколамска. Через несколько дней Информбюро радует русских людей сводкой: немцы вышиблены из Наро-Фоминска, потом из Малоярославца и Боровска. Тридцатого декабря освобождена Калуга.

Наступление продолжалось до апреля: разгромлены 50 немецких дивизий. Враг уже не угрожал Москве.

Гитлер в ярости. Он прогнал Браухича и сам принял главнокомандование сухопутными войсками.

Гитлер знает: его непобедимая, как ему думалось, армия оказалась на грани уничтожения под Москвой.

Он понимает также, что значит этот сокрушительный удар: инициатива переходит в руки Советских Вооруженных Сил. И что бы там ни было потом, это поворот войны не в его пользу.

Он публикует лживые сводки, он успокаивает немцев, он толкует о незначительном отходе в целях выравнивания фронта. Но в глазах немца теперь и до конца войны кошмарным видением встают шесть букв: Москва.

«С тех пор, — свидетельствует Типпельскирх, — как немцы под Москвой впервые потеряли инициативу, после того, как были испытаны первые поражения, в их стратегии появились прямо-таки патологические черты... Возможно, только благодаря жестоким мерам Гитлера удалось предотвратить превращение оперативной неудачи в моральное поражение...»

Моральная стойкость немцев держалась на паутинке: вместо обещанных «тотальных» побед фюрер объявил «тотальную мобилизацию».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Главное имперское управление безопасности (сокращенно РСХА), окончательно оформленное декретом фюрера месяц спустя после начала войны в Европе, было одной из служб СС. Управление имперской безопасности делилось на семь подразделений. Одно из них, четвертое, — государственная тайная полиция, гестапо, — занимало несколько зданий на Принц-Альберштрассе.

Вряд ли в те времена была страна, где на внутренний шпионаж расходовались столь огромные средства, и вряд ли существовала другая тайная полиция, которая располагала бы тысячами секретных сотрудников вне страны.

Агентура гестапо не только проникла во все учреждения рейха; в главных городах Германии каждые пять домов обслуживал агент гестапо, имевший подручных если не во всех квартирах, то в любом доме — непременно.

Убийства из-за угла, шантаж, внезапные исчезновения людей, доносы, возводимые в национальную добродетель, система пыток, поставленная на научную основу, и сотрудничество с гестапо фашистской науки, разрабатывавшей гнуснейшие виды психологического воздействия на подследственных, орда профессиональных заплечных дел мастеров — вот краткий перечень способов устрашения и уничтожения, которыми пользовался незаметный в толпе и незаменимый знаток своего дела начальник гестапо Генрих Мюллер.

В его внешности — ничего злодейского; давно начавший лысеть, с тяжелой челюстью, огромным лбом и умными пристальными глазами, он носил обыкновенный штатский костюм, появляясь в мундире СС только на официальных приемах.

Кабинет Мюллера на Принц-Альберштрассе, 8, был просторен и светел; шеф гестапо удалил лишние вещи, которые могли бы отвлекать его от размышлений о той или иной операции.

На стенах кабинета ни картин, ни эстампов. Мебель с обивкой тусклых тонов. На столе два телефона, микрофон и рупор радиотелефона, подставка для карандашей и автоматических ручек, несколько папок разного цвета с

делами, позади шкаф с книгами, внушительный сейф в углу...

2

В описываемый день Мюллер листал дело «запрещенной компартии Германии». Этих дел в гестапо — центнеры; Мюллер знакомился со свежим, заведенным недавно: педантично выведенные таблицы и схемы, аккуратно подшитые листовки, газеты, манифесты, протоколы подпольных совещаний и конференций компартии...

До начала войны с Советами в среднем арестовывали за месяц двести-триста человек, обвиняемых в коммунистической пропаганде, в открытом призыве к саботажу на фронте и в тылу.

К концу того же года ежемесячный улов гестапо и абвера переваливал за тысячу. Все теснее становилось в тюрьмах и концлагерях: брали уже не тысячами, а в иной месяц по три и четыре тысячи, и казнили не сотнями, как до начала войны, а по три-четыре тысячи сопротивленцев.

Мюллер озабочен. Чем шире раскидывало свои сети гестапо, вылавливая противников режима, тем, по логике вещей, их должно было бы становиться меньше. Но одно дело логика гестапо, другое — логика жизни. Чем больше арестов, тем больше подпольщиков, вот что угнетало Мюллера.

А настроения интеллигенции?! Недаром коммунисты-подпольщики так старательно вербовали сторонников среди писателей, художников, композиторов! А пораженческие настроения солдат и офицеров? Да что офицеров! Некоторые фельдмаршалы готовы изменить фюреру. Двойную игру ведут кое-какие дипломаты. Например, Гизевиус, вице-консул в Швейцарии. Мюллеру известно, Гизевиус лишь прикрывается дипломатическим паспортом, на самом деле он агент Канариса.

Канариса! Этой хитрой бестии!.. Не о нем ли недавно разглагольствовало британское радио, утверждая, будто среди нацистов «Канарис единственный честный человек». Мюллеру достали журнал, издававшийся в каком-то провинциальном американском городишке. Там сказано буквально следующее: «Канарис, тот, кто возглавлявт заговор против Гитлера». И не он ли, Канарис, неосторожно бросил фразу, ставшую известной гестапо: «Мы

всё должны заплатить за эту войну, мы все несем ответственность за нее!»

— Неужели Канарис в самом деле работает на англичан?

3

Мюллер пристально следил за действиями Гейдриха в Чехословакии: палач поменьше рангом учился у палача самого высокого ранга.

Получив протекторат Богемии и Моравии, «мясник» Гейдрих сохранил должность генерального комиссара безопасности оккупированных европейских стран. Стоявшие там у власти истязатели вроде генерала Фалькенхаузена, распоряжавшегося в Бельгии, казались ему слишком мягкосердечными.

Протектор требовал крови. Крови и еще крови.

В мае, решив положить конец растущему Сопротивлению во Франции, Гейдрих предписал генералу СС Обергу покинуть варшавское гестапо и переехать в Париж. Гейдрих считал, что Оберг после того, как он навел «порядок» в Польше, сумеет задушить подпольное движение французов.

Затем Гейдриха видели в Гааге, где в то время шли массовые расстрелы. Вернувшись в Прагу, он довел до сведения «президента» Гахи, что для пополнения армии фюрера необходима мобилизация чешской молодежи.

Тогда же Гейдрих и Гиммлер решили поприжать Канариса — у абвера отбиралась армейская служба безопасности.

4

Встревоженные интригами Гейдриха, англичане попросили начальника чешской эмигрантской разведки полковника Моравца поторопиться с убийством «мясника».

Получив приказ сбросить ротмистров Кубичку и Габиша, пилот британского самолета высадил их совсем не в том месте, где отважных офицеров ждали ранее заброшенные в Чехословакию люди полковника Моравца.

Кубичка и Габиш долго плутали, пока связались с бенешевским террористическим подпольем. Оно уже подготовило все для покушения на протектора Богемии и Моравии, — ждали лишь исполнителей приговора.

27 мая 1942 года Кубичка и Габиш, вооруженные автоматическими пистолетами и минами английского изделия, с утра поджидали машину Гейдриха. Через полтора часа стало известно: тяжело раненный Гейдрих отвезен в госпиталь. Часы его были сочтены.

Новый протектор доктор Франк, вешатель и могильщик Польши, человек, создавший еврейское гетто в Варшаве, еще более жестокий и кровожадный, нежели Гейдрих, наводил порядок в Чехословакии.

Смерть одного фашиста стоила чехам тысяч жизней!

Но разве это усмирило их? Протектор Франк свирепствовал, а чехи, воодушевленные тем, что происходило на Восточном фронте, сопротивлялись не только саботажем, но переходили к вооруженной борьбе.

Гестапо в Праге сообщало Мюллеру: небольшой партизанский отряд имени Яна Жижки превратился в эпицентр партизанщины в Чехии. Словаки, втянутые реакционерами в войну с Советами, протягивают братскую руку чехам и формируют партизанские «Яношековы дружины». Сопротивление уходило в народные толщи стран, попавших под пяту Гитлера и Муссолини.

В те годы ни один нацист и солдат вермахта вне Германии не чувствовал себя в безопасности: их подстерегали взрывы мин там, где, казалось бы, их и быть не могло; волчьи ямы и разного рода ловушки и засады; выстрелы во тьме ночи; телефонные столбы с палачами, повешенными неведомо кем; отравленные колодцы; испорченная пища; внезапные нападения, откуда они не ожидались; бои в открытую; разнесенные в куски военные грузовики, горящие вагоны, заклепанные орудия...

Греческое национально-освободительное движение создало армию освобождения.

«Гвардия людова» расправлялась с нацистами в Польше.

Легендарный норвежский партизан Ларсен и командир еще одного партизанского отряда летчик и поэт Нурдаль Григ, воодушевляя норвежцев, превратили партизанское движение в гражданскую войну. Над квислингами во всех оккупированных странах качалась петля.

Эти партизанские очаги, превращавшиеся во всеевропейский пожар Сопротивления, питались примером партизан советских. Недаром бойцы французского боевого подполья пели:

Просыпайся, кто спит. Не сгибайся, кто тужит.
Пусть нас горе не гложет, веселье не кружит.
Пусть примером нам русское мужество служит.

5

Уж кому-кому, а Мюллеру были известны доклады служб гестапо, действовавших в России на территориях «Остланда» и рейхскомиссариата «Украина».

План «Ост», кровавая программа нацистов, покоился не только на разгроме русского государства.

«Решение расово-социальной проблемы, — писал один из комментаторов плана, — никогда не означало бы полного искоренения славян. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ».

Нацисты хотели такого террора, который будет «достаточным фактором для искоренения всякого намерения к сопротивлению среди населения».

Но русское население не захотело лезть в нацистскую петлю. Жестокости нацистов лишь разжигали пламя партизанского движения.

Однажды Мюллеру показали карту оккупированных вермахтом советских областей. Желтыми точками были отмечены районы действий партизан. Мюллер ужаснулся: карта выглядела словно лицо человека, болеющего оспой, — лишь кое-где эта ужасающая сыпь не затронула русскую землю.

К весне сорок второго года рейхскомиссариат «Украина» считал, что в пределах Украины действуют сотни партизанских отрядов и групп. Двести двадцать семь партизанских отрядов воевали в пределах Белоруссии — доносила администрация «Остланда».

Осенью сорок первого года и весной сорок второго партизаны Брянщины выгнали части вермахта из пятисот сел и деревень, создав свободную советскую территорию на тринадцати тысячах квадратных километров.

Партизаны и колхозники области отправили в осажденный немцами Ленинград двести подвод, нагруженных продовольствием. Сопровождавший обоз партизанский отряд в три тысячи человек (среди них тридцать отважных женщин), передвигаясь ночами, с боем пересек фронт вермахта и вошел в Ленинград, встречепный людьми, плачущими от счастья.

Посылали карательные отряды. Да разве могли каратели навести нацистские порядки на отвоеванной коммунистами и партизанами территории, превышающей пространство, занимаемое Данией и Бельгией, вместе взятыми?

Для подавления партизан нужны были дивизии и армии, а где их взять, если лето сорок второго года потребовало от вермахта, получившего директиву выйти к Волге в район Сталинграда и ворваться на Кавказ, напряжения сил двухсот тридцати семи дивизий, в том числе двадцати танковых?

Заукель, генеральный уполномоченный по рабочей силе, прошелся жестким гребнем по заводам и фабрикам Германии, выскребая всех, кто мог воевать, заменяя их миллионами рабов, угнанных из России и других стран. Кое-как проблема людской вооруженной силы была решена, но встала проблема другая: моральная.

И безотрадные вести с фронта...

Летнее немецкое наступление 1942 года на южном участке фронта, когда с обеих сторон в чудовищную бойню было втянуто больше двух миллионов солдат, когда поля сражений бороздили две тысячи танков и грохот двух с половиной тысяч орудий и минометов сотрясал землю, когда с воем носились над полями битв больше двух тысяч самолетов, — снова окончилось крахом планов Гитлера.

Победоносный угар постепенно рассеивался, конец войны был где-то в тумане, немцы нервничали, не верили сводкам с фронта. В этой мутной воде вовсю орудовали спекулянты, а над страной навпсал призрак голода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На военном совещании осенью 1941 года Гитлер резко обрушился на генералов.

— Я слышать не желаю о трудностях снабжения армий зимой. Я запрещаю обращаться ко мне с вопросами по поводу зимней кампании. Нечего ломать над этим голову, никакой зимней кампании не будет. Надо лишь нанести несколько мощных ударов, и все увидят, что русский колосс стоял на глиняных ногах.

Мы помним, чем окончилась первая зимняя кампания.

Может быть, ошеломляющие удары «колосса на глиняных ногах» охладили голову Гитлера?

Как бы не так!

Он беседует с японским дипломатом.

— Москва и Ленинград будут уничтожены (старая песня!). Следует добраться до Ирана и Ирака, а тогда можно будет завладеть и Афганистаном. Вам (это в адрес Японии) надо завладеть Австралией. Северную Америку мы во что бы то ни стало удержим. Как только будут взяты Баку, Сталинград, Саратов, Горький, Астрахань и Архангельск, а это случится в начале октября, все в основном будет закончено. Задачи наши носят подчеркнуто континентальный характер. Однако от притязаний на колонии, включая Того, Камерун и Бельгийское Конго, мы не откажемся. Восточную Африку иметь желательно, но необязательно. Итак, наша цель, когда мы захватим этот «пирог»: управлять им, эксплуатировать его. Есть поговорка: «На чужой каравай рта не разевай». Хотел того фюрер или не хотел, вторая зимняя кампания, так сказать, налицо. Она тоже принесла неисчислимые беды.

2

Читаем запись неизвестного немецкого офицера, относящуюся к тем дням, когда кипела великая битва у Волги.

«По всему пространству мелкими группами двигались танки. К 17 часам отдохнувшая 29-я дивизия вступила в бой. Командование 6-й армии вначале считало вероятным прорыв противника на северном участке в районе Клетской, где днем раньше ему удалось вклиниться в наши позиции.

Паулюс молча рассматривал карту.

«— Ну и влипли! — сказал Шмидт.

— Влипли! — сказал генерал Штреккер.

— Здесь мы здорово влипли! — сказал Пфейфер.

Генерал Хубе кричал в телефонную трубку: «Здорово мы влипли!»

— Не могу себе представить, нужно сначала разобраться, — сказал Цейтцлер по телефону, прежде чем реально представил себе весь масштаб опасности.

— Влипли! — сказал фон Зайдлитц».

«Влипли» — не только на Восточном фронте.

Четвертого ноября Роммель, выбитый с позиций у Эль-Аламейна (в 80 километрах от Александрии), стремительно отступил.

В те дни Гитлер жил в «Вольфшанце» («Волчьем логове»). Всем было известно: если на любом фронте происходит нечто важное, Гитлер должен быть поднят с постели немедленно. Однако в то утро дежурный майор второй запретной зоны ставки почему-то решил не беспокоить фюрера.

О катастрофе в Африке Гитлеру сказали, когда он завтракал.

«Фюрер, — вспоминает Раттенхубер, — швырнул тарелку на пол и растоптал ее».

Потом приказал привести дежурного: того самого, кто должен был разбудить Гитлера и сообщить сводку из Африки.

— Я мог бы что-нибудь предпринять, если бы встал на пять-шесть часов раньше, — в бешенстве рычал Гитлер. — Расстрелять его!

Майора расстреляли.

3

Восьмого ноября Гитлеру сообщили о высадке войск Эйзенхауэра в Северной Африке.

Прошло полторы недели. Новый громовой удар, на этот раз с Восточного фронта, с того самого, где, как предсказал Гитлер, война окончится в октябре.

19 ноября армии Сталинградского и Донского фронтов перешли в наступление, в возможность которого ни Гитлер, ни его штаб не верили, хотя предупреждений было предостаточно.

Паулюсу в Сталинград сообщили:

«Русские уже не располагают сколько-нибудь значительными оперативными резервами и больше не способны провести наступление крупного масштаба».

Телеграмму подписал начальник генерального штаба Цейтцлер, сменивший в этой должности Гальдера.

После московской катастрофы Гитлер основательно перетряхнул командную верхушку вермахта: десять командующих группами армий и армиями полетели со своих мест!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Мы отнюдь не собираемся переписывать историю второй мировой войны. Во-первых, о ней уже много написано; во-вторых, как бы мы ни старались держаться объективного взгляда, этого у нас не получилось бы: каждый смотрит на любое событие, так сказать, со своей колокольни, а уж тут про объективность надо забыть.

И еще. Наши усилия направлены к тому, чтобы не упустить главного в истории нацизма во внутренних событиях, происходивших в тогдашней Германии. При этом мы старались быть как можно ближе к первоисточникам, питающим наше повествование. Вот почему и ход войны было бы поучительнее проследить не по сводкам командования той и другой боровшихся сторон, а вместе с Гитлером и его штабными взобраться на их колокольню и с нее окинуть взором великую битву, тем более что нам посчастливилось иметь в руках документы, говорящие сами за себя.

Называются они «Стенографическими записями военных совещаний» в ставке Гитлера и начинаются первого декабря 1942 года. Эти записи представляют двоякий интерес. Гитлер, участвуя в совещаниях и руководя ими, мог быть совершенно откровенным в своих высказываниях. Он, разумеется, не представлял, что когда-нибудь его мысли, выраженные вслух в узком кругу, станут известны широкой публике. Кроме того, мы имеем дело с документами, подлинность которых не может подлежать сомнению.

Не лишена интереса история протоколов, напечатанных не так давно в Западной Германии. Вот что по этому поводу пишут издатели. (Мы цитируем из предисловия наиболее важное.)

2

«Рождение «службы стенографии ставки фюрера» падает на последние недели лета 1942 года, когда наступил, пожалуй, самый серьезный кризис доверия между Гитлером и его военными сотрудниками. Объектом разногласия было продвижение немцев на Кавказе, — причиной же

явилась глубокая озабоченность Гитлера тем, что наступление группы войск «А», которое еще в этом году должно было передать в руки немцев кавказскую нефть, захлебнулось из-за невероятно растянутых фронтов, непреодолимых трудностей подвоза и возрастающего сопротивления советских войск.

Недовольство Гитлера распространялось не только на главнокомандующего группой армий «А» генерал-фельдмаршала Листа, но и на начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера, который предупреждал о грозящих опасностях на юге Восточного фронта от Дона до Кавказа. Чтобы подкрепить свою точку зрения и получить сведения на месте, он послал в группу армий «А» генерала артиллерии Йодля. Ему, как начальнику штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил Германии, были хорошо известны соображения Листа. 7 сентября Йодль беседовал с Листом в его штабе в Сталино и после своего возвращения на основании этого разговора присоединился к мнению генерал-фельдмаршала, согласно которому 49-й горно-стрелковый корпус должен был подтянуться на север, в район Майкопа для прорыва в направлении на Туапсе.

Фюрер, как гласит запись военных дневников штаба ОКВ от 8 сентября, «был крайне раздосадован мнением генерала Йодля, которое являлось диаметрально противоположным его собственному. Он требует, чтобы ему были предоставлены все документы приказов группе армий «А» с момента перехода через Дон». Особенно рассердило Гитлера то, что от Йодля ему пришлось выслушать цитаты из своих собственных указаний в доказательство того, что Лист не делал ничего иного, как выполнял его, Гитлера, приказы.

Это столкновение с Йодлем, имевшее место либо 7-го вечером, или в ночь на 8 сентября (1942 года. — **Н. В.**), привело к угрозе замены Кейтеля и Йодля Кессельрингом и Паулюсом... Начиная с этого дня и до конца прекратились не только совместные обеды и завтраки в ставке Гитлера, но в это же утро была послана из Винницы в Мюнхен и Берлин депеша, которая и привела к созданию «Службы стенографии главной ставки фюрера», чья деятельность должна была в будущем исключить несправедливые, по мнению Гитлера, ссылки на его слова».

3

«Уже во время походов первых двух военных лет Гитлер дал распоряжение дважды в день делать ему доклад о военном положении — задача, которая выполнялась главным образом генералом Йодлем в присутствии Кейтеля. Главнокомандующие и начальники главных штабов вооруженных сил принимались им нерегулярно, а вызывались от случая к случаю для доклада и принятия указаний. С началом Восточного похода эти обсуждения обстановки приняли более определенную форму благодаря хорошо сооруженной полевой главной ставке «Вольфшанце» вблизи Растенбурга в Восточной Пруссии. Согласно расписанию дня Гитлера первое совещание «Обстановка к полудню», наиболее длительное по времени и большое по количеству участников, проводилось между 12 и 15 часами, в то время как проводимое ранним или поздним вечером совещание «Обстановка к вечеру» обычно ограничивалось обсуждением изменений на фронтах, наступивших в течение дня.

После того как в декабре 1941 года Гитлер принял командование сухопутными войсками, рамки этих обсуждений обстановки были вновь расширены. С этого времени к обсуждению «Обстановки к полудню» регулярно привлекался начальник генерального штаба сухопутных войск... (а с течением времени выработалась определенная программная схема этих совещаний). До конца 1942 года дневное совещание открывалось Йодлем донесением об общем положении, иногда и сообщением метеоролога военно-воздушных сил о состоянии погоды и ее прогнозах.

Если отсутствовали предпосылки для подобных введений, то сейчас же начинали отдельные доклады об обстановке соответствующие офицеры генерального штаба. Первым обычно выступал начальник генерального штаба сухопутных войск с сообщением о положении на Восточном фронте, которым ведало, по странному методу разделения и перекрещивания компетенций, главное командование сухопутных войск. Затем следовал доклад начальника штаба оперативного руководства ОКВ или его заместителя по остальным сухопутным театрам военных действий, после чего по родам войск докладывали офицеры штаба Йодля о положении на море и в воздухе. Иногда от этого порядка докладов делались отклонения в зависимости от оживления на том или ином театре военных действий. Гитлер часто возвращался к волнующим его военным событиям или обсуждал политические ситуации, чем он часто прерывал предыдущие доклады, так как вопреки установившимся ранее обычаям в последние годы регулярно присутствовали представители политических учреждений. В течение дневного совещания давался проект сводки верховного главнокомандования для утверждения и внесения изменений. В конце Гитлер часто просил прочитать сообщения иностранной прессы. Тем самым конференция становилась более непринужденной.

Регулярными участниками дневных совещаний наряду с Гитлером были его адъютанты и начальник штаба ОКВ, начальник штаба оперативного руководства ОКВ, начальник генерального штаба сухопутных войск с несколькими сотрудниками и адъютантами, представители главнокомандующего военно-воздушными силами, главнокомандующего военно-морскими силами и представители имперского начальника войск СС, а также военный историограф Гитлера. В последующие годы к ним присоединялись обычно представители министерства иностранных дел и имперского министерства пропаганды, а от случая к случаю референт министерства вооружения. В последние месяцы войны изредка появлялся представитель партийного руководства. Если в этот момент в ставке фюрера находились главнокомандующие военно-воздушными силами и военно-морскими силами, начальник главного штаба военно-воздушных сил или начальник руководства морскими операциями, то и они принимали участие в конференциях, что обычно являлось целью их визита, точно так же как и другие командующие, явившиеся с фронта для доклада по приказанию Гитлера. Приглашались некоторые руководители ведомств, представлявших особый интерес, — в первую очередь Риббентроп, Дитрих и Шпеер, либо иностранные гости, — Муссолини или маршал Антонеску *. В вечерних конференциях принимал участие более узкий круг лиц».

---

* С иностранным гостем могло легко случиться, что он являлся не участником обсуждения обстановки, а зрителем театрального представления, устроенного специально для него и лишь приблизительно отражавшего подлинные события. Для подобных ситуаций укоренилось даже специальное выражение «театральная обстановка». При этом доклад часто делал сам Гитлер.

4

Через три недели после начала военного похода на восток Гитлер распорядился делать стенографические записи его «разговоров за столом», хотя и в сильно сокращенном виде. Они охватывают промежуток от 5 июля 1941 года до 7 сентября 1942 года. Уже на следующую ночь после столкновения с Йодлем Гитлер приказал вести стенографическую запись обсуждений обстановки. В том же месяце организация Тодта получила указание построить барак для стенографов при возведении главной ставки в Виннице. Весьма вероятно, что Гитлер уже раньше вынашивал этот план... Он неоднократно заявлял, что хочет лишь во вторую очередь защитить себя стенограммами от искажений донесений своими подчиненными и неверных интерпретаций его приказов, но в первую очередь защитить себя перед историей и потомками, для которых должна быть документирована ответственность за все, что в этой войне в военном отношении было сделано или упущено.

5

Работники службы стенографии были облачены в серую полевую форму и помещены в специальный барак запретной зоны № 1. Их вызов на совещания производился только через адъютантов Гитлера. Если совещания происходили в полевой ставке, имеющей специальное помещение, или в столь знаменитом своим большим окном зале в Бергхофе, то стенографы собирались вместе с другими участниками совещания и ожидали появления Гитлера. Из всех присутствующих только они садились (к концу войны стал садиться и одряхлевший фюрер) по углам длинной стороны стола наискосок от Гитлера (либо за узкие стороны большого стола, покрытого картами). Вокруг толпились остальные участники, число которых на дневных совещаниях достигало 20—25 человек.

Каждое произнесенное слово должно было быть записано. Лишь очень редко Гитлер подавал знак, когда какое-либо неважное замечание можно было не записывать. Расшифрованные записи печатались под диктовку в трех экземплярах. В распоряжение стенографов поступали теперь уже ненужные карты с нанесенной на них обстановкой данного дня и краткий письменный отчет по обстановке.

Одну из копий получал (через короткие промежутки времени) военный историк Гитлера Шерф.

6

Ко второй половине апреля 1945 года, когда работа стенографов в главной ставке практически подходила к концу, на каждый экземпляр накопилось 103 тысячи листов бумаги. В ночь на 21 апреля (день рождения Гитлера) Геринг, Гиммлер, Шпеер и другие видные деятели покидали Берлин, находившийся под угрозой окружения. Тогда же были вывезены самолетом в Зальцбург — Берхтесгаден шесть из восьми стенографов. В убежище фюрера в имперской канцелярии остались д-р Хааген и Хергезелль, чья очередь подошла дежурить, чтобы провести запись нескольких совещаний до того момента, когда главная ставка, как это считали, будет переведена в «Альпенфестунг» («Альпийскую крепость»).

На борту самолета, стартовавшего на рассвете 21 апреля с (берлинского) аэродрома Шенефельд, вместе с работниками службы стенографии находилось несколько ящиков с «экземплярами для фюрера» и стенограммами протоколов заседаний по обстановке, которые ночью доставили из хранилища имперской канцелярии. После короткого приземления в Праге самолет (беспрепятственно) прибыл в Зальцбург, откуда в первой половине дня материал на машинах отправили в Оберзальцберг. Там он был спрятан в штольне за Бергхофом — она служила хранилищем для документов. (Свой ключ от этого противовоздушного хранилища Гитлер передал на хранение д-ру Пешелю, но, как показали события, к этому хранилищу имели доступ и другие лица.)

22 апреля в Берлине Хааген и Хергезелль записали последнее совещание по обстановке, во время которого, по-видимому, впервые рухнула вера Гитлера в победу, что не могло быть не замечено его ближайшим окружением. Он увидел, что война проиграна, и решил остаться до конца в Берлине. Оба стенографа были отпущены с тем, чтобы присоединиться к своим товарищам в Верхней Баварии, передать стенограммы последних 48 часов и сохранить для истории записи конференций тех дней, что особо подчеркнул Гитлер. В ту же ночь Хааген и

Хергезелль вылетели из Гатова. Хотя их машина и была несколько повреждена советской зенитной артиллерией, но все же достигла цели и в 6 часов утра 23 апреля 1945 года приземлилась в Рieме, так что в тот же день вся «служба стенографии главной ставки фюрера» собралась в одном из отелей Берхтесгадена.

В Берхтесгаден сбежал и военный историк генерал-майор Шерф (который играл не последнюю роль при уничтожении протоколов). В последние дни апреля он вызвал к себе начальника службы стенографии д-ра Пешеля. Шерф дал понять, что его оценка Гитлера как полководца за последнее время несколько изменилась, причем он особенно резко критиковал стратегию последних лет. Так как в ближайшие десятилетия, по его мнению, все равно не будет создана объективная история, то, пожалуй, самое лучшее — это все уничтожить. Пешель согласился с ним, и даже замечания его коллег не смогли его переубедить.

Приказ о сожжении отдал личный референт Бормана (главный военный судья). Исполнение приказа было поручено команде имперского управления безопасности (которая, по-видимому, входила в состав подразделения СД оберштурмбаннфюрера д-ра Франка).

В начале мая (то есть непосредственно перед приходом американцев) началось уничтожение документов.

Представители службы стенографии Буххольц и Лютц вместе с эсэсовцами выехали к ремонтной мастерской организации Тодта, расположенной в лесной балке, в нескольких сотнях метров за озером Хинтерзее, западнее Берхтесгадена.

Ящики с документами отнесли на открытое место в овражек, документы вывалили на землю и подожгли.

Что же произошло с другими расшифрованными материалами? Шерф, прежде чем покончить с собой, по-видимому, уничтожил свои копии, что вполне вероятно, если учесть его мнение, о котором говорилось выше. Остальные документы были переправлены к «экземплярам фюрера» в хранилище имперской канцелярии, когда в январе 1945 года в Берлин была переведена главная ставка. В ночь на 21 апреля, когда стенографы, стенограммы и «экземпляры фюрера» находились в пути на юг, эти рабочие копии, по слухам, были отправлены в топку имперской канцелярии.

7

5 мая во второй половине дня американцы вошли в Берхтесгаден. 7 мая стенографы Хергезелль и д-р Епушат явились к американской военной администрации, предъявили документы и предоставили себя в их распоряжение.

В оживленном разговоре между стенографами, американскими военными переводчиками и работниками телеграфных агентств речь зашла о протоколах, доставленных в Берхтесгаден, и аутодафе, учиненном эсэсовцами на Хинтерзее. 10 мая д-р Пешель, Буххольц и Хергезелль вместе с американцами выехали туда. Пробираясь между поврежденными машинами, они направились к овражку, покрытому кучей пепла почти метровой толщины. С помощью стенографов американцы начали осторожно ворошить пепел и искать уцелевшие от огня бумаги. В этот и последующие два дня ими были найдены остатки записей 50 конференций. Часть из них сохранилась полностью или почти полностью, от других остались лишь обгоревшие или обуглившиеся листы.

Стенографов тотчас засадили за работу в отеле Белевю. Так же как раньше отдел стенографии работал на ставку фюрера, теперь он работал на американцев. Для записи были привлечены еще четверо работников имперского управления, хорошо знакомых с материалом и расположением текста. Военные корреспонденты раздобыли машинки, бумагу и снабдили их продовольствием из бывших запасов вермахта. Начальником, несмотря на все декреты о денацификации, был снова назначен д-р Пешель.

Работа стенографов в берхтесгаденском отеле Белевю продолжалась в общей сложности около двух месяцев. Расшифрованные документы были отосланы в Висбаден. Там комиссия по расследованию военных преступлений отобрала из всех материалов для Нюрнбергского процесса против главных военных преступников три протокола и присоединила их к ряду документов под рубрикой ПД — партийные дела.

«...Гитлер 1943 года — это не Гитлер 1940 года. Он уже потерял веру в свою счастливую военную звезду, но упорно борется за свое счастье. С момента, когда война

потеряла сенсационный характер, он окопался в своей штаб-квартире, этой смеси из монастыря и концлагеря, как сказал Йодль, чтобы посвятить себя почти исключительно руководству военными операциями. Роль канцлера он исполнял лишь как побочную «профессию». Солдат, решивший стать политиком в 1918 году, ставши им, пожелал снова превратиться в солдата. Лишь изредка выползает фюрер из своих укрепленных нор на поверхность для краткого пребывания в Берхтесгадене с целью проведения, как он говорил сам, «гипнотической обработки» главарей сателлитов, которая по мере усиления распада становилась все чаще необходимой, и наконец в первое время для редкого участия в государственных мероприятиях в Берлине. За исключением этих случаев, только в конце войны Гитлер возвращается в свою столицу — центр политической жизни рейха, да и то как беженец от победоносной Красной Армии. Во второй раз в жизни он переживает войну как свою подлинную стихию.

Необходимо указать на состояние здоровья Гитлера в 1943 году. Кроме спорного психопатического заболевания, он к этому времени становится больным, истрепанным человеком, чей физический распад в большой степени предупреждался сомнительными знахарскими препаратами господина Морелля. Зимой 1942/43 года к его заболеванию желудка и постоянным приступам головокружения, которые его мучили в течение года, прибавилось еще дрожание конечностей левой стороны тела, что сделало совершенно невозможным появление Гитлера перед широкой общественностью...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Болезнь не мешала, однако, Гитлеру каждый день бывать на военных совещаниях.

Фюрер с утра первого декабря был зол как черт. Только что получена радиограмма от Роммеля. Он советует фюреру оставить Северную Африку. Гитлер в гневной телеграмме приказал Роммелю продолжать борьбу за то, что уже уплывало из рук. Не радовали утренние сообщения с Восточного фронта. Линия обороны проходила вдоль реки Чир, всего в пятидесяти километрах от

Сталинградского котла, а пробиться к нему никак не удавалось. Более того, русские продвинулись на сто километров к югу по восточному берегу Дона, а это грозило большими неприятностями. Смущал покой Гитлера еще один — Демянский котел. Части русской армии в районе Великие Луки — Торопец — Белый наступали на фланг фронта у Ржева, и чем это кончится, кто ж знал!

Совещание началось ровно в восемь часов вечера докладом Йодля о делах на Восточном фронте. Как только Йодль окончил, Гитлер обратился к нему:

— На Дону не было наступления?

Йодль. Была небольшая атака на итальянцев. По данным разведки, русские хотят завтра атаковать их с двух сторон.

Гитлер. Атаку отразили?

Йодль. По сообщениям итальянцев, противник был отброшен... Кроме того, здесь были отражены сильные атаки противника против 95-й дивизии. Из опроса пленных следует, что противник собирается начать наступление 2 декабря 2, 3, 9 и 11-м гвардейскими корпусами...

Гитлер. Что было у итальянцев?

Йодль. 3-я танковая дивизия атаковала в направлении Найденовское. До этой линии, по-видимому, прощупывает позиции пехота, к северу отсюда — кавалерия. 3-я танковая дивизия хотела бы и далее вести более крупные атаки, но у нее нет сейчас горючего, вернее, настолько мало, что его нельзя больше расходовать.

Гитлер. Надо ей дать, а то она вдруг останется безо всего. Тогда не сможет двигаться.

Йодль. По всему Донскому фронту больших атак не наблюдается, против 6-й армии тоже... В настоящее время идет наступление восточнее Котельникова... Результат еще неизвестен. Противник атаковал, по-видимому, слабо. Точные сведения еще не получены. Вероятно, он опасается нашей контратаки и в этом направлении накапливает силы, так как здесь было довольно оживленно. Где раньше была установлена только кавалерия, появилась и пехота.

Во второй половине дня группа армий «Центр» просила разрешения оттянуть фронт назад, примерно на 10 километров, там, где на карте стоит «Гр» от слова «Группа», сокращая участок примерно в этом месте. Я сообщил, что доложу вам об этом; но принципиально

я с этим не согласен. Снова получается так, что они хотят отдать опорный пункт. Тогда у него образуется большая дыра. Если он (противник) действительно только несколько вклинился, тогда можно всегда заштопать дыру.

Гитлер. Именно так!

Цейтцлер. Разрешите принять такое решение?

Гитлер. Да.

Цейтцлер. Разрешите теперь спуститься на юг и доложить следующее: из разных источников поступили сообщения, что русский Черноморский флот снова разъезжает по Черному морю, а именно: несколько крейсеров у Анапы и в Крыму.

Гитлер. Ну, пока этих гуляк не обнаружили наши торпедные катера.

Цейтцлер. Группа армий «Центр» еще не докладывала. На участке фронта группы армий «Север» противник атаковал в районе «Бутылочного горла» (район Демянска. — **Н. В.**). На севере он сломил небольшой опорный пункт. Там он сегодня снова наступал большими силами и продвинулся вплотную к деревне Розино. Это не слишком много, но все же неприятно.

Гитлер. Это неприятно. На севере мы ничего не должны терять.

Цейтцлер. Завтра основными силами подойдет 58-я дивизия, так что можно надеяться, что она окажет поддержку. Как видно, русские решили систематически ломать одну преграду за другой. Далее на север ничего не произошло. Это, пожалуй, и все.

Гитлер. Завтра авиация должна быть поднята по тревоге и проследить на участке итальянцев. А особенно во что бы то ни стало эскадрилья танковой дивизии, которая там находится... Если с «тиграми» это действительно верно, тогда надо подбросить несколько «тигров». Вы уверены в том, что выпуск танков пройдет по программе как положено?

Буле *. Это можно легко сделать из выпуска второй половины декабря. 50 танков.

Гитлер. Тогда будет всего 68.

Буле. В таком случае выпуск второй половины декабря можно использовать для укрепления Восточного фронта, а именно: в том месте, где это наиболее важно, — в районе «Бутылочного горла». Следующим тогда будет

* Начальник отдела вооружения вермахта в генеральном штабе.

возле Юхнова. Позже уже можно будет установить, где там еще находятся опасные места.

Шпеер. Они не должны пользоваться мостами.

Гитлер. Я им сказал, чтобы строили мосты грузоподъемностью более 60 тонн.

2

Йодль. Поступило сообщение о действиях наших торпедных катеров вчера ночью в Ла-Манше. Потоплен пароход водоизмещением в 3000 тонн и торпедировано дозорное судно.

Гитлер. В Ла-Манше удается! Почему это не удается в Черном море?

Кранке *. Черное море больше, чем Северное. Там торпедные катера ничего не могут сделать, если им неизвестно точное местонахождение противника. Они находились не на том месте и имели приказ контролировать движение у Туапсе.

Гитлер. Наши катера и русский флот напоминают мне двух собак: лают друг на друга через забор и каждый раз пробегают мимо дыры, через которую они могли бы вцепиться друг в друга. Оба избегают друг друга.

Кранке. Мы бы не стали избегать, да морское пространство слишком велико.

Гитлер. Район операций невелик.

Кранке. Вот они вышли и отправились в Констанцу. На это никто не рассчитывал.

Гитлер. Где находятся наши подводные лодки? Посредине Черного моря?

Кранке. Они должны находиться возле Туапсе...

Гитлер. Там они тоже пока никого не настигли. Вечно они ничего не замечают. А русские разъезжают себе туда и обратно!

Йодль. По-видимому, за исключением линкоров, в море вышел весь Черноморский флот. Одна из групп — в устье Дуная, вторая — у Варны, а третья — возле Анапы. Четыре были в Крыму.

Гитлер. Смотрите-ка, какая активность!

Йодль. Да, они снова вышли, чтобы машины не ржавели. Сделали несколько выстрелов по берегу и исчезли.

Гитлер. Это имеет большое значение; вот завтра они

* Представитель германских ВМС в ставке Гитлера.

снова объявят всему миру, что господствуют над Черным морем и колесят по нему во всех направлениях.

Кранке. Подождем, вернутся ли они целыми домой.

Гитлер. С чего бы это им не вернуться невредимыми!

3

Йодль. Командующий войсками во Франции докладывает: вчерашний день прошел довольно спокойно. Заметного изменения в поведении населения не наблюдалось. Среди демобилизованных французских солдат происшествий не было. Был совершен налет с целью ограбления на ратушу в департаменте Сена — Луара. Французской полиции удалось арестовать шестерых вооруженных преступников, принадлежащих к одной из террористических групп.

Гитлер. Хорошо! Полиция — это хорошо! Мы должны ее запрячь и будем работать с ней. Гиммлер знает свою полицию. Он пользуется предосудительными приемами и поэтому так долго не может прибрать людей к рукам. Это будет наш пакт с полицией (петеновской. — **Н. В.**).

Йодль. Она производит хорошее впечатление.

Гитлер. Полицию там ненавидят больше, чем что-либо в стране. Поэтому она ищет поддержки у бóльших авторитетов, чем ее собственное государство. А этим авторитетом являемся мы. Когда-нибудь полиция еще будет нас упрашивать, чтобы мы не покидали страну.

Йодль. Число завербованных для империи французских рабочих еще несколько дней тому назад превысило 200 тысяч.

Гитлер. Да, их количество увеличивается. У одних ничего нет, другие говорят: по крайней мере, мы избежим опасности войны. Они же не хотят воевать. Да и за что вообще? У них у всех одно чувство, что бы ни произошло, война — сплошное безумие.

4

Йодль. Теперь разрешите высказаться по вопросу руководства в Африке: это, конечно, вопрос чисто организационного порядка. Речь идет об этих недотрогах итальянцах; вскоре они, пожалуй, заявят, что на этом театре военных действий они должны иметь и свое руководство.

Гитлер. Во-первых, пока историю делаем мы. И во-вторых, если кто и будет проявлять наступательный дух, то определенно не итальянцы.

Йодль. Это и является причиной того, что они об этом вообще не говорят, так как мы молча руководим этим театром действий. Они об этом никогда не упоминали.

Гитлер. Они этого и не могут. Если посчитать, что там находятся четыре из наших моторизованных дивизий и еще одна дивизия, если включить парашютистов-десантников, то это составляет 5 дивизий. Вместе с двумя пехотными дивизиями это 7 дивизий. Семью дивизиями мы все равно ведем войну одни. Они-то войну не ведут. И по количеству материальных средств нам приходится вести ее одним. Правда, они осуществляют транспортировку. Но после победы над французами мы прибавим тоннаж. А если бы мы не победили французов, не прибавилось бы и судов.

Кранке. Тогда мы сможем отдать им Туапсе, а себе взять Алжир.

Гитлер. Да. Тогда они могут взять его под свое управление.

5

Затем совещание перешло к рассмотрению проекта «Наставления о борьбе с партизанами». Кейтель предложил совещанию утвердить его приказ: «Фюрер получил сообщения, что некоторые военнослужащие, участвовавшие в борьбе с бандами (так гитлеровцы называли партизан. — **Н. В.**), были привлечены к ответственности из-за их поведения в бою. Поэтому фюрер указывает: противник использует в бандах фанатичных, коммунистически обученных бойцов, не боящихся никаких насилий. Сейчас более остро, чем когда-либо, стоит вопрос — мы или они... Эта борьба уже не имеет ничего общего ни с солдатской честью, ни с гаагскими конвенциями. Если на Балканах и на Востоке борьба с бандами не будет вестись самым жестоким образом, то через некоторое время у нас не хватит сил, чтобы справиться с этой чумой. Поэтому воинские части обязаны и имеют полное право в этой борьбе использовать любые средства даже против женщин и детей, если таковые дают гарантию успеха. Всякое снисхождение является преступлением против немецкого народа и солдат, сражающихся на фронте, которые испытывают на себе последствия бан-

дитских налетов и не могут проявлять сочувствия по отношению к бандитам и их пособникам».

Окончив чтение, Кейтель сказал:

— Мне приказано напомнить о борьбе с бандами. Вчера мне было об этом коротко указано.

Гитлер. Я считаю необходимой преамбулу: в основном при подавлении банд, — это следует каждому вбить в голову, — правильно то, что ведет к успеху. Важно следующее: если кто-либо поступает вразрез с указанием, но достигает абсолютного успеха или попадает в бедственное положение, из которого он может выйти, только применив крайние средства, тогда каждый способ хорош. Единственная цель — уничтожение банд и восстановление спокойствия. Решающим является только то, что они уничтожат банду. Солдату следует дать абсолютную гарантию. Можно давать общие указания, но в остальном необходимо ему обеспечить поддержку, чтобы бедняга не думал потом: вот притянут к ответу. Что же делать: свиньи-партизаны забаррикадировались в доме, а в доме бабы и дети. Можно поджечь дом или нет? Если солдат подожжет, вместе сгорит и невиновный. В таких случаях не должно быть вопросов! Он должен поджечь!

Солдату некогда думать, он борется за свою жизнь, за свое быть или не быть! И вот этот маленький человек, маленький унтер-офицер открыл огонь и уложил какое-то количество баб и детей, так как он верил, что иначе не сможет пройти через этот населенный пункт.

Йодль. Об этом нет и речи. Во время боя они могут делать что хотят: могут вешать за голову или ноги, четвертовать, об этом здесь ничего не указано. Единственное ограничение относится к репрессиям после боя в тех районах, где бандиты жили. А это такое действие, к которому и сам рейхсфюрер СС относится с некоторой осторожностью. Он полагает: «Я должен быть уверен, что этими мерами я не увеличу район действия банд и не разгоню все мужское население». Эти вести быстро разносятся из деревни в деревню, и, глядишь, две тысячи мужчин уже подались в район банд. А так в наставлении больше ничего нет по вопросу, разрешается или не разрешается...

Гитлер. Следует включить пункт: если человек согласно своему убеждению применяет самые жестокие меры во исполнение своего долга, то право полностью на его стороне и его действия во всех случаях будут поддержаны.

Йодль. Это больше для руководства. СС все равно имеет в борьбе больше опыта.

Гитлер. Они имеют больше опыта. Но послушайте-ка, что говорят об СС именно потому, что они опытны. Их обвиняют в жестокости.

Йодль. Это неверно. Они действуют ловко: в одной руке сахар, а в другой — плетка, как это делают во всем мире.

Гитлер. Сахар им простят, но не плетку.

Кейтель. В партизанских районах об этом много не говорят. Мы рады совместной работе. Все делается теперь вместе и находится под единым руководством. Все операции, которые провел Бах-Зелевский, провел он сам, руководя как полицией, так и частями стоящей там дивизии.

Гитлер. Бах-Зелевский один из самых ловких людей. Еще в партии я всегда поручал ему самые трудные дела. Если где-нибудь было трудно сломить сопротивление коммунистов, я посылал его, и он громил их!

Извлечем из этого разговора главное.

Вечернее совещание не подняло, как мы видим, настроения Гитлера. Напротив, подлило масла в огонь. Но как бы там ни было, наблюдая за поведением Гитлера и его репликами, мы приходим к выводу, что ничто еще не говорило о помрачении его рассудка. Как он оживился, когда речь зашла о петеновской полиции! Ее действительно ненавидели французы. Раз так, тем более надо сотрудничать с ней.

А его похвала в адрес Гиммлера, который пользуется «предосудительными приемами», не была ли затуманенным предупреждением рейхсфюреру СС и всем приближенным, что все они связаны с ним, фюрером, одной веревочкой? Ведь и приближенные (вспомним приказ Кейтеля о расправе с партизанами!) не брезговали теми же самыми «предосудительными мерами»! Бессовестно топча все правила ведения войны, Гитлер лицемерно сетует на то, что «эта борьба (партизан) не имеет ничего общего ни с «солдатской честью, ни с Женевскими соглашениями». Честь солдата! Честь солдата, для которого убийство «баб и детей» поощряется. И не только по-

ощряется, но «всякое снисхождение» называется преступлением против немецкого народа!

В Западной Германии до сих пор бытует легенда, будто фюрер ничего не знал ни о порядках в концлагерях, ни о том, как Заукель вербовал рабов для германской промышленности. Оказывается, знал, все знал!

Отметим в памяти презрительное замечание Гитлера в адрес его союзников — итальянцев. Но это лишь цветочки, ягодки будут несколько позже!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Обстановка в Сталинграде на 12 декабря
(Совещание в «Волчьем логове»)

Цейтцлер. Больше всего меня беспокоит, сумеем ли мы в ближайшие дни удержаться.

Гитлер. Это, конечно, выяснится. Ясно, что этот момент может оказаться критическим. Но он имеет трудности и для противника, так как тот все больше удаляется от железной дороги.

Цейтцлер. Он пользуется железной дорогой. Я все время удивлялся, что у него все так быстро шло.

Гитлер. Вот эти мосты могла бы, собственно говоря, разбить авиация. Во что бы то ни стало железная дорога должна быть уничтожена, нечего противнику по ней разъезжать. В основном, Цейтцлер, я обдумал следующее: Сталинград мы не можем ни в коем случае... отдавать противнику. Потом вернуть его нам не удастся. Что это означает, нам ясно. Я не могу также отдать приказ о внезапном наступлении. На этот раз слишком поздно. Если бы мы не задержались так долго под Воронежем, дело пошло бы значительно быстрее. Но, конечно, смешно думать о том, что после отхода, когда будет брошена часть материала и техники, нам снова удастся продвинуться. Они не смогут все забрать с собой. Лошади измучены, не тянут. И я не могу скормить лошадей лошадям.

«...«Юмор висельников» не покидал нас — так иногда, вспомнив не без удовольствия гуляш из конины, мы хором затягивали фронтовую песню о немецком солдате

на Востоке, начинавшуюся так: «Кто, попавши в котел, свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал». Но так или иначе, мысли наши были постоянно прикованы к нашим трагическим будням, к Сталинграду и Волге, которая стала теперь нашей судьбой» *.

Нельзя заявить: дайте мне порцию овса, и через два дня положение изменится. За два дня лошади не станут лучше. Значит, останется все, что не будет вывезено машинами. Там очень много тяжелых мортир, они все будут брошены.

Цейтцлер. Там большое количество артиллерии резерва главного командования.

Гитлер. Все это мы никогда не сможем возместить. Если мы все оставим на произвол судьбы, то тем самым предадим весь смысл этого похода. Сейчас, зимой, мы всеми силами можем взяться за сооружение отсечной позиции. Противник имеет возможность транспортировать по железной дороге. А когда вскроется лед, он будет иметь в своем распоряжении Волгу. Он знает, что от этого зависит. Сюда мы уже тогда не сможем вернуться. Поэтому нам нельзя отсюда уходить, слишком много уже пролито крови. Если это считать как само собой разумеющееся, то внутреннее устройство я бы отложил на весну, когда начнется распутица. Долгое время, несколько недель, он будет полностью затоплен. Эти луга будут под водой на пространстве в 20—30 километров, внизу еще шире, а вместе с ними и отдельные острова. Видно, что вблизи города возделанных участков нет, только на острове. Все остальное, по-видимому, кустарник, который весной стоит под водой.

Кранке. Действовать надо, когда вскроется лед.

Гитлер. Тогда можно будет все и уладить. Тогда же и артиллерия будет вытеснена из низин. Решающее, однако, что мы удержим Сталинград. Если к этому приложить руки, то я представляю себе мешок, который можно было бы сравнить с харьковским. Большое значение будет иметь то, как закончится сегодняшний день на участке итальянцев. Я не знаю, Йодль, может быть, безответственно в такой момент уезжать отсюда? Я, конечно, могу сейчас все отменить.

---

* Здесь и далее цитаты из труда И. Видера «Катастрофа на Волге».

Йодль. Но тогда останется слишком много проблем, которые ожидают решения.

Гитлер. Это верно.

Цейтцлер. Наступят трудные дни с серьезным развитием обстановки. Внезапно может оказаться и что-нибудь другое. Неизвестно, что у русских позади.

Йодль. Не могут же они вести наступление по всему большому фронту здесь и против итальянцев.

Цейтцлер. Русские дают себя знать то там, то здесь.

«Смерть во всех возможных обличьях собирала обильную жатву. Казалось, что вместо обещанной помощи в наш «котел» ворвался всадник Апокалипсиса. Мысли о страданиях наших товарищей, о муках и лишениях, о смертельной опасности... которая со дня на день могла стать и нашим уделом, — эти гнетущие мысли не покидали нас ни на минуту».

...Русские заявили, что взяли девяносто четыре тысячи пленных, все из войск оси; немцев среди пленных почти не было, одни румыны. Первые сообщения авиации говорят, что там катятся колоссальные серые колонны, возможно, сплошь пленные, а некоторые идут снова назад, как тут знать, кто это — русские или румыны. Когда часть начинает бежать, то, если не поддерживать железной дисциплины, быстро развалится и порядок, и дисциплина. В тысячу раз легче вести армию вперед к победам, чем после поражения отвести ее в приличном состоянии... Это можно сделать только с дисциплинированными, отличными войсками.

Йодль. Немецким силам это удалось.

Гитлер. С немецкими удалось, а с итальянскими нет и никогда не удастся. Если у человека нервы постоянно находятся в напряжении, то это со временем его губит...

Йодль. Я думаю, возражать не приходится. Это так же, как требовать от человека, который едва держится на хлебе и молоке, чтобы он победил на олимпиаде.

Кристиан *. Вчера 6-й армии было доставлено 50 тонн боеприпасов, 15 кубометров горючего и 8 тонн продовольствия. Этого мало.

Гитлер. Это ужасно.

«Это ужасно!»

* Начальник главного штаба ВВС.

И все. Ни слова порицания Герингу: ведь он клятвенно заверил фюрера, что каждый день будет доставлять по воздуху в котел 300—500 тонн грузов. И доставил: между 25 и 29 ноября — по пятьдесят четыре тонны, за двенадцать последующих дней — по сотне тонн, по сто тридцать семь тонн еще за девять дней декабря и так далее. Девяносто тонн в среднем получал котел в день, а нуждался в семистах пятидесяти тоннах!

Но фюрер сказал: «Нам нельзя отсюда уходить». Но фюрер приказал: «Решающее, однако, это то, что мы удержим Сталинград». Фюрер еще мечтал о «внутреннем устройстве» в Сталинграде, где, истекая кровью, дралась 6-я армия, обманутая им же, фюрером.

Да, мы можем повторить слова Гитлера: действительно, это ужасно! Ужасно, когда воля одного человека хоронит миллионы жизней!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Рейхсминистр пропаганды тоже внес свою лепту в побоище на Волге. К сожалению, мысли Геббельса о Сталинграде мы не можем воспроизвести. Этой части его дневника у нас нет. Зато есть его распоряжения, как лгать народу о том, что делается на берегах Волги.

24 ноября

Геббельс дает газетам директиву:

«Комментарий обстановки в районе южнее Сталинграда и в большой излучине Дона, пока не станет ясен исход операции, следует ограничить указанием на тяжесть оборонительных боев. Содержащиеся в сводке ОКВ сведения о тяжелых оборонительных боях на Востоке в прессе подробно не освещать, однако информацию можно снабдить заголовками на две колонки.

По этому поводу напоминаем директиву, запрещающую давать сообщения о зимнем обмундировании для наших солдат на Восточном фронте».

Речь идет о секретной директиве о ведении войны в зимних условиях.

(Из приложения № 2 к Уставу сухопутных войск.)

...«Внутрь каски положить фетровую подкладку — лучше всего верхнюю часть старой фетровой шляпы, в крайнем случае можно использовать носовой платок или

газетную бумагу. Ремешок каски не затягивать, чтобы не нарушать кровообращения.

...Особенно чувствительны к морозу ноги. Чаще менять носки. Испытанным средством от обморожения являются стельки из соломы, ткани или бумаги, а также пучки соломы, нарезанные по размеру обуви, и обернутые вокруг ступни листы газеты (складки тщательно расправлять!).

...Мотоциклистам. Защищать грудь от встречного ветра прокладками из газет между рубахой и курткой. Обертывать колени для защиты от холода несколькими слоями мягкой газетной бумаги, лучше всего между кальсонами и носками, достающими до колен, чем предотвращается соскальзывание бумаги...

...Газетная бумага, сложенная в несколько слоев, представляет собой прекрасную защиту от холода. Поэтому необходимо постоянно иметь при себе достаточный запас газет.

В качестве подручных средств защиты от холода войскам выделяются в достаточном количестве следующие предметы: бумажные колпаки, бумажные жилетки, бумажные кальсоны, бумажные портянки, бумажные спальные мешки, бумажные прокладки. Все указанные предметы носить между нижним бельем и верхним обмундированием...»

Проходит чуть меньше месяца. Геббельс приказывает:

«О продолжающихся тяжелых оборонительных боях между Волгой и Доном сообщать в соответствии со сводкой ОКВ. При этом следует подчеркнуть тяжелые потери большевиков, особенно в танках».

> «То, что происходило на Волге, уже нельзя было отнести к категории неизбежных на войне тяжелых, но оправданных жертв. Голгофа двухсоттысячной армии гораздо страшнее всех неудач и поражений немецкой военной истории прежде всего потому, что это была медленная смерть огромной массы обреченных, уже не способных к сопротивлению людей. Здесь обрекали на гибель часть немецкого народа, и уничтожение ее поставило под угрозу само наше национальное существование. Это поражение нанесло также громадный моральный ущерб всей нации. Неужели восстановление стратегического равновесия, к тому же, быть может, недолговечного, непрочного и обманчивого, могло обмануть все эти безмерные страдания и жертвы, эту затянувшуюся массовую агонию и полное презрение к человеческой жизни и достоинству».

2

Еще месяц уходит в прошлое. Геббельс поет по-другому:

Пятница, 22 января

В предстоящих воскресных выпусках газет, обращаясь к читателям, указать на серьезность боев на Восточном фронте и на необходимость решительного повышения производительности труда в тылу, а также со всей убедительностью показать, что война требует от всех огромного напряжения сил для достижения победы.

Используйте регулярно пропагандистские лозунги, как, например: «Победа или большевизм», «Тотальная война — это мобилизация всего народа», «Тотальная война — все силы на победу».

Суббота, 23 января

1. В связи с предстоящим введением трудовой повинности для женщин и другими организационными мероприятиями по ведению тотальной войны показать, что великие жертвы во имя германской нации, приносимые окруженными в Сталинграде германскими войсками, станут моральным стимулом, который приведет весь немецкий народ к истинно героическим деяниям, еще больше укрепляя его волю к победе и к напряжению всех сил. При этом на долю немецкой прессы выпадает особая публицистическая задача. Страстными описаниями побудить всех до единого соотечественников вступить в ряды Великого фронта борьбы, а также закалить нашу волю к победе. Руководству редакций следует подготовиться к этим серьезным мероприятиям, которые продлятся по 30 января включительно, с тем, чтобы, получив ожидаемые воззвания и сводки, обеспечить необходимые эффективные материалы.

2. Разъяснения к пункту 1:

Категорически запрещается помещать какие-либо сообщения о введении трудовой повинности для женщин и о других организационных мероприятиях до получения официальных данных.

Четверг, 28 января

1. На первых полосах утренних газет в пятницу дать сообщение о введении трудовой повинности для мужчин и женщин. На прессу возлагается при этом задача убедительно разъяснить и всемерно подчеркнуть национальное военное значение этого мероприятия, производимого для тотальной мобилизации. На отчаянный большевистский натиск на Востоке весь немецкий народ отвечает решительными действиями, которые обеспечат ему и впредь превосходство над врагами. Как в заголовках, так и в самом изложении следует особенно подчеркнуть, что речь идет об обязательствах перед нашими солдатами.

2. По-прежнему уделять достойное внимание тяжелым боям на Восточном фронте. Для более наглядного описания продолжающейся битвы в Сталинграде следует прежде всего использовать наиболее интересные отклики из европейской прессы.

3

Роковая развязка приближалась неотвратимо. Котел взорвался и раскололся на две половины. Один из врачей, бывших в Сталинграде, отвечая на вопрос, были ли в котле психические заболевания, сказал:

— Психическая нагрузка, которой все подвергались, была, естественно, очень тяжелой. Причины крылись в потере надежды на прорыв, в уменьшающемся рационе, отсутствии почты с родины, холоде, в ужасающих условиях существования. Другие же впадали в крайний оптимизм. Проявлялся он в отращивании бород в память о котле. Я вспоминаю также случаи голодных галлюцинаций в первые дни нашего марша в плен. Люди видели недостроенные дома или блиндажи, которых в действительности не было.

Вопрос. Я слышал, что некоторых раненых помещали в бумажные мешки. Считаете ли вы, что так и должно быть?

Ответ. Это была вынужденная мера, чтобы спасти их как-то от холода. У нас не было одеял. Чем же нам было накрывать их?

Еще один врач рассказывал:

«До сих пор у меня перед глазами стоит такая картина: высокий худой солдат держит в руках огромную кость, вероятно, это была бедренная кость лошади, а может быть, и человеческая, и грызет ее. Я окликнул его: «Эй, что ты там делаешь?» Но он даже не слышал меня.

Многие фанатично призывали в помощь бога».

К слову сказать, высшее церковное начальство Германии (католическое и лютеранское) разослало священникам образец молитвы:

«МЫ ДОЛЖНЫ были обнажить свой меч и освободить наших соотечественников из рук жестоких притеснителей. Сыны нашей отчизны ДОЛЖНЫ были идти в бой. Но там, где открываются врата войны, там прокладывается и дорога смерти. Так ДОЛЖНО быть. И в этой необходимости на ее кровавую суровость заключено нечто облегчающее.

Этого-то облегчения как раз и не было у Авраама.

Авраам САМ должен был принести в жертву Исаака; отец сам должен был наложить руку на сына. Сколь тягостное требование! Никому из нас господь не предлагал подобного. И наконец: знал ли Авраам о том, что следует за смертью, знал ли он о воскресении из мертвых и вечной загробной жизни? Представления его об этом были столь же смутными, сколь попытка разглядеть в предрассветные сумерки долину, окутанную густым белесым туманом».

4

В приволжской долине, тоже окутанной зимним белесым туманом, солдаты вермахта повторяли историю сына Авраама. Разница только в одном: Авраам так и не заколол сына — бог приказал опустить нож.

Фюрер каждую минуту, каждый час упрямо твердил:

— Стоять до последнего патрона.

— А если патронов нет? — спросил один полковник начальника 6-й армии Шмидта.

— Пусть кусаются, — ответил Шмидт.

Полковник вышел от него и застрелился.

Знали ли о таких трагедиях в Германии?

Центральной инстанцией отдано секретное распоряжение, согласно которому ни один раненый или вообще эвакуированный из котла не должен быть доставлен на запад за линию Днепра, чтобы не допустить проникновения из котла в Германию и в занятые области неконтролируемой информации.

26 декабря у тех, кто сидел в котле, кончились хлеб и жиры.

«27 декабря, — радировал Паулюс высшему командованию, — в некоторых частях не будет ужина. Срочно нужны радикальные меры».

28 декабря Геринг доставил самолетом 70 тонн продовольствия. В последующие дни — ни грамма.

Паулюс просил Цейтцлера доложить Гитлеру о катастрофическом положении с продовольствием и медикаментами.

Цейтцлер ответил:

— Я не могу попасть к нему.

5

Между тем Геббельс, не смея сказать правду, в пятницу 29 января приказал редакторам выпустить газеты под лозунгом «Исключительной решимости и твердой уверенности в победе, подав его как яркий, захватывающий призыв ко всем нашим соотечественникам».

Суббота, 30 января

Газетам рекомендуется наилучшим образом подать сообщение о присвоении генерал-полковнику Паулюсу звания генерал-фельдмаршала, а генералу артиллерии Гейтцу — звания генерал-полковника. Сообщение германского информбюро подкрепить биографическими данными и фотоснимками.

При перепечатке откликов иностранной прессы о Сталинграде выделять все то, что свидетельствует о стойкости. Было бы неправильным давать формулировки, подобно следующей: «Герои Сталинграда, стоящие насмерть, отдают свои жизни».

Час пробил: битва в Сталинграде окончилась. — не так, как думалось Гитлеру всего-то три месяца назад.

Колесо войны покатилось на Запад.

Около ста сорока тысяч убитых солдат и офицеров вермахта лежали на улицах, площадях Сталинграда и в его предместьях.

Девяносто одна тысяча пленных мрачной колонной двигались по приволжским степям в лагеря.

В плен попали двадцать четыре генерала.

И один генерал-фельдмаршал: фон Паулюс Фридрих Эрнст, пятидесяти трех лет, потомок крестьян, учителей, священников. Паулюс оправдал себя перед историей хо-

тя бы тем, что в конце концов понял, чего не понимал или не хотел понимать раньше. И отдал себя служению своему народу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Мы побывали на военном совещании у фюрера пятьдесят дней тому назад: двенадцатого декабря. Сейчас познакомимся с обстановкой на фронтах так, как она была доложена Гитлеру первого февраля на дневном совещании в «Волчьем логове».

Что же произошло за эти пятьдесят зимних дней?

Советская Армия, продолжая сокрушающее наступление на Дону, отбросила немецкие и итальянские дивизии к Осколу и Донцу и окружила несколько групп противника. Семнадцатая армия немцев под ударами советских войск откатывалась с Кавказа. На другом краю фронта — под Ленинградом — немцев выбили из Шлиссельбурга.

В Северной Африке Роммель продолжал бегство; англичане заняли Триполи — последнее из колониальных владений Италии. Во Франции силы Сопротивления каждый день спускали под откосы военные эшелоны и истребляли оккупантов. Было о чем подумать Гитлеру! Быть может, в те дни он усиленно искал выхода из тяжелого положения? Может быть, принимал какие-то стратегические решения? Или удивлял штаб чем-то из ряда вон выходящим, чтобы снова заманить в свои объятия военное счастье?

Увидим.

В 12 часов 17 минут первого февраля Цейтцлер, Йодль и другие приветствовали фюрера: он только что позавтракал, погулял с Блонди за сеткой, которой был огорожен небольшой клочок земли возле блока, где Гитлер жил. То было глубокое подземелье, надежно защищенное от прямых попаданий бомб или снарядов.

Участники совещания исподтишка наблюдали за главнокомандующим: ему только что доложили о пленении Паулюса. Это случилось буквально через несколько часов после того, как фюрер присвоил командующему 6-й армией звание генерал-фельдмаршала, о чем утром 31 января сообщили все немецкие газеты. («Тем самым

он хотел вложить в его руку пистолет, хотя и посредством телеграфа, так как, по представлению Гитлера, еще не было немецкого фельдмаршала, который бы сдался в плен».)

2

Отмахнувшись от приветствий, Гитлер пожевал губы и вопросительно посмотрел на Цейтцлера.

Откашлявшись, Цейтцлер сказал:

— В общем, сейчас вырисовывается, что на Дону начинается обход северного фланга. Я пришел раньше, потому что хотел еще раз поговорить с вами по поводу большого дела. В основном положение таково, что под Харьковом мы создаем нашу группу наступления. Одна дивизия вскоре будет готова к боям, вторая — к двенадцатому февраля.

Далее Цейтцлер развил свою мысль, сводящуюся к тому, чтобы из района Харькова нанести удар в тыл русским частям, действовавшим на Донце. Эта операция должна была оставить в руках немцев Донецкий угольный бассейн. Доложив о своих планах, Цейтцлер сообщил фюреру, что накануне он получил от фельдмаршала Манштейна ультимативное требование: или сокрушить советские армии северо-восточнее Харькова и удержать Донбасс, или, если не будет такой возможности, сдать восточную часть Донецкого района.

Разумеется, Цейтцлер знал, что возможности к наступлению равны почти нулю.

С кислой миной (как нам представляется) Гитлер заметил:

— Я об этом еще подумаю.

Наступило молчание, после чего Гитлер хмуро сказал, что он получил сообщение о положении штаба 6-й армии. И вот тут-то и начинается самое невероятное!

Вот, пожалуйте...

3

Гитлер. Они сдались там в плен по всей форме. Ибо в иных случаях собираются вместе, ощетиниваются вкруговую, а последнюю пулю пускают себе в лоб. Я теряю всякое уважение к солдату, который предпочитает сдаться в плен.

Цейтцлер. Я это тоже не могу понять. Мне все еще кажется, что он (Паулюс. — **Н. В.**) лежит там тяжело раненный.

Гитлер. Нет, это верно. Их доставят сразу в Москву, в ГПУ, и из них выдерут приказы о том, чтобы и северный котел сдавался. Шмидт все подпишет. У него слишком сильно развит интеллект и слишком мало силы характера.

Цейтцлер. Это просто невозможно объяснить.

Гитлер. И не говорите! Белов * получил письмо оттуда. Я могу его вам показать. Он пишет: при оценке людей я пришел к следующему выводу: «Паулюс — знак вопроса; Зейдлитц — расстрелять; Шмидт — расстрелять».

Цейтцлер. О Зейдлитце я тоже слышал плохое.

Гитлер. О Хубе ** он пишет: «Вот это человек!» Конечно, было бы лучше, если бы Хубе остался там, а другие вышли оттуда. Но теперь, когда ценность каждого человека далеко не безразлична и нам нужны настоящие мужчины, я придерживаюсь мнения, что Хубе должен был выйти. В мирное время в германском рейхе ежегодно восемнадцать-двадцать тысяч человек кончали жизнь самоубийством, не находясь в подобном положении. Здесь же человек видит, как пятьдесят-шестьдесят тысяч его солдат умирают и храбро защищаются до последнего мгновения, — как же он мог сдаться большевикам?

Цейтцлер. Это даже нельзя осмыслить.

Гитлер. Первые сомнения возникли у меня уже раньше. Это было в тот момент, когда было сообщено: он спрашивал, что ему делать. Как он вообще мог спрашивать? Что же, и впредь будет так, что комендант осажденной крепости, если ему предлагают сдаться, сначала запросит: что мне теперь делать? Пистолет — это же самое простое. Каким же надо быть трусом, чтобы даже этого испугаться! Ха! Лучше уж дать закопать себя заживо! И в такой обстановке, когда он точно знает, что благодаря его смерти люди в следующем котле будут держаться до последнего. Но если он не подает такой пример, то нечего ожидать, что люди будут дальше воевать.

* Адъютант Гитлера по линии ВВС.

** 28 декабря 1942 года Хубе вылетел из Сталинградского котла, где он командовал 14-м танковым корпусом, для получения награды «Мечей к кресту», и доложил Гитлеру о положении в Сталинграде. Он снова вернулся в котел, но 18 января 1943 года вылетел оттуда, чтобы руководить снабжением 6-й армии. После Сталинграда Хубе получил повышение в чине и в должности. Мы еще встретимся с ним.

Цейтцлер. Да, оправданий нет. Если нервы начинают отказывать, то ему следовало застрелиться.

Гитлер. Если отказывают нервы, то все равно ничего не остается, как сказать: я больше не мог, и застрелиться... Раньше полководцы бросались на свой меч, если видели, что проиграли дело. Это же само собой разумеется. Даже Вар приказал своему рабу: убей меня.

Цейтцлер. Я все еще верю в то, что они так и поступили и что русские просто утверждают, что их взяли в плен.

Гитлер. Нет!

Энгель *. Однако удивительно — если разрешите заметить, — что они не сообщили о том, что Паулюс взят в плен тяжело раненным. Тогда уже назавтра они могли бы сообщить о его смерти от ран.

Гитлер. Есть ли точные сведения о его ранении? Трагедия уже совершилась. Пусть это послужит предупреждением.

Энгель. Имена генералов не все верны.

Гитлер. В этой войне больше никто не станет генерал-фельдмаршалом **. Этим будем заниматься после окончания войны. Не следует хвалить день, пока не наступил вечер.

Цейтцлер. Были так твердо уверены в конце, что последняя радость...

Гитлер. Надо было думать, что это закончится героизмом.

Цейтцлер. Никто не ожидал другого.

Гитлер. И в этом мире людей как можно вообще иначе поступать?! По-моему, тогда каждый солдат идиот, который снова и снова рискует жизнью. Если окрутят маленького плута, то мне это еще понятно. Как только я сегодня ночью об этом услышал (о пленении Паулюса. — **Н. В.**), сразу послал Путткамера узнать, передали ему эту историю (то есть радиограмму о присвоении звания фельдмаршала Паулюсу. — **Н. В.**) дальше или нет. Если бы по радио об этом еще не было сообщено, я немедленно остановил бы это. Мне это причиняет такую боль из-за того, что героизм стольких солдат будет перечеркнут поступком одной-единственной бесхарактерной тряпки!.. Представьте себе: он прибудет в Москву. Там он все подпишет. Он напишет признания, воззвания. Вы увидите: они вступят на путь бесхарактерности и покатятся вниз, до глубочайшего падения. Воистину можно сказать: дурной поступок рождает и тянет за собой новое зло. Основное для солдата — это всегда твердость характера, и если мы ее не воспитаем, если мы будем разводить интеллектуальных акробатов и атлетов, духовных атлетов, тогда нам никогда не удастся создать племя, которое действительно будет способно противостоять всем ударам судьбы. И это решает. Просто не знаю, как следует поступить в случае с Паулюсом. Надо бы командующему северным котлом наподдать так, чтобы он во что бы то ни стало держал котел. Котел должен держаться до последнего... Как только это могло случиться?! Вот увидите, скоро он выступит по радио. Зейдлитц и Шмидт тоже выступят по радио... Надо бы вообще сказать: это не было капитуляцией, это был захват подавляющими силами.

Цейтцлер. Можно бы дополнить: русские об этом сообщают иначе, чем то, что нами будет сообщено мировой прессе.

Гитлер. Надо сообщить: «Последние месяцы они почти не снабжались, и поэтому русским удалось некоторых захватить».

* Представитель штаба сухопутных войск в ставке Гитлера.

** Свое слово Гитлер ие сдержал: в том же месяце было опубликовано сообщение о присвоеиии звания генерал-фельдмаршала фон Клейсту, Бушу и фои Вайхсу. Но и позже Гитлер пожаловал звание геиерал-фельдмаршала: 1 апреля 1945 года — генерал-полковнику Моделю, 1 марта 1945 года — генерал-полковнику Шернеру, 16 февраля 1943 года — генерал-полковнику фои Рихтхофену и 25 апреля 1945 года — генерал-полковнику фон Грайму.

4

Затем Йодль поставил щекотливый вопрос о северном котле:

— Если мы укажем в сообщении «11-й корпус», то у немецкого народа создастся впечатление, что все, что первоначально составляло 11-й корпус, находилось в Сталинграде. Лучше написать: «Под руководством командира 11-го корпуса генерала Штреккера». Можно написать так или: «под командованием генерала Штреккера». Что же касается сообщения русских, то мы в настоящее время проверяем, нет ли там каких ошибок.

Гитлер. Русские сообщили, что взяли в плен Паулюса, а также Шмидта и Зейдлитца.

Йодль. О Зейдлитце я не знаю. Мы еще не знаем точно, может быть, он в северном котле. Сейчас мы уточ-

пяем по радио, кто из генералов находится в северном котле.

Гитлер. Он, наверное, был у Паулюса. Я должен вам сказать: я не могу понять такого человека, как Паулюс, что он не избрал смерть. Геройство десятков тысяч солдат, офицеров и генералов, национальная честь сводятся на нет только одним таким человеком, у которого не хватает характера в такой момент сделать то, что может сделать слабая женщина...

«Списаны и похоронены! Таково было удручающее впечатление от кощунственной речи Геринга на нас, корчившихся в муках сталинградского ада. Я инстинктивно чувствовал, что героической рамкой пытаются окантовать преступление, замаскировав его словами о национальной чести... В те дни я испытывал страстное желание, чтобы на родину вернулось как можно больше уцелевших участников битвы, которые могли бы рассказать всю правду о Сталинграде и воспрепятствовать возникновению неуместных солдатских или национальных легенд».

Гитлер. Жили муж и жена. Муж заболел и умер. Вскоре я получил от его жены письмо, она просила меня позаботиться о ее детях. Она не могла дольше жить, несмотря на то, что у нее дети... И тогда она застрелилась. Так поступает женщина, она находит силы, а солдаты не находят сил! Вот увидите: не пройдет и восьми дней, а Зейдлитц, Шмидт и Паулюс выступят по радио... Знаете, я больше не верю в то, что Паулюс ранен... Мне лично очень жаль, что я... присвоил ему звание фельдмаршала. Я хотел доставить ему последнюю радость. Это последний фельдмаршал, которого я делаю в эту войну... Это же просто смешно. Стольким людям приходится умирать, и вот появляется такой человек, который в последнюю минуту оскверняет героизм многих других.

«Раненые и умирающие, хнычущие, замерзающие, бредящие, молящиеся... лежали вплотную друг к другу в подвалах разрушенных зданий у вокзала, в элеваторе, в подвалах театра, бывшей городской комендатуры и в бесчисленных других подземных убежищах и норах, среди гигантской груды руин, которая называлась Сталинградом... Мертвецов попросту засыпали снегом или складывали штабелями где-либо по углам... И с этой массой подкошенных голодом, измученных морозами людей, на которых лежала печать смерти, продолжали бессмысленное сопротивление... Это были уже не солдаты, а жалкие человеческие развалины, которых снова гнали навстречу противнику для того, чтобы удержать «крепость Сталинград»... И оттянуть окончательную катастрофу... Создание героической легенды вокруг нашей шестой армии и ее мифическое прославление имели своей целью скрыть страшную правду. То, что первоначально представлялось героическим подвигом немецкого солдата на Волге, давно уже превратилось в безответственную массовую бойню... Мы сеяли горе и смерть, и сейчас они безжалостно повернулись против нас самих... И я чувствовал себя участником разыгравшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая сердце и совесть. События вплоть до нашей трагедии на Волге, как бы озаренные внезапной вспышкой молнии, предстали перело мной в своей взаимосвязи, и... стал вырисовываться отвратительный мирок лжи, ненависти, насилия и несправедливости, мирок, где царила бесчеловечность, мирок, слугой которого в своем заблуждении и слабости был как солдат и я. И в этой чудовищной битве я должен был принять на себя свою долю искупления. Мы сеяли ветер, теперь нам приходилось пожинать бурю...»

Гитлер. ...Он мог избавиться от всех горестей и войти в вечность, обрести национальное бессмертие, а он едет в Москву. Это же дикость, это уму непостижимо!

Йодль. Поэтому я все еще сомневаюсь.

Гитлер. Они лично выступят по радио. Вы это сразу услышите. Они все будут говорить сами. Они призовут сдаваться тех людей, что еще находятся в котле, а о немецком вермахте будут говорить подлости. Я уже сказал Цейтцлеру, он должен наподдать так, чтобы они удержали северный котел.

В этом диалоге мы опустили лишь кое-какие непонятные выражения фюрера; вероятно, огонь и здесь сделал свое дело. Но главное осталось.

Дело шло о крутом повороте войны, предопре-

делившем исход ее. А Гитлера занимает только одно: почему Паулюс не понял радиограмму так, как ему надо было понять, почему не взял пистолет, почему не пустил пулю в лоб!

А его слова, чтобы «наподдать» Штреккеру и держать котел? Держать во что бы то ни стало, не считаясь ни с чем?

А его ложь, заготовленная впрок для мировой печати? Действительно — уму непостижимо!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Второго февраля Геббельс предписал газетам «достойным образом освещать обострившуюся обстановку в Сталинграде».

Но дальше скрывать истину было нельзя: подпольщики Сопротивления через тайную радиостанцию сказали народу о катастрофе на Волге.

Третьего февраля Геббельс распоряжается:

Газеты выходят без траурной рамки. На первой странице для подкрепления излагаемого материала можно поместить несколько иллюстраций героического содержания.

Весь номер должен быть построен в духе первой страницы. Это значит, что в течение трех дней следует помещать только серьезные материалы, без разделов спорта и юмора... Желательно не допускать траурных нот о к... Внимание газет обращается на то, что с военной точки зрения еще не настало время для анализа тактических и оперативных действий, приведших к подобной обстановке в Сталинграде. Это распространяется и на передовые статьи.

2

Суббота, 6 февраля

Итак, немецкая пресса заканчивает специальное освещение боев в Сталинграде признанием твердой решимости германского народа добиться победы.

«Где же легкая победа?» — спрашивала в те дни турецкая газета «Ени Сабах».

«Теперь Геббельс обрушивается на тех, кто надеялся

на легкую победу. Может быть, Геббельс забыл, что он говорил турецким журналистам пять-шесть месяцев назад?.. Вина за распространение радужных надежд на легкую победу ложится на тех, кто обещал немецкому народу молниеносную войну, кто официально сообщал об уничтожении всей русской армии.

У нацистских главарей уже не осталось надежд на легкую победу.

«Но есть ли у них надежда на тяжелую победу?» Геббельс заявил: «Для нации лучше год ходить в заплатанных штанах, чем всю жизнь жить в лохмотьях».

«Если дела и дальше пойдут так же «легко», — заключает автор «Ени Сабах», — то у немцев и заплат на штанах скоро не будет».

...Уже не пели победно фанфаристы Геббельса, извещая о победах вермахта. Три дня подряд похоронно гудели колокола всех церквей Германии; вывешены государственные флаги, но с черной, развевающейся по ветру лентой.

Берега Волги стали кладбищем не только ста сорока тысяч солдат, но кладбищем нацизма.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Генерал Вальтер Венк — один из видных офицеров в ставке Гудериана — она размещалась во Франции, — собирался в Берлин с докладом фюреру о положении в оккупированной части страны.

За день до вылета адъютант Венка попал в засаду, устроенную маки́ (бойцами Сопротивления). Замену ему Венку искать было некогда, и он с благодарностью принял предложение одного из штабных генералов взять с собой его адъютанта Конрада Рорбаха, отличившегося под Дюнкерком.

Итак, Конрад в сумрачный мартовский день 1943 года снова был в Берлине. То, что он увидел, произвело на него страшное впечатление. Развалины куда ни глянь, полуобгоревшие остовы домов, зияющие провалы окон; бетон, проволока, кирпич — все перемешалось, переплелось в хаотическом нагромождении.

Завернув за угол Фоссштрассе, машина остановилась перед новой имперской канцелярией, занимавшей всю

улицу от Вильгельмштрассе, лежавшей в развалинах, до разрушенной Герман-Герингштрассе. Фасад канцелярии уцелел после бомбежек русскими, англичанами и американцами. Тяжеловесное сооружение выглядело грозно, внушая почтительность одним, страх и отвращение — другим.

Конрада била нервная лихорадка. Впервые он переступал порог святилища, за дверьми которого жил и работал его бог.

«Мерседес» остановился у подъезда, предназначенного для военных.

Солдаты караульного батальона сделали на караул перед Венком. Сердце Конрада гулко билось, когда вслед за генералом он поднимался по ступенькам к массивной двери, охранявшейся двумя часовыми. Дверь бесшумно открылась.

Венк и Конрад оказались в большом вестибюле с высоким потолком и стенами, где висели картины и гобелены.

Фельдмаршалы, генералы и их адъютанты стояли группами и тихо разговаривали. Некоторые закусывали, стоя у буфета. Конраду очень хотелось пить, нервная судорога сводила горло; ведь он вот-вот увидит фюрера!..

В тот день Гитлер слушал сообщения о положении на фронтах. Венк в самолете сказал Конраду, что на подобных совещаниях докладывают начальники всех трех родов войск: сухопутных, воздушных и морских.

В вестибюле Венк подошел к одному из адъютантов Гитлера и спросил, где будет совещание — в кабинете фюрера или в бомбоубежище, куда они переносились при налетах англичан, русских и американцев.

Оказалось, что совещание состоится в кабинете.

Затем все, кто был в вестибюле, долго шли по коридорам.

Наконец все вышли в приемную — огромный светлый и красивый зал, полный редких и дорогих вещей.

Участники совещания долго ждали приема.

Конрад толкался среди адъютантов. Втихомолку они несли такое, что у Конрада тряслись поджилки.

Гиммлер стоял вдалеке от всех. С ним разговаривал молодой генерал СС. Один из адъютантов толкнул Конрада и шепотом сказал:

— Видишь вон того долговязого офицера с оттопыренной губой? Он разговаривает с рейхсфюрером СС.

Конрад кивнул.

— Ты только посмотри, сколько в нем важности, хотя сам он гроша не стоит. Зато женат на сестре Евы Браун. Его фамилия Фогеляйн. Уж этот не зевнет, когда надо прибрать к рукам, что плохо лежит. И все ему сходит с рук... Как же — родственник главы государства и представитель Гиммлера в ставке фюрера.

Конрад только что собрался оборвать развязного офицера, но тут появился рейхсмаршал Геринг.

Никто не подошел к нему: Геринг был в опале. Еще во Франции Конрад слышал, будто Геринг крепко просчитался в воздушной войне и фюрер очень зол на него: все только обещания и заверения, а на поверку пускает пыль в глаза. Даже осторожный Венк как-то обмолвился, что в ужасной истории с шестой армией в Сталинграде виноват рейхсмаршал. Он клялся фюреру обеспечить снабжение окруженной армии по воздуху... И обеспечил... голодовкой.

Геринг сразу поспешил к буфету и жадно набросился на еду.

Заместитель рейхсфюрера СС в управлении имперской безопасностью Кальтенбруннер, детина ростом чуть ли не два метра, стоял облокотясь на стойку и, как казалось Конраду, зорко следил за всеми, кто был в приемной. Некогда Кальтенбруннер руководил гестапо в Вене. После того как Гейдриха назначили протектором Богемии и Моравии, он оставил в имперском управлении службы безопасности своего человека. Гиммлер не пожелал работать с ним и посадил на его место преданного ему Кальтенбруннера...

«Господи, — размышлял Конрад, слушая болтовню адъютанта, — неужели и вокруг фюрера такие же склоки и подсиживания, как у нас в штабе? Там каждый так и норовит представить другого мерзавцем, а самому стать поближе к главному шефу генералу Штюльпнагелю!»

Ему стало не по себе...

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышел Борман — коренастый, взъерошенный, с квадратной головой и широкими ноздрями. Как только он появился, все замолкли. Осмотрев собравшихся волчьими глазами и презрительно усмехнувшись, Борман ушел.

Конраду и раньше доводилось слышать разговоры, что Борман — злой и невежественный человек — подчинил

себе фюрера и тот ходит у него на веревочке. «Все это, может, враки. Фюрер такой сильный, такой волевой человек!.. Но, кажется, Борман может действительно кого угодно согнуть в дугу», — подумал Конрад.

В дверях кабинета показался генерал Бургдорф — шеф адъютантской службы — и сказал, что фюрер просит всех пройти к нему.

Первым бросился к двери Кальтенбруннер, но не вошел в кабинет, а стал рядом с офицерами СС, вооруженными автоматами. Глаза его так и рыскали, так и сверлили каждого...

Вечером Венк отпустил Конрада на день домой в Потсдам. Вот что Конрад рассказал матери, сестрам и младшему брату:

«Наконец я оказался у фюрера. Сперва опишу кабинет. Он до того огромен, что я почувствовал себя, будто я в пустыне. Пол устлан толстыми коврами: идешь, и шагов не слышно. Много узких окон от потолка до пола, а посередине такая же высокая стеклянная дверь. Она выходит на балкон. За балконом сад. По бокам окон и двери висят тяжелые, дорогие занавески. Рядом с окном — красивый письменный стол фюрера.

Вдоль стен кабинета — диваны, кресла и овальные столы. Началась церемония; там заведен обычай представлять фюреру каждого нового человека. Генерзл Венк сказал, когда мы входили в кабинет, что представит и меня.

— Ну, нечего распускать слюни! — прикрикнул Конрад на пригорюнившуюся мать. — Что посеешь, то и пожнешь. Хорошенькую жизнь устроил нам драгоценный папаша, черт бы его...

Продолжение на стр. 129

Три раза родные получали на него похоронку, и все три раза он чудом оставался жив. Понюхав пороху на Халхин-голе, морской пехотинец В. С. Семенов воевал потом под Киевом, Москвой, Харьковом, освобождал Севастополь... Есть что рассказать Владимиру Семеновичу о минувшей войне, о великой победе народа, плоды которой нынче раздаются с легкостью короля Лира...

На снимке: В. С. Семенов в гостях у воспитанников Московского детского речного пароходства.

Фото В. ДРОНОВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

Виктор ПЕТРОВ,
подполковник

«ДУХИ» В НОЧИ

Что происходит на советско-афганской границе

Этот участок государственной границы на протяжении последнего десятилетия — один из самых напряженных. В начале 80-х годов происходящие здесь события, как и действия ограниченного контингента советских войск в Афганистане, были окутаны завесой молчания.

Ситуация особо не изменилась и после сообщений в прессе об обстреле душманами реактивными снарядами города Пянджа, схватке пограничного наряда на советской территории с крупной бандой обнаглевших «моджахедов».

Только в первой половине 1987 года было пресечено восемь попыток аналогичного обстрела населенных пунктов советского приграничья. А ведь война в Афганистане длилась не полгода и не год, а почти десятилетие. И все время практически не прекращались боевые рейды в снежных горах и изнуряющих нестерпимой жарой пустынях, дерзкие операции по захвату бандитских баз оружия и боеприпасов, по проводке колонн с продовольствием для населения северных провинций Афганистана.

С последними репортажами о возвращении советских войск на Родину интерес прессы к советско-афганской границе оказался исчерпан. А пограничники продолжали нести службу, без преувеличения, в боевой обстановке. Укрупненными нарядами, с оружием, в касках и на бронетранспортерах, в окопах и на обложенных мешками с песком наблюдательных вышках. Обезвреживая душманские мины на пограничных тропах и вступая в перестрелки с вооруженными нарушителями, охраняя наше добро от закордонных грабителей, иногда — ценой жизни.

Ефрейтор Игорь Тохтин. Родился и вырос в городе Кольчугине Владимирской области. Служил на одной из пограничных застав в предгорьях Памира. За участие в задержании 40 нарушителей границы награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». Вручить ее не успели: 8 мая 1990 года Игорь погиб.

— Наша разведывательно-поисковая группа двигалась вдоль границы,— рассказывает начальник заставы старший лейтенант Ю. Опаренко.— Заметили нарушителей, переправлявшихся через Пяндж на советскую территорию. Стали выдвигаться для задержания. Особо не разбежишься — горы... Спуск, подъем и крутой обрыв к реке. Видим: осыпь, надо спускаться по одному. Игорь пошел первым. И внизу сразу же наткнулся на трех бандитов. Скомандовал: «Руки вверх!» Те не сопротивлялись. Видели, что за его спиной с ножом в руке изготовился к прыжку еще один... А потом, уже смертельно раненого — очередью в упор... Как это было, мы позже узнали. А помочь не успели: слишком скоротечно все произошло.

В канцелярии заставы рассматриваю фотографию убийцы. Чалма, борода, злобный взгляд из-под сдвинутых бровей.

— Он уже задерживался на нашей территории,— продолжает начальник заставы.— В августе 88-го. С карабином и гранатами. Тогда его и сфотографировали. Передали афганским властям приграничной провинции. Эх, знать бы!..

...Об Игоре Тохтине помнят его боевые товарищи. О нем напоминает стенд с фотографиями, аккуратно оформленный в ленинской комнате, указ о награждении его посмертно орденом Красной Звезды да выцарапанная шомполом надпись «Тоха» на заставской «Доске почета», как называют скалу на фланге участка заставы в конце одного из самых сложных и труднопроходимых горных маршрутов пограничных нарядов. Еще в двадцатых годах сложилась неофициальная традиция, когда пограничник, будь то солдат или офицер, не менее десяти раз преодолевший его, получал почетное право оставить на этой скале свою фамилию.

Обстановку на границе серьезно осложняют участившиеся попытки воровских акций. Они, как правило, тщательно организуются, обеспечиваются вооруженным прикрытием на случай появления пограничных нарядов или вертолетов.

...С правого фланга участка заставы, которой командует капитан Ю. Сайсанов, перед наступлением темноты поступил сигнал тревоги. Тревожная группа обнаружила разрез в проволочном заграждении и следы трех нарушителей, которые похитили корову и двух телят, принадлежавших одному из жителей приграничного кишлака. Началось преследование. При попытке задержания нарушители открыли автоматный огонь. Завязалась ожесточенная перестрелка. Похищенное удалось отбить. Один из вооруженных бандитов задержан и сейчас отбывает уголовное наказание.

А вот еще один пример, о котором недавно рассказала газета «Дзержинец» Среднеазиатского пограничного округа:

«...По поступившим данным стало известно: группа афганцев готовится проникнуть на советскую территорию. Цель — слить топливо из баков колхозных тракторов, находящихся за линией инженерных сооружений, снять с техники дефицитные узлы и детали. Пограничный наряд в составе ефрейтора Н. Хмелькова, рядовых А. Хмары и А. Волкова заметил нарушителей через

В дозоре.

прибор ночного видения при высадке на наш берег. Их было восемь. В руках — оружие, мешки и канистры.

Трое против восьми! Внезапный выстрел из сигнального пистолета и одновременная команда: «Стой! Руки вверх!» — только на мгновение ошеломили непрошеных гостей. А потом по пограничникам ударил пулемет. Воины ответили дружным автоматным огнем. Один из бандитов был уничтожен, у других, надо думать, надолго пропала охота к легкой наживе.

Все более ухищренный и дерзкий характер приобретает контрабандная деятельность. К нелегальным контактам в этих целях стремятся как афганцы, так и некоторые жители советского приграничья. Вблизи линии государственной границы в местах производства сельскохозяйственных работ и выпаса скота нередко закладываются тайники с контрабандным «товаром». За прошедший год пограничниками во взаимодействии с органами КГБ предотвращено свыше сотни таких сделок, изъяты десятки килограммов наркотических веществ. Недавно двое жителей приграничного селения Горно-Бадахшанской автономной области впрямую предложили пограничному наряду крупное денежное вознаграждение и спиртное, лишь бы он не препятствовал передаче контрабанды. Понятно, что «контракт» не состоялся и дельцы были тут же задержаны.

«Бизнес» на границе не всегда обходится без крови. Например, на участке одной из погранзастав вблизи границы была обнаружена «закладка» горючего и запасных частей от сельхозмашин, сделанная одним из местных жителей во время работы за линией инженерных сооружений. При задержании пришедшие из-за рубежа контрабандисты оказали вооруженное сопротивление. В ходе столкновения с пограничным нарядом несколько бандитов были ранены. Пограничники потерь не имели.

За Пянджем продолжает полыхать война. Примерно шестьдесят процентов афганской территории, прилегающей к линии советской границы, контролируется формированиями вооруженной оппозиции, для которых, как говорится, никакой закон не писан. Вооруженные до зубов отряды и группы различной партийной ориентации продолжают силой оружия «выяснять отношения». Активные боевые действия против них ведут правительственные войска. На советскую территорию систематически залетают пули, мины и снаряды, что создает постоянную угрозу населению, проживающему вблизи границы.

Мирные жители Афганистана — старики, женщины, дети — нередко вынуждены искать убежища... на советской территории. И речь идет не о каких-то единичных случаях перехода границы. Например, только в один из октябрьских дней 1990 года таким образом спасали свою жизнь около двух с половиной тысяч афганцев.

Расширяется враждебная деятельность против СССР формирований афганской вооруженной оппозиции, используемых в подрывных целях спецслужбами некоторых стран Запада и ближневосточного региона. За деньги, оружие, продовольствие многие отряды и группы «моджахедов» готовы на любую провокацию.

После вывода наших войск из Республики Афганистан только на участках двух пограничных отрядов пресечено более 60 попыток минирования пограничных дорог и троп, обезврежено свыше ста уже заложенных мин различного назначения. Периодически обстреливаются пограннаряды и вертолеты.

Наверное, немногим известно, что спецорганами США разработана программа, направленная на дестабилизацию обстановки в республиках Средней Азии и Закавказья путем разжигания экстремистских и националистических настроений среди советских мусульман. По сведениям, просочившимся в мировую печать, для ее осуществления используются Исламская партия Афганистана (ИПА), возглавляемая Х. Гульбеддином, Исламское общество Афганистана (ИОА), а также националистическая организация «Исламский союз северных провинций Афганистана» (ИССПА), состоящая в основном из туркмен и узбеков. В западных газетах сообщалось, что на территории Пакистана действует учебный центр ИССПА, в котором готовятся специалисты по инспирированию волнений и беспорядков в СССР.

Пограничниками и органами госбезопасности уже задержано несколько зарубежных эмиссаров, прибывших в нашу страну с подобными целями. Среди них небезызвестный Давлятов — советский гражданин, нелегально ушедший в Афганистан и завербованный там спецслужбами. После соответствующей подготовки он с помощью «моджахедов» был переправлен на территорию Таджикской ССР для вербовки граждан и последующей переправки их за границу, а также для выполнения других шпионских задач.

Приграничные с СССР районы продолжают посещать иностранные «советники», проводящие широкую антисоветскую пропагандистскую кампанию.

Призывы к подрывной деятельности сопровождаются щедрой финансовой поддержкой. В ИПА, например, для этих целей создан крупный денежный фонд, лидеры ИОА установили вознаграждение в размере 1 млн. афгани за вербовку каждого советского человека.

Изъятые пограничниками «трофеи».

Первый заместитель начальника войск Среднеазиатского пограничного округа генерал-майор А. Н. Мартовицкий считает, что высказывания отдельных главарей «моджахедов» о подготовке крупномасштабных подрывных акций через границу носят в основном пропагандистский характер и преследуют своей целью создание видимости активной деятельности для получения дополнительной финансовой помощи и оружия из Пакистана. Но есть и неопровержимые факты, указывающие на активизацию таких усилий со стороны некоторых вооруженных формирований, в первую очередь — инженера Башира, Ахмад Шаха, Азад Бека. Кстати, при непосредственном участии иностранных «советников». Так, формирования инженера Башира в последние годы неоднократно пытались установить нелегальные контакты через границу, переправлять в СССР эмиссаров. Некоторым жителям советского приграничья во время производства работ вблизи границы предлагались деньги и различного рода товары в случае их согласия вести борьбу за утверждение ислама в Среднеазиатских республиках.

Есть данные о том, что Ахмад Шах и другие главари проводят мероприятия по складированию в приграничных с СССР районах оружия и боеприпасов для возможной передачи экстремистским группировкам в республиках Средней Азии. В северные провинции доставляется множительная техника, создаются радиоцентры для вещания на население советского приграничья.

Однако пограничники способны пресечь любые подрывные акции афганских мятежников и их зарубежных спонсоров.

ХРАМ НА КРОВИ

Теперь на этом месте воздвигнут крест. По праздникам духовенство нараспев читает здесь молитвы в окружении христолюбивых горожан и паломников, коих становится с каждым годом все больше. Люди начинают понимать, что трагедия, разыгравшаяся здесь, на Вознесенской горке, в доме купца Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 года не просто убийство, а наше отступничество от своей истории, от той клятвы, что была дана в другое смутное время в стенах уже Ипатьевского монастыря первому из династии Романовых... Геноцид нации, бесчисленные эксперименты на русской земле — все это следствие той страшной трагедии. Не искупив ее покаянием, трудно рассчитывать на возрождение страны.

Те, кто совершил расстрел царя, знали на что шли. Не случайно эта тема долгие десятилетия была под запретом. В самом же Ипатьевском доме создали антирелигиозный музей, музей революции. Здесь же размещался совет безбожников.

В 70-е годы, когда стало возрастать число паломников, власти начали подумывать, как бы совсем избавиться от этого дома. 3 августа 1977 года дом Ипатьева был снят с госохраны. Все организации из него выехали, но снесен он был лишь после того, как его окружили плотным забором. Все делалось в спешке. Работали не покладая рук, ведь кирпичную кладку первого этажа не брали отбойные молотки — ее долбили два дня чугунной бабой. В те дни вокруг дома находилось много милиции, военных, приезжало контролировать горкомовское начальство и лично Б. Н. Ельцин. Энтузиастам городского ВООПИКа удалось снять фундаменты полов, камин, лепку, чугунные литые решетки и передать это в городской историко-краеведческий музей, где следы обломков затерялись.

Около десяти лет этот пустырь оставался заброшенным. Исчезли дом, небольшая кирпичная часовенка, которую так хорошо видно на дореволюционных фотографиях дома. Мебель этого дома, как говорят в городе, отдана в качестве гонорара свердловской городской филармонии виолончелисту Ростроповичу, недавно вновь получившему советское гражданство. Чугунные решетки дома якобы объявились в личной собственности поэта А. Вознесенского.

Снимок Вознесенской горки сделан прошедшей зимой.

Газета «Вечерний Свердловск» недавно напечатала решение горсовета о возрождении Вознесенской горки. По предложению Епархии на историческом месте будет воздвигнут Храм на крови. Председатель Екатеринбургского общества русской культуры «Отечество» Ю. Липатников предлагает уральцам обсудить будущее Вознесенской горки. С нее как на ладони виден весь Екатеринбург*, но автомагистраль города, разрезавшая горку, не дает пройти к дворцу Харитоновых, к Вознесенскому собору. Он недавно был освящен, но пока стоит в лесах. Предполагается вывести из дворца Харитоновых Дом пионеров, изменить весь облик Комсомольской площади города.

---

* Почти всем старым городам возвращены прежние имена: Куйбышеву — Самара, Горькому — Нижний Новгород, Кирову — Вятка, Калинину — Тверь, Жданову — Мариуполь и т. д. Ленсовет принял решение даже Ленинграду возвратить его прежнее имя — Санкт-Петербург.

И только бывший Екатеринбург до сих пор, как это ни странно, носит имя палача Свердлова. Какие-то силы упорно противятся возвращению городу его исторического имени, отстаивают наименование — Свердловск. Какие? И не стыдно ли жителям, что их город до сих пор носит это позорное имя?!

Икона новомучеников российских от безбожников убиенных, канонизированных Зарубежной Русской Православной Церковью.

Деревянный крест на памятном месте, водруженный энтузиастами монархического союза-ордена, заменили на сварной, освятили. Уже есть готовый проект часовни и храма: сначала горсовет отвел 30 соток, затем добились выделения одного гектара земли. В новом храме, что назван храмом-памятником, не будет крещений, венчаний, отпеваний, в нем будут совершаться лишь богослужения. Он станет храмом всех Святых, в Земле Российской Просиявших.

В сентябре 1990 года Германская епархия Русской Православной Церкви за границей обратилась в городской Совет Свердловска, прося поддержать церковную общину Свободной Русской церкви, находящейся под ее юрисдикцией. В отличие от Московской патриархии, вынужденной исповедовать в течение шести десятилетий лжесвидетельства о новомучениках, эта община в годы гонения на родине, в годы изгнания неотступно чтила их память. Инициатива РПЦ за границей была очень своевременной, ведь вначале демократические власти города отдали земли под отель совместного советско-американского предприятия с коммерческим центром и казино.

Говоря о позициях всех сторон, причастных к строительству, необходимо упомянуть о мнении архиепископа Свердловского и Курганского Мелхиседека, считающего, что назревает конфликт между представителями Зарубежной церкви и церковными властями, представляющими РПЦ. В его основе — заявление о строительстве храма силами Зарубежной церкви. Но, думается, выход здесь есть: сама идея совместного возведения храма могла бы послужить делу объединения церквей.

Народные деньги — вот те средства, на которые будет построен храм. Собирать их начали несколько десятилетий назад в США. В 1937 году в американском городе Сиэтле был построен храм, где более полувека назад русские люди стали собирать деньги на сооружение церкви в честь новомучеников. Могли ли они тогда думать о том, что это начинание найдет свое продолжение на отвергнувшей их Родине?

Л. БЕРЕЗОВСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ФЛОТ СТРОИЛИ... ПРЯДИЛЬЩИКИ

Во время Крымской войны 1854 года в России было решено срочно построить к весне около сотни паровых судов. Но промышленность могла начать изготовление лишь пяти кораблей, а для постройки остальных требовалось увеличить в двадцать раз число рабочих. А где взять столько квалифицированной силы? И вот одному из заводчиков пришла в голову блестящая мысль. Во Ржев послали человека за прядильщиками, которые по случаю вывоза пряжи за границу оказались безработными. Привезли их, расписали по заводам и распределили по специальностям: одному быть литейщиком, другому молотобойцем, третьему кузнецом, четвертому слесарем. Новичкам на артель дали по опытному мастеровому, и уже через неделю прядильщики приступили к делу. Ровно через сто дней 32 вооруженные канонерские лодки вошли в строи русских боевых кораблей.

Талантлив русский человек, есть в нем и любовь к ремеслу, и способность быстро осваивать новое дело.

С. РОСТЕГАЕВ

Южная Осетия: под пулями «демократов»

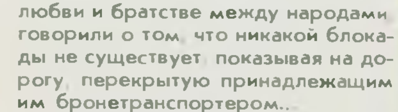
Сегодня все чаще убеждаешься: демократия в том виде, в каком нам ее навязали сверху,— причина многих межнациональных конфликтов и кровавых трагедий. Не успев опериться, молодая советская, а вернее антисоветская демократия делает крутой поворот к диктатуре, сопровождаемый насилием и подавлением всякого инакомыслия. Судьба Южной Осетии, народ которой в течение долгих месяцев на глазах всей страны и всего «цивилизованного» человечества методично уничтожается на своей родной земле,— яркий тому пример.

Я слышал в Цхинвали: «Грузия ослепла... Они не ведают, что творят...» Да где же прославленные грузинские гуманисты, деятели науки и культуры? Или же их гуманизм недействителен в пределах своей республики? Или это просто маска, долгое время скрывающая их истинную сущность? Но, наверное, оглохла и вся Россия, если не слышит мольбы о помощи! Что хорошего можно сказать о протоколе, подписанном Ельциным с Гамсахурдия!

Цхинвальцы говорят, что вся надежда у них только на Россию, но в их глазах нет уже и этой надежды.

Я поднялся на гору, возвышающуюся над городом. К постам грузинской милиции. Люди в бронежилетах и касках, с разнообразными автоматами и снайперскими винтовками долго и красиво говорили о

любви и братстве между народами говорили о том, что никакой блокады не существует, показывая на дорогу, перекрытую принадлежащим им бронетранспортером...

Я ехал в Цхинвали, думая увидеть вооруженных до зубов осетинских боевиков-экстремистов. А увидел самых обыкновенных и простых людей, вынужденных взяться за оружие, чтобы защитить своих близких от смерти, свои дома от разрушения.

В городе, где и следа не осталось от правоохранительных органов, самими жителями поддерживается удивительный даже для нормальной обстановки порядок: для пресечения любых случаев мародерства созданы спец. отряды; человека с запахом вина удаляют с боевого поста и при повторном замечании могут и вовсе лишить оружия.

Вечером по грузинскому телевидению сообщат, что опять осетинские экстремисты обстреляли грузинскую деревню Никози. И люди, вместе со мной попавшие под сильнейший обстрел со стороны этой деревни, живущие в полукилометре от нее и на свист пуль уже мало

обращающие внимание, посмотрят на меня и улыбнутся, как бы говоря: «Ты же видел все сам... видишь, как они все переворачивают...»

Вижу. И четырех убитых грузинов припишут осетинским «экстремистам», не сказав при этом, что убиты они на грузинской территории, куда осажденным осетинам попасть просто невозможно. И фотографию одного из них, человека по кличке «Виру», всей Осетии известного своими зверствами, покажут по телевизору, сказав, что именно такие люди сейчас нужны Грузии.

Эти строки писались, когда войска МВД СССР еще не приступили к наведению здесь порядка. Сейчас в Осетии как будто поспокойнее, но не верится в примирение. Слишком много боли на этой земле, где в домах и больницах нет воды и света, где хлеб выпекается из комбикормов, но и он достается далеко не всем. Где женщины и дети, оставшиеся в городе, в течение долгих месяцев ни ночью ни днем не могли найти спасения от снарядов, пробивающих бетонные стены и страшной начинкой поражающих все вокруг. Где известен счет убитым и похороненным, но нет счета пропавшим без вести и замученным.

«Они не отдают нам даже наших мертвых».

«Мы не можем даже похоронить своих на кладбище» (оно контролируется грузинской стороной).

И страшное импровизированное кладбище возникает во дворе школы, в окнах ее — фотографии убитых.

И осетинские женщины покидают парализованный город, оставаться в котором смертельно опасно. Взяв лишь самое необходимое и уводя с собой детей. Уходят туда, где их мало кто ждет, но не свистят пули. Мужчины остаются.

На снимках: защитники Цхинвали, еще одна жертва геноцида, грузинские боевик

Все, чем располагал в 1984 году новокузнецкий спортивный клуб «Россы», это две шпаги руководителя и тренера Анатолия Богомолова. Теперь коллектив, воспитавший за последние семь лет около двухсот спортсменов-разрядников и завоевавший на турнирах и соревнованиях почти столько же дипломов и грамот, имеет спортивный зал, склад, душевую, комнату отдыха, мастерскую, тренерскую, построенные и оборудованные в подвале многоэтажного дома. И все это приобретено и сделано руками наставника и его юных сподвижников.

Вадим ЦЕКОВ

ПРЕСТУПНИКИ ЕСТЬ ПРЕСТУПНИКИ, а как назвать их высших покровителей?

В последнее время только и слышишь широковещательные заявления иных наших доморощенных предпринимателей-кооператоров и их иноземных подпевал-бизнесменов: мол, куда ни повернешься, все и вся в Стране Советов препятствует крупномасштабному развороту современных энергичных людей. Да нет же и нет! Ничего подобного! Дерзай сколько хочешь, и никто тебя не остановит, не запретит! Любую сногсшибательную операцию можно провернуть посредством наших ловких кооператоров! Даже ежели живешь далеко за пределами страны их обитания...

Скажем, какому-нибудь иноземцу (из чистого любопытства, естественно) вдруг срочно понадобилось знать, из чего такого особенного состоит какой-либо уникальный металлический сплав, используемый советскими специалистами при производстве космических и всяких других летательных аппаратов. Что ж, пожалуйста! Подобный заказ нашими кооператорами может быть выполнен незамедлительно. Вопрос лишь в том, где конкретно проживает упомянутый любознательный господин. Ежели он обитает поближе к Апеннинскому полуострову, то ему лучше всего воспользоваться услугами итальянской фирмы «Ортофруттикола Ломбардия». А ежели любопытствующий иноземец облюбовал Скандинавский полуостров, то ему следует обратиться в офис шведской фирмы «Аксель Юнсон». Опытные фирмачи-профессионалы с полуслова поймут, что от них требуется, и незамедлительно задействуют ну хотя бы рижский кооператив «Инженер».

Именно о подобной сделке мне и поведал прокурор Запорожской области государственный советник юстиции 3-го класса В. Щур.

— Заместитель генерального директора Запорожского производственного объединения «Моторостроитель» Минавиапрома СССР О. Гайдамаченко, — рассказал Василий Федорович, — с одобрения генерального директора этого объединения В. Богуслаева заключил в нарушение закона договор с председателем рижского кооператива «Инженер» Н. Кулешовым о поставке этому кооперативу для продажи за границу 206 тонн отходов жаропрочных сталей с высоким содержанием никеля и хрома. В числе отправленного металлолома находились и 60 тонн дорогостоящей жаропрочной стали ЭП-742, которую запрещено экспортировать.

А чтобы заинтересовать О. Гайдамаченко в поставке кооперативу проката дорогостоящих металлов под видом лома изделий и отходов производства, Н. Кулешов предложил ему оплату за сортировку и погрузку металла по 100—150 рублей за тонну. Хотя плата за

эти операции входит в сбытовую цену металла. Из этой суммы 30 процентов причиталось лично О. Гайдамаченко. А остальные деньги в равной пропорции делились между привлеченными им работниками объединения: начальником цеха металлолома В. Даровским, заместителем начальника транспортного цеха М. Молчановым и другими.

Гешефт провернули на славу! О. Гайдамаченко получил 7 тысяч рублей, В. Даровский, М. Молчанов и остальные по 2,5 тысячи рублей. Всего кооперативом было перечислено на сберкнижки О. Гайдамаченко и его помощников 23 тысячи рублей. Кроме того, кооператив поставил услужливому объединению «Моторостроитель» три легковых автомобиля «Вольво-240», микроавтобус «Ниссан». Правда, впоследствии обнаружилась досадная закавыка: согласно таможенной декларации и контракту между германской фирмой «Хасивил ЛТД Висбаден» и кооперативом «Инженер» указанные автомобили являются собственностью фирмы и переданы кооперативу в аренду сроком на пять лет...

Отправка дорогостоящего металла в Ригу подкосила годовой госзаказ по сдаче металлолома объединения. А вот 206 тонн жаропрочных сталей на сумму 1,3 миллиона рублей, оказавшиеся в руках «Инженера», были проданы за доллары шведской фирме «Аксель Юнсон» и итальянской фирме «Ортофруттикола Ломбарда». А советский теплоход «Пьер-Пуйяд» поспешил доставить ценнейший груз адресатам...

— Но ведь такие сомнительные операции архиопасно проводить! — прервут меня иные читатели. — Вот ведь с «АНТом» что получилось! Почитай, год уже и следствие идет, и ревизии... А сами кооператоры-то небось поиздержались, перебиваются с хлеба на воду?..

Ну, на сей счет можете быть спокойны! Тут всякие опасения излишни! Энергичные кооператоры-«антовцы» живут по-прежнему припеваючи. Более того, с оптимистической уверенностью смотрят в лучезарное рыночное будущее. И все потому, что у главы концерна «АНТ» В. Ряшенцева, как по щучьему велению, объявились новые, не менее влиятельные покровители. Но теперь уже в Верховном Совете и правительстве РСФСР. Конечно же, ситуация была не из легких, больше того — архикритической! В наступление пошли ревизоры-финансисты, в разгаре было следствие, вполне реально в обозримом будущем грозно маячила и массивная металлическая решетка казенного дома.

Надо было действовать без промедления! Причем решительно и кардинально. Ведь не терять же по-глупому в один момент все то добро, что «наработано» до этого «АНТом» и скопилось в морских портах для отправки за рубеж! И то, что к этому времени В. Ряшенцев стал еще и членом правления Информационно-коммерческого центра «Инком НВ», было явно недостаточно... Короче, срочно требовалось создать новую «крышу» с более солидной вывеской, нечто вроде акционерного общества — промышленно-коммерческой компании, скажем, под названием «Российский Дом». И почему не учредить подобную вполне официальную «крышу» под благовидным предлогом реализации программ защиты малоимущих слоев населения многострадальной России в условиях грядущей рыночной экономики? Эта-то новоявленная компания по эстафете и могла бы поглотить «наработки» «АНТа», а заодно и взять его проштрафившихся руководителей под свое официальное крыло.

Потому-то утвердить создание новой компании «Российский Дом» своим постановлением должен был как минимум первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов.

А коль сверхзадача сформулирована весьма четко, можно было и незамедлительно действовать. Благо особого труда не составило срочно созвать учредительную конференцию акционеров промышленно-коммерческой компании «Российский Дом». В ней охотно согласились участвовать министр внешних экономических связей РСФСР В. Ярошенко, министр финансов РСФСР Б. Федоров, министр печати и информации РСФСР М. Полторанин, министр промышленности РСФСР В. Кисин, член правления Московского инновационного коммерческого банка А. Асотиани, член правления информационно-коммерческой фирмы «ГЕЛЛУС» П. Шпякин — он же один из генеральных директоров в «АНТе».

И вот перед всеми участниками учредительной конференции 14 августа 1990 года с пламенной речью и выступил В. Ряшенцев, убеждая их создать компанию «Российский Дом», и заодно утвердить проект ее устава. Не преминул при этом Ряшенцев особо подчеркнуть, что «предметом деятельности компании» будет прежде всего «реализация программ защиты малоимущих слоев населения в условиях рыночной экономики».

Присутствовавшие соучредители глубоко прониклись пониманием специфики сложившейся ситуации и сразу же единогласно поддержали инициативу находчивого и ловкого на выдумки руководителя «АНТа» В. Ряшенцева.

Но на голом месте солидную организацию, как известно, не учреждают. И потому Ряшенцев тут же пообещал для начала внести в уставной капитал вновь создаваемой компании имущество, оцененное учредителями в семнадцать миллионов пятьсот тысяч рублей. А вслед за Ряшенцевым еще и его «правая рука» в «АНТе» П. Шпякин также пообещал внести в уставной фонд компании имущество, оцененное учредителями аж в двадцать пять миллионов рублей...

Такая завидная щедрость прогрессивно мыслящих предпринимателей, безусловно, пришлась по душе республиканским министрам и представителю коммерческого банка. И, естественно, оба они (и Ряшенцев и Шпякин) тут же были единогласно избраны в Совет директоров вновь созданной компании «Российский Дом»...

А для вящей убедительности содеянного все собравшиеся единомышленники не только подписали протокол учредительной конференции и устав мгновенно созданной промышленно-коммерческой компании «Российский Дом», но еще и скрепили эти документы своими круглыми (преимущественно гербовыми) печатями. Ну а дальше уже все было дело техники. Не прошло и семидесяти двух часов после успешно завершенной учредительной конференции, как в оперативном порядке первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов собственноручно подписал Постановление № 147-1 Президиума Верховного Совета РСФСР, коим мир извещался «О создании акционерного общества — промышленно-коммерческая компания «Российский Дом» (так в документе!). Само собой, естественно, в «целях обеспечения населения РСФСР товарами народного потребления и продовольствием»...

В постановлении том Р. Хасбулатовым давались и весьма конкретные предписания разным инстанциям. Совету Министров

РСФСР, к примеру, предлагалось «установить льготы по налогообложению компании». А заместителю Председателя Совета Министров РСФСР т. Фильшину — «подготовить в срок до 1 октября 1990 г. программу неотложных мер по организации экспортных и импортных поставок компании».

Вслед за этим и Председатель Совета Министров РСФСР И. Силаев незамедлительно подписал специальное постановление за № 336 «О деятельности акционерного общества — Промышленно-коммерческая компания «Российский Дом» (так в документе!). В нем, в частности, сказано: «Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны СССР и КГБ СССР оказывать содействие компании на договорной основе в обеспечении безопасности перевозки грузов и их хранения». Председатель Совмина РСФСР И. Силаев совместно с министром внешних экономических связей РСФСР В. Ярошенко к тому ж еще выдали вновь созданной компании и лицензию под № 1, дающую право «Российскому Дому» в течение двух с половиной лет беспрепятственно заключать контракты на поставки товаров стоимостью в пять миллиардов инвалютных рублей...

И как же собираются находчивые предприниматели из «Российского Дома» обеспечить население РСФСР товарами широкого потребления и реализовать программы защиты малоимущих людей в условиях грядущей рыночной экономики? Оказывается, проще простого! Для осуществления сих высоких целей лицензией под № 1, на которой четко значится роспись Предсовмина РСФСР И. Силаева, доморощенным бизнесменам в пределах пяти миллиардов инвалютных рублей разрешается беспрепятственно вывозить из нашей страны все, что им заблагорассудится, на что глаз ляжет. Судите сами. Вот номенклатура продукции, которую согласно лицензии, выданной Совмином РСФСР, позволительно экспортировать бизнесменам «Российского Дома» из Страны Советов: сырье для производства пищевкусовых товаров, пищевкусовые товары, промышленные товары народного потребления, операции (услуги) материального характера, машины, оборудование и транспортные средства, топливо, минеральное сырье, металлы, химические продукты, удобрения, каучук, строительные материалы и детали, сырье и продукты его переработки... Подлежат также вывозу хрустальные изделия, оконное стекло, вилы, серпы, светильники, детские игрушки, посуда, кожаная и спортивная обувь, одежда, ткани, кожсырье из шкур домашних и диких животных, ковры, пианино, электрогитары, художественный фарфор, строевые бревна, пылесосы, ювелирные изделия, мотоциклы, парфюмерия и косметическая продукция, изделия из самоцветных камней и драгоценных металлов, эритромицин, норсульфазол, сульфадимезин. Да разве перечислишь все! И это при нынешнем нашем дефиците!

Между тем не успел Иван Степанович Силаев подписать упомянутое правительственное постановление № 336 от 1 сентября 1990 года, как в адрес начальника Новороссийского морского торгового порта В. Быкова уже полетела депеша, исполненная на официальном бланке Промышленно-коммерческой компании А/О «Российский Дом»: «Информируем Вас, что грузы, принадлежащие Промышленному государственно-кооперативному объединению «АНТ», находящиеся на территории Вашего порта, в настоящее время являются собственностью Промышленно-коммерческой ком-

пании «Российский Дом». Услуги Новороссийского Морторгпорта по хранению указанных грузов будут полностью оплачены. Охрана грузов по договоренности с тов. Федоряниным Е. П. будет осуществляться линейным отделением внутренних дел в порту Новороссийск». Вот таким образом российское правительство спасало имущество «АНТа».

А вот что поведал несколько позже о вновь созданной компании «Российский Дом» гражданин Франции Мако Алан:

«Летом 1990 года Ряшенцев и Гринев приезжали в Париж и сообщили, что основана коммерческая фирма «Российский Дом». В сентябре 1990 года Ряшенцев вновь приезжал в Париж. С ним были Шпякин, Гринев, а также представители правительства России Хасбулатов, Федоров, Ярошенко и какой-то представитель Российского банка. У них были предложения о продолжении и расширении сотрудничества с нами. Я предпринял усилия к тому, чтобы их принял премьер-министр Франции, однако нас принял шеф кабинета премьер-министра м-е Годино. На встрече присутствовали Ряшенцев, Гринев, Шпякин, представители правительства России. Это была неофициальная встреча. Когда беседовали у м-е Годино, Хасбулатов о «Российском Доме» сказал, что на 40 процентов капитал принадлежит министерствам и Московскому Инкомбанку, а на 60 процентов — деньги негосударственных организаций...»

Так что, как видите, особо беспокоиться о Ряшенцеве и иже с ним в период затянувшихся ревизий и следствия по «АНТу» не приходится. Могущественные у него покровители! У него и у таких, как он, дельцов, готовых продать Россию на корню за те же 140 миллиардов. Уж им-то господа демократы служат верой и правдой.

ПИСЬМА «ТОВАРИЩУ»

У ВАС МНОГО ДРУЗЕЙ

В городе Норильске 23 марта 1991 года состоялось первое организационное собрание друзей журналов «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва». О препятствиях созданию данного общества не пишем — они вам известны по другим регионам.

Хотели заверить вас, что собрались преданные Родине и идеям, проводимым вашими журналами, люди. Будем постоянно популяризировать ваши журналы, чем надеемся внести свой вклад в возрождение России.

А. КОЖЕВНИКОВ, А. КАЗАКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. В нашей почте немало писем, авторы которых просят посоветовать, какую помощь они могут оказать нашему журналу, патриотическому движению. Конечно, готовых ответов на все случаи не существует, но вот инициатива норильчан — реальное и очень нужное всем нам дело. Объединяйтесь, создавайте клубы друзей патриотических изданий. Издательство «Русское Слово» и информцентр при журнале «Молодая гвардия» готовы оказать вам практическую и консультативную помощь. Пишите по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Издательство «Русское Слово» с пометкой «Информцентр».

О СМИРЕНИИ, ТЕРПЕНИИ И ВЕРЕ

Заметки о фильме «За други своя»

Верить в историю — значит верить в вечную и непременную правду.

Аполлон Григорьев

Многочисленные исследователи русской культуры чаще всего пытаются осуществить возвращение народу Истории дозированными порциями, вне связи времен: крещение Руси, Куликовская битва, победа над Смутой или Наполеоном... Фильм режиссера Вадима Виноградова и сценариста Владимира Карпеца помогает приоткрыть, может быть, главнейшую составляющую этой связи — Православную веру, возродившуюся в Великую Отечественную войну.

«...Когда нам говорят, что мы упразднили веру, мы спрашиваем: когда в Германии была более глубокая, более страстная вера, чем сейчас? Когда была более сильная вера, чем вера в нашего вождя? Храмы не помогут народу, переставшему верить в себя! Веря в мой народ и в его будущее — я верю во Всемогущего.

Каждое учение имеет свою эмблему. Мы заменили крест портретом фюрера. Наши образы святых — знамена со свастикой. Евангелие заменено нашей библией, книгой «Майн кампф».

Как раньше считали годы от рождения Христа, так отныне будут считать их от рождения «третьего рейха». Неверно говорить, что национал-социализм хочет основать новую религию — он уже есть новая религия».

Эти приведенные в фильме слова принадлежат Герингу. Холодок пробегает по телу, когда мы видим редкие снимки Гитлера в доверительном общении с «духовными его братьями» и узнаем его тайну. Как пронзительны и страшны эти понимающие друг друга взоры!

«...В беседах с Раушнингом Гитлер открыл то, чего не открывал многим, даже самым близким товарищам по партии. Гитлер верил, что из Земли, из Валгалы, а попросту говоря из Ада, он получает высшую силу, которая позволяет ему управлять миром. Вместо Бога — Космос, вместо любви — силы земли, подземные силы ненависти...»

Но какие же истоки питали победившую после 17-го в России власть? Разве не обрела она в «Капитале» свою собственную библию? И разве не тщилась, отменяя эру Христа, открыть собой новую эру человечества — на тысячелетия вперед?

Фильм не уходит от этих вопросов. Хроника воинствующего безбожия предстает через факельное «комсомольское рождество» в ночи, на черном льду катка в кинематографическом образе дьявольского тайнодействия, мистического и страшного. От диктора мы не узнаем ни числа взорванных храмов и разграбленных монастырей, ни количества репрессированных священников — мы прикасаемся к зловещему дыханию времени с е р д ц е м. И оно отзывается в этот миг мукой богооставленности.

Фильм сделан с сердцем и адресован сердцу. Приходит и понимание, что только через сердечное постижение к нам может вернуться История.

Кадры из немецкой хроники: убитые русские солдаты — в окопах, около разбитых орудий, на обочинах дорог... Как пронзителен этот монтаж, соединяющий их с сегодняшней панихидой в храме и дикторским комментарием: «Так Православная Церковь поминала погибших на Куликовом поле и на поле Бородина; так поминает она и теперь — в этом храме и во всех храмах страны погибших и победивших в Великой Отечественной войне...»

«...Они пришли к нам двадцать второго июня — в День всех святых в земле Российской просиявших. Гитлер верил, что этот день летнего солнцестояния принесет ему победу. В силу наших святых он не верил...»

«...В день святого Великомученика Георгия Победоносца война закончилась». Церковь верит, что случайного в мире нет ничего, и вехи начала и конца войны обнаруживают ее сокровенную сущность, а чудо русской истории XX века заключается в том, что душа обманутого народа даже под страшным игом классовой ненависти сумела выйти к такой жертвенной свободе и степени самоотречения, что переродила внутренне даже безбожную власть. Гитлера Германия выбирала и выбрала демократическим парламентским путем, а освободилась от него через многомиллионные кровавые жертвы многих европейских народов. В Рос-

сии власть была навязана с помощью жестокой гражданской войны и «мировой закулисы», и ее воинственную безбожность она растворила в своем сердце *с а м а*, своим смирением, терпением и верой.

Это ли не чудо?

Чудо России, непонятной, оплеванной, отдавшей жизни свои «за други своя»,— за весь христианский мир — на исторической Голгофе XX века. Как это ни страшно сказать, как ни протестуем внутренне мы против этой мысли, но фильм делает ее болью для сердца нашего почти неизбежной — вот она, эта мысль: «Война эта была *с п а с и т е л ь н а* для России. Война удержала Россию на краю пропасти».

Ибо осталась жить ее Церковь, и значит — ее Душа.

Какой поразительный по дерзновению и по сердечной точности контрапункт: сестрички перевязывают раненых, лицо, искаженное болью, дети работают у станков, и за кадром — пасхальная стихира: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити...»

Геринг верил в Германию. Тютчев верил в Россию. Но это разные веры. И разные страны.

Финал фильма обращен в будущее: «Не напрасно лились, льются и поныне искупительные слезы. Они орошают бесплодную окаменевшую почву, и тогда прорастает новое духовное тело. Так воскресала Православная церковь, дабы не прекращалась покаянная искупительная молитва».

Так История и связь времен возвращаются к нам, и мы чувствуем, что в России она может быть только священной Историей, то есть Историей отношений народа и Бога, или ее не будет никакой. Хочется вспомнить Аполлона Григорьева, чьи слова, на мой взгляд, наиболее точно соответствуют картине, ее содержанию и устремленности: «Только верование, принцип сердца может наполнить жизнь содержанием. Верование... обыкновенно растет незаметно, выходит наружу тихо, зреет в уединении... Оно всему родное... и прошедшему, и настоящему, и будущему... и есть нечто в высшей степени сознательное..., которым обусловлена вера в органическое единство жизни, вера в историю». И словно в похвалу создателям картины сказано дальше: «Мерно, тихо, осторожно, чуждая слепого бунта форм, идет вперед творческая сила...»

На Первом Всероссийском фестивале православных документальных фильмов картина «За други своя» («Центрнаучфильм») получила один из главных призов, но более важным для себя режиссер считает другой «приз»— отзывы, оставшиеся в зрительских анкетах:

«Плакала весь фильм. Да и весь ряд плакал...», «От фильма идет благодать! Сила, величие и божественность русского духа. Его надо демонстрировать по всей стране — ежедневно!», «Это может понять только душа...»

Но самым драгоценным отзывом за все годы работы в кино (Вадим Виноградов известен по своим большим лентам о педагогике, имевшим значительный общественный резонанс: «Час ученичества» и «Самый долгий экзамен») он считает фразу одной из зрительниц: «Решила креститься. После Вашего фильма. Завтра же!»

Возвращение веры в Россию, духовной связи времен — это и есть возвращение ее Высшего Смысла и подлинной истории. Оно должно состояться.

Валерий ДЕМИН

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК —
УДАВКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

А. БАЛИЕВ

КТО И КАК ПОМОГ ТИРАНЕ ПЕРЕСТРОИТЬСЯ

Дождались-таки радетели ликвидации социализма «вихря перемен» и над Албанией. Свершилось то, о чем грезили и наши «прорабы», и их зарубежные спонсоры: в декабре 1990 года в этой стране было объявлено о «разрыве со сталинизмом» и начале строительства «плюралистического общества».

Албанское руководство в 1990 году испытывало всевозрастающее давление со стороны внешних сил — прежде всего стран НАТО, восточноевропейских соседей. Доставалось Тиране и от советской «перестроечной» прессы, резко усилившей после событий в Румынии (декабрь 1989 г.) кампании злорадства и ехидных насмешек по поводу экономических и политических трудностей в Албании, сохранения в стране памятников Ленину, Сталину, Молотову.

И Запад и Восток выдвинули перед Албанией одно условие: если хотите развивать торговлю и сотрудничество с «новой» Европой, США и СССР, то отказывайтесь от независимой политики — то есть от социалистического строя, от поддержки революционно-освободительных движений, от критики советских и восточноевропейских «реформаторов». Дело доходило до того, что многие страны ЕЭС и Восточной Европы отказывались подписывать торгово-экономические соглашения с Албанией под предлогом «несоответствия» (?! — А. Б.) этой страны «общеевропейским стандартам». Фактически с весны 1990 года НСРА оказалась в торгово-экономической и политико-пропагандистской блокаде Запада и Востока, имевшей целью вынудить руководство страны кардинально изменить политический и экономический курс. Более того, Албанию не допустили к участию в Парижском совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (октябрь 1990 г.) на том основании, что в этой стране, дескать, продолжается «правление однопартийной диктатуры».

Спрашивается, как же тогда «допустили» к участию в Хельсинкском совещании (август 1975 г.) и последующих общеевропейских конференциях страны — члены Варшавского Договора, бывшие тогда «социалистическими» и, по сути, тоже «с однопартийной диктатурой»?

Резко усилив с лета 1990 года антикоммунистическую пропаганду, нацеленную на Албанию, занимаясь подстрекательством албанцев к антиправительственным акциям (а в этих акциях в 1990 году

недостатка, разумеется, не было...), спекулируя на социально-экономических проблемах Албании, идеологи и практики «нового мышления» денно и нощно оплевывали успехи социализма в Албании, охаивали деятельность Албанской партии труда (АПТ) и ее вождя Э. Ходжи, на все лады рекламируя «победы демократии» в Восточной Европе и «соболезнуя» албанцам в их «социалистическом прозябании». В этой «комплексной» кампании активно участвовали посольства стран Западной и Восточной Европы, а также иностранные корреспонденты, заполонившие Албанию с весны 1990 года. В их числе были и корреспонденты Центрального телевидения, «Известий» и «Комсомольской правды», репортажи которых отличались патологической неприязнью к социализму.

Примечательно, что в июне 1990 года, когда извне был инспирирован и широко разрекламирован «Исход» сотен албанских граждан в иностранные посольства, Госдепартамент США заявил о возможности восстановления отношений с Албанией только после ликвидации «сталинистской» системы в этой стране. Примечательно и то, что посольства Китая и Кубы отказались принимать псевдобеженцев, заявив, что не считают возможным участвовать в очередной антиалбанской кампании.

В сложившихся условиях руководство НСРА решило не упорствовать и приступило к постепенному реформированию страны согласно рецептам старых и новых антикоммунистов. Нынешний руководитель Албании Р. Алия объявил о намерении восстановить отношения с СССР и США, о привлечении иностранных займов и кредитов (хотя Конституция страны запрещает иностранное кредитование), о возможности предоставления концессии инофирмам и разрешении частного (национального) и совместного с западным капиталом предпринимательства. Хотя тот же Алия в течение 1990 года не уставал утверждать, вторя своим прежним высказываниям, что никто не имеет права указывать Албании, какую ей проводить политику: «Путь социализма наш народ выбрал самостоятельно, и обжалованию этот выбор не подлежит». Однако уже в августе того же года по указанию Алии в АПТ началась кампания «борьбы с догматизмом» — то есть с теми, кто не соглашался дискредитировать и разрушать социализм.

Опасность реставрации капитализма и утраты независимости отмечалась многими коммунистами, трудовыми коллективами в ходе мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения Ленина и 5-й годовщине со дня кончины Энвера Ходжи (апрель 1990 г.). На эту тенденцию указывали и руководящие деятели АПТ (Н. Ходжа, К. Чарчани, С. Кочолари и др.), ветераны антифашистской борьбы. Но Р. Алия и его ближайшие коллеги к ним не прислушивались.

Апеллируя к «общечеловеческим ценностям», Алия стал вовсю критиковать «догматиков в центре и на местах», выставляя себя в роли либерала и реформатора. Он, в частности, заявлял, что реформам в Албании «мешают оторвавшиеся от жизни и от народа догматики, которые провоцируют конфликты в партии, армии и стране». Точь-в-точь, как именовали хрущевцы Молотова, Маленкова, Шепилова и их сторонников! Параллельно албанские лидеры «новой волны» начали разглагольствовать о «порочной практике культа личности», об «идеологических претензиях, не отвечающих потребностям Албании». Как похоже все это на «эпоху» XX съезда КПСС и последующие события в нашей стране!

Столь крутому повороту Тираны в сторону «безбрежного плюрализма» способствовали два важных события. Во-первых, в июле 1990 года Тирану посетила делегация конгресса США, имевшая продолжительную беседу с Р. Алией и его единомышленниками. В том же месяце посол НСРА при ООН встречался с представителями госсекретаря США. Об этих фактах албанская печать не сообщала.

Во-вторых, в сентябре 1990 года в Нью-Йорке состоялась беседа Э. Шеварднадзе с Р. Алией — это была первая встреча члена советского руководства с албанским лидером за последние 30 лет. И что же? Участники беседы отказались от пресс-конференции, отказались не случайно. Ибо обоим было о чем поведать дотошным журналистам. Албанскому коллеге было без обиняков дано понять, что десталинизация и «демократизация» Албании зависят от решительности Алия и его группировки. Политическая и финансовая поддержка Запада и Востока Албанским реформам гарантировалась. Кроме того, от Алии требовалось окончательно прекратить критику внешней политики СССР и США, деидеологизировать пропаганду и уволить в отставку «сталинистов» — ближайших сподвижников Э. Ходжи. Предлагалось также ввести в Албании институт президентства и разрешить деятельность оппозиционных антисоциалистических партий. Выполнение этих и им подобных требований делало возможным «оставление» у власти Алии и прекращение политико-экономического давления ревнителей «нового мышления» от Вашингтона до Москвы на Албанию. Р. Алие было передано приглашение посетить СССР в 1991 году... в качестве президента Албании.

Об «исторической» встрече Шеварднадзе с Алией в нашей прессе почти ничего не сообщалось. Последующие события в Албании показали, что рекомендации «врачевателей от социализма» методично выполняются: полностью прекратилась полемика с СССР, Югославией, США и НАТО; легализована антисоциалистическая оппозиция; сформирована комиссия по «пересмотру и деидеологизации Конституции»; соратники Э. Ходжи отправлены на пенсию, иные противники нынешнего курса уволены с работы и т. п. Кроме того, по мере «успехов» политики Алии, Великобритания в ноябре 1990 года согласилась обсудить вопрос о возвращении Албании ее золотого запаса (36 млн. долларов), похищенного бывшим королем А. Зогу, бежавшим в Лондон накануне вторжения в страну войск Муссолини (апрель 1939 г.). В том же месяце в Риме начались соответствующие переговоры. Албания в течение 40 лет обусловливала восстановление дипломатических отношений с Великобританией требованием возвратить золотой запас. В Лондоне решили, и не без оснований, что именно осенью 1990 года настало время для диалога с Албанией («Известия», 3.11.1990).

И вот настал черед «развенчания» Сталина.

В день его 111-летия Совет Министров и ЦК АПТ постановили: «В связи с изменившимися историческими условиями переименовать населенные пункты и другие объекты, которым было присвоено имя Сталина». Одновременно вакханалия переименований охватила объекты, носящие имя Молотова. Именно к этой дате была приурочена антисталинская кампания! В тот же день (21.12.1990 г.) по указанию Р. Алии спецгруппа сняла в Тиране с постамента 10-метровую бронзовую статую Сталина и положила ее лицом вниз на землю. В течение 1 часа «бронзовый» Сталин

пролежал в таком положении — наверное, специально для иностранных корреспондентов, обступивших и ретиво снимавших «место» святотатства...

Совершенно очевидно, что антисталинский шабаш в Албании, явно инспирированный и навязанный извне, ухудшит экономическую и политическую ситуацию в стране. Об этом, в частности, свидетельствуют комментарии многих западных обозревателей о положении в Албании. Тем временем Р. Алия, поощряемый зарубежными единомышленниками, заявил о предстоящем переименовании АПТ в «Партию демократии и прогресса». Это название будет, вероятно, утверждено на предстоящем в июне 1991 года X съезде АПТ. В лексиконе нынешних албанских лидеров и печати Албании с декабря 1990 года появились такие «общечеловеческие» термины, как «перестройка», «новое мышление», «судьбоносное время» и т. п. Словом, сценарий один, режиссура идентична!

P. S. Когда материал был сдан в набор, поступило сообщение о том, что Алия, провозглашенный президентом уже Республики Албания (термин «социалистическая» отменен с мая с. г.), вышел из АПТ. Как видно, он исправно выполняет рекомендации отечественных и зарубежных прорабов мировой перестройки.

«НАБАТ. ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Над страной нависли тучи безвременья, и неведомо, какой гром из них грянет. Положение усугубляет шумная и лживая трескотня демагогов, камуфлирующая действия тех, кто силится расчленить, разоружить страну и отдать ее врагам на разграбление, уничтожение братских народов и наций, каждой в отдельности. На долю русского народа вновь выпала извечная миссия духовного, державного объединителя.

Журнал «Молодая гвардия» первым из отечественных изданий решительно и смело стал знакомить читателей с кровавыми тайнами нашей истории, зримо высветил сегодняшнее противостояние псевдодемократов и истинных патриотов.

Однако далеко не все, кто желал, смогли познакомиться с нашей позицией: распространению издания поставлены существенные препоны. Но дело поправимое.

Звук набата, раздающийся со страниц журнала, читатели смогут теперь услышать со страниц двухтомного сборника лучших статей, публиковавшихся в журнале за последние годы. Светлые умы России — ученые, полководцы, политические и общественные деятели, публицисты, писатели — сплотившись, выразили в них тот безошибочный коллективный разум, который прозревает путь к сегодняшнему и вековечному подвигу — защите нашей Земли, Отечества.

Только на этом пути свершится возрождение России!

Заявки на приобретение двухтомника «Набат» от обществ, организаций принимаются в «Библиотеке журнала «Молодая гвардия» по адресу: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а, телефоны: 285-88-27, 285-88-59.

Цена издания — 16 рублей, за два тома.

ОСТАНОВИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР!

Дорогие друзья!

22 апреля у дверей собственной квартиры на третьем этаже был избит известный критик, секретарь правления Союза писателей России, зам. главного редактора новой писательской газеты «День» Владимир Григорьевич Бондаренко. Поджидавшие его пять-шесть неизвестных молодых людей разбили бутылку о его голову и вырвали сумку с материалами съезда группы «Союз» и гранками еще не вышедшего номера газеты «День».

Не исключена возможность — мы даже уверены в этом! — что это политическая враждебная акция, имеющая цель запугать деятелей патриотического движения в России, а не ограбление с целью наживы, ибо у бедного советского журналиста нечего было забирать: он не занимался кооператорством, не водился с рэкетирами, не связан с доморощенными совбурами, ворочающими миллионами, его скромная зарплата и изрядно поношенный костюм вряд ли интересовали убийц из-за угла (а в том, что это была попытка политического убийства, тоже вряд ли приходится сомневаться).

В. Г. Бондаренко — активный критик и публицист ярко выраженной русской патриотической направленности, известный пропагандист нашей национальной культуры, крупный исследователь современного литературного процесса.

За последнее время в нашей стране резко участились случаи физических расправ с военнослужащими, деятелями науки и культуры, патриотических общественных движений. Мы помним, как был избит до полусмерти выдающийся писатель современности Валентин Распутин — за свою патриотическую деятельность во имя России; совсем недавно осуществлена попытка расправы с телекомментатором Ленинградского телевидения Александром Невзоровым, совершено злодейское убийство крупного ученого-патриота, научного сотрудника Института философии и права Академии наук СССР Е. С. Евсеева... И вряд ли счет бандитских расправ на этом кончится...

Ни одно из этих покушений, имеющих под собой откровенно политические мотивы русофобского характера, до сих пор должным образом не расследовано органами правосудия и не предано широкой гласности, вольно гуляют преступники — как практические исполнители физических расправ, так и закулисные дирижеры, владеющие, по всей видимости, немалыми средствами, чтобы подкупить любого люмпена во исполнение своих негодяйских замыслов.

При недопустимом попустительстве власть имущих людей в стране царит махровый политический террор, направленный прежде всего против деятелей русского патриотического движения.

Мы требуем тщательного расследования враждебной вылазки против В. Г. Бондаренко, с подробным информированием в средствах массовой информации следствия этого дела, установления политической

подоплеки и подлинных мотивов преступления и предания суду всех виновников.

Члены кафедры советской литературы Тверского государственного университета:

член СП СССР, профессор А. В. Огнев, доцент, к.ф.н. В. А. Юдин, доцент, к.ф.н. В. А. Редькин, доцент, к.ф.н. Н. М. Дмитриева, доцент, к.ф.н. Л. В. Сланевский, ст. преподаватель, к.ф.н. Е. Н. Брызгалова, ст. преподаватель, к.ф.н. В. Д. Мирюшкин, ассистент Л. Н. Скаковская, аспирант С. А. Химион.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Убиты автор книг, разоблачающих мировые замыслы сионизма, Е. Евсеев, редактор калужской газеты В. Фомин, в местах заключения погиб борец с засильем сионизма в СССР К. Смирнов-Осташвили, совершено покушение на патриотов-славян — публициста В. Бондаренко, поэта А. Козина, тележурналиста А. Невзорова. Патриоты-славяне все чаще становятся жертвами политического насилия. И невольно напрашивается вывод: начался террор «демократов»? Или тех, кто прикрывается их лозунгами? Для этого нужна была перестройка и новое мышление?

Куда же смотрят Президент СССР, другие высшие руководители СССР и России? Почему народ не знает их отношения к этим и подобным им фактам, их реакции на эти вопиющие факты политического разбоя.

НЕРАВНЫЙ БОЙ АДМИРАЛА Е.ТОМКО

Отношение к армии — едва ли не самая острая тема в сегодняшних спорах о настоящем и будущем страны. Армию России — ее вековую крепь, гордость и надежду усердно поливают грязью ревнители «нового мышления». Особой атаке подвергаются военачальники — идет «огонь по штабам»: на страницах «желтой» прессы поднялся настоящий вой вокруг генералов Родионова и Макашова. И вот теперь — вокруг адмирала Е. А. Томко.

Сведения из биографии: Томко Егор Андреевич, начальник Ленинградского высшего военно-морского училища подводного плавания имени Ленинского комсомола, вице-адмирал, Герой Советского Союза. Из крестьян, возраст 55 лет. На Северном флоте прослужил около 30 лет, из них двадцать — на атомных подводных лодках. Последняя должность в плавсоставе — командир дивизии атомных ракетных подводных лодок. Уже шесть лет руководит училищем.

Свою обеспокоенность положением в стране и итогами выборов народных депутатов СССР высказал в коллективном письме Горбачеву.

Не дождавшись результатов разбора, Егор Андреевич принимает решение участвовать в выборах народных депутатов РСФСР. Среди его соперников в борьбе за депутатский мандат оказался Виктор Югин, ныне член Верховного Совета РСФСР, а тогда редактор газеты областной комсомольской организации «Смена». Именно В. Югин «прославился» беззастенчивым использованием служебного положения в своих предвыборных целях, то и дело публикуя материалы, направленные против конкурентов по избирательной кампании, в том числе и адмирала Томко. Многочисленные возмущения ленинградцев подобной незаконной практикой не возымели абсолютно никакого действия на Югина.

Поводом для начала газетной травли послужило выступление адмирала на флотской комсомольской конференции, в котором он весьма нелицеприятно отозвался о самом редакторе Югине и его коллегах по «демократическому блоку» — Болдыреве, Щелканове, Курковой, Собчаке. Реакция последовала незамедлительно — в «Смене» появилась статья, напоминающая скорее публичный донос на адмирала, — сработал принцип клановой солидарности. Сигнал «наших бьют» был услышан, Собчак подал в суд на Томко, одновременно в прессе разворачивается дикая вакханалия ругани в адрес адмирала.

Газеты: «Смена», «Вечерний Ленинград», «Литературная газета», «Труд», «Советская культура», «Ленинградский рабочий» с жаром кинулись доказывать, что Собчак не «клеветал на армию» и не «продался кооператорам», как об этом заявил адмирал. Газеты неустанно подчеркивали принципиальность позиции Собчака в споре с Е. А. Томко — ведь судебный иск юриста к адмиралу назывался «о защите чести и достоинства»!

Вот только о какой принципиальности Собчака можно говорить, когда не забылась еще история с членством юриста в компартии. Чего только стоит одно заявление Собчака с просьбой о приеме в ряды коммунистов: «Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в решающее для партии и страны время хочу находиться в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Устав и Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять» (см. ленинградскую газету «Отчизна» № 7, 1990 г.). Эти строки написаны профессором, заведующим кафедрой, хорошо понимавшим всю необходимость подобного шага в 1988 году и не менее хорошо осознавшим, что такая необходимость отпала в 1990 году.

О какой чести и каком достоинстве можно говорить, когда «Советская Россия» дважды обращала внимание читателей на странные связи Собчака и опекаемых им кооператоров, а «Литературная Россия» (13.05.1990 г.) приводила вопиющие факты нарушения закона о выборах, имевшие место при выборах Собчака в горсовет — это ли не позор?

А как пугал Собчак вместе с Болдыревым, Щелкановым, Денисовым с экрана телевизора ленинградцев еврейскими погромами, что оказалось заурядной ложью? Этот старый прием сионистской пропаганды был использован Собчаком для того, чтобы в очередной раз оклеветать патриотические организации города. Здесь Собчак принципиален...

Раздувая грандиозный шум вокруг судебного иска Собчака к адмиралу Томко, послушные Собчаку средства массовой информации пытаются спасти сильно подмоченную репутацию лидера Ленсовета.

Удар по Е. А. Томко пришелся еще и потому, что он не просто вице-адмирал и Герой Советского Союза, он — начальник училища: компрометируя учителя, прежде всего имеют в виду его учеников. А ученики начальника училища подводного плавания — мощная и реальная сила, вызывающая вполне обоснованную тревогу у разрушителей государственных устоев нашей страны.

Томко выполнил решение суда, неизвестно каким образом доказавшего непричастность Собчака к клевете на армию и доподлинно выяснившего непорочность связей юриста с кооперативами: адмирал принес извинения Собчаку.

Глумление в средствах массовой информации над армией издевательства над военнослужащими, травля адмирала Томко вызвали у ленинградцев ответную реакцию: был объявлен сбор подписей в защиту Е. А. Томко, в инстанции и в газеты пошли письма с требованиями прекратить преследование адмирала. В помещении Молодежного центра Ленинградского адмиралтейского объединения комитетом комсомола предприятия была организована встреча с Е. А. Томко.

— Что Вы думаете о доктрине «достаточной обороны»? — спросили адмирала.

— Это голый термин, ничем не обоснованный. Что такое «достаточность»? Никаких расчетов по уровню этой «достаточности» не сделано, в Верховном Совете вопрос не обсуждался, а ведь затрагиваются интересы сотен тысяч людей, речь идет о безопасности страны. А мы поставлены перед фактом — так решили Президент и Министерство иностранных дел.

Нынешнее разоружение — это уже второе на моей памяти. Первое было в шестидесятые годы, когда авиацию на Севере разгоняли, крейсера резали, а потом опять с народа рубли собирали на оборону. Запад тогда тоже аплодировал: давай, давай, разоружайся...

— Ваша точка зрения на причины аварии подводной лодки «Комсомолец»?

— Официальные выводы комиссии, расследовавшей причины гибели подводной лодки, сводятся к неправильным действиям команды. Но ведь у «Комсомольца» были и серьезнейшие конструктивные недостатки, о чем не хочет писать наша пресса. В 70-е годы мы уже теряли лодку при сходных обстоятельствах—урок не пошел впрок. Взять вопрс с поднятием лодки: сплошная волынка. При подъеме лодки, видимо, многое может вскрыться, в том числе и не совпадающее с выводами комиссии.

— Средствами массовой информации у молодежи формируется отрицательное отношение к высшему офицерскому составу...

— Адмирал-подводник и матрос, они рядом, на виду друг у друга. Своих подчиненных во время службы я знал всех в лицо — вместе подо льдами, на боевой службе — месяцами. Управление кораблем, успех службы, сама жизнь зависит от всех, от личного состава. На флоте и адмирал и матрос погибают вместе, но и побеждают вместе.

В зале, где прошла встреча с Е. А. Томко, заводским комитетом комсомола проводились вечера, посвященные юбилею Невской битвы, памяти Цусимского сражения. Только изучив ратную историю Отечества, поймешь, что значит армия для России и Россия для армии: их судьбы неразделимы. А потому — моральная победа всегда останется на стороне того, кто делом доказал свою верность Отечеству, посвятив лучшие годы жизни святому долгу его защиты. К адмиралу Е. А. Томко это имеет прямое отношение.

В. БЕЛЬКОВ

Донос на Николая Лескова

Нет, не перевелись еще у нас доносчики. Ни демократия их не лечит, ни гласность. Чуть что не по ним — сразу информируют: осторожно! провокация! Иные из сограждан настолько бдительны, что даже классиков не прочь поприжать — мало, знать, им доставалось от цензуры.

В этом году отмечается 160-летие со дня рождения Н. С. Лескова. Наконец-то стали публиковать его произведения, ранее находившиеся под запретом. Но не всех это, как видно, устраивает. Вот перед нами типичный донос, пришедший из Одессы аж в ЦК КПСС. Публикуем его с ответом специалиста. Может, хоть после этого оставят в покое классика.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДЕЛУ ЦК КПСС

В 7-м томе Собрания сочинений Н. С. Лескова, изданном в 1989 году, ряд рассказов, порочащих и унижающих еврейскую нацию.

В то время, когда период перестройки нуждается в укреплении дружбы народов, в консолидации людей, почему-то изданы явно антисемитские рассказы. Кому выгодно, кому на руку публиковать то, что во вред нашему советскому народу.

Я требую ответа. Как мог редактор А. А. Шелаева дать «добро» на печатание таких рассказов, как «Жидовская кувырколлегия», да и других, в которых слово «жид» повторяется на каждом шагу?!

ПЕКАРЕВ Леонид Иосифович.
Одесса

Уважаемый Леонид Иосифович!

Ваше письмо продиктовано, как следует из Ваших слов, тем, что некоторые рассказы, помещенные в 7-м томе Собрания сочинений Н. С. Лескова (М., 1989), якобы порочат и унижают еврейскую нацию и будто бы являются антисемитскими. При этом в обоснование своего мнения Вы приводите один аргумент: «в этих рассказах,— пишете Вы,— слово «жид» повторяется на каждом шагу».

Начну с этого Вашего аргумента. Обратившись к толковым словарям русского языка прошлого века, когда были написаны произведения Н. С. Лескова, легко убедиться в том, что слово «жид» по преимуществу не имело того презрительного смысла, который Вы ему придаете.

Так в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (т. 1. Спб., 1847) слово это определяется так: «последователь иудейского закона». В «Малом толковом словаре русского языка» П. Е. Стояна (издание 3-е, Пг., 1916) слову «жид» как обозначению национальности дается такое определение: «еврей, израильтянин, иудей». В современном 4-томном словаре дается два значения. При этом на первом месте, которое отводится, как установлено при издании словарей, значению, наиболее распространенному в языке,— стоит: «разговорное, устарелое; то же, что еврей», и лишь второе по распространенности определение таково: «просторечное, презрительное, бранное название еврея». Замечу еще, что в украинском языке (события многих рассказов Н. С. Лескова происходят в местах, населенных украинцами), как Вам, вероятно, известно, вообще (как и в польском) нет слова «еврей», а есть для обозначения известной национальности только слово «жид». Таким образом, слово «жид» в большинстве случаев не имеет того негативного смысла, который Вы в нем видите.

Было бы весьма курьезно, если бы употребление этого или какого-либо другого слова в художественном произведении служило поводом запрета на его публикацию. Ведь каждый гуманитарно образованный человек знает, что художественное произведение в целом всегда является носителем смысла в литературе. Вместе с тем писатель не только вправе, но и обязан стремиться к художественной правде. Странно было бы, если, рисуя определенную среду, художник слова употреблял бы не те слова, какие в ней бытовали. Таким образом, указанное Вами словоупотребление не может служить аргументом в подтверждение высказанных Вами в письме опасений.

Кроме рассказа «Жидовская кувырколлегия», в томе 7 нет произведений, в которых бы часто встречалось слово «жид». Поэтому неясно, о каких других рассказах, имея в виду указанный Вами том, Вы пишете.

У каждого серьезного издания есть принцип отбора. Упрекать редактора в том, что он мог «дать «добро» на печатанье таких рассказов», нет никаких оснований, ибо в данном случае не редактор, а сам Лесков определил содержание всех томов собрания своих произведений. Издание, на которое Вы ссылаетесь, воспроизводит прежде всего единственное прижизненное Собрание сочинений Н. С. Лескова в том виде, в каком его желал опубликовать автор, и включает лишь те произведения, которые он сам включил в подготавливаемое им издание (об этом см. Примечания к т. 1, с. 457, а также т. 12, с. 401—402 указанного Вами Собрания сочинений). Поэтому в подборе произведений в 7-м томе не было и не могло быть произвола редактора.

Далее. Если Вы прочитаете рассказ «Жидовская кувырколлегия» со всем вниманием, то должны будете согласиться по поводу этого и других рассказов Лескова, где действующими лицами являются евреи, с мнением известного деятеля сионистского движения Ю. Гессена. Он пишет: «...если отвлечься от предубеждения, то нельзя не признать, что Лесков отнюдь не принадлежал к человеконенавистникам; он высмеивает евреев, но не озлобление, не ненависть к человеку лежит в основе его рассказов...» А затем, касаясь «Жидовской кувырколлегии», Гессен замечает: «...в этом повествовании, которое ведется от имени полковника Стаднюкова в сороковых годах, столь явственно рисуются жестокие нравы того времени, жертвою коих пали в числе прочих и евреи, что трудно вынести впечатление, будто рассказ продиктован ненавистью к евреям. Равным образом и «Ракушанский меламед (рассказ майора Плешунова на бивуаке)» не ожесточает читателя против евреев; в сущности,— это добродушное повествование, приправленное утрировкой. Вообще надо заметить — продолжает Ю. Гессен — что наряду с евреями в указанных произведениях Лескова грубому осмеянию подвергаются и неевреи. Тут нет предвзятого сопоставления евреев и русских, которое было бы в ущерб первых и к выгоде вторых»*. Вот так писал об упомянутых Вами рассказах очень образованный человек, понимающий толк в литературе и питающий глубокую личную привязанность к еврейству. Остается лишь согласиться с его справедливым суждением.

Следовало бы сказать и о Лескове. Прежде всего он — один из самых, так сказать, интернационалистически настроенных писателей. Произведения, упомянутые Вами и верно оцененные Ю. Гессеном, как и многие другие, не ожесточают, однако правдиво воссоздают действительность, жизненный опыт писателя. Лесков любил свой народ, поэтому, естественно, всякий шовинизм был глубоко чужд ему.

Надо бы еще добавить, что писатель много интересовался бытом и религией евреев и опубликовал об этом не одну статью («Религиозные обряды евреев», 1880—1881; «Обряды и суеверия евреев», 1881; «Кучки (завтрашний праздник у евреев); «Еврейская грация (Вербный день у евреев)»; «Радостный день у евреев (Последний праздник осени)»; «Религиозная иллюминация у евреев» (1884) и др.)... Конечно же, Лесков хорошо знал Талмуд и другие священные книги евреев. Он не мог не понимать огромного значения этой священной книги особенно в то время, когда религия была едва ли не основной формой идеологии (сейчас эта религия считается государственной религией Израиля). Ему, разумеется, была известна человеконенавистническая направленность, нетерпимость многих талмудических догм, вроде таких: «Вы евреи, люди, а прочие народы — нет» (кн. Бова-Меције, разд. 9); «У ближнего не отнимай ничего, как гласит заповедь; но ближний твой — еврей, а не прочие народы света» (кн. Синхендрин, разд. 7, с. 39); «Благословляй умершего, если встретишь гроб еврея, и проклинай умерших из других народов и говори: «Обесчещена мать ваша, краснеет родившая вас» (кн. Брохес; разд. 9, с. 3В) и т. п. Лесков, конечно же, знал молитвы евреев, знал, что несколько раз в день молящийся еврей произносит слова, утверждающие его превосходство, избранность среди других народов: «Благословен Ты, Господи Боже наш, царь всей вселенной, что Ты избрал меня перед всеми народами» и т. п. Лесков знал все это. Но он никогда не пользовался тем, что могло бы обострить межнациональные отношения; любя свой народ, он служил «единству рода человеческого».

Стремясь воспрепятствовать погромным настроениям, возникавшим в начале 80-х годов XIX века, Лесков пишет книгу «Еврей в России» (1884), где пытается, иногда даже «подтягивая» некоторые факты, всеми способами вызвать сочувствие к евреям. В 1886 году он публикует свое известное произведение «Сказание о Феодоре-христианине и друге его Абраме-жидовине», исполненное симпатии к последнему. Кстати заметьте, что своего положительного, симпатичного героя из евреев Лесков называет жидовином, не имея в виду никакого отрицательного оттенка этого слова. Обратите внимание, что это произведение Лесков также включил в Собрание своих сочинений, и Вы можете прочитать его в 10-м томе упомянутого Вами издания. Итак, Лескова ни с какой стороны нельзя обвинить в антисемитизме.

С уважением,

В. ТРОИЦКИЙ,
доктор филологии

---

* Гессен Ю. Предисловие к книге Н. Лескова «Еврей в России». Пг., 1919, с. 8, 9

На советско-афганской границе — неспокойно.

Материал «Духи в ночи» читайте на странице 98.

ТОВАРИЩ

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Продолжение. Начало на стр. 42

— Как ты можешь так, Конрад? — вспыхнула одна из сестер.

— Помолчи! — оборвал ее Конрад. — Я говорю правду. Вы слушаете или мне уйти?

— Нет, нет, давай, Конрад, — сказал младший брат Курт — тощий и худой паренек лет четырнадцати. — Это так интересно...

— Только посмей сболтнуть о моем рассказе в отряде! Я брякнул об отце моему начальнику отряда, так этот мерзавец теперь важная шишка, а я чуть не подох в лагере. — Конрад сунул в рот сигарету и продолжал: — Так вот, я увидел фюрера. Он сидел в кресле, когда мы вошли, и смотрел в сад. Сад у него всегда на виду, когда он работает. Должно быть, просто отдыхает, посматривая на деревья. Рядом у ног лежала овчарка. Ее зовут Блонди — это сам фюрер назвал ее так, когда она зарычала на Кальтенбруннера. Видно, тоже не очень-то любит этого гестаповца. Фюрер встал. Кое-кому он просто кивнул, другим жал руку.

Генерал Бургдорф называл фамилии новичков. Фюрер либо улыбался, здороваясь с ними, либо смотрел насупившись. Он очень изменился. У него начали седеть волосы, но это еще куда ни шло. Хуже другое: под глазами набухли мешки, и вид у него усталый, безразличный, он сутулится и волочит ногу. Лицо сероватое, вроде бы землистое. Только иногда он вдруг загорался.

Я ждал своей очереди. Фюрер остановился напротив меня, пригладил усы, что-то буркнул, слабо пожал мою руку и отошел.

Всех нас, кто был представлен фюреру, попросили удалиться. Остались только генералы, вызванные на совещание. Ох, так мне хотелось послушать, что делается в России! Да ничего не поделаешь, пришлось уйти...»

2

Докладывал о положении на фронте Йодль. Говорил он тихо, Гитлер не любит, когда при нем говорят громко.

— Если не считать временного захвата Харькова, на других фронтах мы отступаем. Эвакуирован Демянский котел, отошли на фронте у Ржева, 17-я армия закрепилась на Кубани. После прорыва у Воронежа русские продвинулись на Курск почти до Десны... Роммель в битве у Фаид-Гафса потеснил американцев, но через десять дней вынужден был оставить захваченные позиции...

Над Берлином опускались сумерки... Охрана закрыла окна кабинета плотными шторами. Гитлер, прихрамывая, ходил по кабинету. Кейтель рассеянно слушал Йодля. Гиммлер переговаривался шепотом с Канарисом. Фогеляйн сидел, развалившись в кресле, и презрительно щурился.

Где-то невдалеке раздался грохот разорвавшейся бомбы. Снова налет!

Гитлер. По-видимому, наш налет на Лондон не удался, иначе они не писали бы этого. Мы бы тоже не смогли написать, что налет на Берлин окончился полной неудачей.

Кристиан. По донесениям, сброшено 108,5 тонны фугасных и 16 тысяч зажигательных бомб. Налет истребителей-бомбардировщиков, назначенный на сегодня во второй половине дня, пришлось отменить. Облачность, правда, рассеялась, но видимость была ниже двух километров из-за сильного тумана. Они перенесли его на завтра утром.

Гитлер. Их надо хорошенько проучить; из этого налета ничего не получилось, он наверняка не удался.

Затем разговор перешел на события в Италии. Дуче просил вооружения для своей армии.

3

Снова молчание и шаркающие шаги фюрера. Наконец он подошел к столу с картами.

— Господа! Обстановка вынуждает меня перейти к стратегической обороне. Однако прежде мы должны как следует обескровить русских и уничтожить их главные силы. Для этого, в частности, нам надо выпрямить Восточный фронт. Мы должны заставить их израсходовать последние резервы так, чтобы они не могли наступать ни летом, ни зимой.

Речь была длинной и утомительной.

Все молчали. Потом заговорил Цейтцлер.

— Мой фюрер, мы лишь приблизительно знаем потенциальные возможности русских. Однако известно, что у них огромные резервы. — Цейтцлер начал пересчитывать дивизии, корпуса и армии, количество танков и самолетов, выпускаемых русскими, упомянул о бесчисленных запасах сырья и о прочном тыле.

Фюрер вышел из себя.

— Я недоволен работой генерального штаба, — сказал он. — Мне стараются внушить пораженческие мысли... Я решительно отвергаю эту преступную точку зрения! Большевики перемололи в сражениях основные резервы... Они заставляют сражаться мальчишек и стариков, это я знаю лучше, чем вы! Наш новый танк — ничем не пробиваемая крепость на гусеницах. Бог и немецкий народ дали нам это ни с чем не сравнимое оружие, чтобы раз и навсегда отбить охоту у наших противников бахвалиться своими победами, вроде Сталинградской, где некоторые трусы генералы превзошли в своей трусости трусов солдат.

В этом месте по кабинету пронесся гул.

— Распознавать силу и намерения противника, — продолжал Гитлер, — и делать из этого оперативные выводы может только гений. Гению никогда не придет в голову мысль заниматься ремесленническими подсчетами и выкладками. Воле гения ничто не может быть противопоставлено. Вот почему он гений, вот почему провидение дает только ему право распоряжаться судьбами миллионов и принимать единоличные решения, если даже, при поверхностном суждении невежд, они идут вразрез со здравым смыслом. Но здравый смысл гения непостижим. Это либо дано человеку, либо нет... Мы не знали неудач. Если они и были — это временное явление, скорее стечение обстоятельств, чем просчет главнокомандующего. От высшего существа он принял на свои плечи историческую ответственность, и он один предстанет перед су-

дом бога и даст ему отчет в своих действиях. Но до того момента — он и единственно он диктует свою волю. Было бы преступлением с его стороны делать какие-то уступки посредственностям лишь потому, что они строят планы на выводах заведомо ложных и не без задней цели, думаю.

Кто-то из генералов попытался сказать о нехватке резервов. Гитлер приказал ему помолчать и слушать то, что говорят люди постарше...

Он прошелся несколько раз по кабинету. Голова его вздрагивала.

— Продолжайте, — сказал он Цейтцлеру.

Цейтцлер заговорил о людских потерях, о потерях танков, самолетов и другого боевого снаряжения.

Гитлер сел в кресло и уперся глазами в окно.

— Мой фюрер, пока еще мы далеки от чувства отчаяния. Но если так пойдет дальше — катастрофа неминуема. Тем более вы знаете о приготовлениях союзников к высадке во Франции. Она идет полным ходом. Воевать на два фронта? Нас предостерегали от этого величайшие военные гении Германии. — С этими словами Цейтцлер отошел в сторону.

Фюрер встал и ударил кулаком по столу.

— Так слушайте, — крикнул он. — Намеченная мною операция изменит ход всей войны. Это мне подсказывает мой внутренний голос. Сейчас вам доложат план генерального штаба, а теперь отдохните.

Все пошли в буфет. Фюрер задержал Венка. Они остались в кабинете.

4

— Венк, — сказал Гитлер, когда все ушли, — что слышно о высадке англичан и американцев?

— Во всяком случае, мой фюрер, — отвечал Венк, — о Франции в этом году нам беспокоиться не приходится. Разрешите говорить откровенно?

Гитлер с мрачным видом кивнул.

— Оттягивать любую серьезную операцию союзники не могут, потому что это даст не только передышку нам, но и поставит в аатруднительное положение русских. Москва очень сердита на союзников, не слишком-то торопящихся с высадкой во Франции, что для нас было бы, разумеется, неприятностью наибольшей. Вот почему

Черчилль успокаивает Советы, доказывая, что предстоящая высадка в Италии — третий фронт, а второй будет открыт при первой возможности, на что русские отвечают насмешками. Конечно, они правы. Мне кажется, что Черчилль вообще был бы рад отказаться от высадки во Франции и перенести операции в Южную и Юго-Восточную Европу, чтобы захватить навсегда Балканы. Тут, конечно, опять-таки политические соображения: англичане знают, что пускать русских в Юго-Восточную Европу ни при каких обстоятельствах нельзя. Это их традиционная политика, и не Черчиллю отказываться от нее. Русские отлично понимают его каверзы и в свою очередь нажимают на американцев. Те особенно настаивают на высадке во Франции, очевидно, потому, что задались целью покончить с изоляционизмом, начать серьезную политическую игру в Европе и оттолкнуть на второй план Англию. Но военно-политические доводы англичан смущают Вашингтон. Черчилль доказывает Руавельту, что операции в Италии и на юго-востоке Европы неизбежно перерастут в военные действия на нашей территории. А с какого конца громить немцев, рассуждает Черчилль, не все ли равно?..

Гитлер усмехнулся.

— Однако хоть вы и молоды, но в политических комбинациях разбираетесь не хуже записного дипломата.

Венк развел руками.

— Что ж, — сказал он, — ведь я работаю во Франции, а там политика на первом плане.

Фюрер снова прошелся по кабинету.

— Скажите, эта операция на Курском выступе не смущает вас?

— Нет, мой фюрер. Она, как я полагаю, выльется в дальнейшее мощное наступление по всему фронту. Мы вполне можем достичь тех целей, которые из-за несчастных стечений обстоятельств не могли быть достигнуты ни в первый, ни во второй год войны. Я имею в виду окончательный разгром армий Советов, овладение Москвой и перенесение военных действий дальше на восток России. Возможно, если мы употребим все силы, мы сможем отодвинуть русских за Урал.

— В этом и есть смысл моей идеи! У нас есть прекрасные планы на недалекое будущее. Фокке-Вульф предложил мне построить бомбардировщики с дальностью полета до десяти тысяч километров. Каждый понесет

пять тонн бомб, ничего, а? Тогда мы сможем бомбить Америку и русскую Сибирь, особенно район Свердловска, где у русских большие авиационные заводы. От Свердловска и его заводов останется прах.

— Замечательно! — подхватил Венк. — Разбить их на Курской дуге и уничтожать их промышленность, открыть путь к Москве. Отличная идея, мой фюрер. Буду правдив до конца, мой фюрер. Наши прошлогодние и зимние неудачи начали подрывать веру в национал-социализм. И не только в народе, но и в армии, но и среди наших союзников. Короче, мощный рывок армий рейха снова наполнит наш народ бодростью, солдат — верой в тотальную победу. Он заставит наших союзников призадуматься о своей судьбе, а наш противник еще раз убедится в том, сколь беспочвенны его расчеты на слабость рейха, на то, что наши ресурсы якобы почти исчерпаны, и мы будем вынуждены так или иначе окончить войну в кратчайшие сроки. Полагаю, что наша армия выполнит еще в этом году свою историческую задачу и покончит с большевизмом. Такой финал вынудит наших врагов подумать о бесцельности дальнейшей борьбы. Вам ли не известно, насколько противоестествен союз англосаксов с большевиками и как они будут рады отказаться в случае окончательного разгрома Советов от своих союзнических обязательств.

— Безусловно, безусловно! И я уверен в этом! Могу ли я надеяться на вашу скромность?

— Мой фюрер!..

— Так вот, Венк, раскрою вам мои карты. Заукелю и Гиммлеру удалось перегнать из оккупированных районов миллионы людей и заменить наших мужчин на военных предприятиях. Тотальная мобилизация дала нам возможность призвать в армию около двух миллионов человек. Таким образом, мы имеем на Восточном фронте двести тридцать две дивизии, из них сто двадцать, наиболее укомплектованных и оснащенных, держим южнее Орла. Вряд ли нам следует особенно опасаться смелых и рискованных операций англичан и американцев, если они даже высадятся в Италии. Возможно, нам придется направить в угрожаемые районы Италии некоторое количество дивизий с тем, чтобы главные силы сосредоточить против Советов и именно в районе выступа.

— Блистательная идея! Я нисколько не сомневаюсь

в ее успешной реализации вопреки пораженцам, чье воронье карканье слушать было просто невыносимо.

— Венк, я не забуду о вас и о вашей преданности. Быть может, придет время, когда я смогу рассчитывать только на вас. Есть ли у вас какие-либо желания?

— Служить вам до конца, до последней капли крови, мой фюрер.

Генералов позвали в кабинет. Цейтцлер начал доклад.

5

Геринг сидел за столом фюрера, облокотившись на разостланные карты. Следя за словами Цейтцлера, он водил по карте пальцем, унизанным кольцами и перстнями. Потом ему все это надоело, и он начал зевать. Назевавшись вволю, рейхсмаршал взял портфель, закрылся им и захрапел. Все замолчали.

Гитлер рассердился.

— Убери локти со стола, Герман!

Геринг проснулся, обвел всех осоловелыми глазами.

Цейтцлер говорил о русской обороне, перечислял их резервы, напомнил, что русские пустили в ход новый мощный танк...

Гитлер, судя по его виду, слушал Цейтцлера просто ради приличия. Остальные скучали. Фогеляйн подсел к Гитлеру и что-то шепнул ему. Потом сел напротив Цейтцлера и принялся перебивать его.

— Неверно! Все это ложь! Вы преувеличиваете силы русских! — выкрикивал он, пытаясь сбить с толку начальника генерального штаба. Цейтцлер отмалчивался.

Когда он окончил доклад, все так устали, что говорить никому не хотелось. Фюрер с места сказал:

— Операция будет называться «Цитадель». Приказываю готовиться к ней. Срок подготовки — три месяца. Ваше слово, Венк.

Венк доложил обстановку во Франции. Совещание окончилось.

«Мы, немцы, всегда побеждали русских в летнее время, а они — зимой», — сказал один из генералов Гитлера в конце зимы 1942 года. Не будем спорить с господином генералом. Действительно, русские зимы — скверное время для солдат, привыкших воевать в странах, где летом не слишком жарко, а зимой не очень холодно. Нет

смысла утверждать, что трескучие морозы, завывающие метели, ураганы в степях, занесенные дороги, завалы на шоссе были по душе солдатам вермахта, которым обещали окончить войну до наступления ужасной русской зимы.

«Что для русского хорошо, то для немца плохо» — эту поговорку наш народ придумал задолго до появления Гитлера на сцене мировой трагедии. Конечно, худо пришлось фрицу, кое-как одетому и обутому: худо приходилось и технике, не приспособленной к российским холодам.

Да, суровая русская природа славно повоевала с вермахтом: солдат с обмороженными ногами — плохой вояка. Зимой он обмораживал руки и ноги, лицо его покрывалось струпьями, он кутался во что попало, винтовки и автоматы отказывали, танки и машины не заводились, тылы отставали, снабжение срывалось, самолеты не могли летать, артиллерия застревала в сугробах.

Проходила зима, и на смену ей являлась российская распутица. Немец не знал, что лучше: мороз или холодная, непролазная грязь, раздолбанные дороги, овраги, переполненные студеной водой, туманы, тепло, сменяющееся холодами, аэродромы, превращающиеся в озера, озера, превращающиеся в моря, ручьи, становящиеся реками, реки — дико ревущими потоками...

Ведь не зря же (возьмите любого немецкого военного историка) мы слышим стенания то по поводу морозов, то весенней или осенней расхлябицы, срывающих планы вермахта. Иные из мемуаристов доходят до того, что вообще все зимние, весенние и осенние поражения армии фюрера перекладывают на жестокий российский климат и бездорожье.

— Ваши дороги, ваши дороги, черт побери, — гневно бурчал один пленный генерал в разговоре с нами. — Для них годен только один знак: череп и перекрещенные кости.

Ну что ж, прав господин генерал! Миллионы черепов и горы костей оставил Гитлер на русских дорогах. Но вот в 1943 году ему представилась еще одна возможность доказать, как могуч вермахт летом.

Фюрер назвал это наступление последним сражением за победу Германии.

Он выбрал для него вполне подходящее время: июнь был жарким, русские дороги высохли, из русских оврагов ушла вода, русские реки вошли в свои берега, подсыхали и русские болота.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Москва сорвала молниеносную войну.

Сталинград развеял легенду о непобедимости вермахта.

Курская битва проложила путь к победе.

Вот три события. Каждое из них подрывало мощь вермахта. Каждое из них вселяло в советский народ оптимизм, впрочем, никогда не покидавший его даже в самые жуткие дни отступлений и огромных потерь.

Времена переменились.

Два года Гитлер кичился могуществом рейха, превосходством в людях, в технике, в организации.

Все дело в моральной устойчивости народа, в высоком духе патриотизма и в понимании благородства цели. Это источник великих свершений.

Ни о моральной устойчивости, ни о высоком духе патриотизма в народе немецком уже не могло быть речи. Грабеж и убийства не назовешь иными словами: это разбой. Немецкий народ воспитан на других традициях. Гёте, Канта, Шиллера, Маркса, Энгельса, Тельмана не выкинуть из его истории. Да, немец был ослеплен и одурачен. Это была его трагедия, ужасная трагедия. И предупреждение на будущее. Но похмелье длится недолго. В 1943 году немецкий народ праздновал пиррову победу. Загнанный насильем в тотальную войну, он работал. Насилье — плохой стимул.

Гитлер отлично понимал шаткость своего положения и строя, навязанных народу ценой кровавых преступлений. Вот почему он так тщательно готовился к операции «Цитадель».

Мы берем официальные данные.

«Все немецкие мужчины в возрасте от 15 до 50 лет были брошены в котел войны. В результате вермахту удалось привлечь на два миллиона человек больше, чем в 1942 году. Недостаток рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве гитлеровцы пытались восполнить использованием миллионов иностранных рабочих и военнопленных».

Но кто ж мог поверить, что эти злодейски угнанные из

родных мест люди работали с полной нагрузкой? Как бы ни свирепствовала нагайка надзирателя, работа из-под палки — это полработы.

Шпеер сумел в два раза по сравнению с годом предыдущим увеличить производство военной техники.

С конвейеров беспрерывным потоком сходили «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Этот туз Гитлер бросал на поле боя.

Однако времена переменились. Полная драматических сложностей переброска промышленности за Урал окупилась сторицей.

Моральный дух советского народа делал чудеса: мы верили — сорок третий год переломит становой хребет врага. Должны переломить, черт побери!

Только несколько цифр:

Каждый месяц армия получала 2 тысячи танков и 3 тысячи самолетов. То был отчаянно-напряженный труд! Но он нес победу. Это знали рабочие, колхозники, работавшие на фабриках и на земле. Это знали наши солдаты, ибо, наступая, они видели безбрежные кладбища солдат Гитлера. Миллион убитых приняла в свои недра русская земля. А раненые? А больные? А взятые в плен?

Вермахт шел по ступицу в крови на Восток.

Отчаянно огрызаясь, он уходил на Запад по колено в крови.

Немецкой крови.

2

Перед тем как бросить на стол последнюю карту, Гитлеру взбрело на ум попытаться разложить Советскую Армию.

Заграничная служба разведки предложила операцию «Серебристые полосы». Цель — организовать массовую и добровольную сдачу в плен советских солдат. Написали листовку, известную под названием «Листовка № 13». Ее завизировал небезызвестный генерал Гелен, восемнадцать миллионов экземпляров должны быть сброшены над позициями русских. К делу привлекли предателя Власова и его «смоленский комитет воссоздания России».

Фюрер в это время жил в Бергхофе, куда 8 июня он пригласил Цейтцлера, Кейтеля, Шмундта и еще кое-кого. Кейтель объяснил фюреру, что в этой листовке перебежчикам обещали хорошее питание, хорошее обращение, хорошую работу и ответственные посты в России, когда «германский рейх уничтожит большевизм, введет частную собственность на землю и восстановит прежние порядки».

Перебежчикам предлагались два варианта их положения в Германии: либо они будут использованы в качестве рабочих, либо будут воевать в своих «национальных подразделениях», то есть у Власова и других предателей.

По неполным данным министерства восточных территорий от 24 января 1945 г., в «национальных формированиях» вооруженных немецких частей служило около 600 000 представителей (вернее, изменников. — Н. В.) «восточных народов», а именно: литовцы (сухопутные войска, военно-воздушный флот, полиция, государственная трудовая повинность, организация Тодта) — 36 800, латыши (СС, сухопутные войска, полиция) — 104 000; эстонцы (СС, полиция, пограничные войска и др.) — 10 000; татары (сухопутные войска, легион) — 20 550; крымские татары (СС) — 10 000, армяне (сухопутные войска, СС) — 7000, азербайджанцы (легион, сухопутные войска, СС) — 36 500; грузины (легион, сухопутные войска, СС) — 19 000, калмыки (СС, сухопутные войска) — 5000; народы Северного Кавказа (легион, сухопутные войска, СС) — 15 000; русские («Русская освободительная армия» Власова) — 310 000.

Фельдмаршал Клюге даже носился с идеей создания особой «русской армии», которая, мол, намного облегчит положение вермахта.

Фюрер решительно отверг эту мысль.

— Мы никогда не будем создавать русскую армию, это иллюзия первого ранга. Мне не нужна русская армия, которую я должен стянуть немецким корсетом. Мне важно получить вместо этого русских рабочих. Самое важное для нас — это продукция русского рабочего, занятого в Германии. И Власов мне не нужен в нашей прифронтовой полосе.

Вмешался Кейтель.

Кейтель. Это уже сделано, мой фюрер (читает приказ). «Военнопленного генерала Власова, в связи с его наглыми, бесстыдными высказываниями по пути в группу армий «Север», немедленно поместить в лагерь военноплен-

ных и в случае новых выступлений — передать его гестапо».

Гитлер. Правильно! Он болтает о какой-то российской державе. Никакой русской державы не будет никогда, я уже не раз говорил это. Всю деятельность Власова приказываю приостановить. Ха! Российская держава, украинское государство!.. Чушь! Уже в двадцать первом году у меня был спор с Розенбергом по этому вопросу, и я говорил ему: «Розенберг, заметьте себе, революцию сделают лишь те люди, которые находятся в государстве, а не за его пределами». В то время появился украинский гетман. Я спросил тогда: «Розенберг, что вы надеетесь получить при помощи этого человека?» — «Ну, он организует революцию». Тогда я сказал: «Для этого ему нужно быть в России. Люди, готовящие революцию, должны быть в своем государстве. Это совершенно так же, как если бы я был в Швейцарии и говорил: я из Швейцарии организую революцию в Германии. Это совсем по-детски. Я старался разъяснить это Розенбергу. Ну, эта лавочка (?!) осталась у него с тех времен».

Коху между прочим был сделан упрек, что в его области появились партизаны. На это Кох сказал: «Как вы можете упрекать меня; покажите мне район расположения войск, где нет партизан! Какие у меня есть полицейские части? Дайте мне достаточно полиции, тогда я прогоню партизан. Уберите из какого-нибудь района воинские части, и тогда посмотрим, есть там партизаны или нет... Войска тоже должны постоянно вести операции против партизан в своем тылу, в пятидесяти километрах от линии фронта. Я нахожусь в сотнях километров от фронта, у меня нет людей. С кем я должен это делать?»

— Все это — витание в облаках... Я не могу исходить из целевой установки, предусматривающей создание независимых государств, автономных государств. Ибо начинается все с так называемого, я сказал бы, присоединенного государства по типу Польши, а кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков конец песни.

Цейтцлер вернулся к «национальным соединениям».

— Существует же латышская бригада СС, мой фюрер.

— Это отдельные соединения. Но в больших масштабах этого делать нельзя... Ни в коем случае. Это приведет к тому, что в конце концов я сделаю эти соединения

совершенно ненадежными. Их нужно еще д р е с с и р о в а т ь (разрядка наша. — **Н. В.**). Если вы направите этих людей (перебежчиков) в воинские части, они внесут с собой яд. Так, очертя голову, этого делать нельзя. Нельзя на них положиться. Поэтому я все время повторяю: для врага мы можем вести любую пропаганду. Здесь допустимо в с е.

— Правильно, — поддакнул Цейтцлер. — В обращении к врагу можно делать что угодно, но что делается в отношении нас самих — это несколько другое. В конечном счете от этих обещаний отказаться так же легко, как и дать их.

Фюрер кивнул. И продолжал:

— Кейтель ставит вопрос, что делать с перебежчиками. Я придерживаюсь той точки зрения, что их надо использовать в Германии... Если бы я мог дать тридцать-пятьдесят тысяч человек комиссару по углю!.. Могу лишь сказать: если мы не упорядочим наше положение с углем, то наступит момент, когда я не смогу больше производить ни боеприпасов, ни взрывчатых веществ, ни строить подводные лодки. Такое положение распространится на сотни отраслей промышленности...

Подвел русский солдат фюрера! Не захотел, видите ли, ни хорошего питания, ни хорошего обращения, ни быть рабом хозяев рудников. А листовка № 13? Солдаты использовали ее... для естественных нужд.

3

К июльским дням 1943 года фронт под Курском и Орлом представлял из себя своеобразную картину.

Представим прогиб фронтовой линии, похожий на преогромнейший, смятый в боках ящик, вдавленный в расположение трех немецких армий: двух полевых и одной танковой.

В центре прогиба — Курск, отвоеванный у нацистов. Здесь все набито частями Центрального и Воронежского фронтов. Еще задолго до начала битвы командование фронтов построило две мощные оборонительные полосы. Позади в качестве резерва стоял фронт Степной.

Положение советских армий было сложное. На севере, с центром у Орла, и на юге, с центром у Харькова, прогибы фронтовой линии, вдавленные уже в нашу сторону, как бы двумя утесами нависали над Центральным и Во-

ропежским фронтами. Стоило этим двум выступам соединиться по хорде, как советские армии попадали в котел.

Вот в этот-то котел (реванш за Сталинград!) и хотел Гитлер вогнать войска двух русских фронтов, выровнять фронтовую линию и вернуть потерянную инициативу.

Операция обещала фюреру столь желанную и столь нужную ему громоподобную победу.

Как ни конспирировались немцы, как ни скрывал до последнего дня Гитлер срок начала наступления, фронтовые разведчики и те, что работали в Германии, за несколько месяцев сообщили о подготовке операции. Даже назвали приблизительную дату наступления, к которому так деятельно готовился фюрер.

Прогноз разведки дал возможность советскому Главному командованию заранее принять контрмеры.

4

На рассвете 5 июля солдатам вермахта прочитали приказ Гитлера:

«С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых решит войну. Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания».

Вряд ли бы фюрер так уверенно кликушествовал перед солдатами, которым в то утро выдали добавочную (и немалую) порцию водки, если бы знал, что советское командование в живой силе превосходило вермахт почти в полтора раза, а в боевой технике — в два.

Но авантюрист, пускаясь в авантюру, не рассуждает.

«Мы должны наступать в политических целях», — тогда же сказал Кейтель.

Империя Гитлера трещит, Италия вот-вот выйдет из преступной игры, а Германии нужна сильная возбуждающая инъекция.

Еще не взошло солнце, как сокрушительный вал артиллерийского огня с советских позиций предупредил рывок нацистских дивизий и вколотил в курский чернозем девяносто батарей противника и тысячи его солдат.

Лишь через два часа, оправившись от потрясения (фюрер пророчил его советским армиям), бронированная машина вермахта пришла в движение.

В северном и южном углах «ящика» действовали ударные немецкие части: девятая и четвертая танковые армии. Их клинья должны были пробить нашу оборону и соединиться за Курском. Второй танковой армии было приказано уничтожить советские войска, попавшие в котел. Между тем девятая и четвертая армии, не задержавшись, должны прорываться к Курску и дальше на Восток.

Гитлер гнал и гнал солдат в самое пекло. В кровавой мельнице истощались силы вермахта. Тем временем готовился контрудар. Ждали подходящего момента.

Где на двенадцать, где на тридцать километров углубились дивизии Гитлера в оборону Красной Армии. И выдохлись. Между сходящимися клиньями, долженствующими замкнуть кольцо, оставалось еще больше ста километров.

На Волге армия Паулюса никак не могла одолеть один километр, чтобы сбросить шестьдесят вторую армию в реку. На Курской дуге у Гитлера было много, куда больше солдат и техники, чем в Сталинграде. Они не одолели ста километров, и это стоило рейху проигрыша войны.

Не будем описывать перипетии битвы, когда танки шли на таран, когда у Прохоровки бой с обеих сторон вели почти полторы тысячи танков. Противники дулами своих орудий сшибали орудийные башни противника. Сотни «тигров» горели! Четыреста машин превратились в металлолом. Каждый сантиметр земли был пропитан кровью.

5

Мы обращаемся к немецкому свидетелю. Три страницы отвел Типпельскирх Курской битве, летней битве, увы, проигранной вермахтом! На этих страницах тщетно искать даже упоминания о беззаветном мужестве советских солдат, об их доблести и храбрости беспримерных. Не упоминает он и о потере вермахтом семидесяти тысяч солдат, трех тысяч танков, восьмисот орудий, и это всего лишь за восемнадцать дней! С постным видом — ведь на рожон не полезешь — он признает: «Русское командование располагало столь мощными резервами, что смогло не только предпринять крупные контрудары, но и приступить к осуществлению далеко выходивших за пределы Курского выступа операций, в результате которых оно захватило стратегическую инициативу на Во-

сточном фронте в свои руки и больше уже не упускало ее до самого конца войны».

Он вообще очень скромен и немногословен, когда заводит речь о поражениях вермахта. То ли дело успехи! Им он отдает десятки страниц своего «объективного» труда, писанного в американском лагере для пленных немецких генералов, в коем чине сей историк верой и правдой служил нацистам и их фюреру, пока не понял, какие они нехорошие. Понял он это, впрочем, довольно поздно.

«Далеко выходящие за пределы Курского выступа операции» начали двенадцатого июля фронты Западный, Брянский, Центральный, а спустя какое-то время и другие.

Взломав мощную оборону выступов, нависавших над нашими частями, о которых уже упоминалось, советские армии опрокинулись на вооруженные силы рейха и погнали их, оставляя позади освобожденные города, сожженные немцами села и деревни, восторженно встречаемые исстрадавшимися в нацистской неволе людьми!

Финал пятидесятидневной битвы известен.

Она стоила Гитлеру потери Орла, Харькова. Это сражение открыло ворота советским армиям на Украину и Донбасс. Тридцать разгромленных дивизий вермахта. Три с половиной тысячи самолетов и тысячи танков, смешанные с кровью и землей.

Снова полетели с командных высот генералы.

Отзвук Курской битвы прогремел в Италии: пал Муссолини.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Гнев итальянцев накапливался. Великим Сопротивлением рабочих и крестьян руководили коммунисты, социалисты и католики. Дуче не успел сформировать фашистские дивизии, как это советовал ему Гитлер, чтобы подавить могучую силу народа, восставшего против диктатуры Муссолини — вождя фашистов и его союзника — фюрера нацистов. В мае 1943 года Нейрат по приказу Гитлера посетил Сицилию. Вернувшись, он сообщил удручающие новости:

Нейрат. Мой фюрер, я был на юге, разговаривал с Роатта *, которого я хорошо знаю... Он сообщил мне, между прочим, что не очень верит в возможность обороны Сицилии. Вооружение его частей неудовлетворительно: у него только одна моторизованная дивизия; остальные части немобильны. Англичане ежедневно усиленно бомбят паровозы на железных дорогах Сицилии. Роатта сказал: ему вполне ясно, что досылка паровозов и запасных частей к ним больше почти невозможна или даже совершенно невозможна. Кроме того, после моей поездки из Дживани в Мессину я пришел к выводу, что почти все движение на этом коротком отрезке парализовано. Из имевшихся паромов — я думаю, их было шесть, — существует лишь один. Этот паром, как мне объяснили, берегли как музейную редкость, с ним обращались крайне осторожно, и он сохранялся для более важных целей.

Гитлер. Что это за «более важные цели»?

Нейрат. Видите ли, мой фюрер, очень часто итальянец говорит: «когда кончится война», или «еще неизвестно, что будет дальше». Во всяком случае, этот паром бездействовал. Возможно, он был слегка поврежден. Но немцы, с которыми я там говорил, утверждали, что этого не было. Нет сомнения, что немецкие части, находящиеся в Сицилии, стали непопулярными. Объясняется это очень просто. Ведь сицилиец считает, что мы принесли войну в его страну, мы — в большей или меньшей мере — объели его, а теперь мы еще будем способствовать тому, что придет и англичанин, хотя, в общем и целом, я должен вновь и вновь констатировать, что как раз сицилийский крестьянин охотно соглашается на это; он исходит из того, что это означало бы конец его мучений. Это, если говорить прежде всего о простом крестьянине, безусловно, понятно: ведь он мало видит что-либо другое, и его целью всегда является то, что ближе, удобнее. Когда англичанин будет там, война прекратится. Это общее, широко распространенное мнение в Южной Италии.

Гитлер. Что же предпринимается официальными итальянскими властями в отношении такого мнения?

---

* Марио Роатта — генерал, заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил Италии, в марте 1941 года был назначен начальником штаба сухопутных сил, в 1942 году — командующий армией в Сицилии, в конце мая 1943 года — снова начальник генерального штаба сухопутных сил.

Нейрат. Насколько я могу судить, мой фюрер, со стороны префектов и органов власти в этом направлении делается мало. Я неоднократно обращал внимание этих господ: «Когда сейчас на улице немецкого солдата открыто называют мошенником или чем-нибудь еще в том же роде, что неоднократно можно слышать, особенно на Сицилии, то что предпринимается против этого? Этого нельзя терпеть дальше». В ответ одно и то же: «Что же мы можем сделать? Это народное мнение! Вы сами виновны в том, что вас не любят. Вы здесь занимались реквизицией и поели всех кур». На мое возражение: «Но ведь мы находимся здесь не как туристы, для своего удовольствия, а потому что война!» — просто говорят: «Мы ничего не можем с этим сделать». По-моему, официальные учреждения в особо крайних случаях должны действовать более решительно, чем это делается сейчас.

Гитлер. Они не принимают решительных мер.

Нейрат. Решительно-то и не действуют. Сицилийский темперамент — это совсем не то, что темперамент северных итальянцев. Но в общем и целом иногда бывает очень обидно, когда наблюдаешь, что это допускается в таком виде.

Гитлер. Говорили вы по этому вопросу с Кессельрингом?

Нейрат. Я об этом рассказал генералу Ринтелену, мой фюрер.

Гитлер. Кессельринг страшный оптимист, и нужно быть осторожным, чтобы он в своем оптимизме, так сказать, не упустил момента, когда с оптимизмом нужно покончить, а надо будет проявить решимость.

Нейрат. Немецкий военно-воздушный флот на Сицилии находится в настоящее время, несомненно, в очень тяжелом положении, так как воздушные налеты настолько сильны, что потери на аэродромах, как я предполагаю, должны быть также велики. Он едва может действовать.

2

Операция «Цитадель» провалилась. Эхом отозвалось это событие в Италии. Десятого июля англо-американцы высадились в южной части Сицилии. Итальянские береговые части сдались без боя или бежали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Беседа Гитлера с фельдмаршалом фон Клюге 26 июля 1943 года.

На беседе присутствовали: генерал Цейтцлер, полковник Шерф.

Начало: 12 час. 10 мин.

Гитлер. Есть что-нибудь важное, Цейтцлер?

Цейтцлер. Ничего особенного, мой фюрер.

Гитлер. Я не знаю, известно ли уже вам, господин фельдмаршал, о последних важных событиях?

Фон Клюге. Из сегодняшнего сообщения по радио.

Гитлер. Ситуация в нескольких словах такова. В Италии произошло то, чего я опасался и на что я еще совсем недавно указывал на совещании генералов: произошел мятеж, инициаторами которого являются королевский двор и маршал Бадольо, то есть наши давние враги. Вчера был арестован дуче. Его пригласили в Квиринал на переговоры и там арестовали. Затем быстро сместили королевским декретом. После этого было сформировано новое правительство, которое, конечно, официально еще заявляет, что будет с нами сотрудничать. Все это, безусловно, только маскировка, чтобы выиграть несколько дней для укрепления нового режима. Новый режим не поддерживает никто, кроме евреев и простонародья, которые заметно активизировались в Риме, это совершенно ясно. Но как бы то ни было, переворот совершен, и наши действия абсолютно необходимы. Собственно говоря, я всегда опасался такого хода событий. Именно это было причиной, почему я все время стремился к тому, чтобы заблаговременно нанести удар на востоке: я всегда думал, что именно на юге может начаться свистопляска; англичане это используют, русские начнут рычать, англичане высадятся, а у итальянцев, должен сказать, измена прямо-таки носилась в воздухе. В этих условиях мне было нужно подождать, пока не будут готовы хоть несколько соединений. Ведь у нас на западе есть такие соединения. Я намерен нанести в Италии молниеносный удар, так же, как я это сделал в Югославии. Способность самой Италии сопротивляться я считаю равной нулю. Фашисты перейдут на нашу сторону. Между прочим, Фариначчи мы уже перетянули к себе, он уже в Мюнхене

и летит сюда. Где сам дуче, я не знаю. Как только я это узнаю, я его выручу с помощью парашютистов. В моих глазах этот режим — типичное порождение путча, как некогда в Белграде, и в один прекрасный день он развалится. И предпосылка этого — наши быстрые действия. Однако действовать я смогу лишь в том случае, если переброшу с востока на запад еще войска. Доложите-ка мне обстановку. Дело обстоит так, что я не могу брать соединения подряд. Я должен взять надежные в политическом отношении соединения. Это в первую очередь 3-я танковая дивизия СС, которую я могу взять из группы армий «Юг». Но это означает, что вы должны дать туда взамен другие части. А эти другие части можно получить только в том случае, если вся эта трудная история окончится, если мы оставим всю дугу и, может быть, немного сократим линию фронта в некоторых других местах.

Фон Клюге. Итак, в настоящий момент обстановка такова: вчера было предпринято очень сильное наступление, очень сильные танковые атаки — действовало 150 танков. Дальнейший план таков: мы отходим на так называемую Окскую позицию и спрямляем Болховский выступ, все это сегодня же ночью. Я прошу отдать приказ сейчас, чтобы я мог захватить его с собой — об отходе от Болхова и сокращении линии фронта. В дальнейшем, после того, как будет закончен отход, осуществить общий отвод. Для обеспечения этих передвижений, которые довольно трудно осуществить, особенно на севере, дивизия «Великая Германия» продвинулась вперед своими разведывательными подразделениями, но наткнулась на ожесточенное сопротивление. Как складывается обстановка сегодня, еще не знаю.

Цейтцлер. Сегодня рано утром противник усилил атаки.

Фон Клюге. Это было известно нам еще вчера. У противника на этом участке две пехотные дивизии, причем две хорошие дивизии, одна танковая бригада и еще одна танковая бригада на подходе. Итак, на нас здесь оказывают сейчас довольно сильное давление. Весьма нежелательно, если события будут развиваться так, что дорога, которая ведет к станции Рессета, попадет в руки противника. Пока эту рокадную дорогу с юга на север мы используем. Поэтому я прошу направить 113-ю дивизию в 4-ю армию, к Орловской дороге, к автостраде.

Гитлер. Но у них тоже должно постепенно уменьшаться количество танков.

Фон Клюге. И все же противник еще наступает такими большими силами танков, что приходится много трудиться, чтобы с ними разделаться. Таково положение в настоящий момент. Нужно отойти на Окскую позицию, на эту слегка сокращенную линию. А потому следует оставить Орел и все то, что необходимо.

Гитлер. Мне надо еще раз представить себе всю ситуацию. Речь идет о том, чтобы в кратчайший срок высвободить несколько соединений. Это очень трудное решение, но ничего другого не остается. Я могу сделать что-нибудь в Италии, только с помощью первоклассных дивизий, которые, кроме всего прочего, и в политическом отношении близки идеям фашизма. Я мог бы, пожалуй, перебросить туда пару армейских танковых дивизий. Но без них ничего не получится, а я не хочу отнимать притягательную силу у фашистского магнита. Тогда за короткий срок поправим очень многое. Если мы удержим Северную Италию, бояться нечего. Чернь — евреи и прочие — громит помещения фашистской партии.

Фон Клюге. В Риме?

Гитлер. Все идет точно так же, как когда-то у нас. В конце концов, это и превратило национал-социалистов в фанатиков. Так будет и здесь. Но у меня на юге должны быть части, которые идут под политическими знаменами. Недостаточно иметь там просто хорошие воинские части. Фашисты должны пойти с нами. Вот тем, что их ожидает та же судьба, мы и привлечем их на нашу сторону. По-моему, мы в кратчайший срок сформируем дивизии для Италии не из кадровых солдат, а из добровольцев, которые уйдут из своих дивизий. От теперешней армии нечего ждать, если из нее разбегаются.

Фон Клюге. Мой фюрер, я позволю себе обратить ваше внимание на то, что сейчас никаких сил не собрать. В данный момент это полностью исключается. При всех расчетах нужно исходить из того, как идут дела в тылу. Ведь я должен иметь готовую линию обороны, на которой можно будет оказать сопротивление, иначе противник просто обойдет меня, я окажусь в мешке и не смогу вообще ничего оттуда вытащить.

Цейтцлер. Может быть, командование группой армий произведет расчеты еще раз?

Гитлер. К сожалению, фельдмаршал, мы не вольны выбирать решения...

Фон Клюге. Мой фюрер! В основном речь идет здесь о танках, именно о них. Противник так молотит своей артиллерией и давит танками, что наверняка прорвется.

Цейтцлер. Если занять этот рубеж, фельдмаршал, то, на мой взгляд, можно было бы половину дивизий, которые высвободятся, направить сюда, приказать им копать землю, и через шесть дней линия обороны будет готова.

Фон Клюге. Я считаю, что мы сможем занять линию «Хаген» — сегодня у нас 26-е — недели через четыре, самое раннее через три, раньше ничего не выйдет.

Гитлер. Так долго ждать мы не можем.

Фон Клюге. Мой фюрер, мне ведь нужны силы для боевых действий, я не могу делать и то и другое.

Гитлер. Вот и поговори с ними! А-а, черт бы их побрал, этих генералов! Шкурники, свиньи!..

Фюрер бился в истерике, требовал посылки на помощь дуче дивизий, но их не было, они легли под Орлом, Харьковом... Кровь солдат фюрера смывали летние дожди.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Как же сказать тотально мобилизованному народу о чудовищном крахе последней надежды на тотальную победу?

В омерзительной клике нацистских вралей, кроме Геббельса, отличался его подручный, руководитель радиовещания — Ганс Фриче. Он не только начальство, но и комментатор.

Бог мой, как он упивался, расписывая победы вермахта! И как скромно, конфузливо сообщал немцам о поражениях!

Иной раз Фриче прямо трясло от злости:

«Советские войска заняли необитаемый город». (Это об Орле, откуда в августе были выбиты нацисты.) «В Орле большевики не найдут ни одной фабрики, ни одного завода. Жилые дома стоят без крыш».

Первого августа Гитлер, взбешенный провалом наступления, топая ногами, орал на командующего второй танковой армией Шмидта, обвиняя его чуть ли не в измене. На его место назначен генерал Модель. Этот тоже, конечно, не смог остановить Советские Вооруженные Силы.

В тот день Ганс Фриче констатировал:

«Германские армии на Востоке, которые как раз в эти дни выдержали новое суровое испытание, отразив большевистское летнее наступление, продолжают отражать его до настоящего времени».

Южный фронт Толбухина, развивая наступление, освободил Таганрог. Вермахт с боями отходил от Донбасса.

Уже не зная, что сказать, Фриче изворачивается, крутит и выкручивается.

«В течение летних наступательных операций большевикам удалось на Восточном фронте захватить некоторую (!) часть территории. Но эта территория незначительна по сравнению с теми, которые в свое время захватили германские вооруженные силы».

Ну а как же насчет того, чтобы не оставлять «захваченного»?

Теперь Гитлер озабочен не столько завоеванием или оставлением территорий, сколько тем, как бы ему оставить целехонькой собственную шкуру.

На Востоке — катастрофа за катастрофой.

На Западе — призрак второго фронта.

В самой Германии новая волна Сопротивления.

2

Генералы уже не шушукались о заговоре, а действовали: сговаривались с бывшими министрами, дипломатами и аристократами, как бы поскорее и повернее отделаться от обожаемого фюрера.

Офицеры, генералы, аристократы, дипломаты...

Само собой разумеется, ни одного рабочего, ни одного солдата. Все делалось за спиной рабочих, крестьян и солдат. Потому что отнюдь не ради человеческих радостей, не ради окончания резни на Востоке, не ради того, чтобы народ стал хозяином своих судеб и судеб страны, и уж, конечно, не ради мира столковались о перевороте высокопоставленные господа, понявшие, что с Гитлером войну не выиграть. Если еще и союзники, не дай бог, вторгнутся во Францию, пропащее дело! С ними надо либо помириться, либо, крепко поторговавшись, капитулировать на Западе. И всей мощью освободившихся дивизий снова напролом идти туда, откуда Красная Армия

гнала вермахт. Вот что сделают эти господа без фюрера!

Один из главарей заговора — Герделер сердился, очень сердился на Гитлера: помилуйте, сколько денег вколочено в него, сколько жертв принесено, а он так и не смог избавить Россию и Европу от большевиков!

Может быть, они думали о демократических порядках? Демократия? Опять «сарай для болтовни»? Никогда! Старые, чуть подмалеванные порядки. Быть может, вернуть на трон Гогенцоллернов. В крайнем случае — республика с диктатором. И никаких марксистов в правительстве! Ведь эти левые требуют немедленного окончания войны на Востоке! Вздор! Германия была и будет заслоном против большевиков. Правда, это много лет подряд вещал и фюрер. Правда, англосаксы в военном союзе с большевиками.

Но не обожаемый ли фюрер сказал: «Англия и Америка должны принять участие в борьбе с большевизмом, если они сами не хотят погибнуть... Америка и Англия сейчас не хотят этого понять. Но придет время, и они поймут. Ведь все коалиции когда-нибудь кончаются!»

«Нацистскую партию чуть-чуть подлакировать, можно оставить. Кое-кому из слишком уж рьяных отрубить голову. Покрепче зажать рабочих. Разговоры о послаблении участи рабов, угнанных в Германию или заключенных в концлагерях, — непростительная слабость!»

«Военнопленные и иностранные рабочие остаются на своих местах. Концлагеря занимаются новой охраной. Освобождать заключенных только тогда, когда прокуратура докажет нарушение норм права».

Чьи это слова? Гиммлера? Шелленберга? Мюллера?

Это инструкция «об осадном положении», разработанная тем же Герделером на случай успеха заговора.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

«...С января 1941 года по январь 1945 года тела мужчин и женщин, убитых в концентрационных лагерях и больницах для умалишенных или казненных иным образом, посылались в Институт гигиены и патологической анатомии в Данциге, где эти тела подвергались различным химическим процессам, чтобы добыть из них жиры для производства мыла.

...Это было обнаружено в апреле 1945 года. Вследствие этих разоблачений... особая комиссия по расследованию военных преступлений подвергла осмотру здание.

...В здании было 10 котлов, наполненных мертвыми человеческими телами. Тела в трех котлах были обезглавлены: три других котла содержали нерасчлененные трупы; остальные — разные части человеческих тел, преимущественно с ободранной кожей.

...Число найденных тел доходило до 350. Были также там 100 человеческих голов. В других помещениях найдены скальпы и кости.

...В феврале 1944 года началось производство мыла. Первая проба свелась к 75 килограммам человеческого жира, что дало 20 фунтов продукта (мыла).

...Большинство тел, использованных там, принадлежало полякам, но были среди них советские военнопленные.

...Из тела нормального человека получалось 4—5 килограммов мыла.

...Производство было поручено некоему профессору Шпаннеру из Галле».

Нюрнбергский процесс. «Нацистские преступления в Польше». Т. 2. Юридическая литература, 1966, с. 149—150.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Дела шли все хуже и хуже!

Сорок третий год, год поражений, близился к концу. В начале октября новое наступление советских войск. Вермахт выбит из Киева. Русские, сломав оборону немцев между Днепропетровском и Кременчугом, форсировали Днепр и в двадцатых числах ноября атаковали части Гитлера под Черкассами. Керчь занята русским десантом, что положило начало разгрому вооруженных сил Германии в том районе.

Прорыв под Пропойском угрожал отходом от Могилева.

В Италии войска Кессельринга, огрызаясь, отступали под напором американцев.

Новый год отмечен сводкой ОКВ: «Нами оставлен Житомир, советские войска нацеливались на Винницу».

А тут еще воронье карканье Цейтцлера: «Крым, мой фюрер, в недалеком будущем так и так будет потерян». —

«Он не должен быть потерян! — взрывается Гитлер. — Какие у русских здесь новые армии? У них здесь те же старые силы». — «Они обновили девять танковых корпусов», — возражает Цейтцлер. «Правильно. Но это их старые части... Сдать Крым, Цейтцлер, — и это мы можем говорить на серьезных тонах, — значит, все будет потеряно... В это трудное время может наступить тяжелый кризис, который может повлиять на Турцию. Они (союзники. — **Н. В.**) хотят нажать на Турцию, чтобы она выступила». — «Да, это будет тяжело, так как, во-первых, очень мало можно спасти». — «Мы ничего не можем спасти. Последствия будут катастрофическими... Впрочем, нельзя же СССР сравнивать с античным великаном, который каждый раз, падая на землю, становится сильнее». — «Увы, он это делает многие месяцы!» — вздыхает Цейтцлер. «Однако и он должен выдохнуться!» — упрямо стоит на своем Гитлер.

А он не выдыхался.

Не выдыхался этот отнюдь не античный великан: Союз Советских Социалистических Республик!

2

И на Западе, из-за горизонта, наплывали зловещие тучи. Три лидера могущественных стран собрались в Тегеране и решили раздавить итальянский, уже издыхающий фашизм и еще сопротивлявшийся нацизм немецкий. Страшным призраком вставал перед сознанием Гитлера в т о р о й ф р о н т.

Вторжение!

«Если вторжение не будет отбито, тогда войну можно считать проигранной».

Гитлер повторяет эту фразу — и не раз — военной клике, окружавшей его:

— Теперь я изучил большую часть документов. Нет никакого сомнения в том, что весной начнется наступление на Западе. Я обдумаю это еще раз. Они хотят предпринять это на большом фронте... Нужно рассчитывать также и на высадку в Норвегии. Возможно отвлекающее наступление на Бискае, вероятно, также на Балканах. Мы должны вовремя приступить к тому, чтобы стянуть на север наш подводный флот. Опасность там постепенно нарастает. Возможность их высадки там не исключена... Я не чувствую, чтобы англичане, скажем прямо, с легкой

душой начинали это наступление... Англичане безумно хитрые. Они хотят отдать верховное командование американцам. Если американцы имеют верховное командование, то англичанам американцы милостиво дадут право выступить первыми. Если эта история кончится плохо, то ответственность ляжет на них. Эйзенхауэр имел счастье осуществить благополучную высадку, в обоих случаях, правда, только с помощью предателей. Он их найдет и здесь. Но он подвергнется сильному артиллерийскому обстрелу, да еще какому! Это разница: высаживаться ли в Северной Африке и принимать приветствия от господина Жиро, или иметь противниками итальянцев, большая часть которых сидит в дыре и не стреляет, или при высадке на Западе быть обстрелянными. Если бы у них имелись войска с двухгодичным опытом мировой войны, можно было бы сказать: они сделают это. Но это все новые части.

Кейтель. Совершенно необстрелянные.

Гитлер. Поэтому нельзя говорить: у нас тоже в армии молодежь. У нас больше обстрелянного костяка, а у него (Эйзенхауэра. — **Н. В.**) и этого нет... У меня такое убеждение: в момент, когда это произойдет, придет спасение!

Мечты мечтами, а для спасения нужны не фразы и не упование на «костяк», а кое-что существенное.

Что же предложил фюрер своим приближенным для срыва высадки союзников на севере Франции?

«Во время высадки большого десанта можно было бы завезти на берег бочки с горючим и другой начинкой, чтобы зажечь их и взорвать в тот момент, когда противник начнет высадку. Таким образом они должны будут пробиваться вброд через огонь. Это нельзя, конечно, осуществить на большом участке. В одном месте можно, например, все так заминировать, что ни один человек не высадится. В другом месте зажечь бочки. В третьем месте поставить огнеметы и стрелять в высаживающихся. Сконцентрировать артиллерию, которая создаст огневое заграждение. Можно придумать разную чертовщину! (Усмехнувшись.) После этого они могут собраться и обменяться опытом, который получили при высадке...»

Огнеметы до такой степени завладели воображением фюрера, что три часа военного совещания он посвятил им.

Продолжение следует

Петр РОДИЧЕВ

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Заслуженному художнику РСФСР
Алексею Викторовичу Ковалеву

Почтенных лет художник
из глубинки,
чью кисть
столичный знал искусствовед,
сам по себе затеял вдруг поминки,—
увидев, как хулят
всю правду прошлых лет...

Увы, настало время непростое,
и откровений тронувшийся лед
смешал с худыми водами застоя
чуть ли не все,
чем дорожит народ.

Даль истины
подменена шумихой
насчет вины жестокого вождя;
о прочих палачах и бедах —
тихо,
молчат, что было
до погодя.

О том, что есть,—
помалкивают тоже
экранные красавцы — рупора.
К их совести взывать — себе дороже,—
компания отборна и шустра.

С нахрапом нападающей шеренги,
под сатанинский рок,
на все лады —
один призыв гремит из той дуды:
«Сограждане,
давайте делать деньги!»
Златой телец
любим любовью лютой —
явился достопамятный Кощей —
и всех подбил
переболеть валютой
и обезьяньим комплексом вещей...

Что ж на ветру безвременья
мы стыяем
и в водочке
даем себя топить,
когда пора —
не плакать по святыням,
а мафии дорогу заступить?!

Художник цепенел от этих «истин».
Казалось, кровь вскипала, клокоча.
За что же
объярлычен «сталинистом»?
Его вела
духовная свеча.

Себя не причисляя к невезучим,
он с божьей искрой
вынес из низов
почтение к лаптишкам и онучам
и к родинкам родимым
в сердце зов.

И двери академии — не с тыла
брал в сорок пятом —
пусть не как рейхстаг;
и там, однако, уважалась сила,—
что чудеса творила
на холстах...

Еще тогда в тиши натурных классов
бесовский дух с пути его не сбил,
хоть столько мельтешило выкрутасов —
исканий без руля и без ветрил...

Глядишь:
кто — гений черного квадрата,
кто — черный скептик мастер «сюррогата»,
а кто — авангардист-универсал
под Репина с Малевичем плясал...

Иные плюралисты
столь ретивы,
что, тиражом прикрывши имена,
приемчиком обратной перспективы
из всякой мухи делают слона.

Им — сквозь экономическую призму —
любезен в перекрестье перспектив
один исход —
назад к капитализму.
Подумаешь, с изнанки нечестив...

Торжище крохоборского Арбата —
его осуществленная модель:
тут чистоган уже не воровато
и живопись толкает на панель...

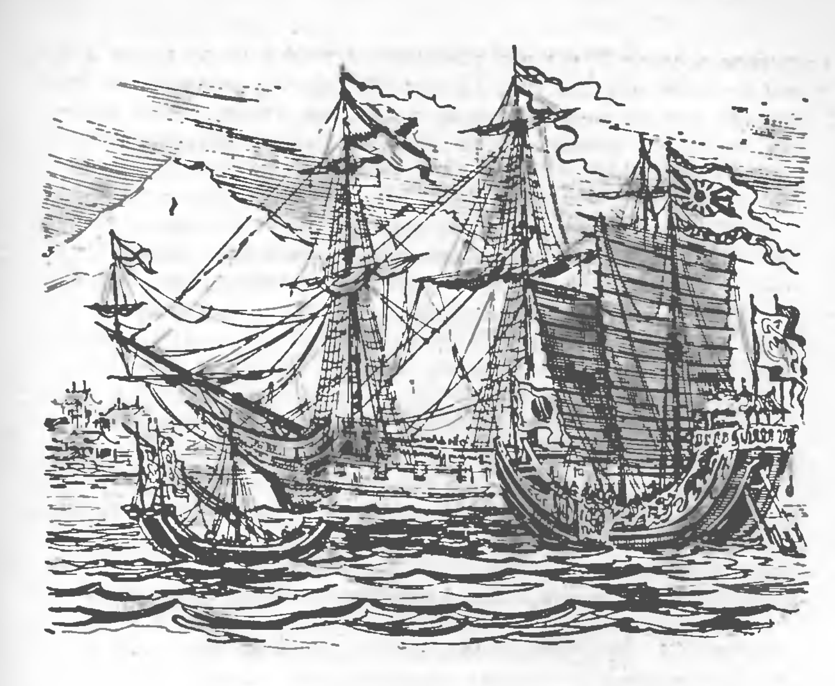
...Так размышлял
художник из глубинки,
чью кисть
столичный знал искусствовед.
И передумал он справлять поминки:
нельзя уйти, коль горек белый свет.

И больше не томила,
как изжога,
чудная мысль —
на что годится он?
В капитализм обратная дорога
сама не лезла
ни в какой канон.

Россия перед ним
бывала всякой,
но оставаясь верной ей по гроб,
он кисти взял
и — как перед атакой —
надвинул каску
мысленно
на лоб...

Орел

Художник Ю. Макаров

Наша литература еще долго будет ощущать потерю такого замечательного писателя, как Валентин Саввич Пикуль. Он ушел слишком рано, сгорев в неистовой, на износ, работе.

В. Пикуль оставил огромное литературное наследие. Кто еще в нашей измученной стране пользовался среди читателей такой популярностью в последней трети XX века?.. Имя Пикуля говорит само за себя.

Сегодня мы начинаем публикацию исторических миниатюр писателя.

Валентин ПИКУЛЬ

РЕЗАНОВСКИЙ МАВЗОЛЕЙ

Повесть начнется с осени 1802 года, но, верный своим навыкам — забегать во времени вперед, я приглашаю читателя в Калифорнию 1847 года, когда эти края навестил известный английский мореплаватель и ученый Джордж Симпсон.

Сан-Франциско еще не блистал огнями, к северу от Сакраменто бурная Славянка впадала в залив Румянцева, в устье этой реки высился гордый Форт-Росс, окруженный множеством ранчо

русских поселений, где они выращивали редьку в пуд весом, а к югу от Сан-Франциско располагался Монтерей — столица всей испанской Калифорнии. Уроженец тех краев, американский писатель Брет-Гарт, вспоминал, что случилось тогда в цитадели праздничного Монтерея:

Много собралось народу на торжественный банкет.
Принимал все поздравления гость, английский баронет.
Отзвучали речи, тосты, и застольный шум притих:
Кто-то вслух неосторожно вспомнил, как пропал жених.
Тут воскликнул сэр Джордж Симпсон:
— Нет, жених не виноват!..

Старые гранды, хозяева Монтерея, еще не забыли, как давным-давно сюда ворвался под парусами русский корабль, с него сошел на берег дипломат царя Николай Резанов, а донья Кончита, юная дочь коменданта, тогда же отдала ему руку и сердце, поклявшись ждать, когда он вернется снова, чтобы увезти ее в заснеженную Россию. Но с тех пор минуло сорок лет, Резанов не возвратился, а Кончита, старея, все ждала его, все ждала, ждала...

Иногда она в печали слышала безгласый зов.
— Он придет, — цветы шептали.
— Н и к о г д а, — неслось с холмов...

— Нет, жених не виноват! — провозгласил сэр Джордж Симпсон. — У нас в Лондоне хорошо знают его историю. Резанов, влюбленный в юную испанку, скакал через Сибирь, как бешеный, зная, что невеста обязалась ждать его два года, и во время скачки он выпал из седла и разбился насмерть. Думаю, пылкая испанка, прождав два года, давно забыла о нем! А жива ли она? — вдруг спросил Симпсон.

Разом все стихло. Из-за стола поднялась пожилая, но еще красивая испанка — вся в черных одеждах.

— Это... я! — сказала она, и стало еще тише. — Нет, сэр, не два года, а двадцать раз по два года я жду, все сорок лет...

Джордж Симпсон растерялся, никак не готовый встретить испанскую Пенелопу, почти полвека ожидавшую своего Одиссея.

— Простите, — единственное, что он мог ей сказать.

— Все кончено, — отвечала ему Кончита Консепсьон, выходя из-за стола, — и теперь мне уже некого ждать.

— Простите, — еще раз повторил британец.

А под белым капюшоном на него глядел в упор

Черным углем пережженный женщины безумный взор.
«А жива ль она?» — Кончиты раздалися тут слова:
— Нет, синьоры, вы считайте, что отныне я мертва.

. . . .

— Мертва, мертва, а я один. Зачем ты покинула меня?

Так рыдал над гробом жены Николай Петрович Резанов, и мы, читатель, возвращаемся в осень 1802 года, когда на кладбище Петербурга выросла новая могила. Сенатский обер-прокурор похоронил свою жену Анну, дочь знаменитого Шелехова, которая оставила ему малолетних детей, в том числе и младенца — дочь Олю, которой исполнилось лишь 12 дней...

Николай Петрович навестил поэта Державина:

— Гаврила Романыч, — сказал он ему, рыдающий, — чувствую, жизнь покидает меня. А на детей глядя, едино лишь растравляю свои сердечные раны... Что делать? Подскажи!

Резанов был автором проекта о посольстве в Японию, он же ратовал о коммерческих связях русской Аляски с русскими в Калифорнии, и Державин сказал, что развеять свое горе вдовец может лишь в дальнем путешествии, какое и готовится:

— Думаю, государь одобрит твое назначение...

Александр I согласился, добавив:

— С тех пор как еще во времена моей великой бабки Екатерины берега Японии посетил наш корабль лейтенанта Лаксмана, японцы соглашались принять наше посольство. Мало того, у нас давно живут немало японцев, которых бурями прибило к берегам России, и надобно бы вернуть их на родину...

Предстояло первое кругосветное путешествие россиян. Кронштадт снаряжал корабли «Надежда» и «Нева», которыми командовали капитан-лейтенанты Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, а в Петербурге Резанов собирал штаты посольства, ученых, врачей, ботаников и «кавалеров», столь необходимых для вящей пышности, при этом в «кавалеры» попал и буйный поручик гвардии граф Федор Толстой, которого позже обессмертил Грибоедов в строфах из «Горе от ума»: «ночной разбойник, дуэлист... и крепко на руку нечист...»

— Я тоже не сижу без дела, — сказал Резанову император, — составляю послание на имя японского императора, которое будет писано чистым золотом на веленевой бумаге в окружении даров природы, а вы подумайте о щедрых презентах...

Список подарков для микадо лежит передо мною, занимая целую страницу печатного текста. Выделю главные: сервизы и вазы из фарфора, ценные ковры, меха лисиц и горностая, парча, атлас и бархат, «кулибинские» фонари для освещения улиц, ружья, сабли и пистолеты, гарнитуры пуговиц, генеральные карты

Российской империи и прочее. Резанов, думая о жителях русской Аляски, не забыл погрузить на корабли и целую библиотеку, в которой были стихи и книги по экономике, «скотский лечебник» и херасковская «Россияда»... Ах, как много людей чаяло попасть в эту экспедицию! Просились персоны важные и мелкотравчатые людишки: «Ревность к службе и любовь к Отечеству суть главные причины, побудившие меня утруждать начальство об удостоении меня иметь честь быть в числе избранных к свершению столь славного подвига, труды и опасности коего не в силах умалить моего патриотического усердия...» Сейчас так не пишут!

27 июля 1803 года якоря были выбраны, паруса подняты.

Лондон в ту пору забавлялся карикатурами на молодого Наполеона, угрожавшего англичанам высадкой десанта. Английские многопушечники, встретив у своих берегов русские корабли, сначала приняли их за французские, но, распознав ошибку, прислали бочонок рому, а русские отдарились от них бочкою с клюквенным вареньем. В конце октября «Надежда» и «Нева» были уже на Канарских островах, которые издали казались сущим раем. Но, попав на берега, матросы увидели, что много канарцев спят прямо на улицах, никогда крыши над головой не имея. Крузенштерн записывал: «Всеобщая бедность народа, небывалый разврат женщин и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам для услаждения чувств своих, — суть такие отличия сей страны...» В конце ноября, когда над крышами русских деревень задували снежные вьюги, русские корабли, изнуренные жаром и штилями, пересекли экватор, а матросы, разбежавшись по вантам, трижды провозгласили «ура»... Впереди лежала Бразилия!

Крузенштерн и Лисянский распорядились:

— Все матросы в Бразилии получат от нас по пиастру...

Четыре недели оставались возле острова Санта-Екатерина, ремонтировались после штормов. Именно здесь, в видимости берегов Бразилии, стали портиться отношения Резанова с командирами кораблей и офицерами. Николай Петрович, поставленный во главе всей экспедиции, не вмешивался в дела Крузенштерна и Лисянского, тактично считая себя лишь «пассажиром». Вражда возникла по вине «кавалера» графа Толстого, который объявил Резанову «матерную войну» и часто, будучи пьяным, оскорблял Резанова, не стыдясь матросов, а моряки пока что не вмешивались в дела посольства, наверное, полагая, что брань графа — дело не морское, а из лексикона дипломатического.

— Во как заливает! — смеялись матросы. — А ведь граф... такие-то слова у нас и в деревне отродясь не слыхивали.

Николай Петрович не раз грозил Федору Толстому:

— Только бы нам до Камчатки добраться, ваше сиятельство, там-то, граф, вы в остроге у меня насидитесь...

(Об этом, читатель, Грибоедов не забыл помянуть: «В Камчатку сослан он, вернулся алеутом...») Глядя на поведение «кавалера» посольства, и офицеры кораблей стали относиться к Резанову без должного решпекта, а скоро дипломат рассорился с Крузенштерном. Существует большая литература об этой ссоре, о которой раньше много писали, а наши историки о ней нарочито умалчивают, оберегая бесспорные авторитеты участников экспедиции. Суть же разногласий была такова: Крузенштерн, не имея на то никаких прав, требовал от Резанова подчинения ему, а Резанов, имея полномочия посланника и начальника всей экспедиции, не желал подчиняться капитан-лейтенанту. Однако, вдоволь наглядевшись на то, как вечно пьяный «кавалер» посольства Толстой оскорбляет своего же посла, Юрий Лисянский перестал принимать от Резанова почту, говоря, что чужих писем читать не любит, а распоряжения принимает лишь от Крузенштерна.

— Чужих писем читать я не привык, а что касаемо важных распоряжений, так ожидаю и таковые токмо от Крузенштерна...

Читатель, надеюсь, догадался, что конфликт назрел, достаточно одного неосторожного слова, чтобы скандал разразился. Однако впереди предстояло огибать проклятый мыс Горн, где блуждала легендарная тень «летучего голландца», и, обогнув этот мыс, корабли из Атлантики перешли в Тихий океан, а там, гляди, как бы не проскочить мимо острова Пасхи, а в пути до Пасхи корабли потеряли один другого, — посему всем, кроме беспутного графа Толстого, было не до выяснения отношений, и Крузенштерн, усталый от недосыпания, наказал вахтенному офицеру:

— Впереди архипелаг Маркизовских островов, так вы, любезный, не проскочите мимо Нука-Гива, где наверняка нас ожидает «Нева» Лисянского, дабы следовать совместно далее...

Нука-Гива открылась гремящими со скал водопадами, «Нева» уже стояла на якоре, поджидая «Надежду», вокруг кораблей плавали множество островитян, предлагая в обмен на куски железа кокосы и бананы. Крузенштерн выступил перед матросами с призывом:

— Дикарей не обижать! Помните, что российский флаг здесь видят впервые, и я уверен, что мы покинем Маркизовы острова так, чтобы оставить по себе только самую добрую память...

Но, призывая не обижать дикарей, Крузенштерн здорово обидел Резанова, человека от дикости далекого. Случилось это так. Пока команды выменивали плоды и фрукты, Резанов велел выменивать у островитян предметы их обихода — для этнографической коллекции Петербургской Академии наук. Но Крузенштерн

ученых, что подчинялись Резанову, разругал, велев им не заниматься «глупостями», а все, что они собрали, отнял у них. Не понимаю, зачем?

2 мая 1804 года Резанов сказал Крузенштерну:

— Не стыдно ли вам ребячиться, свою власть показывая и не позволяя мне исполнять то, что положено экспедиции?

«Вдруг закричал он (Крузенштерн) на меня:

— Как вы смели сказать, что я ребячусь?

— Весьма смею — как начальник ваш.

— Вы начальник? А знаете ли, как я поступлю с вами?..»

Этот волшебный диалог имел продолжение. Крузенштерн вломился в каюту посланника, угрожая ему расправой, потом вызвал на борт «Надежды» Лисянского с его офицерами, и теперь офицеры двух кораблей стали кричать:

— На шканцы его! Вот мы проучим этого самозванца.

— Дайте мне молоток и гвозди, — кричал граф Федор Толстой. — Я заколочу дверь в его каюту, и пусть он там сдохнет...

«Граф Толстой, — писал Резанов, — бросился было ко мне, но его схватили и послали лейтенанта Ромберга, который пришел ко мне сказать: «Извольте идти на шканцы...» Резанов послал его подальше. Тут вломился к нему сам Крузенштерн и стал кричать, чтобы шел наверх и доказывал, что он здесь начальник. Делать нечего — Николай Петрович поднялся из каюты на шканцы, захватив с собою шкатулку с государственными бумагами:

— Слушайте! Читаю вам, что подписано самим императором...

Александр I писал: «Сии оба судна, — то есть «Нева» в «Надежда», — с офицерами и служителями поручаются начальству Вашему». Когда Резанов прочел эти слова, раздался хохот и выкрики:

— Кто подписал? — требовали офицеры.

— Сам государь император, — отвечал им Резанов.

— А кто писал? — ехидно вопросили его.

— Имени писаря не знаю, — сознался Резанов.

Тут раздался торжествующий выкрик самого Лисянского:

— То-то и оно-то! Мы хотим знать, к т о писал, а подписать, мы знаем, император любую чепуху подпишет...

Один только лейтенант Петр Головачев вступился за Николая Петровича (за что потом он и поплатился своей жизнью на острове Святой Елены), а все остальные офицеры говорили:

— Ступайте со своими бумагами, мы таких начальников не знаем, а подчиняемся только своим капитан-лейтенантам.

«А лейтенант Ратманов, ругаясь, при этом говорил: «Он еще и прокурор, а законов не знает», и, ругая (меня) по-матерному, Ратманов кричал: «Этого-то скота заколотить в каюту!» Граф

Федор Толстой уже стоял наготове — с молотком и гвоздями...

— Вы еще раскаетесь, — сказал Резанов, покидая шканцы.

В каюте духота, зной тропический, посланник на палубу уже не выходил, ибо матросы, жалеючи его, предупредили, чтобы не высовывался, — граф Толстой и за борт спихнуть может, — а в это время, когда Резанову было плохо, Крузенштерн запретил врачам навещать его, «хоти на корабле все знали, что посланник сильно занемог». Без его участия офицеры принимали короля Нука-Гива, который в обмен на топор и бразильского попугая дал морикам двух свиней. Матросы огорчились таким обменом:

— Мяса нет, а одними бананами сыт не будешь...

Крузенштерн тоже побаивался — как бы экипаж не свалила цинга. Он надеялся раздобыть свежей провизии на Сандвичевых островах, но тамошние жители на железки уже не глядели, требуя сукно.

— А сукна у нас нет, — опечалился Крузенштерн...

Здесь корабли расстались: Лисянский увел свою «Неву» на остров Кадьяк, а Крузенштерн направил «Надежду» в порт Петропавловск-на-Камчатке... Почему не в Японию? Да по той причине, что сам же Резанов не захотел являться японцам в дурном виде:

— В таких склочных условиях, когда все перегрызлись, будто собаки худые, да еще изнуренный болезнью, я никак не могу выявить достоинства посла российского... Лучше уж на Камчатку! Там мы и разберемся — кто тут начальник, я или вы?

Вместе с русскими плыл сплошь покрытый татуировкой француз Жозеф Кабре, который женился на дочери короля Нука-Гива, одичал, но по пьяному делу не сошел вовремя на берег, а когда очнулся, вспомнив о женах и детках, «Надежда» уже плыла в открытом океане. Этот француз и разглядел берега Камчатки:

— Мне здесь нравится, — сразу заявил он...

Странное желание! Может, после Нука-Гива и Камчатка кажется раем — этого я не знаю, но об этом желании Жозефа Кабре посол Резанов доложил лично русскому императору.

. . . .

Резанов сразу же съехал на берег, никак не желая вмешиваться в дела корабельные. Павел Иванович Кошелев, генерал-майор и тогдашний начальник Камчатки, решил сразу же «образумить» бунтовщиков-офицеров, явив перед ними свою грозную силу — солдат гарнизона, а графа Толстого, яко главного заводилу и матерщинника, отправили в Петербург, дабы служил

в полку и далее. Резанов из штатов посольства Толстого сразу
же выключил:
— Для вас, граф, ничего нет на свете святого, и я вынужден
сообщить в Петербург, что вы еще на Сандвичевых островах ре-
шили остаться ради голых красоток, об отечестве мало думая.
Уезжайте прочь, дабы не осквернять своим присутствием даже
эти несчастные окраины матери-России... В о н!
Кошелеву посланник признался, что поставлен в очень труд-
ное положение тем, что был оскорблен офицерами кораблей.
Он откровенно признался, что опасается исполнить свою мис-
сию в Японии и подумывает даже о том, чтобы вернуться в Пе-
тербург, не исполнив своего долга:
— Поймите! Я, назначенный посланником, поставлен за время
плавания Крузенштерном и его офицерами в униженное поло-
жение, и, появись я в Иеддо — столице японцев, мне попросту
будет стыдно являть перед японцами весь сор, вынесенный из
нашей русской избы... Ладно уж на родимой палубе глумились
надо мною, но что будет, если станут глумиться и на японской
земле?
Кошелев согласился.
В недостойном поведении корабельных офицеров генерал Ко-
шелев усмотрел «оскорбление» всего посольства и сразу начал
следствие. Конечно, читатель помнит Крузенштерна — уже отли-
тым в бронзе — на берегах Невы, и мне, автору, даже неловко
тревожить его величавый образ просвещенного мореплавателя на
этом пьедестале памятника, которого он и заслуживает. Однако
надо знать правду: Иван Федорович с а м признал перед Коше-
левым свою вину и вину своих офицеров, которые вдали от
Кронштадта и начальства распустились, а он потакал их распу-
щенности. Кошелев сказал Крузенштерну, что имеет право ли-
шить его командования кораблем и отправить в Петербург под
конвоем:
— Как и Резанов отправил сего «инфант-терибля» Толстого.
— Я очень сожалею о случившемся, — просил его Крузенш-
терн, — и прошу ваше превосходительство примирить меня с
господином посланником... Поверьте, я искренен в этом желании.
— Николай Петрович, — отвечал Кошелев, — согласен забыть
прошлое, но вам придется перед ним извиниться...
8 августа 1804 года все офицеры «Надежды», в парадных мун-
дирах и при шпагах, явились к Резанову и просили у него про-
щения, раскаиваись в содеянном ранее. Резанов обнял Кру-
зенштерна, сказав, что зла не имеет, желая забвения худого, при
этом офицеры кричали «ура» и стали качать посланника, высоко
подбрасывая его над собой, а матросы, выстроенные на шкан-

цах, дружно аплодировали этой сцене. Резанов сразу же известил Кошелева, что теперь он согласен плыть в Японию, «а польза Отечеству, — писал он, — на которую я уже посвятил жизнь мою, ставит меня превыше всех личных оскорблений — лишь бы успел я достичь главной цели...». В этот день всеобщего примирения, вместе с русскими, радовались и японцы, давно жившие в России, а теперь Резанов сулил им скорое возвращение на родину... Николай Петрович указал Крузенштерну готовить корабль к плаванию, дружески говоря, что здоровье — после смерти жены — стало никудышным, а после Японии ему предстоит еще экспедиция на Аляску и в Калифорнию — по делам Российско-Американской компании.

— Мне уже сорок лет, — печалился он, — а на скрижалях российской гишторни еще не оставил своего имени... Что делать, я честолюбив! — признался Резанов даже с оттенком гордости.

Был конец августа, когда «Надежда» покинула Камчатку, оставив вдалеке родные берега...

Перед отплытием он взял у Кошелева самых рослых солдат с барабанщиком (для «представительства»), навсегда оставив под сенью Авачинской сопки сплошь татуированного Жозефа Кабре, и 15 сентября, миновав Курилы, моряки увидели японские берега. Резанов просил Крузенштерна собрать всех людей на шканцы и произнес перед ними речь, начало которой и привожу здесь, дабы читатель вкусил от аромата языка той давней эпохи.

— Россияне! — цитирую я Резанова. — Обошед вселенную, видим мы себя наконец в водах японских. Любовь к отечеству, мужество, презрение опасностей — вот суть черты россиян, вот суть добродетели, всем россиянам свойственная. Вам, опытные путеводцы, принадлежит благодарность ваших соотчичей, вы уже стяжали ту славу, которой и самый завистливый свет никогда уж лишить вас не в силах...

Перед входом в бухту Нагасаки «Надежда» встретила японские лодки, и рыбаки, почти испуганные, услышали, как с «Надежды» их окликнули по-японски. Рыбаки никак не ожидали увидеть своих земляков, возвращавшихся на родину после долгого жития в России. Между ними завязалась беседа, и японец Тодзиё, уже достаточно поднаторевший в русском, переводил для Резанова:

— Моя япона сказал, что наша микадо давно и давно ждал русскэ, но зачем вы, русскэ, не приплыли к япона раньше?..

Оказывается, еще со времен Екатерины, когда Японию посетил лейтенант Лаксман, в Иеддо (будущем Токио) ждали русских четыре года подряд, а теперь ждать перестали... Выстрелом

из сигнальной пушки Крузенштерн оповестил Нагасаки о своем появлении, и вскоре «Надежду» посетили местные чиновники, которым Резанов вручил записку на голландском языке, изъясняющую цели его прибытия. Вечером весь рейд Нагасаки осветился разноцветными фонарями — в окружении великого множества джонок двигалось большое судно, на котором прибыли городские власти и переводчики. Незваных гостей они приветствовали поклонами, держась за колени и вежливо приседая. Японцы с удовольствием обозрели весь фрегат, надолго задержавшись подле русских солдат-богатырей, коих генерал Кошелев дал Резанову ради «представительства». Крузенштерн сказал, что это солдаты с Камчатки:

— А если ехать с Камчатки по направлению к Петербургу, то рост наших людей становится все выше и выше...

Вместе с японцами прибыли и купцы голландской фактории в Нагасаки, которую возглавлял Генрих Дефф: голландцы уже 200 лет торговали с японцами, будучи единственными европейцами, которым это было дозволено. Факторы находились в униженном положении, им даже не разрешали изучать японский язык, а голландский язык изучали сами японцы... Раздался могучий крик:

— Начальник Дефф рад приветствовать великого господина!

При этом Дефф мигом согнулся в дугу, не смея поднять глаз на Резанова, его помощник кинулся на колени и не вставал, а подчиненные им легли на палубу и более не поднимались. Указывая на членов фактории, японцы с удовольствием сообщили:

— Голландцы наши старые друзья, и вы сами видите, как покорны они нашим обычаям, чтобы выразить нам свое уважение... Согласны ли и вы, русские, следовать нашему этикету?

— Нет, — сразу же отвечал Резанов. — Мы, русские, слишком почитаем японскую нацию, потому я не желаю начинать великое дело безделицами. Если у вас издревле сложились такие отношения с голландцами, то мы приветствуем их, но у нас свои нравы, свои обычаи, ков тоже издревле сохраняются.

Затем японцы потребовали разоружить корабль, сдать запас пороха, все ядра и ружья, оставив только одну шпагу — ту самую, что висит на боку посланника.

— Нет, — отвечал Резанов. — «Надежда» судно военное, караул ружей не сдаст, а офицеры шпаг своих не сдадут...

Конечно, все офицеры и матросы, давно скучая по родным, желали порадовать их весточкой, для чего и приготовили письма, желая воспользоваться почтой голландской фактории, но японцы строго-настрого запретили голландцам принимать письма от русских. Сейчас их волновало иное — тревожил вопрос,

где эти японцы, что приплыли в Японию на русском корабле?

— Мы их не прячем... вот же они! — сказал Резанов.

Но беседа чиновников с возвращенцами, для русских непонятная, очевидно, была мало радостной для тех, что побывали в России: они сильно плакали, что-то показывая властям, а Тодзиё сказал послу, что на берег родной земли им сходить запрещено. Ближе к ночи возле борта «Надежды» долго качалась рыбацкая джонка, японцы о чем-то тихо переговаривались с рыбаками. После этого Тодзиё, как писал Резанов, «пожелал прекратить страдания свои лишением жизни и, схватив бритву, закалачивал ее себе в горло, но, к счастию, успели ее отнять и спасли его, ибо рана была не смертельна...». Резанов спрашивал:

— Скажи, Тодзиё, в чем причина твоего отчаяния?

Выяснилось ужасное: те японцы, которых еще в 1792 году доставил на родину Лаксман, до сих пор сидят в тюрьме как «изменники», ибо японские законы запрещают японцам покидать пределы отечества.

Эта же участь ожидала и несчастных рыбаков, тайфуном выброшенных на русские берега. Тодзиё просил:

— Мы плачем... Затем ли плыли на родину, чтобы закончить дни свои в тюрьме? Лучше отвезите нас обратно в Петербург.

Резанов как мог утешал японцев:

— Я привез такие богатые подарки вашему микадо, пусть он прочтет письмо нашего императора — и сердце его сразу растрогается, уверен, что он сменит гнев на милость...

На следующий день «Надежду» посетили городские чиновники, они указали Крузенштерну снять с мачт все паруса и рен, весь рангоут отвезти на берег под расписку, а своих единоверцев они обыскали, отобрав у них все вещи и деньги, после чего несчастных, горько рыдающих, отвезли в городскую тюрьму. Резанов в дела японские права вмешиваться не имел, надеясь, что вернет им свободу в Иеддо, куда собирался ехать для аудиенции перед престолом микадо. Но японцы о поездке в Иеддо помалкивали, говоря, что в Нагасаки уже спешит сам «великий сановник Ито». Этот великий Ито так спешил, что 1804 год закончился, настал и 1805 год, а он все спешил и спешил...

Между тем Резанов начал прихварывать: день за днем в душной каюте, а прогулки по шканцам фрегата — этого было мало. Ради здоровья он просил японцев, чтобы позволили ему пожить в городе. Японцы разрешили отбуксировать «Надежду» на внутренний рейд, с которого открывалась панорама города, а для посла обещали отвести место для прогулок на берегу. Такое место они отыскали на рыбном базаре в Мегасаки, на узкой песчаной косе залива, украшенной одиноким и скрюченным от ста-

рости деревом. Здесь для посла соорудили обширную хижину для проживания, а для прогулок отвели площадь косы — не более ста шагов в длину и сорока шагов в ширину. Жилище посла было обнесено высоким бамбуковым частоколом, возле ворот стояли японские караулы при офицерах, а вдоль изгороди все время блуждали полицейские, надзиравшие за послом, чтобы он... не убежал? Когда же Николая Петровича доставили в Мегасаки, то на всех воротах сразу щелкнули замки, а в щелях между стволами бамбука тут же появились зверские глаза надсмотрщиков... Да-а, не почетный гость он здесь и не посол великой державы, а скорее почетный пленник.

— Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, — говорил Резанов. — И не мне менять здешние порядки...

Времени своего «заточения» он использовал с толком. Резанов, знавший четыре языка, взялся теперь за японский. Еще во время долгого плавании вокруг света Николай Петрович начал составлять русско-японский разговорник, в чем ему помогали «возвращенцы», а теперь, во время своего заточения в Мегасаки, Резанов собрал уже более пяти тысяч слов. Наконец, в Нагасаки прибыл «великий сановник Ито», на 23 марта 1805 года была назначена первая с ним аудиенция...

В последние дни марта 1805 года Резанов и его свита появились в городе. Вдоль улицы шпалерами выстроились войска, но зато нигде не было видно ни единого жителя. В этот день им запретили покидать жилища, даже окна указали занавесить плотными шторами и не подсматривать за русскими. Резанова пронесли в паланкине, он держал в руке грамоту императора, подле него шагала посольская свита. Дом для переговоров был переполнен чиновниками, а в аудиенц-зале двумя рядами сидели на корточках переводчики, одинаково склонившие головы... Ито и Резанов раскланялись, после чего Ито заговорил. Он говорил очень тихо и медленно, а головы переводчиков склонялись все ниже и ниже. Порою казалось, что им просто стыдно переводить для посла России речь своего «великого сановника», приехавшего из Иеддо:

— Наш повелитель удивлен вашему появлению у берегов Японии... всем, кроме голландцев, запрещено посещать порты Японии... наш император в посольстве России не нуждается... торговать не желает... он просит вас покинуть нашу страну!

«Переводчики, — отписывал Резанов для Петербурга, — не ожидая такого отказа, сами остолбенели и, наконец, едва перевели они мне, как я не мог удержать себя и сказал:

— Удивлен вашей дерзости! Разве один государь не вправе писать другому? Не нам и решать — кто из них более велик...

Уж не думают ли в Японии, что русских можно унижать, словно голландских факторов, кои же ради торговых прибылей готовы даже на полу лежать животами?»

Переводчики пересказывали его речь, а Резанов улавливал на слух промахи в переводе, смягчавшем его выражения, и он сам иногда вставлял нужные слова, чтобы речь не теряла первоначальной резкости. Ито ответил Резанову, что переговоры лучше перенести на другой день... «С великим удовольствием, — сказал я и вон от них вышел. Хотели меня угощать чаем, табаком и конфетками, но я отказался, а переводчики, тяжко вздыхая, говорили — ах, какие несчастливые будут последствия...»

На другой день Ито стал говорить более конкретно:

— Вот уже двести лет японцам запрещено выезжать в чужие страны и неяпонцам, кроме голландцев, запрещено даже плавать вблизи берегов Японии... Нам от торговли с вами нет выгод. Впрочем, благодарю за возвращение наших японцев, которых вы вернули в прежнее подданство...

Резанов тоже говорил по существу дела.

— Как быть? — спросил он. — Впредь, ежели ваши рыбаки потерпят бедствие возле берегов наших, то неужто лучше оставлять их в России, чтобы вы не сажали их в тюрьму, яко изменников? Наконец, — заострил он эту тему, — как поступите вы, ежели буря выкинет у ваших берегов наших мореходов? Неужели тоже посадите в тюрьму, как и своих сажаете...

Ито подумал и сказал, что на этот вопрос последует ответ в письменном виде, но какой дать ответ — он не знает, а пошлет чиновников за ответом в Иеддо, где ответ и напишут.

— Передайте своему императору, что в его подарках микадо не нуждается и возвращает их обратно, ибо Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами. Японцы очень скромны в своих потребностях, а потому в предметах европейской роскоши они не нуждаются... Из уважения к нашим древним законам мы просим вас покинуть страну и более не навещать нас!

Впрочем, японские власти щедро снабдили «Надежду» провизией и брать за нее деньги отказались. Резанов хотел было подарками императора рассчитаться за все продукты, но японцы и подарков не пожелали. А между тем в Нагасаки уже съехалось немало купцов, желавших торговать с русскими. Конечно, им было бы выгоднее торговать с близкой Россией, нежели с далекой Голландией, но власти Иеддо признавать этих выгод не пожелали. Великое множество простых японцев подплывали к русскому кораблю на лодках, вежливо выражая нашим матросам самые добрые чувства, они говорили, что русских в Японии очень

любят, хотя и мало знают. Наконец, каюту Резанова буквально завалили легкими, как пух, связками нежных и белых вееров — чтобы он, посол, поставил на них свои автографы: «чтобы подписал я им свое имя и день прихода нашего в Нагасаки, и будут они те веера сохранять, как драгоценность...»

6 апреля с грохотом были выбраны якоря, многие сотни джонок провожали «Надежду» — до самого открытого моря. А когда берега Японии совсем пропали за чертой горизонта, Крузенштерн предложил Резанову выпить и утешил посла словами:

— Все равно! Рано или поздно, а наша соседка Япония разложит свои товары и распахнет объятия для послов наших...

Скоро забелели над морем белые шапки гор острова Цусима, положение которого Крузенштерн определил на карте астрономически точно, а потом, блуждая в сахалинском заливе Анива, они видели ряды виселиц — это японцы, живущие вдали от мира, для всех непроницаемы и загадочны, вешали сахалинских айнов, которым некому было пожаловаться. Сильный ветер с Камчатки летел навстречу «Надежде», и фрегат лавировал, чтобы двигаться даже против ветра — углами, зигзагами, но все равно вперед, только вперед, где Резанова ждали иные чудеса...

. . . .

До сих пор я ничего не сказал о заслугах Николая Петровича Резанова. Кто же он такой? Один из учредителей Российско-Американской компании, почетный член Российской Академии наук, писатель, экономист, дипломат, лингвист, путешественник, поэт и начальник канцелярии поэта Гаврилы Державина... Разве этого мало, чтобы не забывать о человеке?

Но... забыли. Странно, что Резанова лучше помнят в Америке, о нем в США выходят книги, а у нас он словно «разбросан» по отдельным изданиям, где о нем зачастую если и поминают, то мельком, как бы между прочим. Стыдно сказать — до сих пор пылится в архивах, так и не изданный, громадный труд врача Генриха Лангсдорфа о кругосветном путешествии русских моряков, которое официально возглавляет опять-таки он, Николай Петрович Резанов. Совсем недавно Ван Дерс, адмирал флота США, сказал о нем то, что сегодня нам, читатель, может казаться забавным парадоксом: «Кто знает, если б не его случайная смерть, то, возможно, Калифорния была бы сейчас не американской, а — русской...» И вспомнились мне стихи Сумарокова:

За протоком окияна
Росска зрю американа
С азиятских берегов...

Увидев Росски корабли,
Америка, не ужасайся!

«Надежда» бросила якоря на рейде Петропавловска-на-Камчатке, а Резанову предстоял еще долгий путь — на Аляску и в Калифорнию. Опять что-то неладное стряслось у него в отношениях с Крузенштерном, и, кажется, именно тогда Крузенштерн винил Резанова в его неуступчивости японцам. Вряд ли ошибусь, если из мрака давности извлеку главный упрек Крузенштерна:

— Камергер, будучи зятем самого Шелехова, конечно, более озабочен выгодами компании за океаном, нежели прямыми политическими интересами петербургского кабинета...

Так или не так, я сам не уверен в этом, но вот свидетельство забытого нами историка А. Сгибнева: «Резанов, во избежание новых интриг Крузенштерна, решился уже возвратиться в Петербург, даже не побывав в колониях» — Аляске и Калифорнии.

Но тут с моря пришел бриг «Мария», принадлежавший компании, и это изменило все его планы... Крузенштерну он повелел:

— Я покину вас на «Марии», а вы следуйте до Кантона, после чего можете возвращаться в Кронштадт. Доброго пути!

Сгибнев писал, что «ни Крузенштерн, ни его офицеры ни разу не навестили больного посланника и даже при уходе его на «Марии» в Америку никто не пришел с ним проститься». Никто не пожал ему руки, кроме лейтенанта Головачева, который и расплатился за это пулей в сердце на острове Святой Елены...

«Мария» вышла в открытый океан, и в пути к берегам Америки корабелы поведали Резанову, что русская жизнь на Аляске течет своим чередом: построили дом библиотеки, алеуты и даже индейцы изучают в школах французский, географию и математику, а в Кадьяке растет редкий фрукт — картофель.

— Одно плохо: попались в капкан белые лисицы, предвещая несчастья. Так и случилось. Дикие из племени колошей стали скальпы снимать, а тут и голод в Ситхе — не приведи господи...

С дипломатией было покончено — теперь Резанов выступал в роли инспектора Российско-Американской компании, владения которой раскинулись широко, и богатствам ее мешали пираты Карибского моря, стрелявшие с моря, завидовали компании англичане и купцы Бостона, что были конкурентами русских, а король Гавайских островов звал русских в свой волшебный рай Океании, дарил плащи из перьев невиданных птиц, обещая за-

валить Аляску дешевыми кокосами и жирной свининой... Все было так!

Но Резанов застал Ситху в нелучшую пору: вновь прибывших встретили как «лишних едоков», тогда как сами не знали, будут ли завтра сыты. Болели цингой, а «пиво» из еловых шишек не помогало... Странный был этот мир! Улицу освещали «кулибинские фонари» (прожекторы будущего), а из лесного мрака вылетали стрелы диких нуткасов, у которых лица были обсыпаны толченой слюдой; в карманах жителей звенело серебро испанских пиастров, пили только бразильский кофе, местные креолы-подростки мечтали учиться в кадетских корпусах Петербурга, китайские шелка на женщинах извивались хищными драконами, а жители жаловались:

— Одной лососиной да грибами сыт не будешь... Эвон, зубы у тетки Марьи снова шатаютси, а ведь еще молода, всего-то в третий раз замуж выходит...

Резанову повезло: с моря вошел на рейд Ситхи бостонский купеческий корабль «Юнона», а в трюмах его была провизия. Николай Петрович не пожалел рому, угощая шкипера:

— Покупаю. Весь корабль. Со всем добром, что в трюмах. Даже не глядя. Сколько бы все это ни стоило...

Зиму кое-как перебились. Резанов известил Петербург о своем пылком желании навестить Калифорнию ради выгод от торгов негоциации с нею, «пустясь с неопытными и цинготными людьми (экипажа) в море на риск с тем, чтобы или спасти области (Аляски) или... погибнуть»! В конце февраля 1806 года он велел лейтенанту Хвостову поднять паруса — пошли. Страшное было плавание: половина экипажа валялась в кубриках, страдая цингой-скорбутом, а другая половина едва справлялась с парусами. Плыли целый месяц с такими приключениями, о которых и рассказывать тошно. Наконец, рано утром прямо по курсу забрезжила бухта Святого Франциска, где угадывался контур будущего Сан-Франциско.

Командовал «Юноной» молодой лейтенант Хвостов.

— Прибавьте парусов... вперед, — велел ему Резанов.

— Вон батареи, — показал Хвостов. — Разве не знаете, сколь подозрительны испанцы? Коли не остановимся при входе на рейд, вмиг с батарей этих расколют нас ядрами.

— Что за беда! — отвечал Резанов. — Просить у них позволения — откажут. Так лучше получим два-три ядра в борт, зато спасем экипаж от смерти скорбутной в море открытом...

С берега уже слышался барабанный бой — тревога.

— Испанский-то кому ведом, чтобы отбрехаться?

— Веди, лейтенант! Мне двух слов хватит...

Пошли — на прорыв. С береговых фортеций испанцы окликали их в медный рупор, спрашивая — кто такие, чей корабль?

— России, — отвечал им Резанов.

— Бросайте якоря, иначе расстреляем из пушек.

— Не понял, синьор, — отвечал Резанов по-испански.

— Долой паруса... стойте, — призывали их с берега.

— Си, синьор, си, — отвечал Резанов...

Под всеми парусами пронеслись мимо под жерлами пушек и бросили якоря напротив неказистого испанского поселка. Было видно, как к берегу скачут расфранченные всадники, еще издали крича что-то воинственное... На берегу встретились русские с испанцами, завязалась беседа.

— Мы шли сразу в Монтерей, столицу всей вашей Калифорнии, — сказал Хвостов, — но обстоятельства вынудили нас искать убежище в первой же гавани... вот и оказались в бухте Франциска!

Резанов, как дипломат, весомо добавил:

— Петербург извещен о нашем плавании, и потому я уверен, что Мадрид предупредил губернатора Сан-Франциско о нашем скором прибытии... Испанцы и русские — давние соседи! Только наши владения в Калифорнии не имеют ни крепостей, ни столицы.

Как бы ни были щепетильны испанцы, гордые в вопросах чести, но они не стали попрекать офицеров «Юноны» за их дерзкий прорыв в гавань — под прицелами пушек. Напротив, «гишпанским гитарам, — как сообщил Резанов, — отвечали мы русскими песнями». Совместно проследовали в крепость Сан-Франциско, а там русских встретил сам комендант Хосе дон Аргуэлло, из Монтерея приехал и губернатор испанской Калифорнии. О чем говорили? Конечно, о безродном корсиканце Наполеоне, над челкой которого еще не взошло солнце Аустерлица... Николай Петрович плохо владел языком хозяев, но с помощью французского он все-таки высказал главное:

— Мы, живущие в России, хорошо знаем, что Мадрид не желает, чтобы вы, живущие в Калифорнии, занимались коммерцией, но какие же мы будем соседи, если откажемся торговать друг с другом? А разве двор испанского короля, в котором так много красавиц, откажется от наших мехов с Аляски?

— Об этом, — уклончиво отвечал дон Аргуэлло, — вы лучше договоритесь с нашими монахами-францисканцами...

Николай Петрович, человек умный, намек понял: с тех пор, как в 1770 году миссионер Жюниперо воздвиг крест на этих вот прекрасных берегах, монахи уповали на торговлю с русскими соседями, невзирая на все запреты королевской власти в Мад-

риде, — вот с ними, с этими меркантильными францисканцами, Резанов и договорился, чтобы у жителей Русской Америки впредь никогда не шатались зубы от скорбута...

Резанов был человеком обязательным, внешне приятным, умеющим говорить и слушать; не прошло и недели, как он легко вошел в семью коменданта Сан-Франциско, став в ней своим человеком, и допоздна не угасали свечи в испанской «президии», где звоны гитар перемежались звоном бокалов.

Но однажды... однажды он сильно вздрогнул!

Из внутренних покоев вышла дочь коменданта — совсем еще юная испанка, это и была Мария Кончита Аргуэлло, которой в ту пору исполнилось лишь шестнадцать лет. Резанову было сорок, он уже вдовец, у него двое детей. Это ли главное?

Красавице он был представлен в иных словах:

— Камергер двора русского императора, командор большого креста славного Мальтийского ордена, главный комиссар Российско-Американской компании и... наш друг!

Этого достаточно. На следующий день Кончита протянула ему цветы, которых он никогда не видел на своей далекой родине. Наверное, все-таки прав был старик Державин, говоривший Резанову, что горе от потери жены можно излечить в дальних странствиях, — и я, конечно, не знаю, она ли первая влюбилась в русского гостя или он влюбился в нее?.. Скоро вся Калифорния только и говорила о том, что дочь благородного коменданта «сошла с ума от любви». Те же самые францисканцы, пылко желавшие торговать с русскими, ни в какую не соглашались на брак католички с русским схизматом, но Кончита думала только о любви, она верила только в любовь, говорила она только о любви:

— Он обещал увезти меня в свою Россию, всю засыпанную белым пушистым снегом, и я, полюбившая его, уже полюбила и эту страну, о которой он так чудесно рассказывает мне...

Видя такую непреклонность дочери, родители Кончиты уступили ей первыми, а потом — ради торговых выгод — сдались и францисканцы, еще долго ворчавшие о том, что этот брак не дозволит папа римский, но влюбленные настояли на церковной помолвке, и с того времени... Впрочем, об этом сам Резанов с юмором докладывал в Петербург: «Поставя себя коменданту на вид близкого родственника, управлял уже я портом Католического Величества так, как того требовали пользы мои, и Губернатор (Монтерей) крайне изумился... что и сам он, так сказать, в гостях у меня очутился». Да, Резанов стал в Калифорнии почти всесилен, и при нем Форт-Росс, выросший на берегах Русской Славянки, текущей в океан вровень с испанской рекой Сакраменто, эта славная цитадель русских поселян в Калифорнии стала обителью русского духа... Россия, вольно или невольно, смыкала свои границы с испанскими рубежами в Америке.

Но вот затихли гитары, умолкли русские песни...

— Я спешу, — сказал Резанов Кончите, — мне надобно срочно быть в Петербурге, чтобы сделать личный доклад царю о наших владениях в Калифорнии, чтобы получить от него личное одобрение на брак с тобою... Скажи, ты согласна ждать?

— Да, — разомкнулись губы для прощального поцелуя.

Это и был их первый и последний поцелуй в жизни.

Никогда еще Резанов так не спешил... Две мысли (только две!) преследовали его в дороге, подгоняя в пути — быстрее, быстрее, быстрее. Первая: утвердить, пока не поздно, русское владение в Калифорнии, «ежели и его упустим, — писал он, — то что скажет потомство?». Вторая мысль: Кончита поклялась ждать, Кончита любит его, надо спешить... Ему казалось, что ветер не так уж сильно раздувает паруса корабля, а потом, уже на сибирских просторах, казалось, что лошади бегут слишком медленно. Предстоял долгий-долгий путь — до Петербурга, а затем и обратно — до Сан-Франциско. Его измучило нетерпение:

— Ах, как тащутся эти лошади в непролазной грязи...

Была весна, дороги развезло, однажды он попал в полынью, мучился простудной горячкой, но гнал и гнал лошадей без устали вперед, ибо Кончита ждет... Подъезжая к Красноярску, Николай Петрович не вытерпел и, покинув кибитку, пересел в верховое седло, подгоняя коня хлыстом. Где-то лошадь оступилась о камень, и Резанов вылетел из седла.

Почти без чувств, жестоко израненный о дорожные камни при падении, Резанов был привезен в Красноярск, где и скончался в яркий весенний день... Он умер в полном сознании, рассказывая, что в далекой Калифорнии его будет ждать юная Кончита!

. . . .

Сорок лет ожидания закончились разом...

Сэр Джордж Симпсон сказал о Резанове все, что знал, и тогда Кончита донья Мария Аргуэлло поднялась из-за стола.

— С этого момента я больше не жду его, — сказала она в тишине, — и с этого же момента считайте, что я мертва!

Она сразу удалилась в монастырь и умерла монахиней.

Год ее смерти остался для меня неизвестен...

А место вечного успокоения Резанова нашлось в том же Красноярске — ограде городского собора; поначалу оно было отмечено скромною чугунной плитой. Но слишком значителен был этот человек в истории государства, и потому в 1831 году вели-

кий скульптор Мартос спроектировал над могилой Резанова мавзолей из гранита, увенчанный коринфскою вазой. Все жители города хорошо знали, кто погребен под этим мавзолеем, родители приводили сюда своих детей, говоря им:

— Здесь лежит дядя Резанов, и, когда ты вырастешь, ты прочитаешь о нем в интересных книжках...

Но вот настали «времена всеобщей свободы и расцвета пролетарской культуры»: собор для начала разгромили, а внутри собора устроили комсомольский клуб. Потом взялись за кладбище, уничтожая могилы предков, и скоро на месте мавзолея и надгробия возник пустырь. Конечно, так долго продолжаться не могло, и в соборе разместили цех механического завода, а кладбище превратили в городскую свалку.

Ладно, думаю я, если вы дураки и Резанова не знаете, то, может быть, вам знакомо хотя бы имя гениального Мартоса, автора этого мавзолея? Нет, местные власти оказались умнее всех на свете — и даже Мартоса не пощадили. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» А что затем?

Затем, как я слышал, собираются вообще снести собор с лица земли, оставив ровное поле, и на месте кладбища желают соорудить торжественное здание концертного зала.

Чувствуете, читатель, как растет наша культура?

Сначала собор и кладбище, потом клуб с площадкой для танцев, затем цех завода и свалка, а теперь мы пойдем слушать музыку.

Только нам-то от всего этого не до музыки...

Публикацию подготовила Антонина ПИКУЛЬ

Игорь КРОХИН

ЖРЕБИЙ

* * *

На распутье камень белый,
И начертано на нем:
Повернешь коня налево —
Распрощаешься с конем.

А направо лес чернеет,
Там разбойники живут —
И поймают, и обреют,
И в неволю продадут.

Не страшит полон-неволя:
Жалко верного коня.
Коль проститься с головою —
Не поможет и броня!..

Путь прямой не самый лучший —
Неизвестность хуже бед:
Слеп и неразборчив случай
Поражений и побед.

И за славою не рыскай —
Поворачивай коня,
Да скачи отсюда рысью,
Помянув добром меня!..

Ни налево, ни направо,
Только в пекло — по прямой:
Через поле,
За Непрядву —
Вот и выбран жребий мой...

* * *

Творящие правду — блаженны,
Они не погибнут от века:

Зерно растирающий жёрнов
Ломался не раз на крупинке.

И мельник, досаду скрывая,
Задумчиво трубку курил.
— Попалась зерница живая!—
В усы сам себе говорил.

Искал нерастертые зерна,
Муку разгребая рукою,—
И каждое тверже алмаза —
Что делать с породой такою!

Бросал он их в воду — тонули,
Бросал их в огонь — не горели.
Янтарные тяжкие зерна
Ни птицы, ни свиньи не ели.

На ветер их бросил, на волю.
Живите, сказал, как хотите.
Но только — добром заклинаю —
Подобных себе не родите!..

* * *

Уходить налегке бы,
Исчезать навсегда.
Ничего — кроме хлеба,
Да в бутылке — вода.

На крутом на пороге
Попрощаться с родней.
Время думать о боге —
И не спорьте со мной.

Кто меня остановит,
Кто удержит меня?
Что судьба уготовит
По прошествии дня?

Заночую — и ладно —
В придорожном стогу.
Жизнь сложилась нескладно,
Сам сложить — не могу.

По теченью, как щепка,
Все плыву и плыву,
А задумаюсь крепко —
Для чего я живу?..

* * *

Смерть нарядная сидела
За одним столом со мной,

Наполняя то и дело
Кубок радости земной.
И, достойных выбирая,
За одним столом со мной,
Подносила им, играя,
Кубок радости земной.
И сменялись поколенья
За одним столом со мной,
Осушив без сожаленья
Кубок радости земной.
Вот и вечер...
Ой ты, вьюга,
Пощади седого друга!
Как пылает предо мной
Кубок радости земной!..

БАЛЛАДА О СВЯЩЕННОМ ОГОНЬКЕ

Была заветная мечта —
Не жить в «Мечте заветной»,
Где люди выли неспроста —
От жизни беспросветной.
И он оставил свой колхоз,
А все, что мог, с собой увез.

Оставил прадедовский дом,
Весенний сад цветущий.
Стеречь усадьбу над прудом
Кобель остался злющий.
Который пал от рук воров
В один из зимних вечеров.

Забушевал чертополох,
Полынь на огороде.
Сад неухоженный заглох —
Дичает все в природе.
А в доме черти — что скрывать! —
В нем страшно переночевать...

В один из зимних вечеров,
Вернее, на закате,
Который был весьма багров,
Огонь зажегся в хате
И допоздна ходил-бродил,
В народе слухи бередил.

Я тоже видел огонек —
Фонарика, свечи ли? —
Но не переступал порог:
Бояться научили...
Никто не заходил в тот дом
Над вечереющим прудом.

Никто не знает до сих пор —
А что такое было:
От глаз людских таился вор,
Нечистая ли сила?
И даже милиционер —
И тот пускал коня в карьер!..

Но ежегодно — раз в году,
Вернее, на закате,—
Летают огоньки в саду,
Потом мелькают в хате.
Душа порхает мотыльком,
Живым пугливым огоньком?

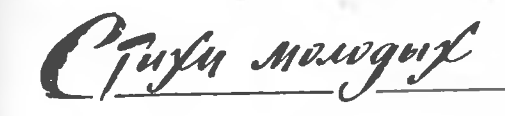
Наверно, тот, кто вдалеке
По прошлому томится,
В последний час —
Душа в тоске —
Под отчий кров стремится
Пред тем, как высший судия
Возьмет в небесные края...

Душа!..
Что знаем мы о ней,
Чего о ней не знаем?
Роится множество огней —
Как мотыльки сгораем...
На свет из тьмы!
На свет из тьмы.
И продолженье света — мы...

Горит священный огонек
У каждого в судьбе ли?
Кто вовремя проснуться смог,
Кто не успел — отпели...
Для чужедальней стороны
Горит огонь его вины...

Орел

Сергей ВАСИЛЬЕВ

КЛЕНОВЫЕ ВОЛНЫ

СЕНТЯБРЬ

Согнулся упрямый позвоночник созвездий лета.
Сентябрь золотым шеломом зачерпнул в Орловщине
росу;
Правая нога его уперлась в рокот Тихого океана где-то,
Левая — по колено скрылась в Сибири, в кедровом лесу;
Голубые ресницы его чуть подернулись пеплом мороза,
Задушевная тайна — скрывается в теплых глазах...
Распустилась зачем-то в саду запоздалая роза.
Может быть, для того, чтоб воскреснуть в осенних
стихах?

* * *

Над волнами зеленого клена
Сокол плавно кружил
в свитке тончайшей лазури.
По окраине плоскости склона
Одинокая туча плыла —
отголосок прошедшей бури.
Я стоял на вершине холма,
и протяжно густой благовест
Заутрени Иосифо-Волоколамского монастыря
Разливался гармонией звуков окрест
Под тихой рукою
задумчивого звонаря.

Москва

Наши публикации

В 1990 году наш журнал уже знакомил читателей с творческим наследием замечательного русского писателя Вс. Н. Иванова, невольно оказавшегося в Харбинской эмиграции, затем добровольно вернувшегося в Советскую Россию в 40-е годы. Его художественный очерк-портрет П. А. Столыпина вызвал читательскую почту с пожеланием к дальнейшему представлению творчества Вс. Н. Иванова на страницах журнала, что мы и выполняем, публикуя очерки «Финал русской интеллигенции» и «Власть земли». В них автор запечатлел революционное время и его атмосферу, — увы, созвучные нашему времени и нашей нынешней атмосфере, когда Россия снова подвергнута коренной ломке социальных и национальных традиций, когда простой человек-труженик низведен до нуля, а посредственная журналистика возведена едва ли не на Олимп мирового Властвования.

Очерки * Вс. Н. Иванова знаменательны тем, что своей актуальностью они служат предостережением от поспешного соглашательства с новой надуманностью «красивой жизни» — в ничегонеделанье, в огульном охаивании и отречении от накопленного трудовым человеком опыта.

Вс. Н. ИВАНОВ

ФИНАЛ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Недавно появившееся в «Последних новостях» «Письмо из Москвы» об интеллигенции в эмиграции — скрытый под псевдонимом И. А. наговорил эмиграции много неприятных вещей. И не нужна-то эмиграция, и Россия ее «не примет», и Россия «ее боится» и т. д. и т. п.

Эти разговоры пошли довольно круто и вызвали известные «гадания», которым предаются зарубежные талантливые фельетонисты:

— Любит Россия эмиграцию, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет?

И так далее. Должно, однако, сказать, что, во-первых, кокетливое одергивание эмиграцией своих одежд перед возвращением «туда» должно почесться несколько преждевременным. Ощипывание маргариток — дело изящное, но к моменту решительно не подходящее.

— В такие времена, как наши, чеховские настроения не подходящи.

Какие же подходящи? А вот какие. Те, которые характеризуются волевой насыщенностью. Серебряковское профессорское (Дядя Ваня) — ах, господа, дело надо делать, дело! — не годится для наших дней. Эмиграция должна ясно и отчетливо понять, что в то время, покамест она странствовала по городам и весям, иногда даже не без приятности, — в революционной России-то самой кипела как-никак, а волевая работа.

Революция пробудила волю, в самом народе, вот что мы должны помнить. Правда, воля эта манифестировалась чрезвычайно бурно, нелепо, разражалась в эксцессах, но все же это были запасы человеческой русской энергии, проявлявшиеся тем эффектнее, чем более были заострены полюсы социальных противоречий. Большевизм потому именно брал верх, что его руководители умели своими бросаемыми лозунгами раскрывать массивы этой накопившейся энергии. И если эта энергия была направлена на гражданскую войну, то есть на борьбу против определенных реальных классов — то только потому, что первичным опорным психологически понятным движением народа всегда является тенденция гипостазировать, воплощать в определенное лицо причину раздражающих неурядиц...

— Долой виновников государственного нестроения! — кричал бунтовавший в 1917 году народ. — Долой представителей старого режима!

И собственно, только внутреннее темное, чудовищное убеждение, что это *справедливо* — заставляло русский народ совершать все те жестокости, все те зверства, которые он совершил. Даже матросы, бросая своих офицеров в воду, — были убеждены, что это «справедливо».

Внушил ли кто им, были они в этом убеждены — это уже второстепенно.

Волевое напряжение первых дней революции осталось в народе в дальнейшем; именно это напряжение характеризует собой большевистский режим. Делать, делать во что бы то ни стало!

Развертываются грандиозные планы, опьяняющие участников известной поэзией творчества. Планетарные размеры разных электростроев захватывают дух. Индустриализации должна быть такой, что должна переплюнуть все существующие государства. Армия должна быть такая, чтобы быть могучее всех... Это ли не программа?

Оговорюсь, что я здесь имею в виду не то скрытое лукавство, которое отмечает выбрасывание таких лозунгов со стороны власть имущих, а народное то убеждение, что власть действительно кипит волей и энергией. А такое убеждение, конечно, есть. Как-никак, а надо сознаться в том, что большевистская власть импонирует народу своей кипучестью, которой совершенно не замеча-

* *Иванов* Вс. Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932.

лось в контрреволюционных выступлениях. В контрреволюционных выступлениях до сей поры замечалось лишь одно:

— Злорадство тому, что у революционеров ничего не удавалось, а затем, при захвате власти, слишком подчеркнутый рачий ход назад на всех парусах.

А между тем нужно забыть и думать теперь — отнять у народа пробужденную волю к действию. Народ, преимущественно крестьянин — никогда больше не откажется ни от своей воли, которую будил в нем еще Петр Аркадьевич Столыпин, ни от своего мужичьего деятеля. Как сжатая стальная пружина наполнена стремлением расправиться и прыгнуть, так напряжен и натянут мужик стремлением работать, то есть стремлением, которому не может дать удовлетворение никакая диктатура.

И если эта воля — есть сила, то мы стоим перед российской действительной демократией. Работать, работать, работать, — вот на что направлена воля народа.

Да, но работать-то не по-серебряковски.

Если эмиграция будет заниматься ощипыванием маргариток, — конечно, она может это делать на Лазурном берегу и в садах Версаля, где угодно, тогда вывод ясен:

— Не любит!

Если эмиграция будет основывать свою работу на старом классовом принципе своего прирожденного превосходства, командирства и руководительства, опирающегося на старый авторитет, на чины, звания и так далее, — то из этого тоже ничего не выйдет.

Но если эмиграция сумеет связаться с подлинными внутринародными линиямв, если она действительно теперь «пойдет в народ», что столь неудачно было проделано в 80-х годах — то она будет принята отлично, но еще с тем практическим жизненным опытом, который она приобрела от своих испытаний, от поучительных массовых странствований по чужим странам.

Эмиграция должна поставить себе задачу служить мужику, а не руководить им. Со стороны внутрироссийского мужика (употребляю это слово в собирательном смысле) должно прийти то инстинктивное здоровое чутье, которое всегда руководит народом в его соборности.

Народ не может быть увлечен окончательно и бесповоротно в пропасть, и если его государствоведы убежали за границу или служат «чистой науке» — он сам и без них построит то государство, которое ему нужно. Построит по-пчелиному, по-муравьиному — вслепую, инстинктом.

Вот тут-то и понадобится интеллигенция, чтобы устранить эту слепоту, чтобы помочь тому, что должно прийти. Потеряв свои

права на руководящее значение свое, в качестве теоретической изыскательницы путей, интеллигенция должна напитаться внутриродовым, стихийным русским чутьем, чутьем земли, и через это самое стать национальной, потому что национализм — это внутреннее чутье, чутье связи, родства, голос крови и голос жизни, связывающий отдельного человека с его родом и государством.

Мужик и его мужичий царь строили Российское государство, и духом их строительства, лукавым, смелым, житейско-сильным, и в то же время — высокоблагочестивым должна наполниться русская интеллигенция. Тогда решение маргаритки, оборванной где-нибудь в Люксембургском саду или на берегу Сунгари, будет:

— Любит!

Интеллигенция должна на себя взять подвиг — идти в батраки к мужику, и должна иметь мужество сознаться — что в своих поисках правды государственной, в борьбе новых строев, практически, в этих изысканиях — мужик далеко превзошел ее. А главное — он превзошел ее в том, что он, мужик, хозяин земли.

И вот этому-то мужику, царственно сидящему на земле, любящему ее, молящемуся ей и небу, почитающему Николу Угодника, обходящего поля, — должна служить интеллигенция своими суперфосфатами, тракторами, севооборотами, малыми и большими индустриями, радио и газетами, и прочими мудростями, не нарушающими, а усовершенствующими ход природы.

— Смирись, гордый человек! — вот теперешняя задача интеллигента; смирись и смотри, как справляется покамест без тебя, зарубежный житель, покинутый всеми обманываемый русский мужик, ищущий помощи только у Бога... Смирись и, пока не поздно, — приди и поклонись мужику в ножки и скажи:

— Ваше степенство! Ты, брат, мной командуй, что надо делать, прикажи, чему тебя надо учить, вразуми, как надо говорить... А я тебя научу разным заморским штукам, которыми ты и правь, потому что ты Хозяин!

Кончится тогда городская интеллигенция, выращенная из пыльных известковых Подъячевских улиц Питера, вскормленная бессонными ночами над западными начетчиками, и пахнет землей, хлебом и медовыми лугами облеченная в разум воля, русская энергия.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

Вероятно, я никогда не забуду этой сцены.

Я в сообществе некоторых других преподавателей Пермского

университета бродил с мешком за плечами в окрестностях Перми, взыскуя питания. Было это летом 1918 года...

И вот в одной избе, куда мы зашли с предложением «мены» каких-то остатков одежд, мы смотрели на кипящий на столе самовар, на разные шаньги и ватрушки, лежащие и красовавшиеся вокруг, а разговаривали с невидимым нам хозяином всех этих благ.

Хозяин этот вальяжно лежал на полатях, и нам зримы были только две босые ноги, да поднятые колени в штанах «фантази», раньше нас сменивших какого-то обладателя визитки на носителя косоворотки.

Мы просили продать хлеба, а лежащий на полатях нам категорически, не стесняясь в выражениях, отказывал:

— Самому нужно! — говорил он. — На что мне деньги — вон две бутылки керенок закопано, куда ко псу!

Мой коллега, проф. В., извлек из мешка какое-то помятое дамское платье.

— Ну вот вам вещи! — конфузливо сказал он. — Платье!

На полатях послышалось шевеление, и на секунду показалась лохматая голова:

— Ну, нешто нам сгодится! Нет! Не надо!

— А что ж вам надо? — в голос спросили мы.

— Зеркало, — отвечал голос с печки. И прибавил:

— Больщо-о-ое!

Но зеркала у нас не было, мы вышли и побрели дальше, смотря на предуральские прохладные угоры, залитые солнцем и зеленым пихтачем...

О, это был большой удар для нашего самолюбия...

— Мерзавец! — шептал проф. В., милейший, добрейший человек. — Нет, каков тон...

И после небольшого молчания прибавил презрительно:

— Муж-ж-ж-ик!

Да, но факт оставался фактом.

Мужик оставался там в натопленной избе (была уже осень), его ждали шаньги и прочая снедь, а мы, два «барина», или, если угодно, два интеллигента, с мешками на плечах шагали по угорам.

Изба принадлежала мужику накрепко, он жил в ней, а в городе у нас была «квартира», за которую мы платили ничего не стоящими бумажками, были семьи, которые и снабдили нас этими мешками, была «наука», и были фотографии с «итальянских мастеров»...

На пароход в город мы опоздали, потому что не нашли ночью лодки на небольшой речушке, которую нужно было переехать, и потому ночевали в заброшенной барке, которую выбросил на луг

разлив Камы, жались от утреннего холода, и хотя милейший В. рассказывал любопытные тонкие анекдоты о рассеянности графа Велиегорского, известного композитора, я никак не мог забыть той иллюстрации к происшедшему в России, которую показала мне жизнь:

— Зеркало бы!

В чем был смысл этой картины?

Да в том, что, несмотря на свою «необразованность», этот мужик оказался в положении лучшем, нежели наше.

Образованность говорила о народной правде, о справедливости, о братстве народов, и в результате крестьянин, ехавший значительно тише, — оказался значительно дальше... Он, как-никак, живет. Он связан не с переменчивым разоренным обществом с внутриклассовыми взаимоотношениями, которые подвергаются «ломке», а с прочной землей, на которой он сидит, на которой разложен его очаг, и накрыт кровом. И этот занятый человеком пункт на земле и есть собственность, начало культуры, откуда давно мы ушли, и куда мы свалились теперь обратно, разрушив известные «надстройки».

Одним словом, эта ночь двух бездомных интеллигентов в пустой барке — оказалась великолепным семинарием по теории земельной собственности, как ячейки гражданской общины, по Фюстель де Куланжу.

О, я завидовал, прямо завидовал этому самому мужику. Вот где хозяин, строгий и грозный. Лежит себе на своей земле.

А мы что? Мы — дачники!

Эмиграция была до некоторой степени единственным следствием невозможности такого положения вещей; и когда интеллигенция ушла — к мужику обратились коммунисты с рационалистическими предложениями:

— Социализм — это учет... Все, что производит мужик, — должно быть переписано (против этого мужик ничего не имел) и должно быть отдано на построение фабрик — этих храмов безбожного общества (это не могло встретить одобрения мужика ни в коем случае).

Мужик встретил отбирающего хлеб коммуниста не более почетно, чем встречал нас, приносивших ему вещи. И если коммунист по своей неделикатности и стаскивал мужика с теплых полатей, то все же — это не вело к улучшению отношений.

Интеллигентский город был мягок и простодушен, и от него кое-что перепадало мужику. Коммунистический город стал тем чудовищным поглотителем, которого никак не накормишь, причем он ничего не давал мужику, кроме громких фраз.

Справиться с этим городом было потруднее, потому что свой брат «бедняк» давал городу указания за известный процент, что и у кого можно отнять, но мужик справился:

— И теперь Сталин стоит перед лежащим на полатях мужиком и просит дать хлеба, предлагая «индустрию»:

— Зеркало бы я взял! — слышится лениво с этих полатей.

И естественно, что начавший поход против каждого хозяина и хозяйства на земле пролетариат должен уничтожить и этого хозяина:

— Сначала для этого были карательные экспедиции, а потом кол-хозы и сов-хозы... Вместо дома, очага, земли проектируется создать «фабрики» зерна, семью заменить клубом, а дом — смрадным логовом для ночевки земельного люмпен-пролетариата.

Пока что мужик все же возлежит на своих полатях, и по-прежнему не топлены квартиры в городских домах, по-прежнему они переполнены, по-прежнему в городе нет ни настоящей жизни, ни настоящей деятельности... Все попытки вертеть мужиком встречают решительный и почти космический отпор:

— Повторяется еще раз дело Коперника. Не мужик ходит на помочах у интеллигентных социальных мечтателей, реформаторов, революционеров, а все они в своем существовании движутся вокруг мужика.

Земная ось, земная ось,
Проникает мир насквозь!..
И тут ничего не поделаешь.
Смирись, гордый человек!

Разлив революции вымыл фигуру мужика из-под разных напластований исторической чепухи. И из земли стали выпирать очертания его гигантской фигуры, как из какого-нибудь яра могучего Енисея выпирает иногда туша допотопного мамонта.

Оказалось, что та политика, которая создала Русское государство и которая состояла в закреплении земли при помощи крестьянства и создания в последующем русского общества на его основе, — приобретает достоверность убедительную и потрясающую. «Крепостное право было теми лесами, при помощи которых была выстроена Россия», — писал Данилевский («Россия и Европа»). Но нужен был опыт, чтобы убедиться во власти земли и в том, что шатущим пролетаризированным элементом никакого государства не создашь. Мужик всегда прикреплен к земле, как гвоздь, вбитый в тес, и если государство — есть в старом языке — земля, то это государство держится на мужике.

И как нам ни обидно было терпеть вышеупомянутое «заушение фактом» в тот сентябрьский ясный день под Пермью, все же ясно, что тот только правит землей, кто сидит на земле.

Если возможно было то огромное недоразумение, которое произошло в революции, то только потому, что слишком далеки были между собой эти два слоя — мы с проф. В. — с одной стороны, и мужик в штанах «фантази», задравши ноги возлежавший на полатях.

И если рабочий тоже пришел к мужику с требованием кормить его, то только потому, что интеллигент спровоцировал на это рабочего, уверив его недалекий, доверчивый ум, что-де «веления науки» таковы.

Интеллигенция врала на науку, ошалевший от сверкания машин темный рабочий поверил интеллигенту, и они «начали творить новую жизнь»...

А жизнь — увы! Стара, стара, как мир! Стара, как Библия...

— В поте лица ты ешь хлеб твой! — сказала Библия.

В поте — от земли, от труда над ней. Земля — материя, которую должен преодолеть труд человека. Тогда получится культура. И даже то, что необходимо для индустрии, — то тоже произведено недрами той же земли. Земля — везде и повсюду. Она неотвратима, как неотвратим голод тех, кто с ней в ссоре, как неотвратим холод тех, над кем нет крова.

Власть земли — страшная власть, власть вседержащая, хотя и темная, грубая, нелепая, как ноги в штанах «фантази» валяющегося на полатях мужика.

Но жизнь — хотя и груба, но права. И когда я слышу по поводу моей прошлой статьи о «Финале интеллигенции» горячие возражения, на ту гордую тему, что как-де, мол, «я да буду кланяться мужику»? — я могу сказать только одно:

— Немало горьких минут я сам пережил в ту холодную ночь в бараке, слушая утонченно-изысканные наивные анекдоты под мерцание крупных осенних звезд... И я ясно принимал, что прибавь этому человеку, мужику, сидящему на земле и работающему над ней, то, что мы считали только достоянием «интеллигенции», то есть известную долю воспитания, гражданских обязанностей, сознания своей силы и своего долга перед родиной — прибавь нам загодя больше превалирующего внимания к нему, к его нуждам, а не к красотам «итальянских мастеров», не к «прогрессу демократии на западе», не к «достижениям русского балета», не к «Руссо и французской революции», — не были бы заострены так противоречия, выбросившие тогда нас с проф. В. на ночевку под барку, не теряли бы теперь мы бесплодно нашего времени в нудном эмигрантском житье-бытье за то, что мы пренебрегли властью земли.

Публикация С. ЯКИМОВОЙ

Петр ЛАНИН,
доктор исторических наук

ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ИСТОРИИ

МАСОНСТВО В ЕГО ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

О масонстве — братстве «вольных каменщиков», якобы ведущих свое происхождение от средневековых мастеров строительного искусства, — существуют два мнения, трудно совместимые друг с другом: одни считают его безобидным клубом, неким благотворительным обществом; для других оно — вредная секта не без еврейского влияния, виновник всех бед на свете. Третья, пожалуй, наиболее многочисленная часть современников, не знает о масонстве вообще ничего.

Большинство энциклопедий на всех языках склоняются к первому мнению. Историки, как правило, делают вид, будто явление под названием «масонство» им неизвестно. Что же касается второго из упомянутых мнений, то весьма обширная литература этого направления слывет реакционной, и ссылаться на нее считается в хорошем обществе неприличным.

До революции наши властители умов по причинам, которые прояснятся в дальнейшем, склонялись к варианту «безобидного клуба». В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Франкмасонство» говорилось, что оно «задается целью нравственно облагораживать людей и объединять их на началах братской любви, равенства, взаимопомощи и верности». Точно так же и немецкий Брокгауз наших дней отмечает, что «каждый масон обязуется стремиться к правде, человеколюбию, самокритике и терпимости», что все они всегда верили в Бога и были «обязаны подчиняться властям и законам своей страны», что движение это давно распространено во всем мире, но «тайным» оно отнюдь не является. «Энциклопедия Британика», называя масонство «скорее искусством, чем орденом», поясняет, что, имея скрытые ритуалы, оно является «обществом с тайнами, но не тайным обществом».

Однако многие были об этом благонамеренном клубе иного мнения. Выступая перед избирателями (20.9.1876), британский премьер Дизраэли заявил: «Правительства нашего века имеют дело не с одними только другими правительствами... но и с тайными обществами, которые по сей день в состоянии аннулировать любые

соглашения. Они имеют повсюду своих агентов, без колебаний прибегающих к убийствам и способных, если им это нужно, вызвать массовую резню». Современник Дизраэли, глава католической церкви в Англии, кардинал Маннинг, выразился не менее ясно (1.10.1877): «Ходом происходящих событий управляют не императоры, короли или иные правители. Есть нечто, стоящее над ними и позади них, и оно покажет свое лицо в тот момент, когда армии всей Европы окажутся втянутыми в громадную войну. Революция, тайно действующая в подполье, сочтет этот момент подходящим, чтобы выйти наружу».

Сказанные за 40 лет до первой мировой войны, эти слова и сегодня представляются заслуживающими внимания.

Главы католической церкви, от папы Климента XII в 1738 году до Льва XIII в 1902 году, охарактеризовали масонство в 17 буллах и энцикликах как богоборческую секту, действующую с целью подрыва религии, уничтожения христианства и разложения государственного и общественного порядка во всем мире:

«Эта секта является сатанинской, проповедуя учение, повторяющее грехопадение Люцифера...» (булла «In eminenti» папы Климента XII от 28.4.1738).

Люцифер — ангел, отпавший от Бога и борющийся с ним, воплощение зла, он же сатана, дьявол и т. д. Просвещенный современник возразит: все это сказки для малых детей, кто же верит в черта? Боссюэ (1624—1704), один из самых блестящих христианских мыслителей и публицистов Франции, сказал как-то: «Самым ловким трюком дьявола было убедить нас в том, что его не существует».

ТАЙНА ХРАМОВНИКОВ

С начала своего существования христианство столкнулось с ожесточенным сопротивлением иудаизма. Первыми попытками его уничтожения — как всегда, чужими руками — были доносы римским властям на опасных еретиков, якобы не признающих власти цезаря и пьющих (в обряде причастия) человеческую кровь. Несмотря сначала на сотни, а затем многие тысячи распятых, сожженных и растерзанных зверями на потеху цирковой толпы, уничтожить новую веру не удалось (...)

Ислам, укрепившись к VIII веку на североафриканском побережье, атаковал христианскую Европу. Еврейский шпионаж сыграл решающую роль при первом вторжении в Испанию в 711 году, и мавры смогли завоевать громадную территорию. Заняв город, они поручили управление евреям, и смогли двигаться в полном составе дальше, не оставляя гарнизонов. Восьмисотлетнее арабское иго в Испании фактически было еврейским; недаром еврейские историки по сей день называют эпоху Сефарад — еврейское название Испании — «золотым веком» своей нации.

Лишь в новом тысячелетии окрепшая Европа смогла начать контрнаступление. Разгар борьбы креста с полумесяцем приходится на XI—XIII века — эпоху необычайного религиозного подъема в Западной Европе, нашедшего выражение в семи крестовых походах для отвоевания Святой Земли и Гроба Господня. К тому времени Ближний Восток был завоеван сельджуками — варварским племенем

тюркского происхождения, выходцами из Туркестана, вероятно иудаизированными в хазарском царстве и затем принявшим ислам; Европа знала их под собирательным именем «сарацинов».

Силы противников были примерно равны: мусульмане настолько же превосходили крестоносцев числом, насколько уступали им в военном искусстве. Главной их слабостью было неумение сражаться в пешем строю. Когда орда полуголых всадников без седел и стремян, вооруженная кривыми саблями и ятаганами, разбивалась о стену закованных в латы рыцарей и расстреливалась в упор лучниками и арбалетчиками, уцелевшие разлетались на все четыре стороны. За рыцарями шла пехота в кольчугах и шлемах, выдерживавших не один сабельный удар, умевшая закрепляться на местности. Через три года после начала первого крестового похода был штурмом взят Иерусалим (1099). При приближении крестоносцев евреи, с разрешения мусульманских властей, вырезали всех христиан вместе с патриархом. По взятии города их согнали в синагогу и сожгли вместе с ней; это не забывает упомянуть ни один еврейский историк, предпочитая не распространяться о причинах погрома.

Перспектива завоевания Северной Африки и Ближнего Востока христианами ставила под угрозу все до тех пор достигнутое, и «князья изгнания» (еврейское правительство) заседавшие в Кордове, приступили к диверсии в тылу крестоносцев. Вовсе не случайно период религиозного подъема в христианской Европе (XI—XIII вв.) совпадает с расцветом антихристианских ересей. Все эти катары, вальденсы, альбигойцы носили «жидовствующий» характер и возникли на юге Франции и севере Испании, где еврейство селилось в большом числе, занимая, благодаря своей сплоченности, деньгам и попустительству светских властей, господствующее положение. Еврейские историки не только признают, но даже подчеркивают решающее влияние евреев в южнофранцузских ересях (Louis Israel Newman, «Jewish Influence in Christian Reform Movement», Columbia University Press, 1925, p. 131—299). «Второй фронт» в Европе оттянул немалые силы с Востока: против альбигойцев пришлось посылать крестовый поход. После разгрома ереси граф Раймонд Тулузский и 13 баронов, обнаженные до пояса, каялись в грехах на эшафоте, обещая исправить свою вину (12.6.1209); одним из обязательств было уволить всех евреев и не допускать их впредь к делам управления.

Диверсия в тылу сопровождалась ударом в самое сердце христианского контрнаступления — разложением рыцарского ордена тамплиеров, или «храмовников». Этот орден был основан в 1119 году девятью французскими рыцарями, как первая в военной истории служба тыла, снабжения и санитарного обеспечения на отдаленном театре войны. Вступавшие в орден приносили обет целомудрия, послушания и бессребреничества. Король Бодуэн Иерусалимский отвел им место возле церкви Гроба Господня на территории бывшего Соломонова храма, разрушенного римлянами в 70 году по Р.Х., — отсюда происходило латинское название ордена: Pauperes Commilitiones Christi Jemplique Salomonici (Нищие Христовы Соратники Соломонова Храма). На печати ордена были изображены два рыцаря верхом на одном коне: собственная лошадь превышала то, что дозволялось иметь тамплиерам.

Для снабжения и обслуживания крестоносцев и паломников орден должен был заняться торговыми операциями, неизбежно столкнувшись с евреями. Выступать в чужой стране их конкурентами было делом безнадежным, нужно было с ними сотрудничать. Помощь с этой стороны не давалась даром, и это стало началом конца ордена. Через евреев «храмовники» вошли в связь с загадочной сектой «ассасинов», в руководстве которых некоторые историки видят остатки потомков евреев, ушедших в подполье после разгрома Иудеи римлянами. Эта секта воевала и с мусульманами, и с крестоносцами, ее агенты были повсюду, политические цели — неясны, а методы действия — убийства, на которые посылали одурманенную гашишем молодежь. «Ассасин» происходит от «гашишин», по-французски usesse до сего дня означает просто «убийца». От них тамплиеры переняли характерную с тех пор для всех тайных обществ систему степеней посвящения, причем цели, открываемые высшим из них, имели мало общего с тем, что сообщалось низшим.

Сотрудничество с евреями — не только на Востоке, но и во всей Европе — приносило ожидаемые плоды: в кратчайший срок «нищий» орден превратился в богатейший банкирский дом. Во Франции у него было до двух тысяч комендатур, ему принадлежали более 9000 укрепленных замков и не менее 2 миллионов гектаров земельных владений; в Париже ордену принадлежало без малого полгорода. Даже папы и короли были у него в долгу. Когда Людовик IX Святой попал в 1250 году в плен к сарацинам, за него заломили чудовищный по тем временам выкуп в 25 000 ливров золотом; ни одно государство тогдашней Европы не могло собрать такой суммы в нужный срок. Королевский сенешаль обратился к казначею «храмовников» — даже не в их парижском центре, замке Тампль, а в Аккре, на другом конце света: для виду поторговавшись, казначей выложил требуемую сумму наличными (Louis Charpentier, «Les Mystères templiers», Paris, 1967).

На поле брани деятельность ордена была менее благотворной. В 1148 году Дамаск был потерян из-за измены тамплиеров; укрывшийся у них египетский христианский принц был выдан врагам за 60 000 золотых; в 1166 году двенадцать «храмовников» были повешены за сдачу сарацинам крепости на Иордане. В 1187 году султан Саладин смог взять Иерусалим; в поражении была немалая вина ордена. Учитывая его тесное сотрудничество с еврейством в Европе, где он располагал постоянно мобилизованной армией в 30 000 рыцарей, сосредоточив у себя несметные богатства, трудно сказать, во что вылилась бы в дальнейшем деятельность этого государства в государстве, если бы, как это часто бывает, большое дело не сорвалось на мелочи.

В 1305 году в Арагоне некий Эстье де Флуаран ожидал казни за какое-то преступление. Сидел он вместе с другим смертником, бывшим тамплиером. Оба исповедались друг перед другом. Рыцарь рассказал, о чем знал и в чем участвовал сам в бытность в ордене: отречение от Христа и осквернение распятия при приеме новых членов, педерастия и сатанизм в виде поклонения отвратительной голове полукозла, получеловека, по имени Бафомет. Флуаран, запомнив эти сведения, сумел добраться до короля Якова II Арагонского, который освободил его от наказания, наградил и отправил в Париж, к королю Франции. Филипп IV Красивый, располагая аналогичными данными из других источников, отправил в

различные комендатуры храмовников 12 молодых дворян, приказав вступить в орден и докладывать ему обо всем виденном и слышанном. Сведения Флуарана подтвердились, и король разослал губернаторам запечатанные пакеты с приказом вскрыть их в определенный день и действовать согласно указаниям. Ранним утром 13 сентября 1307 года во всей Франции были арестованы около 3000 высших чинов ордена. Следствие продолжалось почти 7 лет, закончившись разгромом ордена и казнью его руководителей.

Любопытно, что до наших дней «заинтересованные круги» утверждают, что, уничтожив орден, король присвоил его богатства, признания же арестованных были добыты под пытками. И то, и другое — сказка. Казна тамплиеров бесследно исчезла, а следовательно, король не мог ею воспользоваться. Что же касается пыток, то инквизиция применяла ее, чтобы заставить признаться уже изобличенных преступников: по каноническому праву, осуждение не могло состояться без признания вины. Это относилось не только к тамплиерам, но и к процессам «марранов» (лжехристиан, втайне исповедовавших иудаизм), к бесчисленным в средние века делам по обвинению в ритуальных убийствах христианских детей. Все материалы процесса тамплиеров сохранились, и недостатка в признаниях нет: многие рыцари были явно рады очистить совесть от греха. Гроссмейстер ордена Жак де Моле под давлением улик без всякой пытки признал и отречение от Христа, и надругательство над распятием, а после нескольких дней запирательства признал и педерастию, к которой принуждали рыцарскую молодежь; циничным «оправданием» было, что обет целомудрия распространялся лишь на отношения с женщинами. Капеллан ордена, шотландец Джон де Стокс показал, что однажды гроссмейстер спросил его, что изображает распятие; в ответ на слова, что это Христос, отдавший жизнь на кресте для спасения человечества, он услышал: «Ты говоришь неправду, это — сын подозрительной женщины и ложный пророк, казненный за то, что он выдавал себя за сына Божия». Это дословно повторяет то, что говорится о Христе в Талмуде.

Руководству тамплиеров грозило пожизненное заключение, и 18 марта 1314 года Жак де Моле и три «визитатора» ордена должны были публично покаяться в грехах. Неожиданно все четверо отказались от своих показаний, назвав обвинения против ордена ложными. Этим они осуждали себя на казнь, как вновь впавшие в ересь. Без закулисного давления их поведение представляется тем более необъяснимым, что ничем помочь ордену они уже не могли: за два года до окончания процесса он был предан анафеме и запрещен папской буллой. Историки видят разгадку в существовании внутри ордена второй, скрытой иерархии, стоявшей над его официальными представителями. Вечером того же дня все четверо были сожжены. С высоты костра Жак де Моле проклял папу и короля, обещав первому смерть в течение сорока дней, второму — в том же году. Папа Климент V умер на 37-й день в мучениях, явно от яда; смерть короля последовала в ноябре от паралича, то ли от падения с лошади, то ли также от отравления. Мучительной смертью заплатил и руководивший следствием королевский канцлер Гильом де Ногаре; казначей и соправитель Агерран де Мариньи был в следующем году оклеветан и кончил жизнь на виселице. С сошкой помельче расправились

проще; Флуарана зарезали, двух других повесили. Серия неожиданных смертей всех причастных к процессу, разумеется, не случайна. Медицины в ту эпоху не существовало, знахарство же было монополией евреев, учившихся ему у арабов. Списки евреев, состоявших лейб-медиками при великих мира сего, заняли бы целую книгу, жизнь пациентов была в их руках, тем более что никаких возможностей доказать преступление, при отсутствии судебной медицины и криминалистики, не было. История располагает по этому поводу любопытным документом несколько более позднего времени: в ответ на жалобы Арльских (Южная Франция) евреев на притеснения иудейский «князь изгнания» (переехавший к тому времени из Кордовы в Константинополь) писал в циркулярном послании еврейским общинам Европы: «...Что же касается покушений на вашу жизнь, то делайте ваших детей врачами и аптекарями, чтобы они могли лишать жизни христиан». Это не совсем обычное толкование профессии врача датировано 21-м числом еврейского месяца Кислев (ноябрь—декабрь) 1489 года и подписано инициалами «князя евреев в Константинополе» (Copin-Albancelli, «La Conjuration juive contre le monde chrétien», Paris, 1909, p. 362).

Исчезновение казны тамплиеров показывает, что скрытое руководство ордена было предупреждено и смогло вовремя принять меры. Если бы казну просто спрятали, она рано или поздно нашлась бы; ее исчезновение свидетельствует о наличии разветвленного финансового аппарата, способного скрыть у себя любые суммы. Такой аппарат имелся в ту эпоху лишь у еврейства. Помимо казны, не смогли найти, несмотря на усиленные поиски, также и голову «Бафомета», о существовании которой рассказали десятки арестованных. Известно, что эта ранняя «святыня» масонства находится в настоящее время в тайном храме масонского «Верховного Совета Мира», в городе Чарльстоне (штат Южная Каролина, США) вместе с черепом и пеплом Жака де Моле.

Закончим тамплиерскую эпопею на том, что племянник Жака де Моле Жан де Лонгви возглавил ушедший в подполье орден, поклявшись отомстить монархии и папству. Тайные гроссмейстеры ордена известны по именам вплоть до XVIII века, когда эта организация растворилась в масонстве, в его современной форме. Историку трудно пройти мимо бросающегося в глаза факта: блестящая до тех пор во всех отношениях история Франции сменяется столетием войн, внутренних раздоров и разорения. Все три сына Филиппа Красивого не процарствовали в общей сложности более 14 лет; в 1328 году создавшая Францию династия Капетингов прекратила свое существование. Англия заявила права на французский престол, в ходе Столетней войны враг занял Париж, один из королей Франции (новой династии Валуа) умер пленником в Лондоне. Цвет французского рыцарства погиб в сражениях под Креси (1346), Пуатье (1356) и Азенкуром (1415), страна была разорена междоусобными войнами герцогов, мятежами купцов и ремесленников в Париже, крестьянскими восстаниями («жакерии»).

Понадобилось чудо, чтобы спасти Францию. Меч в слабой руке неграмотной крестьянской девушки воскресил рыцарский дух нации, вернул престол королю и изгнал чужеземцев из страны. Через 24 года после подвига Жанны д'Арк под Орлеаном (1429), несмотря на предательство и ее смерть на костре в Руане (1431), страна вновь была объединена под французской короной.

ЗА КУЛИСАМИ РЕФОРМАЦИИ

Следующим испытанием христианской Европы стала эпоха духовного и политического раскола, вошедшего в историю под именем Реформации. Она связывается, главным образом, с именем августинского монаха и богослова из Саксонии, Мартина Лютера, однако он был далеко не единственным «реформатором» и даже не самым главным; за ним и рядом с ним стояли и действовали более значительные силы и люди, в руках которых он был лишь марионеткой. Все реформаторские, направленные якобы на «улучшение» христианской церкви, ереси были «жидовствующими», то есть превозносили иудейский Ветхий Завет в ущерб христианскому Евангелию, обращались к еврейскому духовному наследию (Талмуду, Каббале), доходили до пропаганды еврейских законов и собранных в Талмуде, подчас поражающих варварской бессмысленностью, правил еврейского общежития; для всех «реформаторов» характерно также тесное общение с еврейством. Цитированный нами Ньюмен видит в Реформации прямое продолжение «жидовствующих» ересей катаров, вальденсов и альбигойцев: «Импульс мятежа был пересажен в другие страны»; «Те силы, что достигли своего апогея в протестантской реформации XV и XVI веков, были приведены в движение в XI, XII и XIII столетиях, проложив путь великим ересям внутри христианства, разделившим единую до того церковь на враждующие лагеря». Автор не скрывает, что это были за «силы» (с. 435): «Реформаторы поддерживали личные связи с еврейскими деятелями и еврейскими общинами в своих странах; еврейские организации активно и открыто участвовали в возникновении и распространении движения». Такими свидетельствами полна вся книга Ньюмена, еврейский автор видит в духовном расколе Европы похвальное «достижение» и рад воздать должное евреям за участие в нем.

Роль аппарата связи и пропаганды играло тайное общество «розенкрейцеров», непосредственных предшественников масонства. Лютер состоял в нем и, не принадлежа ко дворянству, сочинил себе герб с розой и крестом на рыцарском щите — символы розенкрейцерства. В книге «Зогар» еврейской Каббалы (иудаистская философия, в отличие от талмудистской практики) читаем, что Роза — символ еврейства; роза на кресте или крест, составленный из роз, — символ еврейского господства над христианством. В тени действовали более опасные лица. Ближайший друг и советник Лютера, Меланхтон, прилагал ревностные усилия к иудаизации христианской веры и видел идеал не в Христе, а в Моисее (Ньюмен, с. 617). Его подпись стоит под т. н. «Кельнской хартией» 1535 года, которую можно считать первым документом современного масонства. Из этой «хартии» явствует, что самое позднее с начала XIV века (разгром тамплиеров имел место в 1314 году!) в Европе активно действовала разветвленная подпольная организация с мистической доктриной, сочетавшей вавилонское манихейство (ересь III века о «сосуществовании» добра и зла, Бога и сатаны) с еврейской Каббалой. Целью организации было разложение христианской религии и основанной на ней государственности, с установлением «универсальной» религии, объединяющей все верования, от язычества до люциферианства (культ сатаны). Не лишено интереса, что эта «хартия» хранилась в еврейской «матери-ложе» в Амстердаме, основанной, как указывается в том же документе, в 1519 году.

Мартин Лютер обо всем этом, по-видимому, не имел понятия, питая иллюзии насчет обращения евреев в «улучшенное» им христианство. Само еврейство было иного мнения: «...Евреи видели в Реформации знак скорого прихода их Мессии». Неудивительно, что «в эпоху Реформации евреи с большим интересом относились к протестантской литературе» и «распространяли труды Лютера вплоть до Палестины», а то время как «амстердамские марраны распространяли писания Лютера в Испании, дабы сломить господство католичества» (Ньюмен, с. 628—629). Просветление нашло и на Лютера, хотя с опозданием: «В годы 1523—1536 ему постепенно стало ясно, что его мечта об обращении евреев была обречена на неудачу; к своему ужасу он узнал, что вместо принятия христианства евреи переводят христиан в свою веру, особенно с помощью движения «субботников» в Моравии» (с. 620). Его иллюзии окончательно развеялись, когда в Виттенберг, где он был ректором университета, приехали три еврея — Шмарья, Шломо и Лев (фамилий у евреев тогда не было) — и, «высказав удовлетворение тем, что христиане теперь столь усиленно питаются еврейской мудростью, выразили надежду, что в результате Реформации все христиане перейдут в иудаизм». Лютер был огорошен; начав с трактата «О том, что Иисус Христос был рождан евреем» (1523), он кончил трактатом «О евреях и их лжи» (1546), в котором требовал, если евреи сами не сожгут Талмуд, сжечь их вместе с их книгами.

Однако трубить отбой уже было поздно. Реформация развязала новое столетие ересей, мятежей, войн и революций, в котором христиане уничтожали друг друга, на потеху общему врагу. Нидерландская революция (1630) была ударом по ненавистной евреям Испании; Тридцатилетняя война (1618—1648) залила Европу кровью, обошедшись одной Германии, по одним данным, в $^{2}/_{3}$, по другим, в $^{9}/_{10}$ ее населения. Не успела на континенте закончиться резня между протестантами и католиками, как в Англии разразилась давно подготовлявшаяся революция, в которой как идейные предпосылки, так и источники финансирования выявились с полной ясностью. Ветхозаветная идеология вдохновляла не одного только вождя революции, Оливера Кромвеля, и современного ему поэта Мильтона, в эпосе которого «Потерянный Рай» сатана (Люцифер) выглядит гораздо более убедительным, чем Господь Бог, но и все бесчисленные секты, на которые немедленно раскололся протестантизм. Кроме идеологии, однако, любой революции нужны деньги: их дал Кромвелю главный раввин Амстердама Манассия бен-Израиль; ответной услугой должно было быть возвращение евреев в Англию, откуда их изгнали еще в 1290 году. Переписка с Кромвелем хранилась в одной из голландских синагог (в Мюльгейме) и была опубликована в 1921 году. Указания из Голландии, датированные 16 июня 1647 года, предписывают убийство короля Карла I Стюарта — к тому времени уже пленника кромвелевской солдатни, — поскольку при короле евреи в Англию допущены не будут. Казнь Карла I (1649), возвращение евреев в Англию (1656) и «Славная революция» (1688), заменившая католическую династию Стюартов голландско-масонской кликой принцев Оранских, превратили Англию в опорный пункт международного капитала, государство, действующее якобы в национальных, в действительности же

в интернациональных, еврейских интересах. Как резонно замечает современный английский исследователь Дуглас Рид («Спор о Сионе»), «ответ на вопрос, кто победил в борьбе Кромвеля со Стюартами, гласит: евреи».

Само собой разумеется, что и последний акт английской драмы, через 30 лет после смерти Кромвеля, был оплачен из того же кармана. Для экспедиции в Англию Вильгельма III Оранского гаагский еврей Исаак Лопес Суассо, потомок испанских «марранов», выложил громадную по тем временам сумму в два миллиона крон (Cecil Roth «A History of the Marranos», Philadelphia, 1932, с. 306). Немалая часть этих денег оказалась у Джона Черчилля, командующего армией короля Якова II Стюарта, посланной навстречу голландцам: вместо того, чтобы атаковать противника, будущий герцог Марльборо перешел на его сторону. В биографии своего предка Уинстон Черчилль предпочитает на этом эпизоде не задерживаться.

Превращение Англии в центр международного масонства на базе еврейского капитала создало условия для осуществления давно задуманной мести Испании за изгнание евреев в 1492 году. Хотя во всей Европе не было страны, из которой бы это племя не изгонялось по нескольку раз за последнее тысячелетие, однако в Испании, как мы уже отмечали, еврейское господство было совершенно исключительным, а его потеря особо чувствительной. В течение 800 лет еврейство фактически владело загнанной в подполье христианской страной, мусульманские завоеватели которой передали ему управление и, главное, распоряжение налогообложением. Однако и в той половине Пиренейского полуострова, который мавры покорить так и не смогли, еврейство создало себе привилегированное положение, прибегнув к трюку, неизвестному до тех пор в мировой истории: переходу для виду в чужую веру с целью завладеть управлением страной, что Талмуд не только разрешает, но и рекомендует, если это идет на пользу еврейству. Цитированный выше профессор истории в Оксфорде Сесиль Рот пишет: «К концу XIV столетия в Испании для евреев создалось совершенно новое положение. Наряду с теми евреями, которые открыто исповедовали иудаизм, существовало громадное число выкрестов, насчитывавших несколько сот тысяч... Большинство из них... остались евреями, какими они были всегда. Внешне они жили как христиане. Своих детей они носили для крещения в церковь, но, вернувшись домой, спешили смыть следы этой церемонии... Они основывали общества с внешне христианскими целями и под покровительством католических святых, но лишь как прикрытие для своих ритуалов... Социальное и экономическое преуспевание конвертитов и их потомков было феноменальным. Юстиция, администрация, армия, университеты, даже сама церковь были наводнены недавними новообращенными, более или менее сомнительной искренности. Они без малого полностью господствовали над Испанией. Самые богатые породнились с высшей аристократией. В течение немногих поколений в Арагоне не осталось почти ни одной аристократической фамилии, начиная с королевского дома, которая не была бы запятнана еврейской кровью. Почти все важные должности при дворе были заняты выкрестами или их детьми. Таково же было положение и в Кастилии» (с. 19—21).

Как это всегда бывало в их истории, евреи перегнули палку. Инквизиция была создана в первую очередь для борьбы с марранизмом, разросшимся до размеров национальной катастрофы. Народ ненавидел марранов хуже чумы. Кастилия, Леон и Арагон стояли накануне всенародного погрома, при котором не поздоровилось бы ни дворянству, ни королевской власти. Не приходится удивляться, что гром-таки грянул: «30 марта 1492 г., в отвоеванной у мавров Альгамбре, испанская королевская чета (Фердинанд и Изабелла Католические. — П. Л.) декретировала изгнание всех евреев из всех своих владений — величайшую еврейскую катастрофу в средневековой Европе» (р. 52).

Перебравшись со всеми своими капиталами за пределы Пиренейского полуострова (из Португалии их изгнали в 1496 году), главным образом в Голландию, и поголовно вернувшись к своей истинной вере, бывшие марраны повели против Испании ожесточенную войну в мировом масштабе. Современный испанский историк (Хулио Каро Бароха) свидетельствует: «Они оказывались всюду, где испанской мировой империи могла грозить опасность. При дворе (английской королевы) Елизаветы; в окружении королевы-матери (Екатерины Медичи) во Франции; в Антверпене — главном штабе восставших (против Испании) Нидерландов; у великого султана на Босфоре. Они действовали дальновидно и без колебаний, и так скрыто, что историки долго не могли обнаружить врагов Испании, не нащупав тесных связей между всеми этими лейб-медиками, банкирами, военными поставщиками, судовладельцами в столицах и портовых городах всего мира, не заметив сети высокого напряжения, растянувшейся на тысячи миль, связывавшей всех и заряженной непримиримой ненавистью к Испании и инквизиции. Ставшие в наше время известными, необозримые материалы государственных архивов не оставляют сомнений в активном участии бывших выкрестов в уничтожении испанского мирового могущества. Неправда, что Испания «обеднела», изгнав евреев, как это любят теперь утверждать, — в XVI и XVII веках ее одолела детально рассчитанная, хладнокровная тактика сгоравших жаждой мести марранов» (Julio Caro Baroja, «Los judios en la Espana moderna y contemporanea», «Hochland», 1964, № 4).

Антииспанский поход закончился в XIX веке латиноамериканскими революциями, из которых ни одна не была, как пишется в учебниках истории вплоть до наших дней, «восстанием народных масс против иноземного владычества». Это были всего лишь мятежи креолов-рабовладельцев против церкви и короны, мешавших им эксплуатировать индейцев и африканских рабов. Все без исключения герои этих революций, именами которых названы города и страны — Боливар, Сан-Мартин, Сантандер, Миранда, Идальго, Итурбиде и др., — были масонами, деньги шли из Лондона. Государственные гербы латиноамериканских республик, народные массы которых с тех пор не вылезают из нищеты, потрясающей распущенности нравов, коррупции «верхов», генеральских путчей, войн и революций, полны масонских эмблем с непременной пятиконечной звездой — масонской пентаграммой, преддверием к исполнению судеб человечества под шестиконечной звездой Давида.

ЛОЖИ ВЫХОДЯТ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

К XVIII веку антихристианский заговор в Европе мог считать свои позиции в достаточной степени укрепленными. После того

как Испания сошла со сцены в качестве великой державы, противником и очередным объектом мировой диверсии оставалась Франция, сумевшая под укрепившейся королевской властью преодолеть религиозный раскол и выйти на первое место, как великая держава и культурный центр Европы. Однако Реформация и эпохи «Возрождения» и «Просвещения» подорвали авторитет церкви и заложили в умах сомнения в необходимости религиозного обоснования светской власти. Заодно и сама церковь, умело подталкиваемая, чтобы быть «в ногу с веком», сделала все необходимое для собственной дискредитации; роскошь и безрелигиозность «верхов», скептицизм и формализм салонных аббатов создавали духовную пропасть между властью и народом, неизвестную в средние века. Явись сейчас Жанна д'Арк — ее не приняли бы в Версале.

Эпицентром всех потрясений и генеральным штабом мировой диверсии продолжала оставаться Англия. 24 июня 1717 года, собравшись в трактире «У гуся и вертела», четыре масонских ложи объединились в Большую Ложу Англии; значение этого события — исключительно в том, что веками действовавшая в подполье мафия нашла теперь возможным выйти на поверхность. Все энциклопедии мира делают вид, будто бы эта дата — день рождения современного масонства. То, что это не более, чем дезинформация, явствует хотя бы из того, что царь Петр I, например, был посвящен в масоны за 20 лет до того, в том же Лондоне, во время своего посещения Англии в 1698 году; «крестным отцом» его был гроссмейстер британского масонства, сэр Христофор Рен. Вернувшись в Россию, Петр «реформировал» Русскую Православную Церковь на чисто протестантский лад, превратив Ее в орудие светской власти и упразднив византийскую традицию «симфонии» — сотрудничества и совместной ответственности за народ и государство Царя и Патриарха, власти земной и власти небесной. Он же основал первую русскую масонскую ложу, собиравшуюся в Сухаревой башне для «всешутейших и асепьянейших соборов» — темное пятно в облике великого реформатора и лишнее свидетельство антицерковной направленности масонства в России, впрочем, как и во всех странах.

С поразительной быстротой — свидетельствующей о наличии двух предпосылок: денег и опытной агентуры — масонские ложи распространились по всей Европе, продолжая оставаться в прямом подчинении «матери-ложи» в Англии. Помимо военного и политического шпионажа, главной их задачей была пропаганда «терпимости», «свободы мнений», «плюрализма», саодившихся, в конечном счете, к отказу от принципов, правды и истины, открывая, под флагом «терпимости», дорогу любой лжи и ереси. Как видим, все это не потеряло актуальности и по сей день, ясно показывая, что наступление на остатки европейско-христианской нравственности, культуры и государственности ведется оттуда же, что и 200 лет назад.

Во Франции, павшей первой жертвой революции нового типа — социального переворота, — число масонских лож превышало 700, а их членов насчитывалось десятки тысяч, в большинстве, разумеется, глупцов, не знавших, кому и чему они служат. Настоящее руководство осуществпял вне Франции «орден внутри ордена» (рецепт, зарекомендовавший себя со времен тамплиеров), известный под назвением «ордена Иллюминатов», созданный в Баварии

неким Адамом Вейсгауптом. Программой «иллюминатов» было полное уничтожение Церкви и религии, семьи и нравственности, собственности и государства — как видим, лозунги, не чуждые также и нашей эпохе.

На международных масонских конгрессах в Вильгельмсбаде и Франкфурте, в 1782 и 1786 годах (делегатом от России был граф Строганов) разрабатывался план революции и убийства не только французской королевской четы, но и шведского короля Густава III, убежденного противника как масонства, так и революционной демагогии. Людовик XVI и Мария-Антуанетта погибли на эшафоте, шведский король был застрелен на придворном балу масоном графом Анкастремом, а когда революции стала грозить опасность со стороны австрийского императора (брата Марии-Антуанетты), был устранен и он: дама в маске на дворцовом балу угостила его конфетой, от которой он в ту же ночь скончался.

Что касается самих революционных событий, то монбланы лжи, которая громоздится по этому поводу, способны вызвать головокружение. Но постараемся сохранить присутствие духа. В штурме Бастилии, 200-летнюю годовщину которого с такой помпой праздновало недавно правительство Миттерана, из восьмисоттысячного населения тогдашнего Парижа участвовали всего около 800 человек, которым платили по 12 франков в день, перевозя их из одного конца города в другой. Никакого штурма, разумеется, не было: когда был спущен подъемный мост, толпа ворвалась в крепость, перебив четырех офицеров и большинство солдат-инвалидов, чьи головы затем носились по Парижу на пиках. Освобожденных «Жертв тирании» было ровно семь человек: четыре фальшивомонетчика, двое опасно сумасшедших и некий граф де Солаж, посаженный по ходатайству собственной семьи за участие в «отвратительных преступлениях». Через неделю после «штурма» маркиз Лафайет, герой двух революций (американской и французской) и, разумеется, масон, с некоторым удивлением заметил: «Невидимая рука управляет народом. Чем ближе рассматриваешь актеров и оружие этой катастрофы, тем больше находишь во всем этом скрытого и тайного. Похоже, что чем дальше, тем будет хуже». Маркиз не ошибся, и скоро стало действительно много хуже. Сменивший его Робеспьер тоже с удивлением сказал своему другу, якобинцу Амару, совершенно то же самое: «Похоже, что какая-то скрытая рука толкает нас далеко за пределы того, что мы хотим делать. Каждый день Комитет Общественного Спасения делает именно то, что он накануне решал не делать. Есть какая-то клика, действующая на его погибель, и невозможно распознать, кто ею управляет». Выступая в якобинском клубе, тот же Робеспьер с завидной откровенностью заявил: «Весь французский народ против нас. Наша единственная опора — парижане». На что его коллега Дефие возразил: «Не будьте так уверены. Если бы можно было устроить тайное голосование, — от нас и в Париже не осталось бы и следа».

Современники говорили об английском золоте, управлявшем событиями, а премьер-министр Вильям Питт назвал сумму в 24 миллиона фунтов стерлингов, истраченных им «на революцию во Франции». Лорд Мансфилд, выступая в палате, сказал, что «деньги, затраченные на разжигание революции во Франции, были хорошим помещением капитала». При анализе сложных по своему характеру событий, часто бывает полезно вспомнить одно из пра-

вил римского судопроизводства при установлении виновных: cui bono — то есть кому данное преступление могло пойти на пользу. Размышляя о причинах революции, известный французский автор, еврей Бернар Лазар, написавший одну из лучших в мировой литературе книг об антисемитизме, должен был признать: «Легко понять, что после всех потрясений, вызванных революцией, люди склонны были возлагать отвтатственность за разрушение старого строя на евреев. Когда по окончании бури они оглядывались вокруг, то больше всего их удивляло положение еврейства. Вчера еврей был никем, не имеп ни прав, ни власти — сегодня он блистал в первом ряду. Он не только был богат, но мог быть избирателем и управлять страной. Именно он выгадал от происшедших социальных изменений, похоже, что и трон был опрокинут, и европейские войны были развязаны единственно для того, чтобы еврей получил гражданские права, и даже декларация прав человека выглядела всего лишь как декларация прав евреев. Если евреи до такой степени выгадали от революции, если она принесла им такие выгоды, то значит они ее и подготовили, или, выражаясь точнее, способствовали ей всеми своими силами» (Bernard Lazare «L'Antisémitisme», Paris, 1969, p. 118—119).

Конечно, Лазар пишет всего лишь, что «люди так думали», однако, странным образом, у него не находится аргументов, чтобы опровергнуть столь «реакционный» образ мыслей. Можно ли считать такое умолчание знаком согласия? Лазар писал свою книгу за 25 лет до русской революции; думается, что если бы он дожил до нее (умер он в 1903 году, в возрасте 38 лет), ему пришлось бы быть осторожнее в своих суждениях. Его книга и без того — вплоть до последнего переиздвния очень консервативным издатепьством в 1969 году — считалась бесследно исчезнувшей с книжного рынка.

Окончание следует

Владислав ХОДАСЕВИЧ

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА*

Если б было нам дано
Все моря вместить в одно —

Вот бы вышел океан,
Вот бы встал над ним туман!

Если б разом волшебство
Превратило в одного

Всех людей из разных стран —
Вот бы вышел великан!

Если б только мы могли
Изо всех дерев земли

Сделать дерево одно —
Вот бы высилось оно!

Топоры бы все собрать
Да в один топор сковать,

С рукояткою одной, —
Вот бы был топор большой!

Если б этим топором
Это дерево потом

Подрубил бы великан
Да столкнул бы в океан —

Вот ужасный был бы треск,
Вот бы громкий вышел всплеск!

Публикация Владимира ЦЫБИНА

---

* Это стихотворение Владислвва Ходасевича, вольный перевод с английского, было опублнковано в русском журнале «Перезвоны» в № 10 за 1926 год, издававшемся в Рнге. Позже стихотворение не переиздавалось.

Очерк и публицистика

Игорь ДЬЯКОВ

РУССКОЕ ДЕЛО

> За годы перестройки русских стало меньше на 8 миллионов.
>
> *Из газет*

Более полувека назад была написана книга «Россия в концлагере». Иван Солоневич, столетие которого у нас никто не собирается отмечать («не тот» эмигрант — не Бердяев, не Солженицын, а — опасный), писал именно о всей России, а не об «архипелаге», и был прав. Многое ли изменилось с тех пор? С этими мыслями я приехал на древнюю ростово-суздальскую землю в марте 1991 года, когда «перестройка» уж совсем пошла демократическими метастазами разрухи и дефицита, забастовок и локальных кровопролитных войн.

...Анатолий Козлов, слесарь высшей квалификации, показывает великолепно изданную «Книжку покупателя» (тираж 1,6 млн. на гербовой бумаге, цена 20 копеек). Здоровому мужику на месяц положено: 200 г масла сливочного, 250 г — растительного, 300 г печенья или пряников, 600 г макаронных изделий, на 300 рублей промтоваров. Каждая маломальская покупка, будь то сухой кисель или носки, отмечается в этой книжке продавцом, ставится дата покупки. И горькой иронией наполняется надпись на рублях и пятерках: «Государственные казначейские билеты... обязательны к приему на всей территории СССР во все платежи для всех учреждений, предприятий и лиц...» Анатолий Козлов, человек с золотыми руками, превративший свои пять соток в рай земной, унижен и оскорблен. Он — в концлагере и считает, что это концлагерь не «исправительно-трудовой», а по уничтожению русского народа. Он показывает мне вырезку из московской газеты со статьей Галины Литвиновой: «...вымирание русских идет с таким ускорением, что скоро и ассимиляция не поможет скрыть убыль населения».

Николай Васильевич Грешневиков, крестьянин и плотник, недавно вышедший на пенсию, человек в высшей степени образованный: он успел до войны закончить всего два класса, и потому яд образованщины не убил в нем природного здравого смысла. Николай Васильевич отлично помнит и сознает смысл целенаправленного удушения деревни. Запреты на косьбу и ограничения домашнего скота, закрытия школ и магазинов, людоедские «нормы» на медицинское обслуживание (сейчас один врач «положен» на 800 человек, один фельдшер — на 150 голов скота). Он помнит горы хлеба на целине, помнит, как совсем еще недавно, в середине 70-х, спешили изо всех деревень занять очередь в заготконтору, чтобы сдать мясо по полтора рубля килограмм. Помнит, как, «выдавленный» налогами, уезжал последним из деревни Редкошево в поселок Борисоглебский, где теперь с тоскою посматривает из окна белокирпичного дома на мусорку под окном. Николай Васильевич если и обманывается, то несильно: совсем-то без надежды человек жить не может. Однако он вполне осознает, что наступил новый, и, быть может, последний этап уничтожения крестьянства. Власти предержащие тщательно подготовили грядущий голод и ныне заняты «раскачкой» гражданской войны.

— Не было жизни нормальной, — почти равнодушно произносит пожилой крестьянин. — И не дадут нам жить все эти ельцины-горбачевы. Народ отказывается держать скотину: комбикорма нет, хлеб — по карточкам, сухарей не насушишь вдоволь. За молоко корма выдавать перестали. Сдашь мясо — налоги дерут, да и деньги уже и по телевизору «деревянными» называют. А с чего бы? За нашим рублем — золото, алмазы, лес, нефть, прорва всего...

Правительство, которое по отношению к народу выполняет по большому счету функции надсмотрщика в сырьевой колонии Запада, держит, в свою очередь, в качестве надсмотрщиков самые разные структуры. И только ребенку, сумасшедшему или политизированному дегенерату неясно, что хаос наш в основе имеет искусно организованный саботаж. Политический флер может быть самым разным: это как спорт, занимающий чуть ли не четверть ежедневных новостей. Спорт плюс политика плюс секс плюс масскультура плюс «нетрадиционные» методы психофашизма — это и есть формула психического подавления народа.

В обществе открыто делается ставка на зло, на худое в человеке. Раскрепощенная зависть — в разделении поколений, сословий, полов, национальностей. Поощряется животность, люди вгоняются в скотообразие — и талонами, и порнографией, низводящей человека до уровня насекомого. Тонко дискредитируется все, что может вернуть или сохранить человеческий облик. Страна и люди унижаются предательской внешней политикой, очернением истории. Каждое новое поколение «отсекается» от предыдущего, обвиняемого в грехах, содеянных непотопляемыми надсмотрщиками с благословения «мировой закулисы».

А подавлять волю надо. По меньшей мере по двум причинам: чтобы оправдать существование паразитарных структур и чтобы животворная традиция не помогла воспрять России, что, к перманентному ужасу «мировой закулисы» и ее партийных (все равно какой политической партии) марионеток, все еще возможно.

— Кажут нам фермеров американских, — рассуждает Николай Васильевич, — а не говорят, что нету там ни райкомов, ни исполкомов. Вот бы их туда перенести... А через пяток лет мы будем решать, чего и почем и сколько продавать голодающей Америке...

В конце 90-го в районе 187 мужиков подали прошение на землю, сейчас — больше полутысячи. Нет, не дают! Зато сколько жиреющих на бумагах «производителей» получают нынче зарплату только за то, что с упоением и холодным презрением к народу высчитывают нормы, занимаются распределением недограбленных крох, время от времени вырабатывают стратегию, «как нам на-

кормить народ», организуют саботаж и видимость хаоса, пытают тружеников ценами, следят за демографической картиной (как бы не улучшилась), отслеживают ростки духовного возрождения и инстинкта труда, чтобы выкорчевать их или заменить суррогатом. Традиция эта давняя, идущая со времен, когда сердца наших «митрофанушек» стали принадлежать «короне французской». Холодное презрение к человеку труда, к русскому человеку в особенности (русские как нация державная и наиболее уживчивая внесли особый вклад в государственное созидание) чувствуется в речах, пространных законах, в писаных и неписаных инструкциях, имеющих хождение в коридорах власти. Невозможно представить себе, чтобы нынешние «райкомовичи», арбатовы-заславские по душам поговорили бы, скажем, с дояркой или тем же Николаем Васильевкчем: они «всего лишь» решают его судьбу и предписывают миллионам, как им жить. Но нельзя и помыслить, чтобы от взора верхних эшелонов власти, действующей как правильная масонская ложа (центр реальной власти — вне страны, его директивы превыше всего, цель — создание единого мирового правительства из элиты посвященных, разрушение христианской государственности, национального своеобразия во всех сферах...), ускользали жизненно важные «мелочи». Массовый, словно по команде, переход партийных работников в совместные предприятия и в стан «демократов» не отвлекает их от постоянного слежения за тем, чтобы реально не повышалась зарплата медицинских работников, чтобы русские женщины не хотели и не могли рожать, чтобы где-то и как-то не образовались слишком серьезные автономные существования. Поэтому ни земли, ни свободы творчества мы в данных условиях не получим. Поэтому столь двойственное ощущение у тех, кто решается на фермерство: инстинкт труда толкает к самостоятельности, сознание того, что щедрые кредиты — это возможная удавка, того, что нет гарантий, что урожай и скотину не отнимут или не задавят налогами, заставляет ворочаться ночами. Горькая дума о том, что сомнения правомерны, вяло отгоняется. Но слишком двусмысленны законы, слишком чужды вершители судеб. И нет наказаний за неисполнение законов. Нет законов о геноциде, нет статьи о массовых отравлениях, о членстве в тайных организациях. Политика государственной измены, национальной измены поощряется и всячески проводится. Молча.

...В Борисоглебском районном центре есть древний монастырь, основанный по благословению Сергия Радонежского. Еще в XVII веке в нем была типография. Еще в 1929 году — монахи. Ныне он худо-бедно восстанавливается не без активнейшего участия Анатолия Грешневикова, сына Николая Васильевича, народного депутата РСФСР, 35-летнего журналиста, уроженца этих мест, одного из троих оставшихся в живых одноклассников (тринадцать погибли или умерли «по пьяни»).

Рядом с монастырем — здание райкома-исполкома, трехэтажная коробка грязно-серого цвета. Оттуда делали все, чтобы монастырь превратился в руины и чтобы этому никто не помешал.

Что же между этими двумя «центрами» — «религиозного мракобесия» и «прогресса»?

Видеосалон, в котором, всем известно, крутят «порнуху», возник и существует с ведома и при поддержке «центра прогресса». Надо отдать должное его конкретным зачинателям: разочаровавшись в сомнительном промысле, они сейчас выращивают лук.

Что еще? Бюст Ленина, недавно поставленный за 12 тысяч рублей. В прошлом году кто-то отбил вождю нос — это стало предметом столь бурных обсуждений, что у многих возник недоуменный вопрос: что, «центр прогресса» — это обиталище языческих жрецов, камлающих у капища? Неужели бесстрастность обитателей серого здания может быть нарушена только повреждением идола, а уж никак не убогостью жизни, множащейся в вымороченной округе? Спасет ли такую партию декларированный патриотизм при полном отсутствии здорового национального эгоизма или явно взятое напрокат православие? Не принимают здесь и «демократов», узнавая в них тех же функционеров, грубо хамелеонствующих.

Газет читают мало. Из центральных более-менее популярна «Советская Россия», да и то вызывает апатичное подозрение. Слесарь Козлов, например, прекрасно знает, что здание музея Ленина, которое газета рьяно защищает от ведущего бывшего «Ленинского университета миллионов» Бунича, принадлежало Московской городской думе, помнит, что Исторический музей превращен в «молчащую шкатулку» еще до начала перестройки и что некогда здания соединялись Иверскими воротами с часовней, хранившей всероссийскую святыню. Понимает беспартийный слесарь, как и миллионы внепартийных русских людей, что́ надо защищать, что́ надо восстанавливать.

Между двумя «центрами» — торговые ряды. Молоко еще до 2 апреля — 86 копеек литр, свинина — 12 рублей, говядина — 15, колбаса — 17 и 26 рублей килограмм. Хлеб — с перебоями. Люди тихи и пока подавлены. Ко всяким политиканам относятся как к назойливым мухам.

Я видел великолепные деревни — опустевшие в годы «перестройки». Слышал жалобный стон старой колхозницы: «Кусочек маслица не привезешь?..» Говорил с прокуренными и проматерившимися мужиками, трудягами, понимающими, что гласная, хотя и широкомасштабная, политическая трескотня призвана заглушить тяжкий стон терзаемого народа. И знают, знают они, кто — палачи.

Грешневиков пару лет назад зашел в пустую деревню и в одной из изб обнаружил... гроб на столе. Это последний земледелец, не пожелавший покидать родные места, сколотил его себе, да и лег в него перед самым концом. Он был еще теплый, когда будущий депутат с проклятиями, со слезами на глазах летел к поселку, не разбирая дороги.

...Нет на земле народа более угнетенного, чем русский. И это горе всех народов бывшей Российской империи, которые только и жили, и размножались, и росли культурно при русском правительстве. При самостоянии и державной гордости. Ныне жалкие фигляры без национальности говорят от имени народа, гибель которого они призваны обеспечить и «прикрыть», — «мировая закулиса» в своей давней зловещей игре против России и русских народов (от юкагиров до великороссов, от калмыков до эстляндцев) распечатала очередную колоду крапленых карт.

В этой колоде есть и черные, и красные масти. И как тут не посоветоваться с читателем: можно ли привлечь к ответственности Президента за оскорбление чести и достоинства поста Президента? Так извалять в грязи звание главы государства!.. Впрочем, без Ельцина, который для того и создан, Горбачев был бы лишен

громоотвода в виде явно абсурдной «левизны», демонстрируемой Борисом Николаевичем.

Россия в концлагере... Вас шокировало это словосочетание? Но возьмем наугад лишь некоторые, ставшие привычными, приметы нашей жизни.

Красавицы, заносимые в каталоги шейхов, сдаваемые под благовидными предлогами в бордели почти на наших глазах. А мы не испытываем ничего, кроме жадного любопытства — «что им подарили?».

Мальчишки, бросаемые в пекло искусственно раздуваемых распрей без права защищаться; бросаемые в лагеря по ничтожным поводам, в детдома, нищетой доведенные до лагерной кондиции.

Несчастные «несуны», которыми прикрывается тотальное ограбление страны, росчерком пера осуществляемое холеными дядями.

Удушение изобретательства, продажа (раздача) изобретений и мозгов (не пропагандной эмиграцией, а официально, через вузы), затем покупка своих же изобретений, но ТАМ запатентованных.

Медицинская помощь, слишком локальная, слишком смахивающая на циничное экспериментаторство (Чернобыль, реабилитационные центры).

Американские бройлеры, считающиеся на родине несъедобными, при сознательном подрыве птицеводства; гноимый ради импортных закупок хлеб; развал табачной, вино-водочной, легкой промышленности и автомобилестроения ради сбагривания залежалых товаров с Запада.

Поощрение преступности — ковка кадров «шестерок», «челкашей», нового люмпен-пролетариата, потенциальных палачей.

Промзоны, похожие на выгребные ямы и отстойники; вымороченные леса, протравленные поля, загубленные тромбами и вредными сбросами реки, — это ли не лагерные пейзажи?

Толчея за баландой в нескончаемых очередях; многократная и изнуряющая регистрация по поводу и без повода — бюрократические пытки а собесах, ЖЭКах и прочем.

Пропорции квартир — гнетущие, контуры домов — подавляющие своей унылостью, не говоря о хибарах, цистернах, бараках, в которых живут миллионы. В то же время — архитектурные монстры административных зданий, «центров культуры», несовместные с нормальной психикой.

Абсурдная система школьного и высшего образования, созданная для того, чтоб «меньше понимали», чтобы не выросла национальная элита, способная жить и работать на благо своего народа, способная защитить его от порабощения и геноцида.

Западомания, слишком смахивающая на приручение; языки, преподаваемые за редким исключением на заведомо низком уровне, достаточно лишь для того, чтобы понимали примитивные команды «хозяев». Западомания на фоне готовности раздать страну кусками, на фоне легкости, с какою преступаются внешнеполитические интересы страны.

И, конечно, «увод» из-под ног сырья. Стали и чугуна, леса и нефти, золота и бриллиантов — с помощью подавления собственных технологий добычи и обработки... Довольно? Довольно.

Россия в концлагере... «Мировое сообщество» ее, что называется, в упор не аидит. Это естественно: оно-то руками «шестерок» и убивало Россию в 1905, 1917, 1921, 1933, 1941 годах, пытается добить сегодня.

98 процентов населения СССР живут за чертой бедности, получая меньше 1000 долларов в год (в среднем 180). Где «положенная» тревога и помощь ООН? Где осуждение правительства, бойкот со стороны радетелей всемирной справедливости? Нет и быть не может. ООН — видимая часть давно действующего мирового праaительства, чьи клыки только-только обнажаются. Там прекрасно осведомлены о нашем положении, в которое мы, ослепшие к 1917 году, и попали, подталкиваемые транснациональным поводырем. Там скорее будут обсуждать проблему строительства ватерклозетов в Бурунди, нежели геноцид против русских народов в конце XX века.

В отличие от «демократоидов» там знают истинную цену нашего рубля, нашей одаренности, знают наши потенциальные возможности, использовать которые нам изо всех сил не дают. Знают и подлинный смысл иностранной помощи «полуголодному советскому населению» — за наш же счет.

...По крепкому насту, по широкому полю шел я к дому своего друга Володи Мартышина, съехавшего из Москвы с женою и тремя детьми и поселившегося в деревне. На задней стороне дома на солнышке грелась коза, россыпью лежали недавно распиленные-порубленные дрова. Дом-красавец жил новой жизнью. Некогда он принадлежал «кулаку», сгинувшему а Сибири. Потом здесь был магазин, потом — детский сад. Двенадцать последних лет дом пустовал и разрушался. Приехал Мартышин, не аынеся здоровой крестьянской душой московский духовный смрад, и с помощью отца возвел за лето три печи в изразцах, камин, все восстановил. Только обои по сей день отклеиваются — отсырел дом за годы бесхозности.

По комнатам, уставленным книгами, бегала беленькая козочка, норовила запрыгнуть на руки, как котенок, тыкалась везде мягкими, невидными еще рожками. Татьяна, хозяйка, который день не выходила из дому — болела, но присутствия духа не теряла: жизнь не труднее, чем в Москве, где жили в проходной комнате впятером. Разве что стиральной машины нет — без нее тяжко.

— Не представляю, — говорит Татьяна, — каково сейчас молодым семьям! Все устроилось так, что человеку не только жениться — и родиться, и помирать невозможно!

Володи дома не было, пошел я в соседнюю деревню, в школу, где он устроился учителем истории и литературы, хотя ему как непрописанному (!) не могут платить сполна — одна из многочисленных реальных уловок сторонникоа мифических общечеловеческих ценностей. Мартышин мог бы взять и другие предметы в придачу — учителей не хватает. Что там учителей! Ему и председателем колхоза предлагали, гуманитарию: асе в развале.

Школа в Ивановском, бывшем волостном центре, основана больше ста лет назад. Остатки «проклятого царизма» — руины двух храмов, крестьянские надгробья на погосте, могучие избы из бревен такого качества, которое таперь явно недостижимо. И — школа, правда, подновленная. Таких «остатков» в Борисоглебском районе, кстати, сотни. Величественная действующая церковь в Павловом Селе (была там и школа, и магазин, — все «выдавили»); шереметевская усадьба в Вощажникове (при «проклятом» было шесть мануфактур, ныне — загибающийся совхоз) — дороге булыжная, устроенная двести лет назад, по сей день «работает». И избы, избы — корабли, обеспечивавшие автономное существова-

ние, совершенно нестерпимое для власти пламенных революционеров. Села, основанные еще в XII—XIII веках, дававшие ратников на Куликово поле, вплоть до последней войны, а теперь — руины, старушки, руины... Выйдет какая-нибудь 90-летняя слепая бабка на весенние гряды, умными помнящими руками возделает свою немудреную плантацию в воспоминание о ростовских знаменитых огородниках и о хлебе насущном, прислушается полуглухим ухом своим к шумам века — и снова в избу, к печке. А из шумов самые громкие — мопедные-мотоциклетные. Это молодежь в видеосалон летит-гремит, облепленная «лейблами». Летит мимо изб, которые почти ненавидит, мимо пустующих полей, которые почти постылы, мимо покрытых лаком каменных Красных Шапочек (40 тысяч рублей штука) и дебильных мишек (60 тысяч рублей). Вот и связь времен...

Ивановское помнит, как ВСЕ ЭТО начиналось. И колокола сбивали. И «кулаков» на чистую воду выводили. И с красными знаменами у погоста «первомаили».

И ВСЕ ЭТО хоть и слабее, но длится. В соседней деревне еще один москвич поселился. И вскоре пошли жалобы письменные: почему свет ночами долго горит, почему встает поздно, за водой не вовремя ходит? Находятся те, кто злорадствует, что-де москвич пусть без талонов покрутится. За Попова мстят. А поджигателям того и надо: нашу нутряную неизжитую гнусь мобилизовать для очередной усобицы. В Борисоглебском пятерым солдатам коробки спичек без талонов не выдали: не положено. А с другой стороны — выдашь, продавщицу свои же заключают: не положено ж?! Так нас и расщепляют.

И дело в целом-то не в национальности — в человеках. Потому с подозрением относишься и к распаляемому кое-кем антисемитизму, и к русофобии, теми же руками пестуемой. Хотя надо сказать: сегодня степень интеллигентности определяется не отношением к евреям, как это с тяжелой руки Горького принято талдычить, а отношением к русским. В связи с этим — попутный вывод: хваленая интеллигентность прибалтов, грузин и молдаван на деле — отвратительное фарисейство. События последнего времени еще ой как скажутся на остатках совести русофобствующих. Мегафонно-кровавыми подписями закрепляют они в истории свою пещерную суть. Подыгрывая Горбачеву, «демократы» и «диссиденты» идут по пути разрушения, членения, надругательства над Россией и русским народом. Большевик Сахаров, большевик Ландсбергис — у них в спальнях бюстики Ленина, верно, стоят. Кто поднял вопрос о целостности Союза в мирное время, да еще перед посевной, объявил референдум? Зачем, ведь исход ясен? Чтобы трактовать его как всенародный призыв к партии: спаси!

— Свиньи давят поросят, — сказал Мартышин печально. — Народ стоит в очереди за поросятами, а дежурить у свиноматок некому, вот и выбрасывают каждый день дохленьких десятками...

Я застал его в школе за деланием стенгазеты, но больше всего его волновали поросята. А действительно, не важнее ли заинтересовать скотников и обеспечить жизнь поросяткам, нежели гундеть о всяких «измах», следить за «борьбой» Ельцин — Горбачев? Как бы улучшилась наша жизнь, если бы те тысячи, если не десятки тысяч парламентариев отправились дежурить к свиноматкам своих краев?! Мечты, мечты...

Одноэтажная школа была тиха. В просторной рекреации стояли

гимнастический конь, бревно, брусья. Стены были оформлены «должным образом»: гигантский рисованный портрет Ленина, набор красочных открыток «Жизнь Ленина».

— Это присылают? — спросил я, разглядывая ядовитый и по краскам, и по сути лубок.

— Присылают, — ответил Володя кисло, почесав всклокоченную черную бороду. — А я, знаешь, как-то и не замечаю... Впрочем, тут есть кое-что более интересное.

Он подвел меня к шкафам, стоявшим в той же рекреации. Они были набиты книгами: хрестоматии, «Чтения», учебники. Мы наугад полистали. Если Пушкин, то не «Отцы пустынники...», а «Сказка о попе и его работнике Балде». Если Чехов, то «Палата № 6», если Лермонтов, то «Демон». Если история — то львиная доля «после 17-го».

— Все по-прежнему? — полуспросил я, отмечая про себя годы выпуска — 89-й, 90-й...

— И везде картинки и рассказы о Ленине...

А вокруг — неописуемая красота дворцов, храмов, изб, хотя и полуразрушенная, но величественная, но родная. В монастыре всем даже снаружи видны настоящие цепи преподобного Иринарха, русского святого, перед которым не смог не преклонить колени идущий на Москву католик Сапега. Прялки, колокола, самовары, наличники, дворы, коньки, все — жизнь, все — свое, родное. Все тихо ликует в своей нетленной самобытности, и если и умирает, то с достоинством, которое само по себе поучительно.

Здесь строили избы «под хозяина». Печи уникальной архитектуры. Изготавливали всемирно известную финифть, чудесные изразцы. Выращиаали такие овощи и столько, что крепостные крестьяне порой ворочали сотнями тысяч, в то время как их владельцы протирали штаны в чиновном Петербурге, похаживая в «модные» масонские ложи и почитывая «демократические» журнальчики, убивавшие мозг и душу.

Даже нестарые люди помнят, сколь многочисленны были стада черно-пестрых коров, романовских овец, сколь грибными — леса, потому что в лесах — косили. А запретили косить — все и заросло, и грибов по сравнению с прежним аременем — кот наплакал.

И вместо всего этого, вместо тысячелетней истории (в этих краях жили финно-угорские племена, не дай Бог прослышат — вернутся и потребуют суверенитет), вместо богатства — искусственная нищета. Талоны. Пьянство. Ругань. Запустение.

— Я и стараюсь, — говорит Мартышин, — чтобы поняли ребятишки, что у них, кроме пиписки, есть еще органы, а то аедь идеология перестройки не признает остальных органов, в том числе и голову на плечах...

С его энергией действительно можно спасти хотя бы несколько детских душ. Зашли в закуток — фотолабораторию устроил.

— А там, — указал на железную дверцу под замком, — игры, компьютеры. Только никому ни до чего нет дела. Приходят учителями 20-летние девчонки, сами недавно школу окончили, уже «перестроечные».

Действительно, подумалось мне, тем, кому в 1985-м было десять, — уже шестнадцать, кому было пятнадцать — уже двадцать один. Целое поколение выросло в зловонной атмосфере плюрализма, то есть относительности Добра и Зла, вседозволенности, ломки

последних традиционных представлений о чести, порядочности, достоинстве. Бедные наши младшие братья-сестры!

Но не все. Те, кто инстинктивно потянулся к микроскопическому в общем потоке плюрализма добру, жадно за него «ухватился». Володя рассказал, как старшеклассники зачитывались Евангелием, как мальчишки, до того, кроме драк, ничего не знавшие, потянулись за москвичами-поселенцами, начавшими обучать фотографии и боксу, танцам и песням, как упоенно ставили маленькие спектакли, праздновали Рождество и Масленицу. Даже в Москве, этом новом Вавилоне, сколько юных лиц видишь на концертах духовной музыки, на крестных ходах. На одном из них, кстати, у часовни, поставленной в преддверии воссоздания храма Казанской Божьей матери на Красной площади, было много, много юных — не озлобленных, но просветленных, воспринявших сокрытую боль Отечества, скорбь Отечества, воспламененных надеждой на истинное возрождение Отечества. И если нам, тридцатилетним, не говоря о более серьезных «возрастах», приходилось продираться сквозь обветшавшие, но многочисленные декорации то «ужасов», то «радостей» к подлинным радостям и ужасам, то более молодые, ведомые инстинктивной прозорливостью, в ком она хоть в малой мере сохранилась, — шли более короткими путями.

...Стенгазету доделывали дома, пройдя отмеченный вешками путь через поле. Дети Мартышина лазали по полу, высунув старательно языки и сталкиваясь лбами с деревенскими мальчишками, только что освоившими печатную машинку. Козочка норовила внести свою лепту, ее отгоняли, но не доглядели, как слопала она фотографию. Глядя на эту мирную картину, не хотелось думать о неприятном, но радиоприемник взахлеб вещал о ратификации договора с Германией, а из окна видна была ржавая звездочка на одном из домов напротив: это значит, с войны сюда не вернулся солдат, погибший за Россию, которую нынче с восторгом распродают ее новые хозяева.

— Стараюсь переводить уроки на «мирные» рельсы, — говорит Мартышин, провожая меня на автобус Углич — Ростов Великий. — А то что ни стих — бор-рьба, смерть, безумие, что ни герой исторический — то Разин или Пугачев, бойня, виселицы. О созидании так мало...

— А что делать с «после семнадцатого»? — спросил я.

— Здравый смысл если пробудился — сами ко всему приходят.

— К чему, например?

— Тогда расшибли Россию ради светлого будущего всего человечества, теперь — точно так же — ради общечеловеческих ценностей, общеевропейского дома, нового мышления, всемирной перестройки. Цена — Россия. Их жизни. И наши... Так что изучать историю можно, в окно глядючи да в «ящик», которого у меня, слава Богу, нету.

Да, но главное, по-моему, в том, насколько даем мы распуститься злому внутри нас. Чем его больше, тем легче и быстрее сбить нас с панталыку, стравить, обескровить. Рецепты того, как этого достичь, выработаны давно. На этот счет мы изучены и исчислены врагами России и русского народа. Заклятыми, непримиримыми, расчетливыми врагами.

А записные политики, политологи, экономисты и прочее, выпятив презрительно губу в своем «народном депутатстве», тщательно блюдут эти рабовладельческие «заповеди», прекрасно понимая, что

если в стране будут проводить политику в соответствии с интересами Толи Козлова и Николая Васильевича Грешневикова, Мартышина и его и крестьянских детей, — им, этим кичливым, сознательным и бессознательным марионеткам «мировой закулисы», будет нечего делать. А так как они уже многое натворили, то придется и ответ держать. Не а стиле «перестройки» — номенклатурно перемещаясь или отделавшись неясными укорами «президента», а по-настоящему.

Как представитель беспартийного большинства, не признающий правомерности любых политических партий, хорошо сознающий факт узурпации власти в России путем уничтожения русской государственности, я не могу признать законность всех парламентов на территории Российской империи.

Дальнейшее продолжение парламентских бдений есть живейшее доказательство абсолютной неприемлемости парламентской системы на русской почве. Дальнейшая «суверенизация» есть доказательство абсолютной необходимости единой и неделимой державы. Дальнейшее следование указаниям «мирового сообщестаа», верховенство его законов над национальными — есть непреложный признак национального предательства в особо крупных размерах. Борьба за власть, актеры-министры, журналисты-депутаты, академики-разрушители, все это — свидетельство необходимости сословно-профессионального предстаантельстаа в крупном едином совещательном органе при подлинном главе государства.

К этим выводам приходишь после общения с так называемым простым народом. И так думает подавляющее большинство здравомыслящих людей, не околдованных пропагандой «демократоидов» и «партоидов»...

Россия по-прежнему в загоне. А пастухами — представители «мировой закулисы», а в бараках надсмотрщиками — их отечественные марионетки, которые в условиях неконвертируемоcги рубля покупаются задешево. Эх, закрыть бы страну на ремонт, да без помех взяться за дело созидания, за РУССКОЕ ДЕЛО. Не дают! И не дадут, пока не перестанем по-дикарски прикупаться на асе, что обладает политическим внешним блеском.

...Ехал в ночном автобусе, и почему-то вспомнилось начало «перестройки». Что осталось из обещаний горбачевых-ельциных устроить в стране чуть ли не «сладкую жизнь»? Увы, вспомнить нечего. Жаль надеявшихся, ждавших «благ», несмотря на духовную гибкость «отцов народа».

«Лиазик» ни шатко ни валко ехал по черному асфальту, темный лес обступал дорогу, плавно изгибавшуюся. В просветах аиднелись деревеньки — аблизи и вдали, на пригорках. Остовы храмов едва выделялись на фоне дальних полей. Но вскоре совсем стемнело. И ночь наполнилась напряженной мыслью, воплощавшейся едва ли не в отчетливые формулы. Тысячи и тысячи русских хлебопашцев холили эту землю. Поколения за поколениями молились в этих храмах, рождаясь, живя и умирая не в какой-то географической точке, не в России даже, — во Вселенной. И не кратким веком человечьим жили они. Вечностью.

— Снится: река кроаью плывет, берега костьми сложены, а моста нету...

— А мой сон такой: коршун ширяет великий, ширяет и низится. И чем коршун ниже, тем росту в нем больше. И станет коршун

как туча, и вдруг небо все застит, на крылах замрет — и камнем на меня...

— А у меня сон с одним началом и до единого конца: поле колосится, ни облака, как вдруг черная туча грачей саранчою на колос села, до самой земли взялась, и заместо поля золотого — черная грачья сила...

— А я будто мальчонок с товарищами в школу пришел. А в школе немец учит по-иностранному. И что мы не так, все он в книжку записывает, а за школой пулеметом наказывают за ошибочки. И во всем сне словечка русского не слыхать — только речь его немецкая, да за школою та-та-та-та...

Сны предков наших: что ни поколение — мука мученическая. Уж ладно мы, полумолодые: без войны да в сытости какой-никакой прожили. А старикам за что в который раз лихо испытывать? А деткам нашим? Нет, длится пытка, и на них хватит. И гуляет на весь свет сытая наглая Америка, сжирает эта двадцатая часть человечества чуть не половину мировых ресурсов, пакостит на 70 процентов среду земного общего обитания и малейшее ущемление аппетита своего воспринимает как страшную опасность. И ненавидит всем своим ростовщическим умом, пластиковой душой своею тех, кто смеет желать жить, кто не позволяет грабить свои земные богатства. Адвокатская изворотливость «мировой закулисы» непримирима к «восточной схизме», все еще растворенной в народе нашем. Хочется, чтобы все покупалось-продавалось, иначе не понять ростовщику другой жизни, становится она враждебной ему, ускользает от цепких лапок его. Уж целыми народами люди согласились «быть как все», надев футляр «цивилизации». Уже чуть ли не везде «общечеловеческими ценностями» попрана совесть, а интересы желудка возведены в высшую ценность. И Европа согнулась под прессом тотальной унификации, загнала вглубь свою «самость». А Россия все еще смеет помнить себя исконную. Смеют курить на тесных кухнях, смеют невидящим взглядом вглядываться в прошлое и будущее остатние мужики, терзаемые мыслью о поруганном Отечестве, болящие болями Родины.

Талонами их, дефицитом искусственным, рублем, обессмысливающим труд! Нет, и малым довольствуются, дурни, и нейдет из головы великая Русская держава, выбиваемая из-под ног. Водкой их, пещерным уровнем медицины, выхлопными неочищенными газами, ядовитыми удобрениями, радиацией без права иметь счетчики Гейгера, тушенкой списанной, да лбами, лбами столкнуть! — пыхтит, старается «мировое сообщество», ищет и находит исполнителей сатанинских своих планов.

То и дело раздаются с концлагерных вышек предупредительные очереди, то и дело мордуют надсмотрщики изможденных людей идеологической дубинкой со свинцовой головой вождя на конце. Уходят, побитые, зализывают раны, но в глазах — непреклонность, и давно поняли каратели, что только смерть окончательно сломает этих людей. Духовная смерть через не-дачу воздуха России, через потчевание ядом утопизма в ярких западных обертках.

Но единственное государство в мире, задуманное и осуществленное на понятии совести, понятии, не имеющем аналогов в других языках, продолжает существовать в душе русского человека.

Более того: вызывать ностальгическое уважительное сочувствие у умных представителей других народов бывшей России.

Более того: воспоминание о нем все живее в новых поколениях. Видимо, всенародный грех богоотступничества, воплощавшийся в беснoвании, страхе и рабской покорности, избывается всенародным мученичеством. Старые люди, помнящие дореволюционное время, со смешанным чувством страха, смущения, осуждением и гордостью глядят на внуков-правнуков, духовно выпрямляющихся при мысли о родине, еще не порабощенной. И — чудо! — «воспоминания» внуков-правнуков более живы и осознанны, нежели воспоминания стариков, окрашенные долгой духовной согбенностью да мифами о царской России, плодившимися из-под пера известных писателей. Писателей, выполнявших «социальный заказ» разрушителей, поощряемых постольку, поскольку они соответствовали требованиям «демократического диктата». «Спеклись» тогда в отчужденности от России, подогреваемой французскими гувернерами, немецкими профессорами и английской разведкой, ее высшие круги, промасоненное дворянство, «демократические» разрушители. И ныне их последоаатели готовы в любой момент искать Всечеловека.

Но, «задыхаясь» в атмосфере «национальной ограниченности» размером в шестую часть света и в тысячелетия, они в иных землях встречают британца или поляка, немца или испанца, мертвой хваткой держащихся за национальную идею. «Общие рынки» — они ведь только рынки. Да, все они унифицированы, во всяком случае, движутся по этому пути, но не по своей аоле. Да, они в отличие от нас гораздо дальше отброшены от национальной государственности — потому тамошний концлагерь внешне разительно отличается от нашего.

Но одно дело, чтó лепечут парламентарии и насквозь продажные средства массовой информации, коим отведена роль мирового связного, «лепящего» образ народов и событий по заданным клише; а другое дело, о чем снова говорят в пивных Мюнхена, на кухнях Марселя или в горах Пиренеев. Народы бесправны: демократии есть наибольшая свобода манипуляций. Высшая форма правления для России... непроизносима, потому что оклеветана именно погому, что — наилучшая для ее народов, которые поймут это, как только достаточно хорошо подумают и будут достаточно информироаны.

Но все это останется экзотическими умствованиями, пока не будет осознан основной закон любого концлагеря: духовное порабощение. Сбить высокий строй души и мысли удалось и удается — вот в чем горе и ужас, и погибель полная.

...Вслушиваюсь в голоса, живущие над погостами.

— Охохонюшки-хохо! Повыбирали больших людей, образованных, на все страны известные люди. А наш-то мужик: сам и дороги торит, и землю строит, и суд чинит. Один за все правительство отвечает...

— Слышать противно, как лодыри теперь рассуждать приучились. Коли добер, так, по себе судья, работу похерит вовсе; а коли зол, так кого-нито в палачи произведет, а сам глаза заплющит да на бархатах новых и разоспится.

— Из простых многие теперь в лодыри подадутся. Особенно, которые говорить горазды. Языку работа минуточка, а в одну такую минуточку на всю жизнь руки нежнеют...

— Я думаю, обидят нас. За себя постоять мы только сгоряча умеем... Как бы туману не напустили...

— Как станет топор,
Словно девица, добер,
Не ждать с того топора
Ни работы, ни добра...

Слышишь и не знаешь, то ли покойники перекликаются, то ли живые. А и днем-то иной раз такие пустые глаза встретишь, что ясно: одна оболочка человеческая существует: уснули и душа, и разум.

Долгая дорога. Молчит водитель почти неподвижно — только вымпел треугольный болтается, кисточкой «разметая» дорогу, освещенную фарами. Темно снаружи, темно внутри.

Оглядываюсь. Сидят порознь трое мужчин, каждый свою думу думает. Лица не видны, только силуэты.

— Господа! — произносит вдруг статный бородач, сидящий на заднем сиденье. — Я вынужден предостеречь соотечественников от создания собственного культа...

Вглядываюсь: придерживает правую руку... В белом мундире... Лица не разобрать, но лоб высок, лысина... Пятно темное на груди... Нет, не может быть!..

— Думский путь оказался гибельным для России. Я не сделал того, что был обязан сделать как подданный своего государя, как православный человек, как премьер-министр..

Столыпин! «Доизучался», — мелькнула мысль.

— И «левая», и «правая» оказались нераздельным разрушительным целым, направленным против державных основ Святой Руси. Яд либерализма, видимо, проник во все поры государства и достиг престола. Мое правительство несет ответственность за потакание революции, как это ни странным может показаться из моих уст. Бездействие — самый тяжкий, свинцовый грех правительства, если оно не игрушка в чужих руках. Если игрушка — это всего лишь государственная измена. Моей ошибкой было противодействие восстановлению патриаршества, сохранение синода. Государь еще в пятом году предлагал себя в патриархи — этого, мягко говоря, не оценили. Государь исполнил свой долг до конца: Россия потеряла почти все, но нравственный идеал ее в лице государя остался незапятнанным. И страшно подумать: ведь выстрел Богрова мог тогда, в киевском театре, оборвать Его жизнь. Я же расплатился за то нагромождение разгильдяйства и предательства, которое обязан был расчистить... Еще раз повторяю, господа: не совершайте ошибок, создавая идолов из людей, действием или бездействием своим приближавших гибель России...

Твердый ровный голос умолк. Видно было, квк величавая фигура говорившего подалась назад с видимым облегчением от высказанности.

Молчание прервал другой голос. Кавказский акцент, усиленный волненьем и подчеркнутой взвешенностью каждого слова, не оставлял никаких сомнений в личности задумчиво сидевшего на сиденье, расположенном сразу за водительской кабиной...

— Я каяться не буду: имя и дело Сталина так изгажено, что мне впору претендовать на титул мученика всесоветского. Скажу правду — никто не поймет, совру — верить не станут. Что можно добавить? История России до 1917 года, ее тайные пружины — это одна цепочка. История после 1917-го — другая. И они лишь частично едины... То, куда идет дело, я понял задолго до революции. Режим прогнил. На смену ему плыли пароходами из Америки, ехали в пломбированных вагонах через Германию. Погром был уже неизбежен, потому что — ритуален. Пришлось вооружиться всем демагогическим набором и стать завзятым талмудистом, чтобы не быть «белой вороной». Тайные пружины истории России после 17-го еще не начали обнажаться: вы не выпросите доступа к архивам Сталина! Но относительной полноты власти я достиг в 1934 году. Дальше были краткие периоды, пока меня не ликвидировали за «антисемитизм». Страшны тайны войны и революции, второй войны и «сталинских» репрессий... Но кто мне поверит? Передайте привет тем, кто меня помнит лично. С кем мы вершили государственные дела. Мужчинам передайте, а не тем слюнявым фиглярам, которые устроили шабаш на теле «сталинской империи». Праху не больно: пусть попирают ногами. История еще не написана, не рассказана. Суд ее только начинается, и пусть он будет объективным. Пусть помнят и «злодея», и «вождя». Пусть помнят полупустую Москву с бежавшим правительством, с райкомами, устланными «периной» из изорванных партбилетов. Пусть помнят крестный ход вокруг Кремля в декабре сорок первого, тысячи восстановленных после войны храмов, десятки тысяч разоблаченных спекулянтов на крови — кто погибал, а кто и наживался, и теперь мстят. Пусть помнят изгнанных мною хаммеров и возвращенных из лагерей офицеров русской армии. Пусть все вспомнят и ничего больше не забывают.

И пусть откроют мои архивы!..

Говоривший умолк и поднес ко рту трубку. «Закурит? Чиркнет спичкой — и увижу лицо?» Нет, не закурил.

И настала очередь третьего, сидевшего за спиной.

— Что ж, господа, позвольте не представиться! Вы — из прошлого, я — из вероятного будущего. Пресса станет величать меня «русским Пиночетом», а по мне — назови хоть горшком...

«Русский Пиночет» усмехнулся простодушно и жестом дал понять, что разглядеть его лицо не удастся.

— Постылая идеология и символика агонизируют. Но духовная ткань крепнет. Мы вспомним законы Российской империи в приложении к новым условиям. По совести решим, что оставить, что добавить. Но без благодати любые законы — пыль. Русь Святая или оживет — или не оживет. Оживет предстательством перед небесным престолом миллионов мучеников и новомучеников российских, воспламененной энергией живущих; не оживет — по нашему упорствованию во грехе, по нашему попустительству силам зла. Возрождение России будет означать духовное обновление всего мира. Конец России — конец его. Это понимают и там, но немногие светлые головы, не имеющие ни тиражей, ни эфирного времени.

Мы не станем топтать наше прошлое, выстреливать чьи-то останки в стратосферу. Наше дело — созидание, но и расчистка авгиевых конюшен. Дело это веселое и посильное. Хотя и не беспроигрышное. А, будет на то воля Божья, умрем — не в борьбе зв какое-то «это», а за Родину. Мы — счастливые люди: нам идеала придумывать не надо. Только фальшивки отбросить, да вспомнить подлинный!..

Странная, бодрая речь эта произвела на меня наибольшее впечатление, и, выходя из автобуса, я еще раз взглянул на три неподвижные фигуры: причудливый абрис истории века со вполне

понятной незаконченностью-недоговоренностью. Долго смотрел я на удаляющиеся огоньки задних фар, представляя, каков будет дальнейший маршрут. И пульсировало вместе с током крови в жилах:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа, —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной...

Но литературные красоты, но убеждение в том, что нынче нужно и должно писать, рассчитывать на желательную действенность, — не наив ли? Не самообман ли? Ведь внутрь, в наше же сознание «вмонтированы» концлагерными врачами-«идеологами» некие датчики, воздействуя на которые в нас создается иллюзия нормальности нашей жизни. Не маскирует ли невольно и пишущий, в том числе и эти строки, не маскирует ли главное: планомерное истребление народа, лютую, необъявленную войну против него?

Наши проклятия не доносятся до власти. К нашим воплям, а тем более «предложениям» она равнодушна. И эта бесстрастность с точки зрения «мировой закулисы» — их главное достоинство. Будем прорастать, как трава сквозь асфальт, — ничего более не остается. Будем защищаться и защищать наших детей, наше прошлое, настоящее и будущее. Как? По обстоятельствам действия.

Мы цепляемся за жизнь, слишком легко принимая условия «игры». Как мышки, вновь и вновь верящие в то, что кот «умер». Петухи кукарекают на балконах, огурцы растут на подоконниках, — все это понятно и важно, но этого недостаточно. Потребны гражданские усилия, хоть немного, но выходящие за сферы личной пользы

Сотни тысяч детей не рождаются — по нашей вине.

Сотни тысяч умирают — по нашей вине.

Родившиеся и чуть подросшие играют «в очереди» — по нашей вине.

Разбитый параличом ветеран (в отсутствие выбивающейся из сил в поисках необходимого дочери) подползает к окну и бросается с девятого этажа — по нашей вине.

Раскупаются лживые газеты, множится рознь — по нашей вине.

Грабят нас все, кому не лень, а мы втайне завидуем, что «непричастны», жмем руки подлецам, голосуем за прожженных демократов, рады «разрядиться» и ужалить ближнего, «откупаемся» от собственных детей, послушно скупаем то, что «выбросят» регулирующие «рынок», и нередко тут же перепродаем втридорога, чтобы в другой раз быть обобранными на ином... И все — под ненавидяще-ледяными взглядами надсмотрщиков, под ухмылки расположившихся на вышках «доброжелателей». Не до «подкопов». Не до самозащиты. Наша вина.

Вернулся из командировки — на руке у жены шариковой ручкой вдавлено-вписано: «1612».

Номер очереди на распродаже.

Год ополчения Минина и Пожарского...

●

Юрий КАЛАБУХОВ

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» И МИФЫ ИСТОРИИ

ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА: ПРАВДА И ЛОЖЬ

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *

Когда в середине 1939 года выяснилась в полном объеме картина нашего отставания в сравнении с Германией в создании нового поколения оружия, у нас в конструкторских бюро начался усиленный поиск новых, существенно более совершенных образцов танков, самолетов, артиллерийских установок.

Шел август 1939 года... Сталин, сознавая всю тяжесть создавшегося положения, понимал, что стране нужно время, как можно больший отрезок времени, чтобы ликвидировать образовавшийся разрыв. В политических действиях нужны были такие стратегические ходы, которые бы как-то усыпляли германских руководителей и отодвигали начало агрессии Германии против нашей страны на возможно больший срок. Кроме выигрыша во времени, нужно было создать условия для образования как можно большей буферной зоны между расширяющимися границами Германии и границей СССР. Было ясно, что Германия начнет захват европейских государств, примыкающих к границам СССР, а это уже существенное приближение врага к стратегическим объектам на территории нашей страны. Все попытки нашего правительства договориться с Польшей о ее защите в случае нападения Германии ни к чему не приводили. Польские руководители презрительно относились к нашей армии, считая ее «сбродом» (см., например, еженедельник «Аргументы и факты», № 33 (462), 19—25 августа 1989 года, статья В. Фалина: «Два разных договора»).

Надежда Польши была только на западные державы: Англию и Францию. Но стратегический план западных держав состоял в том, чтобы направить Германию на войну с СССР. Поэтому и Англия, и Франция могли на словах поддерживать Польшу, обе-

* Первые три статьи опубликованы в № 2, 4, 6 «МГ».

щая ей помощь в случае агрессии со стороны Германии, а на деле эти державы должны были оставить Польшу на растерзание фашистским агрессорам. Такое поведение Англии и Франции и было реализовано в сентябре 1939 года.

После вторжения германских войск на территорию Польши Англия и Франция объявили войну Германии, но за все время боевых действий на этой территории английские и французские войска не произвели ни единого выстрела по германским войскам, все ограничивалось только передислокацией войск и мирной демонстрацией своей военной мощи.

В августе 1939 года наша военная делегация вела переговоры в Москве с военными делегациями Англии и Франции с целью заключения СССР, Англией и Францией договора или соглашения о коллективной безопасности на случай агрессии Германии против любой из трех стран. Но у представителей Англии и Франции, участвовавших в этих переговорах, была задача затянуть переговоры и не заключать никаких договоров или соглашений. Ведь по стратегическому замыслу ведущих капиталистических держав, США и Англии, фашистской Германии отводилась роль не столько ударной силы, сколько роль смертника. Мысль была следующая: затянувшаяся война между Германией и СССР должна очень сильно ослабить их обоих.

В сложившейся ситуации правильным стратегическим решением для нас было немедленное заключение договора о ненападении между СССР и Германией. Такой договор и был заключен 23 августа 1939 года. Договор заключался сроком на 10 лет с возможным последующим продлением срока договора. Оставаясь в момент заключения договора практически очень слабо подготовленной в военном отношении по сравнению с фашистской Германией, наша страна получала необходимый ей, как воздух, мирный отрезок времени, чтобы создать новое поколение советского оружия.

История создания отечественного оружия конца 30-х — начала 40-х годов бесстрастно зафиксировала этапы его рождения, освоения и серийного выпуска.

Но к моменту вероломного нападения Германии на нашу страну мы не успели накопить в необходимом количестве новые танки, самолеты, артиллерийские установки. На 22 июня 1941 года мы имели катастрофически мало современных танков, самолетов и артиллерийских установок.

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА

В течение 1988—1989 годов отечественными и зарубежными средствами массовой информации и историками с договором связываются серьезные негативные последствия для Прибалтийских государств Латвии, Литвы и Эстонии, а также для Польши. Последствия связываются якобы с существованием, вместе с договором, секретного дополнительного протокола, на основании которого Гитлер и Сталин за спиной народов договорились о разделе Европы, что обернулось трагедией для многих миллионов людей. Подлинники этого протокола не найдены ни в архивах Германии, ни в архивах СССР, имеются только копии

с их фотокопий. Все попытки разыскать подлинники секретного дополнительного протокола успеха не имели.

Все манипуляции с секретным дополнительным протоколом не приводились на Западе в действие на протяжении более четырех десятилетий, потому, вероятно, что был жив В. М. Молотов, который всегда мог бы опровергнуть этот протокол. Молотов умер в 1986 году, а в 1987—1988 годах нам с Запада уже стали подбрасывать копии с фотокопий этого протокола.

Уместно задать вопрос: секретный дополнительный протокол — это правда или ложь истории, это подлинный документ или фальшивка? В этом следует тщательно разобраться.

Впервые речь о секретном дополнительном протоколе к договору о ненападении зашла на Нюрнбергском процессе в начале 1946 года. Вот выдержки из стенограмм процесса, приведенные в журнале «Даугава», № 9, 1989 год, под рубрикой «Свидетельствует Иоахим фон Риббентроп».

«Девяносто пятый день.

Суббота 30 марта 1946 года.

Вопрос: В сентябре 1939 года вы вторично посетили Москву. Какова была причина визита и что обсуждалось в его ходе?

Ответ: Мое второе посещение было вызвано окончанием Польской кампании. Я вылетел в Москву в конце сентября... Мы должны были прийти к определенному соглашению — относительно Польши. Советские войска оккупировали восточные районы страны, а мы оккупировали западную часть до ранее оговоренной демаркационной линии. На этот раз мы должны были зафиксировать точную линию демаркации.

В Москве было заключено соглашение, окончательно определяющее линию демаркации в Польше.

...Оставался вопрос о Литве. Ради установления между Москвой и Берлином отношений, основанных на доверии, фюрер отказался от притязаний на сферу влияния в Литве, предоставив на основе второго договора преобладающее влияние в этой стране России.

...**Вопрос:** Какие дальнейшие действия русских вызвали беспокойство Гитлера в отношении позиций и намерений России?

Ответ: ...Во-первых, только что упомянутая мною оккупация Балтийских государств. Во-вторых, оккупация Бессарабии и Северной Буковины после Французской кампании, о чем нас просто известили без какого-либо предварительного уведомления...

Девяносто шестой день.

Понедельник, 1 апреля 1946 года.

Д-р Зейдль (защита Гесса и Франка): Свидетель, преамбула к секретному пакту, заключенному между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 года, звучит приблизительно так: «Ввиду существования в настоящее время напряженности в отношениях между Германией и Польшей, в случае конфликта заключается соглашение о следующем». Не помните ли вы, так ли приблизительно звучала преамбула?

Ответ: Я не помню дословно, но приблизительно так.

..**Вопрос:** Сейчас я прочту выдержку из заявления посла Гаусса и задам вам несколько вопросов по этому поводу.

(Текст из заявления посла Гаусса): «...Кроме пакта о ненападении, некоторое время продолжались переговоры по отдельносу секретному документу, который, насколько я помню, назы-

вался «секретным соглашением» или «секретным дополнительным соглашением», условия которого были направлены на разграничение общих сфер влияния на европейских территориях, расположенных между обеими странами... В этом документе Германия заявляла, что она не имеет политических интересов в Латвии, Эстонии и Финляндии, но считает частью своей сферы влияния Литву».

...Свидетель, в заявлении Гаусса упоминается пакт, согласно которому обе державы обязуются действовать сообща для окончательного урегулирования вопросов в отношении Польши. Было ли такое соглашение уже достигнуто 23 августа 1939 года?

Ответ: Да, это верно... Я бы хотел подчеркнуть, что ни у Сталина, ни у Гитлера не было ни малейшего сомнения в том, что если переговоры с Польшей ни к чему не приведут, территории, которые были отвоеваны у двух великих держав при помощи оружия, могут также при помощи оружия быть возвращены. В соответствии с этим соглашением восточные территории были оккупированы советскими войсками, а западные территории — немецкими войсками после победы...

Вопрос: Была ли в этом секретном соглашении демаркационная линия просто описана словами или начертана на карте, прилагаемой к соглашению?

Ответ: Демаркационная линия была приблизительно проведена на карте. Она проходила вдоль рек Рыси, Буг, Нарев и Сан. Эти реки я помню. Это была линия демаркации, которой предстояло придерживаться в случае военного конфликта с Польшей.

Вопрос: Верно ли, что на основе этого соглашения не Германия, а Советский Союз получал большую часть Польши?

Ответ: Я не знаю точных пропорций, но, во всяком случае, по этому соглашению территории к востоку от этих рек должны были перейти к Советской России, а территории к западу от них должны были быть оккупированы немецкими войсками...»

Как видно из приведенной стенограммы, договор о ненападении в высказываниях министра иностранных дел Германии Риббентропа и доктора Зейдля уже обзывается пактом о ненападении. Об этой тонкости — манипулировании словами «договор» или «пакт» — речь пойдет дальше. А для проведения анализа секретного дополнительного протокола к договору о ненападении следует привести этот «документ» целиком. Вот его текст.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба правительства решат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный.

Далее следуют подписи на русском и немецком языках.

Москва, 23 августа 1939 года.

ДОГОВОР ИЛИ ПАКТ!

Итак, договор о ненападении, как он оформлен в подлиннике, — несекретный документ, дополнительный протокол к договору (копия с фотокопии) — секретный (по названию) документ. Упоминание в тексте несекретного документа о секретном документе недопустимо в соответствии с инструкцией о работе с секретными документами и их оформлении. Поэтому в тексте договора не могло быть ссылки на протокол. Вот если бы оба документа были несекретными или секретными, то тогда в тексте договора должна была бы появиться фраза о протоколе, например, такая: «Настоящий договор должен рассматриваться совместно с дополнительным протоколом». А протокол должен был бы начинаться так: «Дополнительный протокол к договору (такому-то)». И тогда договор и протокол всегда находились бы вместе и не затерялись бы ни при каких обстоятельствах. Но поскольку договор и протокол — разные по степени секретности, то они должны были быть обязательно объединены каким-то общим документом, тоже секретным. Однако такого документа в архивах Германии и СССР нет, о нем даже никто ни разу не упомянул ни в средствах массовой информации, ни на различных встречах и пресс-конференциях по договору о ненападении. Зато политики, журналисты, корреспонденты в своих речах, выступлениях, корреспонденциях ныне лихо оперируют то словом «договор», то словом «пакт»: кто — без понятия (таких подавляющее большинство), кто — с четко определенным смыслом (это, как правило, фальсификаторы истории). Если взять, к примеру, выступления наших руководителей правительства времен 30-х годов, то в их речах до определенного момента применялось слово «договор» (см., в частности, речь министра иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года).

Если обратиться к словарям, то можно заметить, что понятия «пакт» и «договор» в сути полностью совпадают: пакт — это

документ, имеющий, как правило, большое международное значение.

Была ли у Советского Союза практика заключения с другими государствами не договоров, а пактов? Да, была. 28 сентября 1939 года одновременно с заключением с Германией договора о дружбе и границе СССР заключил с Эстонской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. 5 октября 1939 года СССР заключил с Латвийской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. А вот 10 октября 1939 года СССР заключил с Литовской Республикой договор о взаимопомощи (с передачей Литве по этому договору города Вильно и Виленской области).

Если наша страна заключала с одними государствами договоры, а с другими — ПАКТЫ, то в этом была какая-то тонкость. Какая? Если рассмотреть содержание ПАКТОВ, заключенных СССР с Эстонией (см. газету «Правда» от 29 сентября 1939 г., с. 1) и Латвией (см. газету «Правда» от 6 октября 1939 г., с. 1), то нетрудно увидеть, что по этим ПАКТАМ нашей стране предоставлялась возможность арендовать на длительный срок (10 лет) какие-то морские порты (в случае с Латвией) или какие-то острова (в случае с Эстонией) этих государств и создавать там советские военно-морские базы или другие объекты военно-стратегического назначения. То есть наша страна получала как бы дополнительные территории вне наших границ. Эти порты и острова с их акваториями создавали широкий простор для действия наших военно-морских сил. Таким образом, договоры между СССР и Латвией, СССР и Эстонией имели существенную значимость еще и для других стран, расположенных в непосредственной близости от зоны действия этих договоров. Они могли затрагивать их суверенные интересы. Кроме того, те малые страны (Латвия, Эстония), которые заключали с нами, великой державой, договоры, сами хотели, чтобы заключаемые договоры о взаимопомощи уже названием показывали бы всему миру свою значимость. В силу этих обстоятельств договоры между СССР и Латвией и Эстонией перерастали из просто договоров в ПАКТЫ. В случае же с Литвой СССР не получал возможности сооружать на литовской территории военно-морские базы и т. д., он лишь получал возможность с целью защиты Литвы от агрессии извне расквартировывать на ее территории строго ограниченные по виду, составу и количеству контингенты войск, которые должны были размещаться на согласованных с литовским правительством территориях. То есть в данном случае договор касался только Литвы и СССР, не затрагивал интересы сторонних государств и не мог называться ПАКТОМ.

Если же говорить о договорах между СССР и Германией, то они в открытом виде НИКОГДА не могли называться ПАКТАМИ, так как СССР как социалистическое государство не мог идти на такое сближение с ФАШИСТСКИМ государством (тем более что у СССР и Германии до определенного времени не было общих границ). Тогда почему же договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года с какого-то времени стал нередко именоваться ПАКТОМ? А вот почему.

Если этот договор рассматривать с политической точки зрения, то он до нашего вмешательства в германо-польский конфликт в сентябре 1939 года так и был для нас ДОГОВОРОМ, касающимся только двух независимых государств. Но когда мы 17 сентября того же года начали наравне с Германией военные действия против Польши и должны были в конце концов при положительном исходе для нас польской кампании получить общую границу с Германией, то договор о ненападении как бы преобразовывался для нас (и для Германии тоже), становился существенно более значимым в международном плане и превращался в ПАКТ. Почему? Потому что в создавшейся в Европе обстановке Германия и СССР становились хозяевами положения и их будущая внешняя политика должна была определять судьбу многих малых суверенных стран и судьбу мира в Европе. Следует особо подчеркнуть: диаметрально противоположная друг другу политика в силу такой же диаметрально противоположной сути общественно-политических систем этих двух держав и диаметрально противоположных решаемых ими практических задач: у Германии — владеть миром, у СССР — защитить Октябрьскую революцию и социализм от фашистской агрессии. Вот почему уже 18 сентября 1939 года в германо-советском коммюнике о польских событиях договор о ненападении был назван ПАКТОМ (см. газету «Правда» от 19 сентября 1939 г., с. 1). Вот почему И. В. Сталин 3 июля 1941 года в обращении к советскому народу неоднократно называл германо-советский договор о ненападении ПАКТОМ (см. газету «Правда» от 4 июля 1941 г., с. 1).

Следовательно, применительно к нашей терминологии договор о ненападении необходимо различать как бы в двух временных интервалах:

а) в первом временном интервале 23 августа — 16 сентября 1939 года;

б) во втором временном интервале 17 сентября 1939 года — 22 июня 1941 года (далее в связи с вероломным нападением Германии на СССР договор о ненападении автоматически утрачивал свою силу).

Совершенно очевидно, что договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года мог быть назван ПАКТОМ ТОЛЬКО ПОСЛЕ 16 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА.

Но в чем, применительно к секретному протоколу, заключался смысл подмены одного понятия другим? Применение слова «пакт» вместо слова «договор» не делало необходимым допечатывать в несекретный договор фразу о секретном протоколе и засекречивать сам договор. Тем самым секретный протокол выводился из несекретного договора и существовал как бы в составе какого-то мифического «пакта» как самостоятельный документ, который всегда можно было бы, в силу конкретных обстоятельств, прикладывать к реально существовавшему договору.

КАК И ЗАЧЕМ ФАБРИКОВАЛИ СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Чтобы доказать, что секретный дополнительный протокол к договору о ненападении — фальшивка, следует внимательно проанализировать его содержание, вплоть до построения фраз.

Первое. В первом абзаце текста протокола слово «договор» заменено на слово «пакт». Смысл этой замены рассмотрен выше.

Второе. В пункте 1 протокола сказано, что северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Гер-

мании и СССР. Это значит, что Литва попадала в сферу влияния Германии. И в конце того же пункта сформулирована фраза: «В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами».

Чтобы понять, применительно к Германии, всю несуразность формулировок, связанных с «литовской» темой, следует обратиться к истории.

До 2-й половины XIII века нашей эры город Вильно и Виленская область входили в состав княжеств Западной Руси. Во 2-й половине XIII века литовские князья захватывают феодальные княжества Западной Руси. В начале XIV века им в основном удалось включить западнорусские земли в состав Великого княжества Литовского, в котором эти земли занимали большую территорию. С этого времени Вильно и Виленская область становятся частью литовской территории.

В 1795 году, после 3-го, последнего, раздела Речи Посполитой, куда входила Литва, большая часть Литвы, а с Венского конгресса 1814—1815 годов и вся Литва (кроме Клайпедского края), вошла в состав России.

Во время первой мировой войны территория Литвы была оккупирована германскими войсками. В декабре 1918 года в Литве была установлена Советская власть. Но летом 1919 года эта власть была свергнута силами Германии и панской Польши, и в Литве была установлена власть буржуазии. В результате советско-польской войны 1920 года Вильно и Виленская область были захвачены Польшей и до событий сентября 1939 года в соответствии с мирным Рижским договором от 18 марта 1921 года входили территориально в ее состав.

Таким образом, названные территории (Вильно и Виленская область) исторически, не считая короткого периода непостоянной оккупации 1917—1919 годов, никогда не принадлежали Германии и, следовательно, никакого отношения к Германии не имели.

После окончания польской кампании в конце сентября 1939 года Вильно и Виленская область были вновь возвращены теперь уже в состав СССР, и 10 октября 1939 года СССР, заключая договор о взаимопомощи с Литвой, включил в этот договор передачу Литве Вильно и Виленской области.

Исходя из сказанного, фразы в пункте 1 секретного дополнительного протокола о том, что «северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР» и что «в этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами» выглядят просто абсурдом.

Если следовать истории образования Литвы, то северная граница Литвы, как разделяющая сферы влияния Германии и СССР, в протоколе принята абсолютно искусственно, никак не привязываясь к историческим событиям и фактам, относящимся к Германии. С таким же успехом этой границей могла быть принята и северная или какая-нибудь другая граница Латвии или Эстонии, тем более что каждая из этих границ еще более приближали расширяющиеся границы Германии к границам СССР, что соответствовало стратегическим замыслам Гитлера. Но в том-то и дело, что в историческом плане, если иметь в виду конец 30-х годов, СССР в совершении каких-то своих действий (конкретно, передачи Вильно и Виленской области другому государству) был связан именно с Литвой.

Поэтому и последовало включение фальсификаторами, фабриковавшими секретный дополнительный протокол к договору о ненападении между Германией и СССР, в пункт 1 этого протокола фразы о северной границе именно Литвы как черте, разделяющей сферы влияния Германии и СССР.

Начальные слова второго предложения пункта 1 секретного дополнительного протокола «В этой связи...» ясно давали понять, что в сферу влияния Германии должны входить не только Литва, а и Вильно и Виленская область, принадлежавшие на 23 августа 1939 года Польше. Но, войдя 17 сентября 1939 года в Польшу, советские войска начали захват Вильно и Виленской области, тем самым как бы грубо нарушив пункт 1 секретного протокола. К 22 сентября 1939 года, когда вышло второе германо-советское коммюнике по событиям в Польше, Вильно и Виленская область были нами уже завоеваны, и поэтому демаркационная линия, о которой говорилось в этом коммюнике, уже не затрагивала Вильно и Виленскую область как польскую территорию, относящуюся к интересам (сфере влияния) Германии. Эти действия СССР на польской территории и говорят очень ясно о том, что НИКАКОЙ договоренности между Гитлером и Сталиным в отношении Литвы и «района Вильно» НЕ БЫЛО.

Однако вышеприведенные фразы все же оказались в протоколе. Почему? Да потому, что секретный дополнительный протокол фабриковался фальсификаторами истории в середине 40-х годов, то есть намного позже польских событий, и тому, кто фабриковал этот протокол, были известны все события конца 30-х — начала 40-х годов, в том числе и действия СССР по отношению к Литве в начале октября 1939 года. И чтобы в будущем дискредитировать И. В. Сталина как политического руководителя страны, действовавшего как бы за спиной народов Европы, и были включены эти самые фразы о «северной границе Литвы» как черте, «разделяющей сферы влияния Германии и СССР», и о признании в этой связи обеими сторонами заинтересованности Литвы в районе Вильно.

Далее. В пункте 2 протокола записана фраза: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Сначала обратимся к историческим фактам.

17 сентября 1939 года наши войска перешли советско-польскую границу и начали продвижение в глубь польской территории. 23 сентября в газете «Правда» было опубликовано германо-советское коммюнике следующего содержания:

«Германо-советское коммюнике 22 сентября.

Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков».

На второй странице газеты «Правда» от того же числа была помещена упрощенная карта Польши с изображением этой демаркационной линии.

Итог польской кампании подвел договор о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 года. По этому договору устанавливалась окончательная граница раздела Польши по интересам между Германией и СССР. Она проходила по линии рек Писса, Нарев, Буг, далее имела сухопутный участок, приблизительно горизонтально расположенный на карте, и затем проходила по линии реки Сан. То есть вместо линии рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан, как это было установлено в германо-советском коммюнике от 22 сентября 1939 года, окончательная граница между германскими и советскими интересами прошла по линии рек Писса, Нарев, Буг и Сан, включая незначительный сухопутный участок, расположенный между реками Буг и Сан.

Теперь следует вновь вернуться к пункту 2 секретного дополнительного протокола, конкретно — к фразе о разграничении сфер влияния между Германией и СССР «приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Известно, что река Нарев непосредственно не связана с рекой Висла, она связана с ней через реку Буг. Поэтому выражение, примененное в протоколе, «приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан» является безграмотным с географической точки зрения. Но в эту кажущуюся безграмотность фальсификаторами, зафабриковавшими секретный дополнительный протокол, был заложен четко определенный смысл, который заключался в следующем. Чтобы захватить Варшаву, немцы, с нашего согласия, форсировали реки Висла и Буг и, пройдя демаркационную линию, установленную для германских войск по германо-советскому коммюнике от 22 сентября 1939 года, захватили некоторую часть Варшавского воеводства, которую по этому коммюнике должны были оккупировать мы, СССР. Таким образом, граница немецкой территории на момент подписания договора о дружбе и границе между Германией и СССР проходила от реки Нарев по сухопутному участку Варшавского воеводства, расположенному за демаркационной линией, и далее входила в реку Висла. Но это вхождение могло быть осуществлено в разных местах при форсировании реки Висла. Поэтому фальсификаторами в пункте 2 секретного протокола и было применено слово «приблизительно», чтобы те, кто через много лет стал читать секретный дополнительный протокол к договору о ненападении, не задали бы вопрос: как это Гитлер и Сталин смогли обеспечить в польской кампании такое точное соблюдение сухопутного участка на польской территории, указанного так конкретно (а не «приблизительно») в этом протоколе.

В заключение, разбирая суть пункта 2 протокола, чтобы окончательно расставить все точки над «и» в «литовском» вопросе и вопросе раздела Польши, следует проанализировать содержание первого секретного дополнительного протокола (очередной фальшивки истории!) к договору о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 года совместно со вторым предложением пункта 2 секретного протокола к договору о ненападении, в котором сказано: «Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий».

В секретном протоколе к договору о дружбе и границе говорилось о том, что оставшийся на момент подписания договора

независимый остаток Польского государства к востоку от установленной по германо-советскому коммюнике от 22 сентября 1939 года демаркационной линии, а именно: часть Варшавского воеводства, которая доходит до реки Буг, и все Люблинское воеводство,— входит в сферу интересов Германии. При этом Германия отказывается от своих претензий на Литву.

Ну, что тут скажешь? Опять фальсификаторы, фабриковавшие уже этот секретный протокол, вновь использовали известный всему миру факт истории и снова все извращали, переворачивали с ног на голову, представляя этот исторический факт как сговор Гитлера со Сталиным.

Что же было на самом деле? На день подписания договора о дружбе и границе между Германией и СССР, а именно: на 28 сентября 1939 года, столица Польши Варшава была полностью захвачена немцами. Наши войска к этому дню, сокрушив сопротивление отдельных польских воинских формирований, вышли к реке Буг в восточной части и к реке Сан в южной части территории Польши. Причем на юге наши войска расположились вдоль границы воеводства, не заходя на его территорию и стараясь максимально возможно придерживаться «линии Керзона», являвшейся в 1919 году общепризнанной в мире границей между Польшей и РСФСР. То есть часть Варшавского воеводства, которая доходила до реки Буг, и все Люблинское воеводство не были захвачены ни нами, ни немцами.

Граница по рек Буг и вдоль южной части Люблинского воеводства, зафиксированная в договоре о дружбе и границе, получилась абсолютно естественным образом как конечный результат ведения нами боевых действий на польской территории. Она, с одной стороны, показывала наше стремление придерживаться «линии Керзона», а с другой — логически вытекала из простоты определения будущей общей границы между интересами Германии и СССР. Как видим, ни о какой Литве в вопросе определения окончательной границы интересов Германии и СССР Гитлеру и Сталину речи вести и не требовалось.

Фальсификаторы, используя известные факты, включили в фальшивку тему сохранения независимости Польского государства, искусственно в дальнейшем связав ее с «литовской темой» в первом секретном дополнительном протоколе к договору о дружбе и границе. И это делалось опять же с одной целью: вызвать в будущем у литовцев резко негативное отношение к И. В. Сталину как политическому руководителю и способствовать расколу СССР.

В пункте 3 протокола фальсификаторами вновь просто отражен очередной исторический факт. Разумеется, СССР был заинтересован в возвращении себе Бессарабии как бывшей территории России, захваченной у нее румынами в январе 1918 года. Заинтересован потому, что возвращение этой территории, как и в случае с Западной Украиной и Западной Белоруссией, отодвигало бы расширяющиеся границы Германии от стратегических объектов на территории СССР и защищало население этих территорий от фашистского ига. И это было также глубоко продуманным замыслом в политике советского руководства, о чем совершенно не должен был знать Гитлер. А вот второе предложение пункта 3 протокола уличает фальсификаторов в том, что они Гитлера представляют как бездарного политика, который позволял СССР

расширять свои границы на запад, уводя их от советских стратегических объектов. И сравнивая это предложение пункта 3 с высказываниями Риббентропа по поводу присоединения Бессарабии к СССР, которые он сделал во время Нюрнбергского процесса на допросе 30 марта 1946 года, невольно задаешь себе вопрос: если руководители Германии в пункте 3 протокола ясно сформулировали свое полное политическое безразличие к Бессарабии, то зачем же им переживать о ее присоединении к СССР как бывшей территории России? Ведь политическому успеху друзей надо радоваться, а не проявлять из-за этого беспокойства!

Так для чего же был включен в протокол пункт о Бессарабии?

СССР возвратил себе Бессарабию в 1940 году. Но у будущих, послевоенных, поколений молдавского народа задуманный фальсификаторами секретный дополнительный протокол как сговор Гитлера со Сталиным должен был бы вызывать чувства негодования по отношению к Сталину, который как бы действовал за спиной у молдавского народа в те драматические 30-е годы.

Следовательно, как в отношении Польши, так и в отношении Бессарабии сначала была история, а потом, после ее событий, появлялись пункты в протоколе, рассчитанные на будущую явно негативную реакцию поляков и молдаван по отношению к Сталину и деятельности Советского правительства и Советской страны.

Пункт 4 протокола гласит: «Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный». Смехотворность и безграмотность этого пункта очевидны. Сам протокол по названию — секретный, зачем же в конце текста писать слова «строго секретный»? А что есть секретные документы «не строго секретные», или «наполовину секретные», или «почти секретные»? В практике нашего государства применяются три категории обозначения секретности документов: секретно, совершенно секретно, особой важности.

Так составить документ, как составил кто-то, закончив его такой фразой, мог только безграмотный в вопросах оформления секретных документов человек. В аппарате В. М. Молотова не могли работать с документами (да еще с секретными, да еще такой государственной важности!) безграмотные люди.

Секретный документ никогда не нуждается в том, чтобы в его тексте была фраза или слово, указывающие, что документ является секретным. На бланке документа в верхнем правом углу ставится гриф (категория) секретности, все листы документа также имеют соответствующее обозначение, включая копии этого документа. Кроме того, документ, если он секретный, проходит требуемую регистрацию и находится под регулярным контролем соответствующих спецслужб, отвечающих за его сохранность. Так зачем же потребовалась вся эта белиберда со словами «секретный» и «строго секретный»? Не затем ли, что в данном случае протокол не проходил соответствующего оформления как секретный (или совершенно секретный) документ и не требовал такого тщательного хранения, какого требует любой секретный (тем более совершенно секретный) документ? Чтобы уничтожить секретный документ, тем более скрыть его следы, потребуется уничтожать массу сопутствующих ему оформительских секретных документов. А в этом случае всегда есть вероятность того, что какой-нибудь случайно «оставшийся в живых» документ, касающийся уничтожаемого главного секретного документа, возьмет да и подскажет людям: существовал или нет этот главный документ в действительности. Вот и придумали фальсификаторы истории «несекретное» оформление секретного дополнительного протокола к договору о ненападении.

Перечисленные аргументы говорят о том, что секретный дополнительный протокол к договору о ненападении — фальшивка. Те, кто фабриковал этот протокол (да и два секретных дополнительных протокола к договору о дружбе и границе между Германией и СССР тоже!), просто отразили в нем имевшие место в отношении политики советского руководства конкретные исторические факты конца 30-х — начала 40-х годов. Но поданы эти факты как умышленный, провокационный сговор якобы амбициозных советских политиканов с руководителями фашистской Германии. Фальшивый протокол должен был в будущем (во второй половине 50-х годов, если бы к власти в нашей стране пришел Берия, или далее без Берии, когда позволила бы обстановка) использоваться в качестве документа, порочащего лично И. В. Сталина и его деятельность, а также способствующего расколу Союза Советских Социалистических Республик.

ГИТЛЕР И СТАЛИН НАКАНУНЕ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА

Касаясь документов 30-х годов, связанных с заключением договора о ненападении, и событий, которые последовали в дальнейшем, целесообразно привести текст телеграмм Гитлера и Сталина друг другу перед подписанием этого договора.

«Господину Сталину. Москва, 20 августа 1939 года.

1. Я искренне приветствую подписание нового советско-германского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснения связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый Советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед ли-

цом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Ответ И. В. Сталина 21 августа 1939 года (телеграмма):

«Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Прежде чем дать оценку вышеприведенным документам, следует понять, какие мысли в августе 1939 года владели политическими руководителями СССР и Германии в преддверии подписания договора о ненападении.

Для Гитлера, рвавшегося к мировому господству, совершенно очевидной была неизбежность в ближайшие годы войны с СССР. Для успешного ведения этой войны ему нужен был крепкий тыл, со всеми видами ресурсов, ритмично работающий и обеспечивающий германскую армию оружием, обмундированием и продовольствием. Кроме того, чтобы начинать такую войну, Германия должна была подойти своими границами к СССР и подойти на возможно большей протяженности. Зная, что между Польшей и СССР сложились далеко не дружеские отношения, Гитлер считал, что Польша в случае начала польско-германской войны будет рассчитывать только на помощь западных держав, а именно: Англии и Франции. Но понимая также, что Англия и Франция всей своей политической деятельностью создавали и будут создавать все условия для обеспечения будущего похода Германии на «оплот большевизма», каким был СССР, и помня, что говорил Сталин на XVIII съезде ВКП(б) о сталкивании западными державами Германии и СССР, он был уверен, что Англия и Франция не выступят с оружием против Германии. Поэтому план вторжения германских войск в Польшу был подготовлен Германией задолго до ведения советско-германских августовских переговоров 1939 года, это известно по подлинным документам. Переговоры с СССР Гитлеру нужны были для того, чтоб стопроцентно предотвратить выступление СССР на стороне Польши. О катастрофи-

ческом положении нашей страны на август 1939 года в вопросе создания нового поколения оружия Гитлер в полном объеме не знал, хотя испанский полигон и выявил существенные преимущества отдельных видов германского оружия по сравнению с советским.

Можно смело утверждать, что Гитлер не рассчитывал на то, что после начала польско-германской войны СССР на каком-то ее этапе введет свои войска в Польшу. Если бы он это предвидел, то в будущем договоре о ненападении между Германией и СССР могла быть предусмотрена статья следующего содержания: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы или же сама совершит военные действия против этой державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу и не будет подвергать ее одновременно своей агрессии». Однако статья II договора о ненападении имеет совсем другое содержание.

Разумеется, Латвия, Литва, Эстония и Финляндия, примыкающие своими границами к границам СССР, также интересовали Гитлера как потенциальная территория Германии, расположенная рядом с СССР, и Гитлер, будучи незаурядным политиком, никак не мог идти на то, чтобы отдавать нам на откуп эти территории.

Можно сказать, что для Гитлера будущий договор о ненападении между Германией и СССР становился глобальным по значимости, так как затрагивал будущую судьбу разных государств в Европе (а возможно, и не только в Европе), и, следовательно, для Гитлера этот договор становился не просто договором двух мировых держав: он становился для него ПАКТОМ. Но это были мысли Гитлера, и поскольку они были чрезвычайно агрессивными, то знать о них не должен был никто. А это означает, что ни в каких телеграммах, ни тем более в каких-либо документах, типа протоколов, слово «пакт» в категорической форме не должно было применяться. Отсюда ясно, что германские документы, в которых применено это слово, можно называть фальшивками. Те, кто их фабриковал (где-то в конце или сразу после войны), не имея возможности выдать фальшивки за подлинники, пошли на изготовление микрофильмов этих фальшивок, а с пленок снимались и снимаются ныне копии, и они-то сейчас и гуляют по белу свету, оболванивая миллионы людей в разных странах, в первую очередь у нас, в СССР.

Вот что по поводу микрофильмирования документов МИД Германии напечатано в журнале «Знамя», № 10, 1989 года, с. 71: «...в газете «Известия» от 15 августа 1989 года появилась статья А. Бовина «В августе 39-го». В этой статье опубликовано несколько документов, относящихся к договору между СССР и Германией, а также изложены подробности того, почему нет подлинников и как сохранились копии договоров, подписанных Молотовым и Риббентропом. Оказывается, в 1943—1944 годах по указанию Риббентропа началось микрофильмирование документов МИД Германии. Весной 1945 года поступило указание уничтожить архивы. Выполняя это указание, советник Карл фон Леш уничтожил документы, но спрятал микрофильмы (20 катушек, где заснято 725 страниц документов) в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в землю в парке замка Шенберг (Тюрингия), куда в то время был вывезен архив. 12 мая 1945

года фон Леш рассказал о документах подполковнику английской армии Роберту Томсону. А тот сообщил об этом союзникам-американцам. 14 мая коробки вырыли, 19 мая доставили в Лондон, где американцы сняли дубликаты со всех микрофильмов. С этих микрофильмов и сделаны фотокопии, ...которые сегодня известны всему миру». Комментарии, как говорится, излишни.

Что же заботило Сталина в августе 39-го? Положение в нашей стране с созданием современного отечественного оружия было чрезвычайно напряженным. Гитлер наверняка понял по результату испанских событий, что мы испытываем большие трудности в этом вопросе. Значит, Германия будет очень серьезно готовиться к войне с СССР и стремиться в самое ближайшее время выйти к нашим границам. Мы не должны допускать этого. Как? И Сталин вспомнил далекие 1918—1920 годы, когда Польшей и Румынией у нас вероломно были отторгнуты Западная Белоруссия, Западная Украина и Бессарабия. Это наши, российские земли, и они должны быть во что бы то ни стало возвращены в состав нашей Родины. Эти территории и будут являться буферной зоной между стремительно приближающимися новыми границами Германии и существующими границами СССР. Значит, необходимо так построить отношения с Германией, чтобы у нас в любой момент сохранялась возможность ввода войск на территорию Польши или Румынии под вполне обоснованным для мирового общественного мнения предлогом. Поэтому-то Сталин при подготовке будущего договора о ненападении между Германией и СССР в тексте этого договора стремился отобразить существование такой возможности, то есть стремился к тому, чтобы договор не запрещал вмешательства любой из заключивших этот договор сторон в конфликт со сторонней державой, а только препятствовал бы им выступлению на стороне этой державы. Принятая в договоре формулировка статьи II была несомненно огромной дипломатической победой Сталина. Она действительно давала возможность нашей стране при необходимости и на законном основании силой оружия возвращать себе исконные российские земли и организовать ту самую буферную зону, которая так необходима была нам для удаления новых границ фашистской Германии от стратегических объектов СССР.

Если начнется конфликт Польши с Германией, рассуждал далее Сталин, то все для нас будет определяться ситуацией: будет стоять Польша, у нас будет время для поиска и создания нового оружия, и мы не будем вмешиваться в германо-польский конфликт, учитывая еще и то обстоятельство, что Польша не захотела принимать помощь СССР в возможной агрессии против нее Германии. К тому же наши войска ведут боевые действия против японских войск на Халхин-Голе. Вмешиваться в данной ситуации в германо-польский конфликт, то есть воевать на два фронта, — это может оказаться очень рискованным для нашей страны. Если же Польша будет разваливаться под ударами германских войск, то тогда НЕИЗБЕЖЕН ввод наших войск в Польшу, благо договор о ненападении между Германией и СССР нам этого не запрещал. Но для такого случая ОБЯЗАТЕЛЬНО и как можно скорее заключение мирного соглашения с Японией.

В телеграмме Сталина Гитлеру несколько раз употребляется слово «пакт». Но Сталин прекрасно понимал, что означает слово

«пакт» в международной деятельности. Его телеграмма выдержана как документ, касающийся только двух государств. Поэтому в нем Сталин НЕ МОГ ПРИМЕНЯТЬ СЛОВО «ПАКТ». Если текст ответа Сталина приводится из катушек микрофильмов, попавших в руки западных спецслужб (о чем уже говорилось ранее), то в кадры микрофильмов мог попасть подлинный текст телеграммы, но уже с заменой слова «договор» (что было в подлинном варианте) на «пакт». Если же текст телеграммы приводится на основании нашего подлинника, то он, как и в первом случае, заменен на фальшивку с той же подменой слов. А подмену у нас сделали либо Берия и его люди, либо люди из Министерства иностранных дел СССР, работавшие под контролем Берии.

Если говорить о телеграмме Гитлера Сталину, то совершенно очевидно, что это фальшивка. Тут тебе и «пакт», и ситуация с Польшей, и «дополнительный протокол». Наверняка в подлинном варианте телеграмма Гитлера Сталину была намного короче и касалась исключительно двух государств: Германии и СССР. И речь в телеграмме могла идти только о ДОГОВОРЕ между Германией и СССР, о чем и сообщал в своей подлинной телеграмме Сталин Гитлеру.

АРГУМЕНТЫ А. Н. ЯКОВЛЕВА II СЪЕЗДУ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Анализируя документы, касающиеся договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, следует особо остановиться на аргументах бывшего члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева по поводу существования секретного дополнительного протокола к договору о ненападении, которые он привел II Съезду депутатов СССР. Вот отрывок из стенографического отчета утреннего заседания народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года (см. газету «Известия» от 25 декабря 1989 года, № 359, с. 2): «Яковлев А. Н.: ...А теперь о проблеме, которая вызвала наибольшее количество вопросов: о «секретных» протоколах.

Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал. Я извиняюсь, вчера просто не расслышал вопрос товарища Сухова — тут не очень комфортная обстановка для того, чтобы слушать вопросы, — не расслышал и не мог на него вчера ответить. Но отвечу сегодня. Докладываю.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает. Вот текст этой записки: «Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего Секретариатом товарища Молотова Смирнов и старший помощник Министра иностранных дел Подцероб, сего числа первый сдал, второй принял следующие документы особого архива Министерства иностранных дел СССР:

1. Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках плюс 3 экземпляра копии этого протокола».

Дальше не относящиеся к этому делу, в одном случае 14, в другом — еще несколько документов. Подписи: «Сдал Смирнов, принял Подцероб». Это первое.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотокопии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идантичности этих подписей.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает. И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае — общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают малейших сомнений в том, что протокол такой существовал».

ОПРОВЕРЖЕНИЕ АРГУМЕНТОВ А. Н. ЯКОВЛЕВА

Ну, что же. Следует очень внимательно разобраться с каждым из пяти приведенных Яковлевым аргументов.

Аргумент первый: несекретный (!) акт о передаче несекретных и секретных (!) документов от одного лица другому; этот акт опубликован в газете «Известия» от 27 декабря 1989 года № 362, с. 5. Но любой грамотный в вопросе работы с секретными документами человек прекрасно знает, что передача секретного документа, каким являлся секретный дополнительный протокол к договору о ненападении, могла осуществляться только с помощью такого же СЕКРЕТНОГО ДОКУМЕНТА. Поэтому передача секретных протоколов по несекретному акту являлась серьезным нарушением действовавшей (и действующей ныне) в нашей стране инструкции о порядке работы с секретными документами и категорически не могла быть совершена людьми аппарата Министерства иностранных дел СССР.

Аргумент второй: заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Спрашивается: кем заверенные? Молотовым, Смирновым, Подцеробом, еще кем-то? Но Молотов не мог заверять копии, так как он подписывал главные экземпляры документов государственной важности как полномочный представитель СССР. Если не Молотовым, а Смирновым, Подцеробом или еще каким-то другим лицом «молотовских времен», то это могли быть люди Берии или те, кто работал под его контролем. И вообще, если говорить об этой «находке», то какими же надо было быть простаками Сталину и Молотову, чтобы оставить против себя такую неопровержимую улику?! Нет, Сталин и Молотов никогда не были такими людьми. Просто все эти заверенные копии секретного дополнительного протокола — сфабрикованны Берией фальшивки. И они должны были находиться в основном архиве (или еще где-либо) МИД СССР, далеко запрятанными от посторонних глаз, и дожидаться своего часа, а именно: прихода Берии и его людей после смерти Сталина к власти в нашей стране, после чего через два-три года эти документы в составе с другими фальшивками должны были использоваться Берией для серьезнейшей дискредитации И. В. Сталина и деятельности возглавляемого им правительства, попытки развала СССР как единого государства на отдельные регионы и т. д.

Аргумент третий: идантичность подписей Молотова на оригинале договора о ненападении и копии с фотокопии секретного дополнительного протокола. Но ведь не составляят большого труда для профессионала фотографа высшего класса с двух негативов фотопленки сделать один позитив: например, на фотобумагу проектируются изображения с негатива с подлинными подписями Молотова и Риббентропа и с негатива с текстом сфабрикованного секретного дополнительного протокола. Вся суть мастерства в этих операциях заключается в том, чтобы на вновь создаваемом негативе с текстом и подписями не было видно совмещения двух изображений, из которых фабрикуется общее изображение. При достаточном опыте получается искуснейшая фальшивка.

Возможен другой способ фабрикации протокола. Он заключается в следующем. Печатается текст будущего протокола, причем печатается так, чтобы после напечатанного текста на листе можно было расположить подписи Молотова и Риббентропа с подлинного документа. Все искусство дальнейших операций заключается в том, чтобы на негативе фотопленки не было видно линии стыка двух бумаг.

Аргумент четвертый: протокол, с которого сняты западногерманские фотокопии, напечатан на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора о ненападении. Опровержение этого аргумента простое. Один из тех, кто работал в аппарате МИД СССР под контролем Берии, напечатал текст подлинника договора о ненападении и секретного протокола на той же машинке. Затем этот протокол по секретному каналу попал в органы западных спецслужб (конкретно, отдела стратегических служб (ОСС) США), где и был обработан в виде негатива с подписями, о котором уже говорилось при опровержении аргумента третьего Яковлева.

Аргумент пятый: разграничительная карта. Но Яковлев не говорит, есть ли рядом с подписями Сталина даты подписания. Можно предположить, что их нет. Если дат нет или они разные, то разграничительная карта с двумя отметками — это всего лишь уточнение результата раздела Польши в процессе боевых действий на ее территории: первая отметка — это «линия Керзона», к которой мы должны были стремиться, начав ввод своих войск в Польшу; вторая — окончательная, фактически полученная линия раздела Польши между Германией и СССР.

Таким образом, аргументы Яковлева на утреннем заседании 24 декабря совершенно не доказывают существования секретного дополнительного протокола к договору о ненападении. Наоборот,

они говорят о том, что Яковлев и руководимая им комиссия не смогли глубоко проанализировать те документы, которые были в их руках.

ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ, А. Н. ЯКОВЛЕВ!

Хотя есть другой вариант объяснения действий Яковлева утром 24 декабря. На его возможное существование наталкивает такой вопрос: как оказалось возможным всего за несколько часов вечера 23 декабря (после вечернего заседания) и несколько часов ночи и утра 24 декабря (до утреннего заседания) отыскать в особом архиве МИД СССР вышеназванный акт о передаче документов и заверенные машинописные копии секретного протокола на русском языке, о чем Яковлев ничего не говорил на вечернем заседании? Сколько времени от I Съезда до II Съезда народных депутатов (полгода) работала комиссия во главе с Яковлевым и ничего не обнаружила. И вдруг — такой быстрый прорыв.

Ответ на это один: Яковлев до вечернего заседания уже имел и акт, и заверенные машинописные копии. А на заседании о них не говорил потому, что надеялся «малой кровью» пробить на съезде утверждение выводов комиссии. И когда Яковлев увидел, что это не прошло, то он выложил сразу все имевшиеся у него аргументы, в том числе результаты экспертиз подписей Молотова на всех документах и идентичности пишущих машинок при печатании текста договора о ненападении и текста секретного протокола. Но если Яковлев обо всем этом знал заранее, в этой связи возникает вопрос: откуда Яковлев узнал о документах?

Ответ на вопрос: узнал через кого-то от шведского дипломата Рауля Валленберга, который вовсе не умер 17 июля 1947 года в тюрьме на Лубянке, как об этом сообщает акт за подписью начальника санитарной службы Лефортовской тюрьмы А. Л. Смольцова, а жил приблизительно до середины 1987 года, находясь в заключении у нас, в СССР. И недаром обращался к ныне покойному академику А. Д. Сахарову брат Валленберга (по матери) Ги фон Дардель с просьбой разыскать его в СССР (см. газету «Московские новости», № 37, 1989 год, заметка А. Д. Сахарова «Я тоже искал Валленберга»). Уходя из жизни, Валленберг должен был сказать о фальшивках. Почему? В нашей истории в течение конца 40-х — начала 50-х годов Рауль Валленберг, швадский дипломат, функционер отдела стратегических служб (ОСС) США, связной отдела с Берией и координатор его деятельности, должен был находиться рядом с Берией до прихода последнего к высшей власти в нашей стране. Затем Валленберг через некоторое время вернулся бы к себе на родину, в Швецию. А Берия должен был бы использовать все уже заготовленные и имеющиеся в СССР фальшивки для развала СССР как единого государства и поворота нашей страны на путь капиталистического развития. Но Берию разоблачили как агента иностранной разведки и расстреляли в 1953 году. Валленберг застрял в СССР на десятилетия, фальшивки так и лежали в СССР без движения, благо, они никому до последнего времени не были нужны. И вот в 1987 году открывается тайна о существовании этих фальшивок, и они в дальнейшем приводятся в действие.

Кому выгодны были эти фальшивки? Прежде всего националистам и экстремистам Прибалтийских советских республик Латвии, Литвы, Эстонии. Для какой цели? Для создания базы в вопросе выхода этих республик из состава СССР.

Проанализируем хронологию событий 1989 года по настоящее время, связанных с договором о ненападении от 1939 года.

На I Съезде народных депутатов СССР, состоявшемся в июне 1989 года, принимается решение о создании Комиссии по политической и правовой оценке договора о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года. Председателем этой комиссии назначается член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев. В составе комиссии, насчитывающей 26 человек, — 42 процента представителей Прибалтийских республик, кроме них, в состав комиссии были включены по два представителя от Молдавии и Украины, а также вошли такие одиозные фигуры в вопросе освещения отечественной истории, как главный редактор журнала «Огонек» В. А. Коротич и ректор Московского историко-архивного института Ю. Н. Афанасьев. Какого результата работы можно было ожидать от такого состава комиссии в подтверждении правильности действий Советского правительства того времени, связанных с заключением договора о ненападении? Только теперь уже известного. Подавляющее большинство членов комиссии и не собиралось обращать внимание на все те несуразности в документах, о которых шла речь выше. А как просили выступавшие на II Съезде народных депутатов СССР, проходившем в декабре 1989 года, представители Прибалтийских республик утвердить выводы комиссии! Когда эти выводы съезд утвердил, ликованию «прибалтов» не было предела. Перед ними открывалась дорога к непризнанию правомочности договоров 1940 года, касающихся вступления Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР, и серьезной постановке вопроса о дальнейшем пребывании Прибалтийских республик в составе СССР. Это и подтвердилось и подтверждается по настоящее время той деятельностью руководства этих республик, например, Литвы, Эстонии, которая направлена на их отделение от СССР. Что же Вы сделали, господин А. Н. Яковлев? Чей вы агент? На кого работаете, являясь главным советником Президента?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подытоживая все сказанное в отношении договора о ненападении, следует задать такие вопросы: 1) Что же произошло и происходит в последние два года в нашей стране? 2) Кто пришел к власти в партийные и государственные органы? 3) Если пришли патриоты, то почему до сих пор не разобрались в архивных документах; где они — подлинные, а где — фальшивки врагов СССР? 4) Неужели депутаты-патриоты не понимают, что использование в качестве документов фальшивок ведет к взрыву националистических настроений в республиках СССР, к развалу СССР как единой великой державы?

И в заключение еще один, последний вопрос: сколько же еще фальшивок находится в архивах МИД, КГБ и других ведомств СССР, связанных с деятельностью Берии и ждущих своего часа, чтобы способствовать развалу нашей державы, как это имеет место в нашей жизни сегодня?

●

Феликс ЧУЕВ

ЛЮБЕЗНЫЕ НАРОДУ ИМЕНА

— Собираюсь встретиться с Георгием Константиновичем Жуковым, — сказал Шолохов, когда разговор зашел о романе «Они сражались за Родину».

Это было в июне 1967 года в Вешенской, в доме Михаила Александровича. Я попал туда случайно. Вызвали в ЦК комсомола — я был тогда комсомольцем — и сказали: тебя приглашает Шолохов. Конечно, сперва не поверил, настолько неожиданно, тем более что в ту пору меня изрядно ругали за стихи о Сталине...

А получилось так, что Шолохов как секретарь правления Союза писателей СССР решил встретиться с молодыми писателями социалистических стран. Вот я и попал в такую интересную делегацию. А поскольку узнал об этом, когда все уже были в Ростове, то летел на другой день и оказался в одном самолете с Ю. А. Гагариным — сначала до Ростова, потом — на аэродром Базки. Шолохов встретил нас в Вешенской и сразу же отвез на берег Дона. Кроме молодых писателей, начальства московского и ростовского немало приехало. Сочная донская трава, жаркий день. Мы стоим под дубом, где, как сказал Михаил Александрович, встретились Григорий и Аксинья.

— Ну-ка, парень, читай, за что там тебя в Москве бьют?

Читаю свое неопубликованное стихотворение «Зачем срубили памятники Сталину...», с которым выступал на поэтических вечерах, и оно стало ходить в списках, что доставило мне немало неприятных минут. Когда дошел до середины, меня дернули за рубашку, — дескать, не читай, хватит. Шолохов заметил, осерчал:

— Вы и мне не даете ничего сказать! Над Львом Толстым один царь был, а надо мной — от секретаря райкома до Кремля! Вы все кричали «За Родину, за Сталина!», а теперь что говорите? Читай до конца!

Я очень волновался, но когда кончил чтение, увидел, что Шолохов прослезился. Он обнял меня, расцеловал, до сих пор ощущаю покалывание его усов.

— Моя старуха приглашает тебя на чашку кофе. — Земляки Михаила Александровича потом сказали мне, что в его устах такие слова — высшая награда.

Мы шли по тропинке, и Шолохов говорил — мудро говорил о жизни, о писательском труде.

...На другой день, 14 июня, хозяин повез нас в Кружилинский, на свою родину.

Разговор снова зашел о Сталине — о том, как он спас Шолохова от верной гибели в 1938 году (тут же, за столом, сидел И. С. Погорелов, которому ростовским НКВД было поручено расправиться с Шолоховым, но Погорелов пришел к Шолохову и все рассказал; и тогда Михаил Александрович приехал в Москву, к Сталину), о том, как в шолоховский день рождения позвонил Сталин: «Михаил Александрович, если друзья не приглашают к себе на день рождения, дай, думаю, я приглашу, может, я тоже когда-нибудь стану знаменитым!»

— Сидели со Сталиным всю ночь, — вспоминал Михаил Александрович. — С Хрущевым я пил водку, вино — все подряд. А со Сталиным пил только коньяк... Хрущев очень хотел, чтобы я о нем написал, прилетал ко мне сюда, но я хитрый старик! А Сталин в 1942 году спросил меня: «Сколько времени Ремарк писал «На Западном фронте без перемен»?» — «Три года, товарищ Сталин». — «Вот и вам за три года надо бы написать роман о победе советского народа в Великой Отечественной войне». То ли случайно он назвал такой срок, то ли прозорливо угадал окончание войны, — продолжал Шолохов, — но к 1945 году я написал первый вариант романа. Потом встретился с генералом Лукиным. Беседы с ним заставили меня многое пересмотреть. Вот хочу поговорить с Георгием Константиновичем...

Насколько мне известно, эта встреча не состоялась. Помешала болезнь Жукова.

В книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» читаем: «Очень хорошо сказал Михаил Шолохов в интервью газете «Комсомольская правда» в дни 25-летия победы над фашистской Германией: «Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине». К этим словам М. А. Шолохова вряд ли можно что-либо добавить. Они точны и справедливы. Верховный Главнокомандующий сделал все возможное, чтобы Ставка, ее рабочий аппарат — Генеральный штаб и Военные советы фронтов — стал подлинно мудрым и искусным военным помощником партии в деле достижения победы над фашистской Германией... В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Запомнился телефонный разговор с Шолоховым в 1971 году, когда Михаил Александрович спросил:

— Когда выйдут полностью мемуары Голованова? Что вы так долго тянете?

В те годы я помогал главному маршалу авиации Александру Евгеньевичу Голованову в создании книги его воспоминаний «Дальняя бомбардировочная».

Александр Евгеньевич много рассказывал о полководцах Великой Отечественной. С Жуковым они иногда перезванивались по телефону, Георгий Константинович прислал ему свою книгу «Воспоминания и размышления». Голованов прочитал и позвонил ему: «Помнишь, как мы с тобой летали в Сталинград в 1942 году? Как же ты мог поставить в своей книге на одну доску Рокоссовского и Еременко?» — «Кого, кого? — переспросил Жуков. — А, Еремен-

ко... Этого... Что ты хочешь, Александр Евгеньевич, в моей книге на 500 страницах замечания Главпура!»

После этого разговора А. Е. Голованов рассказал мне, как вместе с Г. М. Маленковым и Г. К. Жуковым летал в Сталинград. Верховный Главнокомандующий послал их туда выяснить, что нужно для победы на Волге:

«Прилетели, нашли командующего фронтом Еременко и члена Военного совета Хрущева в канализационной трубе. Жуков стал распекать Еременко, дескать, что тот плохо воюет, не хочет бить немца...»

Хрущев отвел в сторону Маленкова:

— Что вы там слушаете поповского сынка?

— Тише, тише, — сказал Маленков.

Мне стало неловко, и я отошел. Тогда я не знал еще, что Маленков и Хрущев дружат меж собой, а третий в их компании — Берия. И они всегда друг друга поддерживали. Что же касается «поповского сынка», то так Хрущев назвал А. М. Василевского, предполагая, что Александр Михайлович высказал Сталину свои сомнения по руководству Сталинградским фронтом, что, видимо, и послужило причиной нашей инспекционной поездки.

Учинив разнос Еременко, Жуков решил осуществить одну из своих, вероятно, давних задумок: провести ночную атаку с применением прожекторов.

Еременко доложил Жукову, что взята первая линия траншей.

— Где пленные? — спросил Жуков.

— Убиты.

— Где документы пленных?

— Сожгли.

— Врешь! — сделал вывод Жуков.

Взаимодействие родов войск не получилось. Атака пехоты захлебнулась. Мои летчики отбомбили не там, где надо, а один самолет даже сбросил бомбы на наш штаб.

Подобная атака удалась Жукову потом, в Берлинской операции. А сейчас он лег спать. У него была такая привычка: если ничего не получается, он ложится спать.

Когда мы вернулись в Москву, нас принял Сталин и спросил, что нужно для победы под Сталинградом. Маленков, а затем Жуков изложили свои соображения. Когда дошла очередь до меня, Сталин, наверное, думал, что я буду говорить об авиации, но я сказал: — Для победы под Сталинградом нужно немедленно снять Еременко и Хрущева!

— А кого вместо Еременко? — спросил Сталин.

— Кандидатура может быть только одна: Рокоссовский!

Жуков и Маленков поддержали мое предложение.

— Согласен, — сказал Сталин.

Так командующим фронтом под Сталинградом стал великий советский полководец Константин Константинович Рокоссовский, который блестяще провел операцию «Кольцо» по окружению и разгрому немецких войск. Вот почему я и позвонил Жукову... Однажды приехал с докладом в Кремль, — продолжал Голованов, — и увидел у Сталина два новых портрета, написанных красками. Это были портреты русских полководцев Суворова и Кутузова. Почему именно эти портреты появились в кабинете Сталина? Ведь были же на Руси и другие, не менее известные полководцы, спасшие ее в прямом смысле от порабощения, такие, как Александр Невский,

Дмитрий Донской, Минин и Пожарский! Не раз после появления этих портретов возникали в присутствии Верховного разговоры о Суворове и Кутузове.

— Нравятся? — спросил меня Сталин.

— Хорошие портреты.

— А кто больше нравится?

— Мне ближе Суворов.

— А Кутузов? Он ведь не только полководец, но и дипломат, мудрый в решениях и осторожный в действиях.

— Да, вы, пожалуй, правы, товарищ Сталин.

— А почему ты со мной соглашаешься? Суворов — 20 походов, 80 сражений, ни одного поражения! Умение быстро оценить обстановку, принять решение, в котором никогда не ошибался, а главное — солдаты шли за ним в огонь и воду, верили и всегда побеждали!

Мне ни разу не довелось слышать личного мнения самого Верховного, кому же из них он отдает предпочтение. За все годы общения с ним это был единственный случай, когда на заданный вопрос я не получил от Сталина конкретного, прямого ответа. И все-таки однажды, когда снова зашел разговор о Суворове и Кутузове, я был свидетелем того, как Сталин долго, молча прохаживался по кабинету, остановился и сказал: «Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы их между ними пополам», — закончил свой рассказ А. Е. Голованов.

...Сейчас, вспоминая эти разговоры, я и сам не верю, что это было, что беседовал с людьми, составляющими славу Отечества, что Жуков сидел передо мной — живой, настоящий, как на портретах, только лицо казалось более благодушным. И весь он как бы расслаблен был. Только что выступал перед аудиторией, говорил о Московской битве. Впрочем, о чем он говорил, для меня не имело значения. Я смотрел на Жукова. А говорил он довольно долго и, в общем, ничего нового не сказал, — может, потому, что это было одно из первых публичных выступлений после опалы, и он старался ничего не говорить от себя.

Но тогда я и об этом не думал. Более интересным мне показалось то, что он сказал потом, не для аудитории. Беседа наша была недолгой, но я успел задать ему несколько вопросов.

— Георгий Константинович, я много читал, но не могу понять, почему немцы не взяли Ленинград?

— Как же они могли взять Ленинград, — ответил Жуков, — если я командовал Ленинградским фронтом!

И правда, подумалось, как они могли взять?

— В своей книге вы не очень лестно пишете о моряках — то ли у них с вами не получалось, то ли у вас с ними...

— А вы ответьте мне на вопрос: что в первую очередь делает Россия, когда начинается война?

— Объявляет мобилизацию.

— Неверно.

— А что?

— Топит флот.

Заговорили о Сталине.

— К моему сожалению, — сказал Жуков, — мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум.

(Вспоминаю, как не так давно на вечере в Доме литераторов один из выступавших пытался как бы «столкнуть» Жукова со Сталиным. После этого на трибуну вышел маршал авиации С. И. Руденко: «Я неоднократно был свидетелем общения Жукова с Верховным Главнокомандующим. Должен сказать, что у них были отношения, полные взаимного уважения. Сталин видел в Жукове талантливого полководца, а со стороны Жукова это были отношения к старшему по званию и по должности, как и положено в армии. В некоторых фильмах актер, играющий Жукова, чуть ли не левой ногой открывает дверь в кабинет Сталина. Это не соответствует действительности»).

— Сталин меня снимал, понижал в должности, — продолжал Жуков, — понижал, но не унижал, и попробуй меня кто-нибудь при нем обидь — Сталин за меня бы голову оторвал!

Почему я это вспомнил? В последнее время немало говорилось в печати о Шолохове и Жукове и, в частности, об их взаимоотношениях со Сталиным. На мой взгляд, многое освещается тенденциозно, в угоду времени и настроению определенной части общества. Правдивых статей меньше.

Появились ранее не печатавшиеся записи Г. К. Жукова, данные о переписке Шолохова со Сталиным — о голоде 1933 года. Все это, безусловно заслуживает внимания, но мне кажется не менее существенным и то, что было опубликовано на эту тему при жизни этих двух незаурядных людей, кстати, не менявших своих убеждений в зависимости от политической погоды. Мы знаем, что писал Жуков о Сталине. Высказался в свое время и Шолохов о своей переписке с ним. В очерке Шолохова «О простом слове» читаем:

«В 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края под видом борьбы с саботажем в колхозах лишили колхозников хлеба. Весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, был изъят. Многие коммунисты, указавшие руководителям края на несправедливость и недопустимость проводимой ими политической линии, были исключены из партии и арестованы.

В колхозах начался голод. Группа партийных работников северных районов Дона обратилась с письмом к товарищу Сталину, в котором просила расследовать неправильные действия краевого руководства и оказать ряду районов продовольственную помощь.

Через несколько дней от товарища Сталина была получена телеграмма: «Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру».

В районах начали кропотливо считать, сколько понадобится хлеба, чтобы дотянуть до нового урожая. Снова было послано письмо с расчетами, выкладками и указанием необходимого количества продовольственной помощи для каждого района. В ответной телеграмме товарищ Сталин сообщил, какому району и сколько отпущено хлеба, и упрекнул за промедление: «Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени».

Тысячи честных колхозников были спасены от нужды. Люди, пытавшиеся уморить их голодом, были расстреляны».

Могут возразить, что ни Шолохов, ни Жуков не знали того, что знаем мы сейчас. А мне думается, что они-то как раз знали больше, чем мы, дожившие до перестройки.

Поэтому я и решил написать то, что слышал сам от двух воистину эпохальных сынов нашего Отечества, живших в значительное и трагическое время.

А. Е. Голованов рассказывал.

— Когда Жуков прилетел в Москву, не зная, что уже снят Хрущевым, его встретила на аэродроме не свита, а порученец. Доложил, что освободили от должности министра обороны.

— А кого назначили? — спросил Жуков.

— Малиновского, товарищ маршал.

— Ну, это еще ничего, — сказал Жуков. — А то я подумал — Фурцеву...

«Когда меня сняли, — говорил Жуков Голованову, — мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег. Оказалось, ничего нет. Дали пенсию четыре сотни, а я всегда 200 рублей посылал первой жене. И теперь посылаю. Ей-то какое дело, что я уже не министр? Вот нам 200 рублей на жизнь остается. Можно, конечно, ездить и на трамвае, но я ведь одиозная фигура, меня будут фотографировать для иностранных журналов! Отдал солдату свой баян, он сдал его в комиссионку, принес мне 500 рублей..»

Голованов едва ли не первым приехал навестить опального Жукова.

— Не боишься, что тебя арестуют? — спросил Георгий Константинович. — Знал бы ты, сколько зла я тебе сделал! За Берлинскую операцию ведь это я вычеркнул тебя из списка Героев, а теперь жалею. Эх, Александр Евгеньевич, дожил я до седых волос, а так и не научился в людях разбираться: кого прижимал, кому не давал ходу, оказались хорошими людьми, а кого поднимал — выяснилось, подхалимы, и сейчас, когда я не у дел, даже никто не позвонит! А раньше на брюхе передо мной ползали...

Известно, как в одном из документов переусердствовали, перед подписью Жукова написав не просто «Заместитель Верховного Главнокомандующего», а «Первый заместитель».

— Я не Первый, а единственный, — сказал Жуков.

...Жизнь подарила встречи со многими выдающимися людьми. Я видел в них величие и волю, талант и государственность, мудрость и отвагу.

Шолохов и Жуков... Совершенно разные люди, непохожие характеры. Фотокорреспондент Виктор Темин показывал мне ответ Жукова на вопрос: что составляет главную гордость его жизни?

«Горжусь, — ответил маршал, — что свою родную столицу защищал, а чужую, вражескую, взял».

Была своя особая гордость и у Шолохова, но я о ней не догадывался. Представляю, как ему было обидно не один год слышать злобную клевету о том, что не он — автор «Тихого Дона».

— Раньше у меня был чемодан черновиков, ездил, доказывал.. Но, ребята, я же написал «Лазоревую степь»!

Признаюсь, до этого высказывания я не очень обращал внимание на рассказ «Лазоревая степь». Но, приехав домой, сразу же раскрыл нужный том. Эти восемь страничек — настоящая, божественная литература, и Шолохов как профессионал гордился рассказом, написанным в 21 год...

Как бесценные сокровища храню я автографы Маршала Победы и Маршала Слова. Бесценные. Ведь Шолохов и Жуков всегда будут любезны народу, потому что даже в трудную годину над головой одного — необыкновенно яркое солнце, а у ног другого — поверженные вражеские знамена.

Литературная критика

Виталий КАНАШКИН

СТАВКА НА «СВОЛОЧЬ»

Прежде всего проясним суть термина: «сволочь» — изначально понятие не бранное, а простонародное, точнее, просторечное. И означает оно, если подходить к нему исторически, случайный подбор людей, некое интернациональное скопление, достаточно разнящееся с тем, что называется национально-историческим организмом или народом. «Войско его состояло из трехсот яицких казаков, ста калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян и всякой сволочи», — читаем в «Истории Пугачева». Примеров, говорящих о том, что «сволочь» в пушкинской речи было словом неругательным, можно привести множество. Хотя бы из того же «Домика в Коломне»: «Из мелкой сволочи вербую рать»... О «сволочи» как о людском «сброде» толковал «Словарь Академии Российской...» пушкинской поры, где значилось: «Сволочь — собрание, сходбище. В этом доме живет всякая сволочь».

Однако в своей статье «Пушкин — историк» М. Н. Покровский, приведя из «Истории Пугачева» известный рассказ о том, как заводская шпана («Эта сволочь большею частью безоружная») голыми руками отбила у служивых людей пушку, укоризненно заметил: «От эпитета «сволочь» революционеров ничто не могло избавить под пером нашего поклонника Пугачева...» И сделал заключение: Пушкин был неизменным «монархистом и националистом», что надлежит отметить «просто и прямо».

Подойдя к пушкинскому тексту с предельно заостренной революционно-классовой меркой, М. Н. Покровский не столько «выявил» тайные пристрастия «сына своего класса», сколько исказил и вульгаризировал представления о тех живых исторических силах, которые сами «торят себе дорогу». Апологизированным вольно или невольно оказалось то, что Даль позднее определил как «безродную совокупность», «сход шатунов», «сборище негодников, в своих интересах сошедшихся», иначе говоря — «сволочь».

Присматриваясь к сегодняшним интерпретациям предреволюционного февральского и октябрьского отрезков нашей истории, мы без труда подмечаем, что в них огромную роль сыграла «людская смесь», сокрушившая российскую государственность и отдавшая Россию в руки космополитов-тоталитаристов. В прошлом советский, а ныне израильский прозаик Александр Суконик в повести «Мой консультант Болотин», получившей весьма широкий резонанс, показывает симптоматичную для наших дней личность, у которой не все ладится, так сказать, с официальной логикой. Приехав в Америку, герой повести Болотин при встрече с одним профессором, русским евреем по происхождению, не без непосредственности заявляет, что А. Н. Яковлев в такой же степени русский, как и Солженицын, чем в парадоксальной форме пытается провести параллель между советским и русским началами. Однако в ответ слышит холодное возражение, что он ошибается, что «революцию делал не русский народ», что «большевикам прежде, чем привести русский народ к покорности, пришлось уничтожить двадцать миллионов русских людей». Как личность неоднозначная, Болотин задается вопросом: кто же тогда были эти «большевики», уничтожившие двадцать миллионов русских, и, прокручивая в уме списки первых наркомов, приходит к выводу, что они были «скорее всего — евреи». Но профессор, тут же отвергая его умозаключение, с вежливой улыбкой замечает, что евреи к русской революции никакого отношения не имеют. «А... Троцкий, например?» — удивленно вопрошает герой повести. «А Троцкий не был евреем...» — еще мягче улыбаясь, парирует профессор. И поясняет, что революционный вождь был «антисемитом-ассимилянтом», сделавшим ставку на преступный «интернационал отщепенцев», то есть явился той составной еврейской космополитической субстанции, которая нашла наиболее полную реализацию в русской революции.

Под названием «Мой консультант Болотин» А. Суконик поставил подзаголовок: «Из цикла «Омертвление». И в статье «О религиозном и атеистическом сознании», увидевшей свет в одном из «Вестников русского христианского движения», расшифровал его: «Опыту русского еврейства досталось несравнимо меньше внимания, нежели любому другому. Во-первых, здесь сказалась многолетняя отделенность СССР от внешнего мира, во-вторых, неясность и сложность процессов, там происходивших и подкрепляемых двуликостью марксизма. Но самое главное, что этот опыт, вобравший в себя уникальный процесс ассимиляции русского еврейства, требует взгляда не вовне, а наоборот, вовнутрь самих себя. И поиска Зла именно там».

Философему этого Зла А. Суконик выразил одним словом — интерсатанизм. И, вспомнив, как во время московской встречи с Б. Слуцким внезапно «ощутил в его ипостаси» не просто «советского поэта», а и комсорга, политрука, члена ВКП(б), марксиста, готового во имя псевдосоциальной идеи крушить вся и всех», почти дословно воспроизвел ту трактовку русско-еврейской психологической раздвоенности или «ассимилянства», что нашла выразительное воплощение в одном из трудов Якова Клацкина еще в 1930 году. «Праведники-радикалисты, — писал этот известный русско-еврейский деятель в своей книге «Проблемы современного еврейства», — на всех стадиях ассимиляции приносят вред не только еврейскому народу, от которого никогда окончательно не отходят, но и тому народу, в который они стремятся войти, чтобы властвовать над ним. Они мутят источник чужой культуры и опошляют ее, хотя кажется, что проникают в ее глубины. Этим они оскорбляют ее основы. Они остаются неизменно поверхностными или превращаются в злостных разрушителей. Их сила — ирония и издевательство, самовлюбленное мудрствование и всезнайство. Обо всем, всегда около,

без проникновения в сущность. Они, еврейские ассимилянты, очень любят быть космополитами, ибо презирают силу национального единства. Соглашательские души, не понимающие святости самобытности и неповторимости, они нигде и всюду дома. Они очень любят быть демократами и самыми передовыми из передовых. Слыть апостолами свободы и работать против всего того, что свободно. Они — фальсификаторы, постоянно стирающие всевозможные границы, потому как в их эгоистических натурах все границы изначально стерты...»

С этой проницательной характеристикой Клацкина (а вместе с ним и Суконика) невозможно не согласиться, но ее реальную весомость, очевидно, лучше всего выводить не столько из изобличения еврейских ассимилянтов, сколько из интимно-обобщающего звучания, как бы присовокупляющего и вовлекающего в поле зрения других интернационалистов-пропагандистов, то есть ассимилянтов как таковых вообще. Дело в том, что феномен еврейского психологического раздвоения приложим в полной мере и к субъекту российскому. Его общественно-социальная схема представляет некий злополучный треугольник, вверху у которого — элитарно-паразитарный интернационал, внутренне народу чуждый и народом неизменно отвергаемый, а внизу — скопище пособников властителей-искусителей, коловерть безродных «симпатизеров», выступающих «катализатором» общенародного настроения. Прибегая к ретерминологии прошлого века, — фрондирующая «знать», опирающаяся на «сволочь» и при помощи «сводни» благополучно долженствующая в духовно-потревоженном пространстве-времени.

Впрочем, «знать» применительно к послереволюционной «верхушке» — определение весьма и весьма условное, ибо являла она собой не респектабельную когорту просвещенных полемистов-ортодоксов, как силится представить наша нынешняя «раскрепощенная» пресса, черпающая вдохновение в Октябрьском перевороте, а свалку демагогов, готовых ради самоутверждения на самое темное действие. При рассмотрении «личных данных» у закрепившихся в России революционных лидеров бросается в глаза, что никто из них не обладал каким-либо «познанием», а были они все отъявленными «неуками», имевшими опыт исключительно конспиративно-заговорщической деятельности, ориентированной на «мировой кавардак». Ввиду того, что образы ведущих «вождей» под пером наших новейших поборников гласности приобрели излишне субъективный авторский оттенок, воспроизведем их черты по первовосприятиям тех давних лет.

Троцкий... «В этой зловещей фигуре, — узнаем из книги «Без будущего» профессора-психиатра Н. В. Краинского, вышедшей в Белграде в 1931 году, — невозможно обнаружить никакого ума. Злоба и месть — вот все содержание его пустой и экспансивной, безнадежно преступной психики. Троцкий — не невменяемый фанатик — это мерзавец революции и криминальный тип, какой редко видел мир. И, конечно, не свободу и счастье несет троцкизм, а горе и страдание грядущим поколениям».

Зиновьев... «Митинговый эквилибрист и мастер интриги, политический хитрец и бытовой пачкун...» — таким представляет нам другого «лучезарного брата» А. Д. Нагловский, первый торгпред в Италии, и большевик-невозвращенец в своих «Воспоминаниях», увидевших свет в 1968 году в Нью-Йорке («Новый журнал», № 90). И конкретизирует: «В Петербурге Зиновьев выступил вдохновителем террора. При этом, будучи патологически трусливым, прибег к необычайной охране. У входа в Смольный посадил бессменных пулеметчиков за двумя пулеметами. Пропуски посетителей контролировались на каждом этаже. Доверял только двум своим женам. Ко всем другим проявлял подозрительность и беспощадную жестокость. Мог выдвигать на видные места и тут же сбрасывать в неизвестность».

Крестинский... Согласно сведениям, содержащимся в книге Я. Соломона «Среди красных вождей» (Париж, 1930 г.), «этот аппаратный доверенный сам, нисколько не стесняясь, с некоторым цинизмом охотно сообщал, что страдает сифилисом, прибавляя при этом с легким смешком: «Не бойтесь, теперь это, хе-хе-хе, не заразительно...» Рыжеволосый, с густыми нависшими бровями, носил рыжую с проседью бородку. Выражение глаз было неискреннее, со вспыхивающим в них по временам злобным огеньком. В их глубине светилась и хитрость, и ехидство, и садизм...»

Розенгольц... В книге С. Дмитриевского «Советские портреты» (Берлин, 1932 г.) подан как «ужасный тип». И в самом деле, фельдшер по специальности, Розенгольц выдвинулся на военно-чекистской работе и прославился вандализмом, повергшим в смятение даже такого убийцу, как Блюмкин. Подбирая команду для «служения революции», он задавал кандидату единственный вопрос: сколько контриков им расстреляно? Если спрашиваемый тушевался или отвечал, что «не приходилось», то отправлялся в трудрезерв, как никуда не годный для «общего дела». Впоследствии Розенгольц «кровавую деятельность» сменил на дипломатическую и, танцуя с дамами дипломатического корпуса, давал понять, что чувствует себя «в своей тарелке», что соответствовало истине, так как он входил в троцкистскую фракцию или «отряд международных кондотьеров».

А вот некоторые взаимооценки вождей.

Зиновьев о Троцком: «Вероломный олигарх».

Троцкий о Зиновьеве: «Шатун и сума переметная».

О Бухарине: «Полуистерик и полумарксист».

О Сталине: «Левая нога Ленина».

Крестинский о Сталине: «Дрянной человек с желтыми глазами».

В потоке новых и новых публикаций о Сталине продолжает варьировать один и тот же тезис: сталинизм — это эпоха террора, а сам он — единоличный изверг. Попробуем обернуться еще раз «к отцу народов» и перечитать посвященные ему страницы. «Мелкий агент охранного отделения, был завербован в 1906 году жандармским ротмистром Засыпкиным. До 1917 года «не отличался не только литературным талантом, но не мог похвастаться грамотностью своих писаний». «Сталин малокультурен и ничего дельного по обсуждаемым вопросам сказать не может... Ленин ввел его в ЦК, не боясь со стороны политически незначительного Сталина какой-либо конкуренции. По этой же причине сделали его генсеком Зиновьев и Каменев: они считали Сталина человеком политически ничтожным...»

Кто это пишет? А. С. Михельсон в книге «Кто управляет Россией?», увидевшей свет в 1933 году в Берлине, и Б. Бажанов, в известном многим «Побеге из ночи», публиковавшемся в «Огонь-

ке» в 1989 г. Сталин — узурпатор, подтверждают они, но при этом вносят принципиальное уточнение. В дальнейших переустроительных планах именно этот исследователь марксизма-ленинизма, приказавший переводить ему все статьи, касающиеся коммунизма, из двух газет — еврейской «Форвертс» и немецкой «Форвертс» — был выделен «кругом вождей». И, несмотря на ленинское несогласие, возведен на место главы партии и практически страны.

Когда некоторые современные издания с придыханием подсчитывают национальный расклад в стане кормчих революции, они не учитывают, что для синдиката международных банкиров, тайно финансировавших приход именно этих «братьев-победителей», существенным было не «расовое единообразие» на новом российском престоле, а наличие такого продуктивного интерправительства, которое могло бы «шкуру российского медведя снять через его уши». Фраза, заключенная в кавычки, принадлежала Гейне и была, по словам информированного белого генерала Арсения Гулевича, исключительно расхожей в устах магната Животовского, женившегося впоследствии на дочери Троцкого. Что же касается А. Гулевича, то он в книге «Царизм и революция» не только назвал многомиллионные суммы, которые внесли в «красное дело» немецкий подданный Животовский, братья Варбурги, Яков Шифф, Морган, Рокфеллер, Ротшильд, другие западные «контролеры российского переустройства», а и обозначил цели этой «конспиративной группы»: «мировая власть», опирающаяся на «ассимилированный интернационал», закрепленный на «наиболее значимых географических пространствах». Как явствует, для задуманного мировым альянсом «преобразования России» одинаково годились сволоченные воедино и грузин-русофоб Сталин, и еврей-русофоб Троцкий, и россиянин-русофоб Бухарин, вместе со своим тестем Лариным-Лурье длительное время добивавшийся введения во всех учебных заведениях экзамена по антисемитизму. Кстати, этот самый Бухарин за социально-теоретические разработки, которые рекомендовалось практиковать только на непривилегированном русском населении, уже в период нынешней перестройки был зачислен вместе с «недопонятыми» Берией, Свердловым, Кагановичем в разряд «самых славных сынов Израиля» («Возрождение», Иерусалим, 1985).

В. Розанову, прожившему после великого переворота только год с небольшим, одному из первых удалось рассмотреть, что российская «почва» оказалась целиком захваченной абстрактными понятиями и агрессивными вожделениями и что ассимилированное сознание пришельцев, убедительно научившееся объяснять «русскому стаду» крайности революционной переделки, руководствовалось сторонней целенаправленной подсказкой и лишь умело рефлектировать на нее. «Наша трагедия,— сделал он пророческую запись в своем последнем дневнике, — заключается в том, что мы в шумной массе своей не заметили самое главное — больших и малых дирижеров, людей блуждающих и чуждых, — дирижеров, по нотам разыгравших симфонию убийства России, ее растления и гибели... Несясь к обрыву, мы вообразили, что несемся «к свету», к «братству и любви», тогда как на самом деле жизнь показала это убедительно: мы падали, захлебываясь в мракобесии «передовых идей», отравленные ложью сатанизма и предательством сволочи...»

Первая половина 30-х принесла с собой уже очевидные для всех катаклизмы: коллективизацию и уничтожение крестьянства как станового российского хребта. И к этому беспримерному злодейству оказались одинаково причастными и сталинисты, и оппозиционеры, согласованно усматривавшие в русском мужике своего наипервейшего противника. Однако с этого же момента началось и «распознание» адептов «мировой конспирации», так как Россия, опутанная цепкой паутиной интернационально-креатурного догмата, стала заявлять о себе как о явлении куда более сложном, нежели это представлялось закулисным финансистам, прозападным марксистам, кремлевским партинквизиторам и прочим ассимилянтам всех мастей. На российских просторах, как когда-то и предполагал Данилевский, приоритет стала брать национально-историческая идея и одним своим наличием принуждать сторонников «Интернационала», а значит, в недавнем прошлом и мирового интернационального Коммунизма, размышлять о новом крестовом походе против россиян.

В своей работе «Русская политика самосохранения» *, опубликованной в Мюнхене в 1959 году, то есть за 25 лет до провозглашенного М. Горбачевым так называемого нового политического мышления, Александр Уайт с поразительным пониманием воспроизвел очертания этой лицемерной «освободительной миссии». «Мировая демократия, подобно мировому коммунизму, будет представлять собой движение в высшей степени организованное и губительное для грядущей русской судьбы, и его конечная цель — российское разложение»,— отметил он. И устраняя возникновение каких-либо сомнений, пояснил: те «Свободы и Гласность, что придут на смену Диктату и Тоталитаризму», окажутся еще более «беспощадной разновидностью закабаления для русских людей».

Что еще увидел А. Уайт в устремлениях цивилизаторов-интернационалистов? Приход в Россию того дня, когда мировое Сообщество, разгромив здоровые государственные силы, отслоившиеся за тяжелые годы коммунистического эксперимента и в партии, и в армии, и в аппарате, водрузит на фасаде бывшей Российской империи и бывшего Союза Советов свою официальную вывеску. Чем это будет чревато для народов когда-то великой державы? А. Уайт дал ответ и на этот вопрос: парцелляцией страны, ее дроблением на мелкие национальные и этнические соединения, легко подпадающие под пригляд единого Демократического Центра. До той поры, пока «интернациональный Коммунизм», по наблюдениям А. Уайта, совпадал в переустраивающейся России с целями и задачами «координаторов из Европы и Америки», он поддерживался ими ретиво и действенно, а как только принял «русский уклон», был немедленно объявлен таким же злом, что и колониализм, царизм, шовинизм.

Анализируя повторяемый на Западе на все лады тезис о том, что «Россия переделала коммунизм больше, чем коммунизм переделал Россию», А. Уайт не исключил, что в самом ближайшем будущем новые советские правители благосклонно отреагируют на предложение «Крестоносцев-благодетелей» сомкнуться с ними, более того, вместе пойдут на «приведение к норме» русской орды. Основанием для такого соображения у него выступило то, что в высшем эшелоне власти давно и надежно закрепи-

* См. «МГ» № 4. 1991 год. (Прим. ред.).

лась декоративная прослойка, которой все равно, чей стяг нести дальше... Эта прослойка, по Уайту, совершит «свой фортель» довольно скоро — не по неведению или попустительству, как было в Феврале семнадцатого, а потому, что сама «Советская Головка» есть порождение «космополитических Мировых сил» и, как бы она ни желала «сохранить самостоятельность, ей все же легче будет следовать за цивилизованным революционным Западом, нежели за Россией и ее самобытной историей».

Нет смысла особо подчеркивать провиденциальность А. Уайта: он, по существу, добросовестно выразил то, что четверть века назад было «разлито» в атмосфере времени. Однако имеется в «Политике самосохранения» я некий пункт, для сегодняшнего момента столь важный, что его лучше всего привести полностью: «Если мы еще не утратили веру в российский гений, если не утеряли окончательно государственный инстинкт, который несомненно владеет миллионами россиян, то во всем надо без промедления поддержать их, подтвердив правильность их диагноза, а именно, что Запад им не союзник, а враг, и что всякая ставка на западную освободительную акцию равносильна предательству России...» — таким призывом завершил А. Уайт свой труд, как бы напрямую обратившись к нашему опыту и полагаясь на него, на то, что мы, вкусив в конце концов демократической сивухи, окажемся все же не в равной степени «опившимися». И попытаться вразумить всех изверившихся: клеймя Россию, мы клеймим «всю совокупность своего исторического наследия и тем самым на радость врагу сами оплевываем себя...»

Имеется в «политике самосохранения» и еще один «загляд» в наши дни: раздумья автора о «Демократическом Штабе» и «Демократическом Андеграунде». Первый — это мировой сверхцентр, состоящий из самых посвященных, второй — интерсброд, без которого демократическое движение как либерально-космополитизированное самоизъявление массового человека практически недееспособно. Соединив их в единое целое, А. Уайт предложил своим приверженцам набраться мужества и подумать о том, с какой легкостью в случае успешного построения Мировой Системы может закатиться российская звезда. Да и не только российская. «Нет сомнения, что первым шагом мирового правительства,— пришел он к окончательному итогу,— будет необратимое деление Советского Союза, проведенное парламентским путем, на суверенные и совершенно независимые малые государства и, конечно, поголовное истребление русскими же руками последнего российского государственного подгона, разумеется, под предлогом того, что эти элементы поддерживают бюрократизм, социализм и ряд других неугодных Западу «измов».

Идея мирового правительства, опирающегося на эгоцентрический «подкормленно-приватизированный» слой, на уровне обыденного сознания воспринимается, как правило, приглушенно. «Где данные о том, что «избранные» готовят своих плановиков-послушников для управления мировой диктатурой?» — вопрошает это сознание и относит всяческие разговоры о всесильных манипуляторах к области слухов, эпатирующих абсурдов. Однако такие данные имеются, и их относительная сокрытость говорит об элементарном — о том, что коллизии жизни пролегают не по прямой. «Под гигантским куполом Южно-Иллинойского университета, — повествует Гари Аллен в книге «Никто не решится назвать это заговором», развивая и конкретизируя то, о чем поведал А. Уайт, — находится подробная карта мира, занимающая пространство трех футбольных площадок». Финансируемая фондами Карнеги, Рокфеллера и др., целая плеяда ученых программирует контроль над человечеством. Эти элитарные планировщики теоретизируют над задачами, которые они называют пока «мировой игрой». Например: слишком много населения в стране А и не хватает населения в стране Б. Как осуществить переброску людей, чтобы не была нарушена пропорция возрастная, половая и т. п.? Или: в стране В произошли волнения. Сколько нужно выждать, прежде чем послать силы «мира» на приведение «взбунтовавшихся» к порядку?

Внутренний механизм глобального мирового контроля, осуществляемый диктатом «избранных», Г. Аллен определяет как недемократическую тактику «нажима сверху и нажима снизу». Что это означает на практике? А то, что тайные проводники начинаний Мирового Центра реализуют его предложения в своих странах или на местах, как принято выражаться сейчас, с опорой на охлос, точнее, на духовное отребье. Народ смертельно сжимается в тиски с одной стороны облагодетельствованными радикалами, требующими минимум «свободы и блага каждой личности», с другой — «ратью сволочи», наивно представляющей, что при торжестве «демократического рынка» всем будут распоряжаться «простые люди». В результате народ уступает «поступи преобразований» и прикладывает все силы для того, чтобы приноровиться к «переменам», ниспосланным неукротимым Комбинатором.

Приведя в своей книге мимоходом оброненные слова прозаика Бенджамина Дизраэля, доверенного лица Ротшильда и английского государственного деятеля, захваченного предстоящей перестройкой «красной части света»: «Миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами», Г. Аллен обнародовал «имя» мирового клана — «Бильдербергеры». И пояснил: «Странное название этого сообщества происходит от названия отеля «Бильдерберг», в котором в мае 1954 года имело место первое собрание участников, взявших курс на новый мировой расклад».

Во второй половине 80-х завеса секретности с «высокопородных совещателей» была частично снята, и выяснилось, что Ротшильд, Хаммер, Киссинджер, другие демократы-магнаты еврейского происхождения более всего заинтересованы положением дел в социалистическом стане, где элитарный слой уже проникся необходимостью реконструирования «своего сооружения», только вот без «интернациональной поддержки» не сможет его осуществить.

В 1988 году с воззванием о коренном пересмотре наших государственно-социалистических идеалов со страниц «Правды» не замедлил выступить Г. Шахназаров и в своей статье «Мировое сообщество управляемо» не просто продекламировал известные положения космополитического масонства с его фальшиво надклассовым человеколюбием, а и дословно (вплоть до текстуально-смысловых совпадений) преподнес нам программу мирового Центра, то есть того самого Бильдербергского клуба, который объединил на сегодняшний день заправил-монополистов, буржуазных идеологов, боссов-миллиардеров военно-промышленного комплекса и прочих властителей, о которых более подробно еще не

поздно прочитать в статье «Что есть что в мировой политике» «пропущенной» у нас в 1987 году в «Словаре-справочнике».

Прошло время и мертвые объятия новоявленной «инквизиции с демократическим лицом» перед россиянами раскрылись вполне, и весь вопрос ныне заключается в том, в какой степени аморфную массу они, россияне, теперь представляют.

В репортаже «Бжезинский строит планы» газета «Рабочая трибуна» сравнительно недавно, в феврале 1991 года, сообщила, что «мировые координаторы», обнаружившие уже достаточную для них статичность и замумизированность «советского населения» устами З. Бжезинского внесли свежий корректив в «проспект союзного переустройства». Во-первых, порекомендовали не «класть яйца в одну корзину», то есть не опекать больше Горбачева, демонстрирующего «двойную лояльность», а все силы бросить на поддержку Ельцина, сулящего «сплошную лояльность». Во-вторых, «по образцу Тайваня», установить действенные связи с формальными и неформальными организациями тех республик, областей и регионов, у которых наметился реальный откат от Союза.

В этой новой миродержавной устремленности самое примечательное, пожалуй, уже ничем не прикрываемая ставка Мирового Клана на либерально-демократические региональные образования, которые, по словам того же Бжезинского, обязаны интенсивно «разрастаться на тоталитарно-самоотчуждающемся теле советской империи и сокрушать его».

И во всем этом — какая-то прямо-таки поразительная согласованность с деятельностью наших главных самоотреченцев: Горбачева, получившего Нобелевскую премию за «ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни мирового сообщества», и Ельцина, завоевавшего в Большом Совете дополнительные очки за «персоналитическое воззвание», с которым он обратился во время своего осеннего (1990 года) вояжа к народностям России: «Берите власти столько, сколько сумеете проглотить...» (на трезвую голову такую фразу и не придумать).

Однако миродержавность, пытающаяся через любые элитарные слои овладеть реальностью, то есть узурпировать народную жизнь, думается, всегда будет фикцией или началом конца. Около пятнадцати лет назад советский эмигрант Симон Маркин в статье «Еврейские образы в творчестве Солженицына» (журнал «Дела советских евреев», 1977, № 1) спрогнозировал: «Либерализация, демократизация и гуманизация режима в духе Сахарова и Медведева скорее всего принесут пользу евреям. Только демократы вряд ли выйдут победителями...» Более вероятными С. Маркину представились другие варианты национального пробуждения россиян. В первом случае это может быть разновидностью общенародного самоосуществления, во втором — воплощением солженицынских идеалов, предположил он. И подытожил: для национально мыслящих евреев и то и другое окажется «возможностью возвращения к реальности» для ассимилянтов же, ориентирующихся на «сволочь» и ведущих расчетливый диалог с «базаром» — предупреждением, чтобы «они еще раз не попали в ловушку».

●

Ирина ШЕВЕЛЕВА

СУДЬБА РУССКОГО СЛОВА

Так бывает: слово, сказанное вроде бы по частному поводу, стихотворная строка, произнесенная по случаю, рядовая публикация в прессе вдруг привлекают внимание, обретают громкость, становятся заметным общественным явлением. Именно это и произошло со статьей поэта Ивана Лысцова «Глухота» — развернутым откликом на очередной выпуск сборника «День поэзии» столичных авторов. Она появилась 19 марта 1969 года в московской областной газете «Ленинское знамя», то есть на страницах издания, далекого от литературных битв. Тем не менее в ней, как в капле воды, отразилась вся тогдашняя литературная погода. Многим читателям доныне помнятся и взвинченная атмосфера громкого «скандала», и первые дружные залпы в печати — тех, кто сегодня шумно и высокомерно объявил себя «прорабами перестройки», кто с удесятеренной яростью втаптывает в грязь всех, не принадлежащих к стану «неприкасаемых».

Суть давнего конфликта — не вызванного, а лишь выявленного публикацией «Глухоты» — станет понятной, если привести одно-единственное сегодняшнее высказывание самозванного «прораба духа», члена группы отколовшихся от Московской организации писателей «Апрель» Ю. Черниченко о том, что «патриотизм — это свойство негодяев». Да, статья Ивана Лысцова была написана в защиту патриотических традиций русской поэзии. Но в ней содержалось, еще как бы в зародыше, такое множество вопросов, что обсуждение статьи приняло широкий общественно-политический характер, стало поводом к размежеванию в литературе и культуре в целом, результаты которого вовсю сказываются в наши дни.

Вот наглядный пример. С болью и ужасом цитировал И. Лысцов строки тогдашнего поэтического «метра» Б. Слуцкого о русских воинах, якобы в страхе прижимающихся перед атакой к земле душой, как животом. Через два десятка лет эту цитату проложил в своей статье о фронтовой поэзии «Ради жизни на земле» («МГ», 1987, № 8) Станислав Куняев, который еще более резко высветил «упакованное» в стихотворную форму явление, имя которому — русофобия. О «животных» инстинктах, якобы изначально присущих русскому человеку, ныне пишут многие распоясавшиеся «прорабы» — «духа», «перестройки» и сомнительных архитектурных проектов...

Слава Богу и Президенту, ныне мы вслух говорим о спланированном унижении России, о геноциде русского народа, об искажении его культуры, шельмовании наших культурно-исторических традиций. А двадцать два года тому назад? Иван Лысцов

сдержанно, хотя и не скрывая естественной обиды за обойденных вниманием русских поэтов, указал на некий «селекционный отбор» как среди поэтических имен, так и в тематике, гражданской позиции, эстетических установках, производимый на страницах этого и предыдущих «Дней поэзии», в которых публиковались творения в основном поэтов, так сказать, «благородного», «интеллектуального» толка. Очевидно, делатели тех «Дней поэзии» разумели таким образом показать под одной обложкой весь «расцвет» лишь русскоязычной, но далеко не русской поэзии.

Автор «Глухоты» цитирует скудные, куцые, синюшные строчки, явно не несущие в себе ни благородства, ни поэзии, ни интеллекта. (Сегодняшний читатель, увы, может к ним добавить множество новых примеров, однотипных строк, разве что еще похлестче.) Но за очевидной мелкостью, а то и ничтожностью стихотворных высказываний он разглядел и вывел на гласный суд нечто куда более страшное: глухоту нравственного чувства (и не только в анатомически-бесчувственном цикле Ю. Мориц о болезнях и смерти ее матери, но и других авторов «Дня 1968»), намеренное легковесно-пренебрежительное отталкивание от отечественных ценностей и святынь. Как определенную тенденцию многих московских «служителей муз» видит И. Лысцов растущее глумление над всем русским. Но даже в этой естественной оскорбленности чувства всего родного у И. Лысцова нет ни злобы, ни агрессивности, ни «животной ненависти» (в каковой его очень оперативно обвинили «оппоненты»). Изумление, горечь, боль, гнев — и, как следствие подобного публицистического сожаления, попытка найти общую почву для не оскорбительного, а подлинно интернационального, братского единения поэтов одной страны, одной державы, — вот пафос критического слова Ивана Лысцова.

Но была ли возможность для такого единства, о котором прекраснодушно мечтал автор «Глухоты»? Ибо, как он сам же заметил, «единство и общность нашей поэзии невозможны без показа всего богатства ее оттенков и направлений, индивидуальных почерков и несхожих, но дополняющих друг друга голосов». Да, вероятно, была такая возможность. Иван Лысцов искренне уповал на нее, ибо даже такой «несхожий» с ним «маститый» автор, как Б. Слуцкий, по крайней мере чисто внешне оказывал «знаки внимания» своему младшему русскому коллеге, называл его «Иванушкой»...

Ныне подобных попыток в налаживании «диалога» между «интеллектуалами» и литераторами народного толка уже почти нет. Не та атмосфера. В кровавой ставке на расчленение страны, нашего общего Советского государства писателям и поэтам, беллетристам и публицистам отведена жестко очерченная и заведомо зловещая роль. Тем из них, разумеется, кто охотно принял на себя эту роль. Они заранее уже «вычленились» в особые разрушительные секты, вроде пресловутого «Апреля» (видимо, педальновидно рассчитывая уцелеть в предрекаемой и провоцируемой ими же всеобщей резне).

«Вычленители» смело и повсеместно отказывают своим недавним русским собратьям в таланте, мастерстве, «известности». Словом, «благородные» и «интеллектуальные» певцы прозападной цивилизации, а точнее — «американского образа жизни», уже никак не скрывают своей патологической брезгливости к тем, кого они честят на все лады. Группа московских поэтов заявила о своем выходе из-под начала нового председателя объединения поэтов Юрия Кузнецова, назвав его «неизвестным» наряду со всем составом нового творческого бюро. Писательница Е. Шевелева (очень «известная», только — чем?) в страшном волнении призывала не допустить в писательское руководство «черни». Ф. Бурлацкий сообщил всем писателям страны, что они в подметки не годятся Толстому и Достоевскому. Видно, уж очень хочется некоторым самим занять место Толстого и Достоевского — в смысле славы и авторитетности, разумеется. Рассчитывают, что, расправившись с Юрием Бондаревым, Василием Беловым и Валентином Распутиным, они вполне реально завершат «программу» 20-х годов, высказанную в строчках:

> Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
> Что же! Вечная память тебе.

Неприличная «творческая» торопливость «вычленителей» не позволяет им вступать в творческое соревнование с теми, кто с ними никогда и не соревновался. Русским поэтам такой величины, как, например, Василий Федоров, бесполезно противопоставлять поставщиков ругательных, «унитазных» и откровенно порнографических рифмованных и безрифменных косноязычных упражнений, кои в обилии ныне «тискаются» в ставших официальными самиздатах. Так же, как одному из совестливейших русских критиков современности Михаилу Лобанову невозможно противопоставлять представителей «рыночной» псевдокритики... Потому так и уныло однообразны непристойности и гадости, выкрикиваемые прислужниками «антимира» по адресу достойных русских литераторов.

Когда же наследники и продолжатели отечественной культуры время от времени все-таки бывают вынуждены (или провоцируемы) вглядеться в писания тех, кто мешает их свободному творческому изъявлению и развитию, то у них вырываются лишь горестно-изумленные, недоуменные возгласы вроде такого вот стихотворения, которое вырвалось три десятка лет тому назад у совсем еще молодого тогда Ивана Лысцова:

> Поуронили слово русское!
> А то, которое в ходу, —
> Оно в плечах такое узкое,
> Что не узнать и на виду...

(Кстати, именно эти строки, заставившие встрепенуться замечательного исследователя русского языка, отечественной истории и культуры Алексея Югова, тогда же были названы критиком Евгением Осетровым «одним из знаменательнейших и популярных изречений нашего времени».)

Результатом понимания своего созидательного предназначения и законного места в национальном и, следовательно, интернациональном культурном строительстве и явилась статья русского поэта. На первый взгляд атакующая. На самом деле — как реакция на вытеснение, на невозможность для русской поэзии существовать в безвоздушном пространстве.

Настоящий поэт не может быть безнациональным, ибо в самом слове он уже наследует весь многовековой народный опыт и

свое художественное, образное и ритмическое мироощущение. Не случайно тревогу о врожденной или благоприобретенной глухоте к доле народной, к нуждам и заботам рабоче-крестьянского государства со стороны сотоварищей-стихотворцев поднял именно такой поэт, как Иван Лысцов. Свое русское слово он впервые выговорил через дивное звучание родных его слуху имен, неповторимо обозначивших главное в отчей природе, народном бытии, душе и памяти. Наиболее самобытно, неожиданно он пришел с нежным, озорным, вызвавшим мгновенный ответный, влюбленный отклик, стихотворением «На Заманном лугу»:

На Заманном лугу, под большим рассыпчатым
солнышком,
В окружении сел:
Боровые Пады,
Чернава, Баловнево. Доброе,
Шум-Роща, Струйные-Пруды,
Дубы, Лебяжье и Сугробное,
На Заманном лугу, под одним вислым облаком,
Между речек:
Верчунья, Снова,
Семениха, Кривка и Нашенка,
Аленушкина коса, Волхова,
Локотцы, Бай-волна и Любашеяка...

На этом диковинном Заманном лугу, «под перезвон колокольцев-гремков», «среди трав» с их природно-народными названиями «соколий-перелет, луговой чай, козья таволга, воробьиный щавель, заячий мед и белая дрема, уснувшая надолго», при радостном созерцании смиренных кормилиц-коров с чудными кличками «Малинка, Гитара, Чубарка, Орлана, Загадка, Волна да Повойница, Долинка, Гагара, Цезарка, Снежана, Догадка, еще сорок одна и Достойница» в окружении их безотлучных хозяек-доярок «Арины Долиничны да Анны Гордеевны, Агафьи Ильиничны да свет-Савватеевны» и «пастуха Иванова» сладостными толчками в благодарном сердце и сложилось это мозаичное и пластичное поэтическое полотно. Это стихотворение — целый мир, раскрытый для каждого, любящего Россию, мир, узнаваемый любым человеком с первого взгляда.

Изящество формы, сородственной русскому плавно-округлому, окольцованному простору, этой рериховской «неотпитой чаше», из которой испокон веков пьют и вдосталь никак не утолятся жаждой любви и познания творцы-россияне. Ласковое, радостное, открытое звучание слов, их красочность и доброта, — все говорило о новом и вечно повторяющемся явлении самородного русского дарования. Изначальное слово, материнское имя, сам космос России, ее миры дышали неубитой жизненной правдой в самых первых песнях той поэтической поросли, к которой принадлежал и Иван Лысцов, пришедший в литературу с именами на устах Алексея Кольцова и Сергея Есенина, этих богатырей земли русской...

Сегодня составляются списки-мартирологи исчезнувших российский сел и деревень. В них и славные «героини» раннего стихотворения Лысцова. Когда поэт словно на едином дыхании создавал его, едва ли он мог предположить все последующее. Им двигала только творческая интуиция.

Понятно, что неизбежным было столкновение поэта со столичной литературной средой, культивирующей лишь такие мысли, как, например, высказанные в туристских строчках М. Алигер: «Чужой язык, чужой язык! Ты так волнующе велик...» И это в то время, когда родной язык обретается в небрежении.

Рядовой отклик на рядовой поэтический сборник вызвал бурю. Центральная пресса, вплоть до газеты «Правда», вмешалась весьма решительно — якобы за «обиду», причиненную «Глухотой» «большому числу московских поэтов». «Комсомольская правда» тут же навесила на молодого поэта ярлык — «литературный хам». Собрание столичных стихотворцев потребовало исключить И. Лысцова из Союза писателей и из КПСС. Неистовствовала «маститая» М. Алигер, видимо, борясь за свои, «обиженные» Лысцовым, строки: «Куда всю ночь спешите вы, французы?..» Было организовано коллективное письмо «делателей» сборника и аппаратчиков Союза писателей под названием «Предвзятость» в «Литературную газету». Главным «аргументом» был вымышленный тезис о том, что-де стихи самого критикуемого в «День поэзии» не прошли, редакцией были отвергнуты как «слабые», вот он и «обиделся», «озлился». На самом же деле стихов Ивана Лысцова в редакционной папке не обнаружилось: он их просто-напросто не предлагал в сборник, и «обижаться» было не на что. Автором двигала элементарная объективность и желание как-то повлиять на литературные нравы в столичной среде. Уже готовилось «персональное дело» члена КПСС И. Лысцова, но сорвалось по той простой причине, что организатор «расправы», бывший работник «Комсомольской правды» и секретарь партийной организации московских поэтов Игорь Рудольфович Ринк проворовался при сборе партвзносов и сам был исключен из партии...

В одном из окриков на статью Лысцова критиком Л. Аннинским было сказано: «Милая околица, пахучие травы, золотоволосое детство — «малая родина». Да, это была (?) откровенно «частичная», частная, отнюдь не всеобщая истина»; «От первоначальной есенинской наивности (?) это деревенское сознание довольно быстро перешло к неистовой ярости». В те годы еще были широко очевидны намеки критика на вполне определенных поэтов — Анатолия Передреева с его «Окраиной», Владимира Фирсова, автора стихов о «спекулянтах слога», названного здесь же «певцом берез и трепетных осинок» — не более того...

Но не только в них, не только в молодого Ивана Лысцова метил Л. Аннинский. Тогда была эпоха относительного поэтического разнотравья. Вот эти сочные, духмяные, по всей Руси расцветшие купины и косила все та же ранновская, хотя и уже сильно зазубренная, косилка. Было страшно. И действительно глухо. Нас не только не удивляет, но едва ли мы и помним тот загадочный факт, что блистательный в своей такой же молодой известности поэт Борис Примеров «вдруг» замолчал на целых десять лет — после опубликования им критической статьи об А. Вознесенском. А как прочно молчал (творчески молчал, практически ничего не писал) Анатолий Передреев, лишь в последние годы своей недолгой жизни вновь запевший. И как запевший! Эпическое дыхание в его стихотворении «Баня Белова» дает представление о целой полосе русской народной жизни... «Устра-

нение» русских песнопевцев из литературного процесса шло успешно, по накатанным в предыдущие десятилетия рельсам.

И все же Л. Аннинский «припечатывал» И. Лысцова довольно снисходительно, по сравнению, скажем, со «Злыми заметками» Н. Бухарина в адрес казненного Сергея Есенина в назидание также вскоре уничтоженным крестьянским поэтам Н. Клюеву, П. Орешину, А. Ширяевцу, С. Клычкову, А. Ганину... И куда мягче сегодняшних оголтелых выкриков «прорабов». Тогда была своеобразная передышка, что можно заметить даже по словарю оскорблений: «мужиковствующие», «русопяты» (20-е годы), «Вандея», «русские коалы», «навоз» (наши дни). В шестидесятые годы была навешана куда более мягкая кличка: «деревенщики».

Мягко-то мягко, но смысл и направление обрушившихся на автора «Глухоты» попреков были того же толка. Л. Аннинский осторожно намекнул на некую угрозу «частичного» проявления русской патриархальной «агрессивности» (это сегодня желтая пресса прямо-таки лютует по поводу якобы изначальной «звериной злобы» в «рабской» душе русского народа).

Мягкость критика проистекала, очевидно, из чистого удивления перед тем, что на выжженном геноцидом поле российской словесности вновь откуда-то появились зеленые всходы, снова, как птица Феникс, в ослепительной свежести заблистало имя Русь («И алеет, как шиповник, слева — Русь и справа — Русь!» — Б. Примеров).

А что же было с И. Лысцовым дальше? За минувшие десятилетия мало кто задумывался о судьбе брошенного в безвестность поэта, чье имя вычеркивалось из газетных и журнальных статей, кому затруднено было живое общение со слушателями, ценителями его стихов, запрещены выступления перед москвичами. И было малодушие многих русских собратьев, побоявшихся попасть под прицел анонимных угроз, отшатнувшихся от поэта, открестившихся от прежней дружбы с ним. Иван Лысцов сполна вкусил трагедию отверженности, замалчивания своего творчества и полного одиночества на миру.

Могут сказать, что известны судьбы ровесников Ивана Лысцова куда более трагические. Он-де, слава Богу, жив, издал немало книг. Да и «безвестность» его весьма условна: его поддержали в свое время такие знаменитости, как А. Югов, А. Прокофьев, В. Федоров. Известно мнение и М. Шолохова о поэте: «У него хорошее, открытое лицо. И такие же хорошие, по-русски добрые стихи...» По-братски, с любовью относился к Ивану Лысцову Василий Шукшин.

Если же вспомнить мытарства ушедших вовсе молодыми людьми или не доживших до зрелого возраста Дмитрия Блынского, Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Евгения Маркина, Вячеслава Богданова, Ивана Харабарова, Павла Мелехина и немалого числа других «законных» членов творческого писательского Союза, ярких носителей духовного возрожения России, мало издававшихся при жизни, то, конечно, Ивану Лысцову «повезло». Он, несмотря ни на что, несмотря на удесятерившуюся стену глухоты, воздвигнутую перед ним, творил, совершенствовался, глубже вглядывался в картины жизни народной, в свою душу. И не уроки горечи и озлобления выносил, устойчивости, крепости, красоты духа и неиссякаемой русской удали, умения жить и действовать и под грозой.

Глухому существованию Иван Лысцов противопоставил грозовую судьбу. Поэт сберег в своем горячем сердце заветнейшие чувства и лучшие русские слова. Они перешли в его книги, названия которых звучат песнями для русского слуха, окрыляют нас отсветом красоты и гармонии: «Добрые облака», «Золотена», «Благодарствую, жизнь!», «Диво», «Сердолик», «Доли», «Узы», «Стезя», «Весть», «Страда», «Согласие», «Принесение даров», «Голос ветра», «Празднество», «Белые хлебы», «Происхождение», «Шофер Зимогор», «Птица Феникс», «Лунница»...

Почти одновременно с последней по времени книгой стихов «Лунница» в печати появилась новая статья Ивана Лысцова «Убийство Есенина» («МГ», 1990, № 10). Уже по первым печатным отзывам на нее можно ожидать, что новый смерч закрутит судьбу русского поэта.

ОТ РЕДАКЦИИ

Перепечатывая статью Ивана Лысцова четвертьвековой давности, редакция не сочла возможным изъять из нее и черты некоторой, вполне понятной запальчивости, которая может показаться несправедливой поклонникам таких поэтов, как, скажем, В. Шаламов, С. Кузнецова. Но эта запальчивость лишний раз подчеркивает, что авторская позиция — не уничтожение, не вытеснение соперников. Его гнев и обида обращены на сами стихотворные высказывания (и впрямь, вряд ли прав был В. Шаламов, утверждая, что «литературная Ока» своим величием превосходит Волгу; здесь явно прочитывается вызов великой русской литературе). Что сказано, то сказано. Без «придирок».

И между тем статья И. Лысцова — не история литературы, а современная ее злободневность. Особую остроту обретает она при нынешнем тотальном наступлении бездуховного, космополитического масскульта, при глубочайшем разнобое в умах, в пищу которым подсовываются весьма сомнительные ценности как давнего наследия, так и современной псевдоразоблачительной продукции — заодно «реабилитируются» антигерои, предатели Родины вроде «зубра» Тимофеева-Ресовского — при унылом наплыве новоявленных модернистов, разлагающих все, к чему ни прикоснутся. Вряд ли и сегодня найдется более точное определение происходящему в литературе, культуре в целом, чем «глухота». Это не ярлык, а призыв к оздоровлению. Ведь еще не поздно, еще живы истоки, питающие молодые творческие силы. Им сегодня так же трудно, как некогда молодому поколению сверстников И. Лысцова. Русское слово не может существовать в безвоздушном пространстве, битва за родное продолжается.

Иван ЛЫСЦОВ

ГЛУХОТА

Изображенная на обложке очередной стихотворной книги года «День поэзии-1968» разъевшаяся жар-птица с двумя кедровыми «шишками» вместо хвоста и куриными ногами, призванная,

очевидно, обозначать Поэзию, держит в своем орлином клюве черную розочку. Совпадение картинки с содержанием и формой помещенного в поэтической антологии стихотворного материала, конечно, случайное, но в чем-то и знаменательное. Да, именно так обстоят дела, что уже давно ставший почти постоянным состав членов редколлегии и составителей этого своеобразного поэтического «отчета за истекший период» из года в год — скажем помягче — не привлекает к участию в ежегоднике большой отряд поэтов.

В «Днях поэзии» печатаются творения в основном стихотворцев, так сказать, «благородного», «интеллектуального» толка. Очевидно, делатели «Дней поэзии» так разумеют свою задачу показать под одной обложкой весь «расцвет» нашей поэзии, все «единство» ее стилевых особенностей и «общность» тематики.

Я — за расцвет, единство и общность, безо всяких кавычек, нашей русской и многонациональной советской поэзии. Но расцвет, единство и общность интересов нашей поэзии невозможны без показа всего богатства ее оттенков и направлений, индивидуальных почерков и несхожих, но дополняющих друг друга голосов. Я — за то, чтобы в каждом новом «Дне поэзии» участвовали и такие известные, полюбившиеся читателю поэты, как Василий Федоров, удостоенный недавно Государственной премии РСФСР, и В. Котов, В. Гордейчев и В. Фирсов,— лауреаты премии Ленинского комсомола, Н. Агеев и С. Хохлов, Н. Благов и Г. Люшнин, В. Степанов, В. Журавлев и И. Молчанов, А. Марков и Н. Поливин, Б. Ручьев и В. Сорокин, В. Семакин и Вл. Федоров, В. Шошин и А. Прокофьев, Е. Исаев и Б. Орлов, А. Романов и О. Фокина, С. Викулов и В. Яковченко и многие другие. Отсутствие их в сборнике «День поэзии» просто непонятно.

Это ли не обеднение представления о нашей советской поэзии?

Непонятно также, почему сборник превратился из общесоюзного «Дня русской поэзии» просто в «День поэзии» в основном московских авторов, а теперь уж и в издание исключительно одних и тех же постоянных лиц.

Может быть, я ошибаюсь, и члены редколлегии действительно отбирают в ежегодник стихи, истинно выдающиеся по своим художественным достоинством и мыслям? Но тогда как объяснить публикацию таких вот рифмованных опусов, содержащих в себе целые строфы штампов и трафаретов, общих мест и прозаизмов, а то и автопародий: «Шел год юбилейный, октябрьский десятый, и в Грузию, не для коммерческих дел, из Франции прибыл ценитель завзятый, известный искусством старик винодел» и т. п. в «Чуде Грузии» М. Зенкевича; «Толстовская читальня — моя исповедальня! Почтовое окошко, аптека, неотложка, О парикмахерское чудо! Меня ты украшало худо» и т. п. в «Якиманке» Э. Котляр; «Мама! Веточка! Мама! Синичка! (?) На спине голубая (?) косичка. Кровь не пахнет (?!), не пахнет нисколько. Алым(?!) обручем(?!) в небо — и только... Только крика прощального зуммер(!)... Не нужна мне небесная манна, мне нужна моя смертная мама!» и т. п. в «Пяти стихотворениях о болезни моей матери» Ю. Мориц и т. д. и т. п.

Передо мною — десятки страниц убористого, сведенного в прозаические строки, выписок текстов подобной поэтической несостоятельности. Легко увидеть прямо в тексте тот факт, что большинство произведений авторов «Дня» не только не достигли, но и космически далеки от совершенства. С другой стороны, витиеватость, намеренная «осложненность» иных стихотворных поделок, претендующих на «мастерство», есть не что иное, как весьма посредственная маскировка скудости, а то и вовсе бессмыслицы содержания.

Многое в этом альманахе кричит о глухоте авторов иных виршей. И глухота эта вовсе не физического или музыкального свойства, а сугубо гражданственного ее толкования, когда посредственные «пиесы» и «перезвоны» наших песнопевцев все более и более замыкаются сами в себе, иллюстрируя бесплодность теории «искусства для искусства». С одной стороны, они сплошь и рядом оказываются элегиями личного, «исповедально-возрастного ряда, или стихами о стихах, или же совсем не имеют отношения к нашей жизни, к делам, заботам и нуждам народа, а то и обладают специфическим, на обывателя рассчитанным, душком.

Вот вам строфы из стихов первого, самого многочисленного, «исповедально»-возрастного плана: «Жить... будет, конечно, не легче, но и вправду сказать — не трудней» (О. Дмитриев); «Доказать вы (Бог. — *И. Л.*) что хотели, насылая этот снег, возбуждая эти мысли? Что у страсти дух в плену? Что права я все превысил? Лямку честно не тяну?» (Н. Коржавин); «Скаредность наша и щедрость. Суетность наша и тщетность. Мужество или гордыня. Ханжество и добродетель (?)» (Ю. Левитанский); «Постарел я. Все иначе вижу... Я себя еще надеждой тешу — чудеса случаются в пути» (М. Соболь); «То воспряну, то пригорюнюсь, то я взбодрюсь, то опять усталость. Утром встану — как прежде, юность. Гляну в зеркало — рядом старость» (Я. Хелемский); «А я — так обмолочена, — почти и нет меня» (Н. Эскович) и проч. и проч.

Перечень нудный и прискорбный мелочностью житейских страстишек, которыми авторы обуяны исключительно во всех своих мало-мальски что-либо значащих поэтических розмыслах...

Не меньше того в «Дне поэзии-1968» и преимущественно «цеховых», узко литературных, высокопарных и праздных, рассудочных грез о стихах: «Жемчужина — болезнь моллюска, поэзия — болезнь души» (С. Поделков); «И снова пошел с пустым коромыслом за смыслом» (А. Горюшкин); «Меня слова ночами мучили, как зубы (?!), не давали спать» (Р. Казакова); «Даже слову я не верю своему (?!)» (Н. Коржавин); «Не кладбище стихов, а кладезь животворный... Хранилище стиха, предания и долга, в поэзии Ока (речь идет о писателях, похороненных на Тарусском кладбище над р. Тарусой (притоком Оки. — *И. Л.*) значительней, чем Волга (?!!!)» (В. Шаламов).

М-да, скажете вы, но не может же так быть, чтобы ни один из авторов — участников альманаха — не написал бы о жизни народной?..

Есть такие стихи. Они принадлежат перу Л. Татьяничевой, Н. Грибачева, И. Баукова, В. Туркина и некоторых других. Но, Боже, как их мало! Намаешься, пока отыщешь истинную поэзию, затерянную среди таких вот «перлов»: «Весь сад в дожде! Весь дождь в саду! Погибнут дождь и сад друг в друге»? Взаимоотношения сада и дождя в разной степени авторской бессмысленно-смысловой изощренности варьируются на протяжении

всего этого длиннющего стихописания Б. Ахмадулиной; «Под жестковатые синкопы (?) джаза вдруг шевельнулись руки-плавнички, и заскользили, чуть сгибаясь, ноги, изогнутые дрогнули тела... И чудится — языческие боги, завидуя (?), глядят из-за угла (!)» (Е. Благинина, «Твист»); «Садился обедать хоронил маму восемь лет хоронил маму бегал за хлебом» (без знаков препинания, — *И. Л.*), «Мы машем друг другу руками как плавниками в аквариумах разъезжающихся трамваев» (тоже без знаков препинания), (В. Бурич); «Мамы моей... в живых уже нет... Но за цветами не спрыгну с поезда. Не потому, что подводят лета и разучился я прыгать, а попросту скорость теперь не та! (?)» (Н. Глазков); «И весна придет!.. И фасоль взойдет! И горох взойдет! Ходят люди, ходят звери. Слава, слава ходикам!» (Ю. Мориц); «Над камином стучат ходики... Где упали друзья — холмики... А другие пошли в физики. Мне о них разузнать — фигушки! (?)» (Р. Рождественский); «И солнце одно нам сияет, один на двоих кругозор, и все еще объединяет (!) похмельный сухой (!?!) помидор» (А. Преловский, «Поэт», с посвящением «Я. Смелякову»); «Сквозь склеротические (!) скверы домой идут пенсионеры» (И. Шкляревский).

Устраивает вас, читатель, такое живописание «народной жизни»? Увы и ах... Понимаю. А кого оно может устроить? Не потому ли недвижимой бумажной макулатурой, к тому же и дорогой («День поэзии-1968», стоит, например, 1 рубль 86 копеек!), лежат в книжных магазинах городов и в лавках сельской кооперации сии «кладбища стихов», которым уподобились в последние годы московские сборники жанра «легкой кавалерии» нашей литературы. Бедный Пегас...

Горше горького, а подчас и просто неприятно видеть, как иные наши стихотворцы не замечают или вовсе открещиваются от всего родного, отечественного, народного. Вот строки из стихотворения Е. Храмова: «Вселенная безмерно расширяется, но что-то невозвратное теряется, и в этом, право, некого винить. Прощайте, песни долгие, протяжные, художества кузнечные, портняжные, прощай, лазурь и ясная финифть... Прощай, работа кустарей веселая, и звонницы, взнесенные над селами, и круглый ярославский говорок. Вы возвращаться к нам не обещаете, но, расставаясь с нами, нас прощаете и ничего не ставите в упрек (?)».

Росчерком досужего пера автор с какой-то легкой игривостью распрощался со всем родным и близким. Однако надобно ему возразить: не думают умирать, а, напротив того, возрождаются, чтобы навсегда остаться в сердце каждого русского человека, и его «песни долгие, протяжные», и народные художественные промыслы, объединяющие своих мастеров в целые государственные фабрики и коллективы, звучащие гордо и весело: Хохлома, Семенов, Городец, Федоскино, Палех, Гусь-Хрустальный, Елецкая и Вологодская артели кружевниц и т. д. и т. п. Неистребим и «круглый ярославский», как и вообще волжский говорок, с которым, кстати, земляки Шаляпина и Горького дошли от Сталинграда до самого Берлина...

Беспредметными, самыми общими, праздными вопросами занята в своем путешествии по Франции М. Алигер: «Куда всю ночь спешите вы, французы? Какие назначенья или грузы? Куда? Какая радость иль беда баранку держит, знает направленье?..» Естественно, не связанная с французской жизнью, в этих своих многозначительных, детских вопросах поэтесса поистине неистощима. Вот она замечает, как шарит по ночному Парижу прожекторный луч Эйфелевой башни. И уже готова целая рать вопрошений: «Скажи хоть мне, чего он ищет? Начистоту. Всю истину. Не мучь. Виновников? Обрывка тайной нити? Тех праведников, что решают спор? Поступков? Откровения? Событий? Законов, позабытых с давних пор? На все недоумения ответа? Великодушья? Не томи меня! Надежды? Вдохновения? Огня? Чего еще?!» Ответа, конечно, не следует. И все же автору кажется: «Я связана навеки, неотвратимо, с ночью и с Парижем, с его деревьями, с его домами, с его французами, с его судьбой...»

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома? Но нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» — писал в июне 1882 года, будучи во Франции, великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

И как-то странно через 87 лет читать нечто несуразное, дифирамбически-пародийное у М. Алигер в ее огромном французском цикле: «Чужой язык, чужой язык!.. Ты так волнующе велик...» и т. п.

Странное, двойственное, непривычное слуху всякого настоящего патриота родной русской земли впечатление производят стихи Н. Эскович и Б. Слуцкого. Первая, рассказывая о поездке в Смоленск, в стихотворении «Мюрат и вечность» пытается вызвать спустя полтора века в нас, русских людях, «сострадание» к отступавшим и мерзнувшим оккупантам: «Рябинку, побледневшую от зноя, как сочетать с кутузовской зимой и с пленными, когда их жег мороз! Краснил, синил, потом был милосерд. Не портил заостренных смертью черт... Уже я верю свято, что был мороз, что это здесь когда-то пришлось неважно коннице Мюрата, да, коннице блестящего Мюрата».

Что это? Признание излюбленного тезиса фальсификаторов истории о непосредственном «виновнике» гибели как наполеоновских, так и гитлеровских орд под Смоленском и Москвой от пресловутого «генерала Мороза», а не от руки возмездия всего нашего народа? Или же это всего-навсего юмор? Но юмором-то здесь, как видим, и не пахнет...

Скорее всего можно было бы счесть за юмор следующие строки Б. Слуцкого, но больно уж о святой теме в них говорится: «Силу тяготения земли первыми открыли пехотинцы, поняли, нашли и наблюли (?), а Ньютон — позднее подкатился (?). Мог ли он, оторванный от практики кабинетный деятель, понять первое из требований тактики, что солдата надобно поднять, что солдат, который страхом мается (?!), ужасом (?!), как будто животом (?!), в землю всей душой вжимается, должен всей душой забыть о том...»

Это уже клевета! Советский человек никогда не шел защищать свою Отчизну из-под некой палки, проглядывающей в этом сочинении. Одна из статей нашей Советской Конституции, гласящая, что защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР, снизошла не «сверху», а есть плоть от плоти мо-

рально-патриотических качеств национального характера русского человека, вошедших в наше сознание с первых же дней Руси изначальной. Настоящий советский поэт, пишущий на такую священную тему, как защита Советской Родины, всегда вдохновится нетленными страницами великой национальной военно-патриотической поэмы «Слова о полку Игореве». «Слово» — это голос всего русского народа-воина — не захватчика, но отпорщика...

Что-то не пойму я составителей «Дня поэзии-1968», которые, дав полную волю вот таким резвым «байкам», не нашли места для стихотворений поэтов — представителей военно-патриотической лиры. Неужто стали они пасынками поэтического ежегодника?

Оторванность от нашей советской действительности и аполитичность, с одной стороны, мелочность и камерность «переживаньиц» — с другой, звучат в стихотворениях ряда авторов, представленных в сборнике.

Закрывая последнюю страницу «Дня поэзии» ушедшего года, досадливо, как от дурной мухи, отмахнешься от претенциозного лобово и наветнически звучащего заявления С. Кузнецовой: «В нас не вбивалось сызмала самосознанье нации» (самосознанье не «вбивается» — оно воспитывается). И размыслишь: «самосознанье нации» у советских поэтов есть. И есть оно в высшей, в хорошей степени, не противоречащей, а наоборот, направленной на укрепление дружбы народов, советского патриотизма, гражданственности. Однако голосов многих из этих поэтов не слышно. Неучастие названных мною и не названных поэтов в поэтическом ежегоднике не только создает неправильное и, я бы сказал, превратное представление о стилевом и идейном богатстве и разнообразии всей нашей русской советской поэзии, но и обкрадывает, затрудняет и без того сложный литературный процесс.

●

НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ ДЕМОКРАТОВ И НАРДЕПОВ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ, ИЛИ МОЖНО ЛИ БЫТЬ НЕМНОЖКО БЕРЕМЕННОЙ!

Ах время, время! Как оно летит! На дворе уже почти XXI век! Впрочем, иногда кажется, что время давно остановилось.

Листаю журналы первых лет XX века. Какие замечательные типажи на иллюстрациях. Вот человек с изящным пенсне на мясистом носу. Сразу ясно, что это социал-демократ. А кто кто же столь толст и, видимо, розовощек (иллюстрации-то в тех журналах были черно-белыми)? Конечно — независимый. А этот в черной рубахе навыпуск? Ясно — анархист. А вот суфражистка в длинной до пят юбке, с лорнетом в руке...

И все, ну абсолютно все похожи на нынешних демократов и нардепов. Ну, скажем, вот этот с пробором на голове, напомаженными волосами и нафабренными усиками. Ах, это всего лишь приказчик (чего изволите-с?) из магазина Наумов и К°. Но совсем недавно такой же вот (ну, абсолютно на вид такой) глаголил что-то с трибуны съезда нардепов РСФСР, о межрегионалке пекся, об авторитете Б. Н. Ельцина и себя, само собой, не забывал.

Сколько же их, таких приказчиков... извините — демокрадов и нардепов расползлось по бедной нашей стране! Клички эти прилепил им рабочий класс Москвы. Как емки они, сколько смысла в них, сколько иронии! И как бы все, демокрады и нардепы, ни возмущались — увы, ничего не поделаешь, народ всегда мудр и прав.

Несмотря на эти остроумные клички, характеризующие их носителей, думаю, что некоторые из демокрадов и нардепов все же заслуживают более пространных словесных портретов.

Из уважения к женщинам и начнем с демокрадок и нардепок. Женщины постоянно обижаются, что мужчины-узурпаторы не дают им простора в общественно-административной деятельности. Но сейчас-то за годы перестройки подобных деятельниц взращено столько, что и перечислить всех невозможно.

О выдающихся политических деятельницах К. Прунскене и М. Лауристин читатели сами много почерпнули из прессы — они и демокрадки, и одновременно, конечно, фашистки — вспомните, как они ненавидят русскоязычное население в своих республиках.

А припомните-ка, какую фразу выдала о регулировании рыночной экономики некая демокрадка Л. Пияшева! «Нельзя быть немножко беременной»!

Вот это специалистка! По части беременности-то! Нельзя быть немножко — и все тут.

Но что они по сравнению с дважды нарденкой, в 1000 раз большей демокрадкой, и, по-моему, «Деловой женщиной № 1» в понимании нынешних перестройщиков — Галиной Васильевной Старовойтовой?!! Ясельные младенцы.

Итак... —

«ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА № 1»

Да еще какая деловая-то! Судите сами, дорогие читатели: Галина Васильевна нардепка СССР и РСФСР, там и там получает депутатские оклады. Она в скором времени может стать членом и третьего парламента, английского, поскольку в Англии проживает ее родной муж Михаил Вениаминович Борщевский и не менее родной сын Платон (оба бывшие советские кооператоры). Может стать и членом четвертого парламента, израильского, ибо там проживают и мать, и брат того родного мужа, который ныне в Англии. И там и там будет тоже тогда получать зарплату парламентарии. (А в Англии и Израиле подобным деятелям платят-то, говорят, о-го-го!)

Но это — если она в скором времени воссоединится с родственниками. А пока «Деловая женщина № 1», то есть дорогая наша дважды нардепка Галина Васильевна Старовойтова, как сообщила 28 марта 1991 года газета «Советская Россия», большую часть своего драгоценного времени тратит не столько на заседания в двух советских парламентах, сколько на заграничные поездки. В том числе в Англию и Израиль. И, пользуясь авторитетом и возможностью дважды нардепки, в ходе этих поездок Г. В. Старовойтова, как пишет весьма осведомленная «Советская Россия», «помогает мужу и сыну в коммерческих делах, в частности, в незаконном вывозе из СССР антиквариата, произведений искусств и кое-чего посущественнее...».

Ну, я уж не говорю об этой умненькой экономистке Л. Пияшевой. Пусть живет она со своим непревзойденным афоризмом — «нельзя быть немножко беременной». Но пусть знает, что у нашей нардепки Старовойтовой есть свой афоризм, не менее глубокий и остроумный: «коммунизма не может быть, потому что этого не может быть никогда». Это она не у чеховского героя слямзила, ибо у того, как помнит читатель, речь шла о невозможности пятен на солнце. Это естественно и самопроизвольно вырвалось у нее однажды во время выступления по ТВ из самых глубин души. А раз коммунизма в СССР не будет, антиквариатик-то, произведеньица искусства и то, «что еще посущественнее», надо «приватизировать», как ныне говорят, то бишь прикарманить. Что, в самом деле, бесхозному имуществу-то пропадать?..

Ну, антиквариат, произведения искусства и «кое-что еще посущественнее» — все это, конечно, крупняк. Но и мелочовкой вроде двойной нардепской зарплаты наша «Деловая женщина № 1», как мы отмечали выше, не брезгует. На то она и деловая. И вот теперь выхлопотала себе еще одну зряплату.... простите — зарплату, как Советница самого «Спасателя России» Б. Н. Ельцина. Как Советница «Отца России», она может теперь по свету кататься уже не 100 дней в году, а в четыре с половиной раза больше. Хватит ли вот только дней в календаре?!

Да это разве вопрос для нынешнего российского депутатского корпуса? По предложению Б. Н. Ельцина, съезд нардепов России примет Постановление — отныне считать в году не 365, а 500 дней — и все! Президент СССР, конечно, тут же издаст Указ об отмене этого Постановления. А ему тут же, во всей демократической прессе — фигу! Россия — республика суверенная, на ее территории главенствуют республиканские законы. Так что накось, выкуси! — скажет, как всегда, Центру Россия. Ну, Центр, может, и выкусит, и утрется, а славная нардепка Г. В. Старовойтова сможет уже 450 дней в году находиться то в Израиле, то в Англии. Поровну в каждой стране. Ну, в Израиле, может, побольше будет пребывать. И еще целых 50 дней (если считать и выходные) сможет тратить на заседания в российском парламенте.

Но наша «Деловая женщина № 1» не только народные ценности за границу контрабандирует, а иногда и пописывает. Одно из выдающихся произведений Г. В. Старовойтовой называется: «Русская нация больна шовинизмом». Больна — и баста! И не возражайте, пожалуйста, нардепка этого не любит. И пусть катится подальше диссидент А. А. Зиновьев со своими словами: «Русский народ — это народ, открытый всем. Он в принципе не есть народ-националист». Не-ет, все русские — шовинисты! Еще — антисемиты!! И еще — фашисты!! Ну разве что за исключением некоторых лично известных ей демокрадов и нардепов.

Оригинальность суждений нашей нардепки постоянно потрясает. Так, на вопрос корреспондента еженедельника «Деловая женщина» о причинах низкого статуса женщины в нашей стране (?!) она ответила, что виной тому слабая демократичность нашего общества, однако добавила, что в Прибалтике общество чрезвычайно демократическое, и там аж два лидера из женщин. «Там больше опыта парламентской демократии», — пояснила Галина Васильевна. Да и менталитет у нас не тот. Азиатский, а там Европа.

И в самом деле! Подумайте только, какой огромнейший опыт парламентаризма у прибалтов! До революции там весь парламентаризм осуществлялся губернатором, и лишь после 1918 года вроде бы что-то и начиналось в этой области, но Сметоны и Ульманисы посчитали это излишней роскошью, вредной для народа, и водворили в Прибалтике фашизм. И где ж это только набрались демократического-то опыта Прунскене с Лауристин?

Однако раз Галина Васильевна так сказала — что это вы вздумали сомневаться, возмущаться, а тем более возражать? Какое, собственно, имеете право? Вы что, еще не убедились, что «Деловая женщина № 1» — великий, непревзойденный в веках знаток демократии?

Особенно большие познания у Галины Васильевны в области тюремной демократии. В один из привозов в туманный Альбион «антиквариата, произведений искусства и кое-чего еще посущественнее» она даже побывала в английской тюрьме, где заместителем начальника тюрьмы состоит женщина — красавица, которую все слушаются: и сам начальник, и надзиратели, и заключенные. Даже не поймешь, кто больше,

«Конечно, это далекая параллель — английская тюрьма и наш парламент...» — сказала потом Г. В. Старовойтова. Глубокомысленную сию фразу еще предстоит расшифровать, ибо непонятно, который из парламентов она имела в виду, то ли российский, то ли союзный или оба сразу?.. Но тем не менее отметим мы еще раз, глубокое знание сущности демократии тут убедительнейшее. Этому позавидует даже племянник Троцкого и внук Каменева, известнейший наш «Засмит».

Итак... —

«ЗАСМИТ»

Правда, сам себя он так пока не называет. Пока он именует себя «историком исторических наук». Да еще уточняет, что он историк «исторической науки и нашей, и зарубежной, если точно говорить — французской».

Он — это известный демоврад и нардеп Ю. Н. Афанасьев.

«Засмит» — это означает «заслуженный митинговщик». Чуть что — наш «историк» уже торчит на митинге, как ржавый гвоздь в гнилой доске. А не называет он себя так из скромности; ибо звание «Заслуженный митинговщик» официально ему пока не присвоено. Что-то медлит Президент-то наш, пора бы и Указ об этом сочинить. И уж как тогда будут стараться еще более митинговать те же Г. Х. Попов, Станкевич, Черниченко, Коротич, Евтушенко и прочие демократы, чтобы поиметь такое же звание... Ведь «Засмит» — это звучит гордо!

Великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин так характеризовал одного из своих литературных персонажей: «Другой смотрит в дело и видит в нем «фигу», а Порфирий Петрович сейчас заприметит самую настоящую «суть», — ну и развивает ее, как следует».

Наш Порфирий Петрович, то бишь наш «историк исторических наук» и «Засмит» Ю. Н. Афанасьев в застойных годах видел не фигу, показываемую всему народу его тогдашними руководителями, а всю «истинную суть» того времени — повсеместное торжество идей марксизма-ленинизма, социальной справедливости, недалекую уже гибель мировой капиталистической системы или, говоря словами незабвенного Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, развивал эту суть как следует. Ныне же он никакой «фиги», преподносимой народу под видом перестройки и демократии, не видит, а сутью времени для него является борьба с социализмом, социальной справедливостью. Ныне он с пеной у рта защищает «общество равных возможностей». Говорят, что «яблоко от яблони недалечко падает», и, казалось бы, наш «Засмит» должен скалой стоять за продолжение и завершение мировой революции, как его предок Лев Давидович Троцкий, а он наоборот — за свертывание всяких революций, за возврат к частной собственности и капитализму.

«Некие правые» силы называют его перевертышем. Помилуйте! Господа правые! Да ведь все меняют свои взгляды и убеждения. Даже В. И. Ленин их менял. И наш «Засмит» и «историк исторических наук» не преминул об этом написать: «... уже в 1921 году Ленин многое понял из того, что раньше не понимал... Ленин говорил о том, что необходимо пересмотреть всю нашу точку зрения на социализм».

Но, видимо, не знал, не читал наш «историк исторических наук» и «Засмит» одну из последних работ Ленина «Лучше меньше, да лучше», датированную (подчеркиваю!) 2 марта 1923 года. Почитайте, и тогда увидите, что тезис знаменитого «историка» о пересмотре якобы Лениным его точки зрения на социализм есть не что иное, как собственные измышления Ю. Н. Афанасьева. А кто поленится открыть 45-й том ПСС В. И. Ленина, для тех приведу хотя бы одну цитату из него: «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств».

Так что полно лукавить-то, уважаемый наш «Засмит». Любая партия — это концентрат идеологии. А у партии демокрадов, к коей вы примкнули, этот концентрат ох и густой! Чуть чего — эта партия организует митинговый шабаш. Ну и вы всегда тут как тут. Поскольку — «Засмит».

«ПАТРИОТИЗМ — СВОЙСТВО НЕГОДЯЕВ...»

Про того самого Порфирия Петровича великий русский сатирик писал: «В своих суждениях, в особенности о лицах, Порфирий Петрович уклончив, если и скажет он вам «да», то вы несомненно чувствуете, что здесь слышится нечто похожее на «нет».

Гораздо определеннее в своих суждениях бывший активнейший строитель социализма Николай Ильич Травкин. Где бы он, нынешний активнейший нардеп, ни выступал — правду-матку так и режет. Вот эти, коммунисты проклятые, к коим и он, Николай Ильич, недавно принадлежал, все сплошь жулики. Выступая недавно по телевидению, он так их и назвал. Жулики — и все, социализм этот свой проклятый вздумали построить.

Сам же Николай Ильич, получивший в свое время за строительство социализма множество наград, в том числе и самую высокую — почетное звание Героя Социалистического Труда, отказываться от этих наград не собирается. Хотя все подобные Герои — патриоты, а патриотизм — это, как известно, свойство негодяев...

Впрочем — стоп, извиняюсь. Это утверждает не Травкин Н. И. Ему неудобно, ведь он ныне создатель и возглавитель целой политической партии — демокрадической. Ну хоть и демокрад он, Ильич-то наш (кстати, отчество по нынешним временам-то... А? Не подумать ли если не об отказе от звания Героя, то о замене хотя бы такого отчества?), да нельзя же так ему выражаться. По крайней мере — вслух. Он не какой-то там Адамович, который всех военных, будь то солдат, прапорщик, офицер или даже генерал, называет подлецами. Прямо так и кроет — подлецы все они и точка! И тем более не Окуджава какой-нибудь. Тому что, он взял да и черным по белому написал в «Аргументах и фактах», что «Патриотизм... — чувство биологическое, оно есть и у кошки». Что с него, поскольку он не политик, а бард, что ли, какой-то. Ну из тех, что в подворотнях на гитарах тренькают. Не-ет, не Травкин Николай Ильич сказал, что «патриотизм — свойство негодяев», а известный в нашей стране генерал от сельского хозяйства, мученик фермерской идеи, проектант «Агро-

атлантиды», большой друг и единомышленник всех выше и ниже названных демокрадов, а также теоретика «малой гражданской войны» в СССР» В. Коротича.

Вы уже горите желанием узнать — кто же это? Что за гигант такой русской, а может, и мировой демократии?

Ну так читайте дальше — и догадаетесь.

Недавно у фермеров Нечерноземья, Урала и Сибири появился свой печатный орган — «Крестьянская газета». Как водится, редактор еженедельника Геннадий Деринг не преминул тиснуть в первом номере «Слово к читателю», в котором изложена программа сельхозгазеты. Каких только там правильных призывов нет. И против засилья административно-командной системы, за демократическое государство, за передачу «матери-кормилицы» ее истинным хозяевам, за деловитость, за мораль, за древние христианские заповеди, за высоконравственную трезвую жизнь.

Но вот читаешь далее этот первый номер и все более приходишь в недоумение. Редактором провозглашается одно, а в газете проповедуется другое. Редактор заявляет, что его газета будет воздерживаться от публикации спекулятивных материалов, а некая Лариса Гершонок тут же ворошит давно навязшую всем в зубах тему об НЛО. Провозглашается свирепая борьба за высоконравственно-трезвую жизнь советского крестьянства и тут же печатается всеобъемлющая информация под заголовком «Что пили предки?» «Как вы думаете, сколько разновидностей водок бытовало в России лет 150—200 назад? Если верить рецептурной литературе того времени — более 50...» Ну и так далее вплоть до рецептов изготовления вишневой и шиповниковой водки.

Словом — читайте, советские крестьяне, и не только завидуйте своим предкам, но и на ус мотайте. Рецептики-то зря, что ли, напечатаны?!

Ну, конечно, и о проблемах сельского хозяйства страны в газете кое-что есть, например, очерк Е. Кольцова «Агроатлантида». Уж как старался Е. Кольцов, чтобы стать молотком, забивающим этот гвоздь номера. Чего только не набил! Целую поэму в прозе посвятил он мученику фермерской идеи Ю. Черниченко, новому нашему «Столыпину». Все его заветные мысли пересказал, можно подумать, что на земле и впрямь работают не братья Стародубцевы, а черниченки. «...Какой у вас простор в смысле захвата земли!» — цитирует автор очерка одно из обращений к сельчанам сельхозгенерала и мученика. И терминология, чувствуется, соответствующая — «захват земли» и пр. Но далее сельхозгенерал почему-то сворачивает более на блатной язык: «Они всех нас до сих пор держат в лагере. Они — вохры, мы — зеки. Они никогда не откажутся стоять на вышке с автоматом и смотреть вниз... Труп, труп, труп, ну разве это можно?»

И дальше очерк продолжается в том же духе:

«Преставляете, какая тут была жизнь, прежде чем погибла вся эта Атлантида, — сказал Черниченко. — Слушайте внимательно: вам надо выделяться. Добиться государственного акта на владение землей и все обрубить. Ты меня не видел — и тебя не знаю. Только полный раздел с этими хозяйственными сифилитиками. Рога в землю воткнуть по самые глаза и упереться. Выдержать, вынести. Неспособные к мутациям погибнут, способные — выживут. Атлантида всплывет, хотя этот парализованный аппарат нам хлопот еще доставит. Спокойно! Надо только этих сидельцев сделать максимально безопасными...»

Чувствуете, какая энергия бьет! Как она брызжет в лицо этим «сидельцам» и «сифилитикам», обжигает их полусгнившие морды. И чем дальше, тем сильнее, беспощаднее: «Это классовая ненависть к крестьянству... Если не одолеете, то все — смерть! Вы же инородное тело, запасайтесь дробовиками...»

Тут, как говорится, снова по-генеральски. Снова чувствуется, что Ю. Черниченко здесь уже не только большой друг и единомышленник теоретика «малой гражданской войны», но и ее организатор. Вот и лозунг бросил — запасайтесь топорами... ой, простите, — дробовиками. И прочим, значит, гладкоствольным и нарезным оружием. Что же, и запасаются. И приводят его в действие. И уже гремят выстрелы. В Магадане некто Ю. Скороходов обстрелял здание обкома КПСС, в Калуге погибли нормальные советские люди...

Ну, дорогие читатели, догадались, кто утверждает, что патриотизм — свойство негодяев?

Правильно, Ю. Черниченко. В интервью еженедельнику «Книжное обозрение» (№ 19, 1990 г.) этот мученик демокрадизма, фермерской антисоциалистической идеи и Атлантиды так и сказал: «...патриотизм — свойство негодяев».

Интересно, каким свойством обладал Ю. Черниченко до 1985 года, когда в каждой его статье этот патриотизм так из него и пер? И куда же это его свойство теперь делось?

Ах демокрады, демокрады! Не крадете ли вы у самих себя естественные ваши свойства?

О ЧЕМ РЫДАЕТ МАВРИК

Сделаться парденами ныне играючи смогли и агрессивно-услужливые мальчики из бывшего «Взгляда», давно нацеленные на обслуживание вторгающегося в нашу жизнь капитализма. Тут все просто — они с пеной у рта кричат о благородстве демокрадов. Ну, демокрады, естественно, чего дли таких защитников не сделают. И сделали.

Держись теперь, советский народ! Теперь эти маврики горы свернут, разрушат все «до основанья», а затем...

Так, например, одними из первых среди средств массовой информации маврики начали пропаганду «древнейшей профессии». Привлекли для этого высококлассного профессионала этого дела — некоего В. Я. Цветова. Ах, сколько всего он порассказал телезрителям! И как это делается в Японии, Франции, Америке, Гонконге и в других странах и городах. Какое удовольствие при каких способах совокупления получают партнеры, и какие бешеные деньги зарабатывают труженицы и труженики постели, темных подворотен, лифтов и общественных туалетов — ибо, как вещает специалист, делать это можно везде.

С маниакальной настойчивостью маврико-телевидение, маврико-пресса, маврико-кино, ведут пропаганду проституции и порнографии. Приводят реальные рассуждения реальных людей об учреждении публичных домов то там, то сям, маврико-радио взахлебушки вещает про опрос граждан наконец-то свободной ЧСФР по поводу открытия в стране публичных домов. Рассуждают, какие уч-

реждения нужны. Оказывается, и мужские, и женские, ибо Чехословакия страна эмансипированная. А ты, отсталая Россия, мол, мотай на ус. Радио, опять же не без умысла, повторяет и повторяет информацию канареечной «Комсомолки» о разрешении во Вьетнаме гнать самогон любому жителю страны и находит, что это панацея от беды.

Ну, что ж, перестройку каждый видит по-своему, одни находят ее в самогоноварении, другие в создании публичных домов.

Конвергенция социализма в капитализм, с идеей которой ошалело носился наш очень большой гуманист, создатель водородной бомбы А. Д. Сахаров, уже шагает по Руси. Тут мы многое заимствуем у Запада, даже то, от чего «проклятые капиталисты» отмежевались давным-давно.

Но вот Америку по некоторым ценностям мы догнали. Теперь у нас тоже президент есть, да к тому же еще Нобелевский лауреат мира, хотя в собственной стране идет человеческая бойня, льется человеческая кровь. Да что там догнали — сильно перегнали — президентов теперь у нас уже более десятка, а скоро будет еще один.

Несколько десятилетий назад существовала в Бостоне неформальная общественная организация — «Клуб медлительных». Вот уж действительно позавидовать можно энергичной и «конструктивной» работе этого клуба. Кажись, в 1962 году они решительно выступили против нападения на нашу страну одного завоевателя и предложили ему немедленно отвести свои войска прочь. О ком и о чем, думаете, шла речь? О Наполеоне! О его нашествии на Россию в 1812 году. Дискутировали несколько месяцев. Даже пригрозили Бонапарту перед всем миром объявить его агрессором. Решение же — осудить,— приняли единогласно. Консенсус...

В 1989 году и наш Союзный парламент решил не отставать от бостонских затейников и под председательством эрудита А. Н. Яковлева, бывшего тогда секретарем ЦК КПСС, тоже учредил... Нет, нет, не подумайте, что советский «Клуб медлительных»,— а «Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».

Заметили? Тут мы американцев тоже обштопали. Ихний «клуб» осудил событие через сто пятьдесят лет, а наш всего-то через пять десятилетий. Вот что значит перестройка!

Можно и нужно, конечно, осуждать мальчиков из «Взгляда» и малограмотного Маврика Вульфсона, который, не знает, как и почему вошли страны Прибалтики в состав Союза ССР и теперь, истошно, как наятая плакальщица на похоронах, рыдает и рыдает по ТВ: «Это была агрессия! Завоевание!! Оккупация!!!» Но невозможно понять — взрослые-то люди почему занимаются странной игрой в абсурды? Зачем, действительно, была организована эта «Комиссия» по договору 1939 года? Кому это было нужно?

А вот посмотрите-ка состав нашего «бостонского» клуба, то бишь Комиссии по договору 1939 года, и вы поймете кому. Состав напечатан в газетах за 4 июня 1989 года. Приведу лишь некоторые фамилии: Ландсбергис В. В., Вульфсон Маврик, Лауристин М., Афанасьев Ю. Н., Арбатов Г. А., теоретик «малой гражданской войны» Виталий Коротич... Какие люди! И все как один яростные борцы за... извините — против фашизма,

МУТАНТЫ

Превращения людей во всякого рода нечисть известны давно как из народных преданий, так и из литературной классики. Ну, скажем, тот же М. А. Булгаков показал нам в небезызвестном романе Воланда-сатану. А в минувшем году газета «Рабочая трибуна» поведала и вовсе жуткую историю о недочеловеке, родившемся с зубами, но практически без головы, то есть без мозга, о его житии (если так можно выразиться) на свалке. Уж не о таких ли мутациях мечтает Ю. Черниченко? А что? Пусть мутанты ни о чем не думают, а только пашут да жнут. Их только обучить надо, как и что делать, а питаться могут и по свалкам. Советская элита же будет жить по-европейски — греть свои пузики, как известный миллионер А. Тарасов, под пальмами Ниццы, пить шампанское с омарами. Ах, какая же будет прекрасная жизнь!

Примериваясь к такой распрекрасной жизни, в которой собчаки и поповы, станкевичи и адамовичи, яковлевы и коротичи, заславские и корягины, ну и многие-многие другие, хотят быть полными енералами да фельдмаршалами, наши самые крупные и маститые демокрады показывают себя народу в газете «Московские новости» в добротных мундирах.

Речь идет о публикации в сей русофобской газетенке знаменитой картины художника А. Кившенко «Совет в Филях». Только газета позволила себе шуточку — взяла, да и заменила в картине лица прославленных героев Отечественной войны 1812 года — Кутузова, Багратиона и всех других — ликами наших легендарных демокрадов — Ельцина, Коротича, Попова, Старовойтовой, Адамовича, Собчака, двух Яковлевых, Станкевича, Карякина (этот — мужчина, не путать с Корягиной, которая, чем демокрады не шутят, может стать и министром обороны СССР), словом — пришпандорила головы сих радетелей народных к персонажам известнейшей картины. Ах, не ведал художник А. Кившенко, что случится такая мутация с его картиной, не предчувствовал, что «демокрадов» в России в конце XX века будет значительно больше, а то бы добавил персонажей в своей картине. Но — хоть в голос вой, хоть тихо плачь — нет на этой мутантной картине многих больших «демокрадов»: Н. Травкина (хоть и не Леонид, но ведь пока Ильич!), С. Шаталина (хоть и бывший член ЦК КПСС, но социал-демокрад), Т. Заславской (очень большой специалистки по уничтожению деревень), Ю. Афанасьева (родственника самих Троцкого и Каменева), Г. Арбатова, Ф. Бурлацкого (двое последних крупнейшие ученые времен не столь далеких, сочинившие учебник, ставший настольной книгой для многих поколений — «Основы марксизма-ленинизма»), Н. Шмелева (вождя нынешних советских безработных) и т. д. и т. п. Увы, увы, нет в картине, лишен возможности покрасоваться перед советским народом в русском военном мундире начала XIX века и знаменитейший фехтовальщик с навозными кучами Евг. Евтушенко. Единственным его утешением является то, что во время поездки в Израиль он красовался там в мундире еврейского то ли полковника, то ли генерала. Но кто это видел, кроме милых ему сионистов да ненавистных арабов?! А в советской прессе фотография этого фехтовальщика пока в израильском военном снаряжении почему-то

не опубликована. Ах демокрады вы, демокрады, обижаете своих... Опубликуйте же срочно! Хотя бы для устрашения этих... у которых, как у кошек-патриоток, биологические чувства негодяев.

Ну и, как обычно говорится в конце телевизионной программы «Время», — несколько сообщений о спортивных событиях.

Итак... —

КОЕ-ЧТО О СПОРТСМЕНАХ... ОТ ПОЛИТИКИ

Давненько уже почил на ТВ небезызвестный «Кабачок 13 стульев». Но многие телезрители его еще помнят. И помнят, конечно, что одним из персонажей этого «Кабачка» был тупой, как футбольный мяч, но самоуверенный и по-иезуитски хитрый, как нынешний американский президент Буш, «пан спортсмен».

Но то был «пан спортсмен» именно от спорта. А ныне сколько их развелось от политики! В каждой республике — свой пан политспортсмен. И у каждого своя команда. И все стремятся переиграть друг друга.

Поговорим о двух главных «политических спорткомандах», возглавляемых Михаилом Сергеевичем Горбачевым и Борисом Николаевичем Ельциным. Играют они друг против друга самоотверженно, даже, я бы сказал, остервенело, как фанатичные волейболисты. Ударят горбачевцы через сетку, а на пути мяча (то бишь Указа) блок ельцинистов. Ельцинисты бьют, а там блок горбачевцев. Так вот и идет нескончаемая игра... вернее, война двух основных политических лидеров за безраздельную власть. Счет пока равный. Правда, недавно команда ельцинистов несколько ослабла — из нее выбыл один замечательный игрок. Это о вем писала как-то известная любительвица антиквариата, художественных ценностей и «кое-чего еще посущественнее» Г. В. Старовойтова: «...парламент России притягивает к себе ярких личностей. Скажем... Фильшин».

Да, Фильшины финты стали всемирно известными — одно обманное движение сего политфизкультурника — и сотни миллиардов народных рублей уже в карманах зарубежных капиталистов и советских буржуев. Сколько в карманах самого Фильшина — мы не знаем. Может, и ничего туда не попало, может, он политигрок честный, не в пример бывшему хозяину бывшего АНТа, некоему Ряшенцеву, который, как сообщали недавно в газетах, в результате одного лишь финта положил на свой счет в Монако 4,2 миллиона долларов. Непонятно только, отчего же Фильшин так быстренько и торопливо ушел в отставку? Лучше, мол, подальше от греха?

Но как бы то ни было — жаль. Ведь какого талантливого спортсмена команда Ельцина лишилась! Впрочем, может быть, он себя еще покажет в какой-нибудь тюремной физкультурной команде. А там, по истечении срока, снова возьмут его в команду ельцинцев. Дел-то, дел-то всегда будет невпроворот. Одно дело — расчленить Россию на ряд удельных княжеств... извините — республик, Уральскую, там, Муромо-Арзамасскую, Малаховскую (пока это местечко под Москвой), Одесскую, Биробиджанскую... А совсем другое — реставрировать в СССР капитализм. Для этого еще немало времени потребуется, и тут без Фильшиных ну никак не обойтись...

Суперфинигрока Фильшина команда Ельцина потеряла, но в последнее время и приобрела немало, переманив из команды Горбачева выдающихся политэкономспортсменов. Тут и Шаталин, и Явлинский, и всякие прочие аганбегяны. Развалив полностью экономику СССР, они теперь дружно впились в Россию, как эти... ну, как их? Ну, которые в здоровом яблоке дырочки проедают. Сожрут Россию — за Казахстан возьмутся. А там за Украину, за Белоруссию... если к тому времени они еще будут существовать как республики. А не будут — не беда, заслуги сих политэкономспортсменов перед Америкой таковы, что само ЦРУ их зачислит в почетные пенсионеры своего ведомства с выдачей к тому же бесплатных вилл в Калифорнии...

Впрочем — вернемся к главным политспортсменам страны. Ставка в их жесточайшем противоборстве одна — царство! Воцарение в СССР, если, повторяю, к тому времени какой-то Союз еще останется. В крайнем случае — в одной России. Россия-то, хоть изъеденная червями, все равно останется. И, какая-никакая, тоже царство немалое.

А пока... Пока, повторимся, задача для вышеназванных политспортсменов одна — играя друг против друга, окончательно развалить страну Советов. Как в той песне — разрушить все до основанья, а затем... А затем, думает каждый, еще поглядим, чья возьмет.

В общем — гибнет, горит синим огнем наше советское государство, за которое в надежде на лучшую жизнь легли в сырую землю десятки и десятки миллионов людей. Горит...

А помните, дорогие читатели, как известный литературный персонаж Исаака Бабеля некто Беня Крик организовал пожар в полицейском участке? И чтобы уберечь себя от расплаты за содеянное, сам же начал предавать анафеме поджигателей. Проходя мимо пристава, Беня отдал честь по-военному и заговорил:

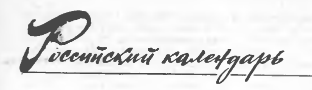
— Доброго здоровьичка, ваше высокоблагородие... Что вы скажете на это несчастье? Это же кошмар..., — он уставился на горящее здание, покачал головой и причмокал губами — ай-ай-ай...

Смотрят Михаил Сергеевич и Борис Николаевич на горящее здание нашего государства и, как этот Беня Крик, осуждающе качают мудрыми головами:

— Это же кошмар! Ай-ай-ай!

И каждый старается побольше другого плеснуть керосинчику в огонь.

Ю. БОЛДИНЕЦ,
г. Курск.

МЕСЯЦ ИЮЛЬ

1

1157: празднество образа Боголюбской Божией Матери.

Уходя тайно из Киева в суздальскую землю, великий князь Андрей взял с собою чудотворную икону Богородицы — по преданию, писанную евангелистом Лукою. Путники миновали Владимир и были уже в десяти верстах от него, когда кони стали, и нельзя было двинуться дальше. Переночевали на месте. А наутро князь сказал, что во сне ему явилась Богородица и приказала соорудить на этом месте церковь, а самую икону отвезти во Владимир. Так князь и сделал: на месте остановки построил он богатый каменный храм и село, которое назвал Боголюбским, откуда и князь получил прозвище Боголюбского. Под этим именем он и стал суздальским князем.

2

1462: преподобного Варлаама Важского Шенкурского.

1667: распоряжение о строении кораблей для Каспийского моря. Создан первый русский корабль «Орел», сожженный впоследствии Разиным.

3

1648: с Колымы отправилась экспедиция Семена Ивановича Дежнева (ок. 1605—1673) — на Анадырь, морем. К осени судно Дежнева, единственное уцелевшее после трудного перехода вдоль побережья Чукотского полуострова, разбилось в Анадырском заливе. 10 недель шли к Анадырю. В живых из 25 осталось 12. Весной 1649 года поднялись вверх по Анадырю на построенных судах... Об этом тяжком походе сохранились «отписки» Семена Дежнева.

1860: основание Владивостока.

6

1480: празднество образа Владимирской иконы Богоматери, установленное в память спасения Москвы от нашествия Ахматхана. Крестный ход в Сретенский монастырь, установлен царем Иваном Васильевичем при митрополите Геронтии. Владыка ростовский Вассиан во время стояния на Угре такими словами отогнал малодушие, которому было поддался Иван III: «Зачем боишься смерти, ты ведь не бессмертный. Ни человеку, ни птице, ни зверю нет смерти без року. Дай мне, старику, войско в руки — увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами». Так думали все русские люди, и собственный сын великого князя, Иван Молодой — когда получил приказ отца отъехать в Москву, то отказался его выполнять: «Умру здесь, а к отцу не пойду». И спала конечная тень тяжкой неволи, двести сорок лет угнетавшей русскую землю!

7

Рождество Иоанна Предтечи, Пророка и Крестителя Господня.

1641: началась четырехмесячная осада Азова турками. Мощная Азовская крепость была захвачена в 1637 году у Турции без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. Султан послал к Аазову 250-тысячную армию. В крепости находилось лишь около 5.5 тысячи казаков. Были отбиты 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Но Земский собор в январе 1642 года, опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 года остатки казачьего войска покинули город.

1954: постановление ЦК КПСС с призывом «усилить антирелигиозную пропаганду». Начало нового десятилетнего «хрущевского» наступления на Русскую Православную церковь. К 1960 году известия о восстановлении и реконструкции церквей прекратились. Тираж «Вестника Московской патриархии» «заморожен» на 15 тысяч экземпляров. Число монастырей сократилось с 90 в середине 50-х годов до 17—18 к середине 60-х; церквей соответственно — с 20—25 тысяч до менее чем 8 тысяч.

8

1796: рождение императора Николая Павловича. «Сегодня в три часа утра мамаша (великая княгиня Мария Федоровна) родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, и руки немного менее моих. В жизнь мою первый раз вижу такого рыцаря», — писала царственная бабка Екатерина II о рождении третьего внука.

9

1383: явление иконы Богородицы Тихвинской.

1718: кончина царевича Алексея Петровича. Он умер в крепости перед казнью. Царевич не забыл о матери вопреки воле отца. Не желал жениться на иноземке, не переходившей в православие. Однажды он выстрелил по правой ладони в страхе, что не сдаст отцу экзамен по черчению. На предложение Петра I поступить в монахи согласился и все-таки бежал за границу, страдая при виде страшных нововведений. Смертный приговор изрекли светские судьи во главе с крупнейшим вором Меньшиковым, в числе 120 человек.

1770: Чесменская баталия. В лунную ночь русские брандеры подошли к турецкой эскадре, укрывшейся в Чесменской бухте.

Лейтенант Ильин зажег первый корабль и благополучно отплыл на шлюпке. Раздался взрыв — и вскоре запылал весь турецкий флот из 70 судов. К утру его не существовало. А война началась тем, что в самом начале 1769 года крымские татары 70-тысячным войском вторглись в южные русские области, пожгли селения и опустошили весь край. Более 2000 пленных они увели с собой. Это было последнее нашествие татар на русские земли. Турецкий султан, подстрекаемый Францией, первым объявил войну России.

10

1953: Арест Берии Г. К. Жуковым.

11

1353: память преподобных Сергия и Германа Валаамских. В этот день бывала ярмарка при Валаамском монастыре, на которую съезжались торговцы из разных мест по случаю великого стечения народа.
1762: переворот в пользу Екатерины II.

12

Ок. 67: праздник св. апостолов Петра и Павла.

13

1290: преподобного Петра, царевича Ордынского (Ростовского).
1854: не приходя в сознание, скончался смертельно раненный на Малаховом кургане адмирал П. С. Нахимов. В 6 часов вечера 1 июля неприятель во время похорон адмирала прекратил стрельбу. Нахимова опустили в могилу в храме св. Владимира. Матросы рыдая бросали горсти земли и крестясь расходились.

14

284: св. бессребреников Косьмы и Дамиана, в Риме пострадавших.

15

1566: окончание Земского собора в Москве по поводу Ливонских дел. Отклонение предложения о перемирии с Литвой.
1831: родился Александр Федорович Гильфердинг, выдающийся славист; прибывший в Россию в начале XVIII века из Германии пращур его совершенно обрусел к концу жизни. Гильфердингом изданы капитальные труды «Онежские былины», «Древнейшая история славян».

16

1652: перенесение мощей св. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси.
1743: родился Гавриил Романович Державин, поэт и государственный деятель.

17

1174: убиение св. благоверного князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Великий князь Владимирский, сын Юрия Владимировича Долгорукого, был убит в селе своем Боголюбском заговорщиками. Зачинщиками злодеяния, по летописи, были принятые на службу новокрещенные иноземцы Анбал и Ефрем Моизич, всех же заговорщиков было числом двадцать человек. Озеро, где они были утоплены разгневанным народом, называется Окаянным.
Память Андрея Рублева (1360 — 1-я половина XV в.), постника и аскета, известного иконописца, создателя многих икон, ныне прославленных по всему миру, всегда почитавшегося в Троице-Сергиевой лавре месточтимым святым и причисленного к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания на поместном соборе Русской Православной церкви, посвященном 1000-летию крещения Руси, в июне 1988 года.
1918: в ночь на 17 июля совершилось Екатеринбургское злодеяние — расправа с Царской Семьей и близкими ей людьми в подвале дома Ипатьева, снесенного в 1977 году. На стене подвала оставалась каббалистическая надпись, полное значение которой следующее: «ЗДЕСЬ ПО ПРИКАЗУ ТАЙНЫХ СИЛ ЦАРЬ БЫЛ ПРИНЕСЕН В ЖЕРТВУ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА. О СЕМ ИЗВЕЩАЮТСЯ ВСЕ НАРОДЫ».

18

1422: обретение мощей преподобного Сергия Радонежского.
1708: поражение булавинцев под Азовом. Самоубийство Булавина.
1877: взятие Шипки русскими войсками.

19

1786: родилась Анна Петровна Зонтаг, урожденная Юшкова, друг В. В. Жуковского, известная детская писательница. После смерти мужа, горячо ею любимого, она по совету П. А. Плетнева в 1841 году начала писать биографии из всех веков и народов для чтения детского. Ею написано более 20 книг.

20

1667: из Москвы отправилось посольство Петра Ивановича Потемкина (1617—1700) в Испанию и Францию. Потемкин командовал войсками во время русско-польской войны 1654—1655 годов. Во Франции посланники были дважды приняты Людовиком XIV, вели переговоры с французским политическим деятелем Кольбером, осмотрели окрестности Парижа, Тюильри, посетили театр Мольера. В результате укрепились русско-французские торговые связи, в 1669 году основана Северная компания для торговли с Россией и Скандинавскими странами.

21

1579: Казанская. Явление иконы Богородицы во граде Казани.

23

1073: кончина преподобного Антония Печерского, основателя монашеского жития в России. Соборы во имя его — в Белгороде Курской губернии и Василькове Киевской.

24

969: преставление блаженной равноапостольской Ольги, великой княгини Российской, во святом крещении Елены.

25

983: св. мученика Феодора Варяга и сына его Иоанна, в Киеве убиенных.

Великий князь Владимир по случаю победы над хорватами и ятвагами приносил жертвы богам. Старшины сказали: «Бросим жребий на отрока и девицу; на кого падет, того принесем в жертву богам». Жребий пал на юного Иоанна, сына варяга христианина Феодора. Отец не хотел выдать сына, и сбежавшиеся язычники умертвили обоих. Мощи Иоанна почивают в Антониевой пещере; к нему прибегают с молитвою о чадородии не имеющие детей.

27

1708: казнен невинный Василий Леонтьевич Кочубей, обличитель Мазепы. Повешен Мазепой вместе с полковником Искрой. Прах их покоится в ограде Киево-Печерской лавры. Рядом в 1911 был похоронен Петр Аркадьевич Столыпин.

1789: родился Михаил Николаевич Загоскин, действительный статский советник, директор московских театров и московской Оружейной палаты, писатель-романист. Умер в 1852 году.

1864: положение о начальных народных училищах.

28

1015: кончина св. равноапостольного великого князя Владимира, нареченного во святом крещении Василием. Главная черта деятельности Владимира состоит в защите Русской земли, в постоянной борьбе со степными варварами. Князь сей не был князем воинственным, не отличался удалью, не был охотником до проявления дикой силы. Но имел широкую душу, в летах зрелых под влиянием веры Христовой сделавшую его «Красным Солнышком» для народа. Тело его, положенное в Десятинной церкви, привлекло множество народа, который плакал о великом князе как о заступнике своем. Похоронен был св. Владимир в мраморном гробу.

1240: князь Александр Ярославич поражает шведов на Неве и отнимает тем охоту навязать русским католичество. Александр впоследствии получил название Невского и прославлен Православною церковью.

В 1710 году Петр I указал строить монастырь над Невой при устье Черной речки во имя живоначальной Троицы и в честь Александра Невского, бывшего всегда оберегателем здешних мест от вторжений шведских.

1410: победа литовско-русского и польского войска над Тевтонским орденом при Грюнвальде. На территории ордена, в неудобной лесистой болотистой местности, завязалась жестокая сеча. Литовцы, теснимые неприятелем, стали отступать, и польско-литовская армия обратилась в бегство. На месте остались только три смоленских полка. Один был полностью изрублен. Два других выдержали бешеную атаку рыцарей и соединилось с основным ядром войска. Только благодаря стойкости смолян князь литовский Витовт не был разбит. Сражение возобновилось с новой силой, и к вечеру союзникам удалось совершенно разгромить орден.

1814: открытие Казанского университета.

1841: дуэль и смерть М. Ю. Лермонтова.

29

1784: в Москве родился Денис Васильевич Давыдов, воин, поэт, историк. Изучал историю всех войн — древних и новейших. Написал историю партизанского движения 1812 года, которую и сам творил. Его отряд захватил даже походную кровать Наполеона. В 1826 году Давыдов принимает участие в войне с Персией на Кавказе, затем — в боевых действиях в Польше (6 апреля 1830 года взял Владимир-Волынский). Умер 23 апреля 1839 года.

30

1899: завершилась Гаагская мирная конференция, созванная по почину русского царя (началась 6 мая). Предложенная Николаем II идея разоружения и замораживания военных расходов не нашла поддержки.

В мирное время численность русской армии составляла 946 тысяч человек (0,84 процента населения). Это была наименьшая относительная цифра среди европейских стран, исключая Англию (0,62 процента). Наибольшая относительная численность войск была у Франции (1,31 процент) и Германии (1,08). На душу населения военные расходы России составляли в 1897 году — 2,5 рубля, Австро-Венгрии — 3,81; Англии — 5,76; Бельгии — 2,79; Германии — 5,57; Голландии — 3,57; Италии — 2,91; Норвегии — 3,65; Франции — 5,76; и даже в Швейцарии — 4,13 рубля.

31

1160: преподобного Иоанна Многострадального, затворника Печерского.

1696: Петр I взял Азов.

Русское население существовало здесь и в окрестностях, вероятно, со времен князя Владимира, утвердившего свою власть в Тмутаракани. Хотя владычество русских князей прекратилось тут к концу XI века, но еще в середине XIII века здесь находилось много русских. К концу XV столетия из них образовались азовские казаки, лет через сто присоединившиеся к донским.

Составил Игорь ДЬЯКОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации. Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Художественный редактор Ю. Киселев

Техничесиий редактор Н. Строева

Сдано в набор 15.05.91. Подп. в печ. 18.06.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,9.
Тираж 405 000 экз. Заказ 2087. Цена 3 руб. (по подписке 1 руб. 25 коп.).

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничении, но не забудьте ее оформить до 1 числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена на «Молодую гвардию» на год — 24 руб.; на полугодие — 12 руб.; на три месяца — 6 руб.; на один месяц — 2 руб.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов

на 19___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ________ (почтовый индекс) ________ (адрес)

Кому ________ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стоимость	подписки	___руб.___коп	Количество комплектов
	переадресовки	___руб.___коп.	

на 19___ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ________ (почтовый индекс) ________ (адрес)

Кому ________ (фамилия, инициалы)

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Июль в народе называют макушкой лета. Щедро раскрывает он свои кладовые перед сборщиками. В этом месяце идут активные заготовки всех целебных лекарственных растений.

В июле продолжается сбор трав и цветов и среди них особо ценных, таких, как цветы липы, ромашки, травы зверобоя, горицвета, золототысячника, крапивы, пастушьей сумки, листа подорожника и других растений. Недаром в народе говорится: «Все, что летом родится,— зимой пригодится». Юным сборщикам, пионерам и школьникам, придется много потрудиться в свой летний отпуск, чтобы собрать много лекарственных растений.

В июле следует начинать сбор ягод малины, цветов пижмы, листа трифоли, травы багульника. И конечно же, в этом месяце начинается сбор грибов, среди которых выделяется знаменитый белый гриб. Растет он группами и одиночно в старых несомкнутых березняках, а также в хвойных, лиственных и смешанных лесах.

Желаем вам успехов в сборе лекарственных трав, ягод и грибов и сдаче их на пункты потребительской кооперации.

Управление закупок продуктов
растениеводства и лубтехсырья Центросоюза